

Т. 8, № 1 • 2023

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Серия Общество. История.
Современность

OMSK SCIENTIFIC BULLETIN

Series Society. History.
Modernity

ИСТОРИЯ HISTORY

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

ЭКОНОМИКА ECONOMY

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Серия
«Общество. История.
Современность»

Издается с июля 2016 г.
Выходит 4 раза в год

Том 8 № 1 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Омский государственный
технический университет»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ55-00555 от 29.03.2017 г.
выдано Управлением Роскомнадзора
по Омской области

Сайт журнала:
<https://journals.omgtu.ru>

Страница журнала
на сайте учредителя:
[http://www.omgtu.ru/
general_information/
media_omgtu/
journal_of_omsk_research_journal/](http://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_omsk_research_journal/)

Подписной индекс
в каталоге Роспечать 80638

Ответственный секретарь
М. Ф. Федорчук

Редактор
Т. П. Сёмина

Компьютерная верстка
О. Н. Чирун

Макет обложки
Н. С. Плотникова

© Редакция журнала
«Омский научный вестник»
Серия «Общество. История.
Современность»,
ОмГТУ

Подписано в печать 16.02.2023 г.
Дата выхода в свет 28.02.2023 г.

Формат 60x84 1/8.
16,97 усл. печ. л.
Бумага офсетная.

Отпечатано на дупликаторе
отдела научной информации ОмГТУ

Тираж 500 экз.
(1-й завод 1–100).
Заказ 14
Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Нехаев Андрей Викторович (главный редактор),
доктор философских наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Сушко Алексей Владимирович (заместитель главного редактора),
доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Бернацкий Владилен Осипович,
доктор философских наук, профессор,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Борисов Евгений Васильевич,
доктор философских наук, доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия

Владимирски Ирена,
доктор исторических наук, профессор,
Академический колледж Ахва, Беэр Тувия, Израиль

Гагкуев Руслан Григорьевич,
доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН, Москва, Россия

Гончаренко Марк Васильевич,
доктор философских наук, доцент,
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет, Томск, Россия

Дидикин Антон Борисович,
доктор философских наук, кандидат юридических наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия

Калинина Ольга Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Ковалев Василий Александрович,
доктор экономических наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Кротова Мария Владимировна,
доктор исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Кулинок Святослав Валентинович,
кандидат исторических наук,
Национальный архив Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Ладов Всеволод Адольфович,
доктор философских наук, доцент,
Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия

Мартишина Наталья Ивановна,
доктор философских наук, профессор,
Сибирский государственный университет
путей сообщения, Новосибирск, Россия

Мячин Юрий Васильевич,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Новиков Сергей Валентинович,
доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина, Омск, Россия

Петин Дмитрий Игоревич,
кандидат исторических наук, доцент
Исторический архив Омской области, Омск, Россия

Пученков Александр Сергеевич,
доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Растова Юлия Ивановна,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Федотова Марина Геннадьевна,
доктор философских наук,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Фоменков Артем Александрович,
доктор исторических наук,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Харченко Лариса Павловна,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Шевцов Вячеслав Вениаминович,
доктор исторических наук, доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия

Яковлева Елена Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

OMSK SCIENTIFIC BULLETIN

Series
«Society. History.
Modernity»

Published Since July 2016
4 Times per Year

Volume 8 No. 1 2023

FOUNDER

Federal State
Autonomous Educational Institution
of Higher Education
«Omsk State Technical University»

Mass Media Registration Certificate
ПМ № TY55-00555 from 29.03.2017
issued by the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media,
Omsk region

Journal Website:
<https://journals.omgtu.ru>

Journal Page on Founder's Website:
[http://www.omgtu.ru/
general_information/media_omgtu/
journal_of_omsk_research_journal/](http://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_omsk_research_journal/)

Subscription Index
in Federal Agency on Press and Mass
Communications Catalog 80638

Executive Secretary
M. F. Fedorchuk

Editor
T. P. Semina

Computer Page-Proofs
O. N. Chirun

Cover Layout
N. S. Plotnikova

© Editorial Board of
«Omsk Scientific Bulletin»
Series «Society. History.
Modernity», OmSTU

Signed in Print 16.02.2023
Date of Publication 28.02.2023

Format 60x84 1/8. Conventional
Printed Sheets 16,97. Offset Paper.

Printed on a Duplicator
at Scientific Publishing Office,
Omsk State Technical University

Circulation 500 Copies.
(The 1st Printing Factory 1–100).
Order 14
Open Price

EDITORIAL STAFF

Nekhaev Andrei Viktorovich (Chief Editor),
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Sushko Aleksey Vladimirovich (Deputy Chief Editor),
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Bernatsky Vladilen Osipovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Borisov Evgenii Vasilievich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Vladimirsky Irena,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Achva Academic College, Beer Tuvia, Israel

Gagkuev Ruslan Grigorievich,
Doctor of Historical Sciences,
Institute of Russian History of RAS, Moscow, Russia

Goncharenko Mark Vasilievich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

Didikin Anton Borisovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Law,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Kalinina Olga Vladimirovna,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Kovalev Vasilii Aleksandrovich,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Krotova Mariia Vladimirovna,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Kulinok Svyatoslav Valentinovich,
Candidate of Historical Sciences,
The National Archives of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Ladov Vsevolod Adolfovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk Scientific Center of SB RAS, Tomsk, Russia

Martishina Natalia Ivanovna,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia

Myachin Yuriy Vasilievich,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Novikov Sergey Valentinovich,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, Russia

Petin Dmitry Igorevich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Historical Archive of Omsk Region, Omsk, Russia

Puchenkov Aleksandr Sergeevich,
Doctor of Historical Sciences,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Rastova Yuliya Ivanovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Fedotova Marina Gennadjevna,
Doctor of Philosophical Sciences,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Fomenkov Artem Aleksandrovich,
Doctor of Historical Sciences,
Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia

Kharchenko Larisa Pavlovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Shevtsov Vyacheslav Veniaminovich,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Yakovleva Elena Vladimirovna,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

А. В. Жадан. Деятельность территориальных органов НКВД Дальнего Востока по обеспечению безопасности дорожного движения в 1941 – 1945 гг.	9
В. А. Иванов. Борьба Сакской подпольной организации с нацистскими оккупантами. 1942 – 1944 гг.	16
В. В. Калиновский. «Вспомним всех поименно»: размышляя над мартирологом жертв Гражданской войны в Омском регионе	26
Е. В. Лешукова. Агитационно-пропагандистская работа и борьба с пораженческими настроениями в Ханты-Мансийском национальном округе на начальном этапе Великой Отечественной войны	32
М. С. Новиков. Отношение Народно-трудового союза российских солидаристов и его дочерних организаций к национально-административному строительству в 1987 – 1998 гг.	40
А. В. Чичулин. Проблемные вопросы эволюции дореволюционного кооперативного законодательства в России	49

Круглый стол

Д. И. Петин. Генеалогия омского рода Батюшкиных первой половины XIX в. по церковным актовым записям	58
М. М. Стельмак. «Заведомо хранила, с целью распространения, 44 экземпляра прокламаций...»: к биографии омской революционерки Надежды Тереховой (Белоноговой)	65
И. В. Федотова. Трудности и достижения: становление Сибирского управления военных учебных заведений РККА (1919 – 1920 гг.)	73

NOTA BENE

А. В. Сушко. Региональное измерение истории органов ГПУ – ОГПУ: к анализу монографии А. Б. Гуляряна и А. Ю. Сарана	83
Д. А. Бажанов. На заре Белого движения (о монографии А. С. Пученкова «Первый год Добровольческой армии: от возникновения "Алексеевской организации" до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года)»)	90

ФИЛОСОФИЯ

О. А. Козырева. Зачем нужны индексикалы в коммуникации?	96
Т. С. Дёмин, К. Г. Фролов. Знание-что, знание-как, сознание и искусственный интеллект	102
А. М. Кардаш. Эпистемология сначала-знания и релейабилитизм добродетелей Кристофа Келпа	110
П. В. Ополе. Энактивизм как эпистемология наук о сложном	118

ПРОВОКАЦИИ

К. МакГинн. Эгоистичные гены и моральные паразиты = McGinn C. Selfish Genes and Moral Parasites/ пер. с англ. А. В. Нехаева	127
--	-----

ЭКОНОМИКА

А. Р. Терентьева. Апробация механизма экономической надежности на примере промышленного предприятия	136
--	-----

Требования к оформлению научных статей, направляемых в журнал «Омский научный вестник». Серия «Общество. История. Современность»	5
---	---

CONTENTS

HISTORY

A. V. Zhadan. Activities of territorial bodies of the NKVD in Far East providing road safety in 1941 – 1945	9
V. A. Ivanov. The struggle of the Saki underground organization against the Nazi occupiers. 1942 – 1944	16
V. V. Kalinovsky. «Let's remember everyone by name»: reflecting on the martyrology of the victims of Civil War in Omsk region	26
E. V. Leshukova. Agitation and propaganda work and fight against defeatist sentiments in Khanty-Mansiysk National District at initial stage of the Great Patriotic War	32
M. S. Novikov. The attitude of the People's Labor Union of Russian Solidarists and its subsidiaries to national administrative construction in 1987 – 1998	40
A. V. Chichulin. Problematic issues of the evolution of pre-revolutionary cooperative legislation in Russia	49

Round table

D. I. Petin. Genealogy of the Omsk Batyushkins family in first half of the 19th century according to church records	58
M. M. Stelmak. «Kept to distribute 44 copies of proclamations...»: about the biography of Omsk revolutionary Nadezhda Terekhova (Belonogova)	65
I. V. Fedotova. Difficulties and Achievements: formation of Siberian Directorate of Military Educational Institutions of the Red Army (1919 – 1920)	73

NOTA BENE

A. V. Sushko. Regional Dimension of history of Organs of GPU-OGPU: to the analysis of monograph by A. B. Gularyan and A. Yu. Sarana	83
D. A. Bazhanov. At the dawn of the White Movement (about A. S. Puchenkova's monograph «The first year of the Volunteer Army: from the emergence of the "Alekseevskaya Organization" to the formation of the Armed Forces in the South of Russia (November 1917 – December 1918)»)	90

PHILOSOPHY

O. A. Kozyreva. Why do we need indexicals in communication?	96
T. S. Demin, K. G. Frolov. Knowledge-that, Knowledge-how, consciousness and artificial intelligence	102
A. M. Kardash. A knowledge first virtue reliabilism of Christoph Kelp	110
P. V. Opolev. Enactivism as an epistemology for science of complexity	118

PROVOCATION

C. McGinn. Selfish Genes and Moral Parasites / trans. from Engl. A. V. Nekhaev	127
---	-----

ECONOMY

A. R. Terentyeva. Approbation of the mechanism of economic reliability on the example of an industrial enterprise	136
--	-----

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

О содержании. Статья должна содержать только оригинальный материал, отражающий результаты исследования автора (авторов), не опубликованный ранее и не направленный для рассмотрения в другие издания.

О рассмотрении поступивших материалов. На первом этапе все научные статьи проходят обязательную проверку на наличие заимствований. Материалы, содержащие менее 70 % уникального текста и не соответствующие действующим требованиям оформления статей, возвращаются автору (авторам). Статьи, прошедшие проверку на уникальность текста и соответствие тематике научных направлений журнала, редакция направляет на рецензирование. Высказанные замечания передаются автору (авторам). После доработки материалы вновь рассматривают рецензенты, после чего принимается решение о направлении в печать.

Об оформлении. Статью необходимо набрать в текстовом редакторе Word (с расширением *.doc или *.docx) (шрифт — Times New Roman Cyr 14 пт, абзацный отступ — 0,5 см, межстрочный интервал — полуторный, **без переносов в словах**). Распечатать на бумаге форматом А4 (210×297 мм). Оригинал должен быть чистым, не согнутым, без ручных правок. Страницы должны быть пронумерованы карандашом на обороте. Объем статьи — **10–15** страниц, включая рисунки и таблицы (без учета аннотации, ключевых слов, библиографического списка и сведений об авторах); при этом собственно текст — не менее 6–7 страниц.

Поля: сверху и снизу — по 2,5 см; слева и справа — по 2 см.

Заголовок. В верхнем левом углу листа проставляется УДК. Далее, по центру, печатается название статьи (**прописная буква только первая**). В названии статьи нельзя использовать аббревиатуры. Ниже — инициалы, фамилия автора (авторов), строкой ниже — полное название организации, через запятую — город.

Ниже через строку помещаются текст аннотации и ключевые слова на русском языке.

Аннотация должна отражать основную тему статьи, её актуальность, цель и задачи исследования, а также его результаты. В аннотации автор (авторы) указывает, что нового несет в себе данная работа в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению. Рекомендуемый средний объем аннотации — от 500 печатных знаков.

Ключевые слова — 6–8 слов/словосочетаний, которые должны отражать специфику темы, субъект и результаты исследования. Следует избегать слов/словосочетаний общего характера. При подборе ключевых слов рекомендуется использовать термины и словосочетания, используемые в исследуемых областях.

Далее через строку помещают основной текст статьи.

Текст статьи должен быть структурирован. Рекомендуемые разделы: «Введение», «Цель исследования», «Основная часть», «Выводы» и/или «Заключение».

Если в тексте есть **примечания**, то после основного текста, перед библиографическим списком, набирается по центру заголовок «Примечания» и через строку помещаются тексты примечаний, пронумерованные числом в виде верхнего индекса (например, ¹) в порядке ссылок по тексту. **Ссылка на примечание** в основном тексте оформляется числом в виде верхнего индекса с полужирным начертанием (например, ... модели¹). Автоматическая нумерация примечаний не допускается.

Формулы. Простые внутристрочные и однострочные формулы, не содержащие специальных символов (отсутствующих на клавиатуре), должны быть набраны символами с клавиатуры без использования специальных редакторов. Одиночные специальные символы, отсутствующие на клавиатуре, формулы, содержащие специальные символы, отсутствующие на клавиатуре, а также сложные и многострочные формулы должны быть целиком набраны в редакторе формул **Microsoft Equation 3.0** или **MathType**. Не допускается набор части формулы символами, а части — в редакторе формул. Если в тексте статьи формулы нумеруются, то эту нумерацию следует выполнять набором чисел. Автоматическая нумерация не допускается.

В тексте статьи должны содержаться ссылки на источники информации (не менее 10–15 источников):

— обязательное цитирование современных работ (оценивается доля цитируемых публикаций, изданных по тематике статьи за последние 5 лет);

— наличие баланса между ссылками на отечественные и иностранные публикации (показывает, насколько автор (авторы) рукописи владеют современным состоянием проблемы в России и за рубежом);

— доля ссылок на статьи автора (авторов), изданных ранее, не должна превышать 20 % от общего количества ссылок.

В научных обзорах количество ссылок на источники информации должно быть не менее 25.

Ссылки на источники информации нумеруются последовательно, по мере упоминания в тексте, и обозначаются числами, заключенными в квадратные скобки (например, [1]). Если ссылка на источник информации в статье упоминается неоднократно, то повторно в квадратных скобках указывается его номер из списка (без использования в библиографическом списке следующего порядкового номера и ссылки «Там же»). В случае, когда ссылаются на различные материалы из одного источника, в квадратных скобках указывают каждый раз еще и номер страницы, например, [1, с. 17] или [1, с. 28–29].

Библиографический список. В тексте должны содержаться ссылки на источники информации. Ниже основного текста (или текстов примечаний) печатается по центру заголовок «Библиографический список» и через строку помещается пронумерованный перечень источников в порядке ссылок по тексту в соответствии с действующими требованиями редакции к библиографическому описанию. В одном пункте перечня следует указывать только один источник информации.

Таблицы помещаются на новой странице после библиографического списка. Нумерация таблиц производится в порядке ссылок по тексту. Нумерационный заголовок таблицы набирается шрифтом с полужирным начертанием с выравниванием по правому краю (например, **Таблица 1**). Тематический заголовок (если имеется) набирается на следующей строке шрифтом с полужирным начертанием с выравниванием по центру. Ссылка на таблицу в основном тексте оформляется шрифтом с полужирным начертанием в скобках — например, (**табл. 1**). Если таблица имеет большой объем, она может быть помещена на отдельной странице, а в том случае, когда она имеет значительную ширину, — на странице с альбомной ориентацией.

Рисунки последовательно размещаются на новой странице после таблиц (или библиографического списка). Нумерация рисунков производится в порядке ссылок по тексту. Нумерационный заголовок набирается шрифтом с полужирным начертанием с выравниванием по центру (например, **Рис. 1**). Тематический заголовок (если имеет-

ся) — в той же строке сразу после нумерационного (например, **Рис. 1. Зависимость...**). Ссылка на рисунок в основном тексте оформляется шрифтом с полужирным начертанием в скобках — например, **(рис. 1)**. Если рисунок имеет большой формат, он должен быть помещен на отдельной странице, а в том случае, когда он имеет значительную ширину, — на странице с альбомной ориентацией. Рисунки могут быть сканированными с оригинала (с разрешением 150–300 dpi) или выполнены средствами компьютерной графики и сохранены в форматах JPEG, TIFF, BMP, PSD. Объем файла рисунка не должен превышать **3 Мб**. Использование графики в формате MS Visio, различных CAD и других программ не допускается. Рисунки должны быть четкими. Все позиции на рисунке должны быть расшифрованы и описаны. Легенда рисунка должна быть легко читаемой, шрифт не менее 8–9 пт. Название рисунка ставится непосредственно под рисунком и не должно включаться в формат рисунка.

Допускается не более **восьми** рисунков и таблиц.

На последней странице указать следующие **сведения об авторе (авторах)**: фамилию, имя, отчество; ученую степень, ученое звание, должность, место работы, номер телефона (не публикуется); адрес для переписки; для иногородних авторов — почтовый адрес, на который отправляется журнал в случае публикации их статьи; SPIN-код, AuthorID (РИНЦ), ORCID, AuthorID (SCOPUS), ResearcherID.

На отдельной странице размещается **англоязычная часть статьи**.

В верхнем левом углу листа **на английском языке** проставляется UDC (УДК). Далее, по центру, печатается название статьи (**прописная буква только первая**) на английском языке.

Ниже на английском языке — инициалы, фамилия автора (авторов), строкой ниже — полное название организации, далее через запятую — город, страна.

Строкой ниже — **аннотация и ключевые слова**.

Аннотация должна быть информативной, отражать основное содержание статьи и результаты исследования. Объем 150–250 слов. Не должна быть дословным переводом русской версии.

Keywords (Ключевые слова) располагают под аннотацией — 6–8 слов/словосочетаний. Должны отражать специфику темы, субъект и результаты исследования.

Следует избегать слов/словосочетаний общего характера. При подборе ключевых слов рекомендуется использовать термины и словосочетания, используемые в исследуемых областях.

Строкой ниже размещаются, если есть, **Acknowledgments** (Благодарности).

Строкой ниже размещается **Список источников** на латинице, называемый **References** (применяется для описания только русскоязычных источников. Источники на иностранных языках указываются в соответствии с действующими требованиями редакции к библиографическому описанию).

Схема описания в References:

1. Авторы (Фамилия И. О.) — транслитерация.
2. Название статьи — транслитерация.
3. Название статьи на английском языке в **квадратных скобках**.
4. Название издания — транслитерация.
5. Название издания на английском языке.
6. Выходные данные: место издания, год, номер, страницы — на английском языке.
7. В конце ссылки в круглых скобках указать на английском языке язык оригинала источника, например, (In Russ.).

После **References** размещаются следующие **сведения об авторе (авторах) на английском языке**: фамилия, имя, отчество (транслитерация); ученая степень, ученое звание, должность; адрес для переписки; SPIN-код, AuthorID (РИНЦ), ORCID, AuthorID (SCOPUS), ResearcherID.

Для транслитерации использовать стандарт **BGN (United States Board on Geographic Names)**.

<http://www.translitteration.com/translitteration/en/russian/bgn-pcgn/>

В редакцию необходимо предоставить распечатанный вариант статьи (с личной подписью автора (авторов)) и электронную версию на любом из носителей или отправить по e-mail: **onv@omgtu.ru**.

Распечатанный вариант статьи, оригинал экспертного заключения о возможности открытого опубликования отправить по адресу: **644050, г. Омск, пр. Мира, 11, ОмГТУ, редакция журнала «Омский научный вестник»**.

Тел. 8 (3812) 65-32-08, e-mail: **onv@omgtu.ru**.

СТАНДАРТ BGN (UNITED STATES BOARD ON GEOGRAPHIC NAMES)

<http://www.translitteration.com/translitteration/en/russian/bgn-pcgn/>

А	Б	В	Г	Д	Е	Ё	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я
A	B	V	G	D	E, YE	E, YE	ZH	Z	I	Y	K	L	M	N	O	P	R	S	T	U	F	KH	TS	CH	SH	SHCH	"	Y	'	E	YU	YA

SCIENTIFIC ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES

About the content. The article should contain only original material reflecting the results of the author's research not previously published and not submitted to other publications.

On consideration of the submitted materials. At the first stage all scientific articles undergo mandatory testing for borrowings. Articles containing less than 70% of the unique text and violating publishing requirements are returned to the author (authors). Articles that have passed the verification of the uniqueness of the text and following the journal profile are sent for reviewing. The comments are transmitted to the author (authors). After the finalization, the reviewers analyze the materials again, after which the decision for publication is made.

Article format. The article should be typed in a text editor Word (with the extension *.doc or *.docx) (font — Times New Roman Cyr 14 pt, indentation — 0,5 cm, line spacing — one and a half **without hyphenation in words**). Print on paper in A4 format (210×297 mm). Pages should be numbered with a pencil on the back. The volume of the article is 10–15 pages, including figures and tables (excluding annotations, keywords, bibliographic list and information about authors); the text of the article should be at least 6–7 pages.

Margins: from above and from below — on 2,5 cm; left and right — 2 cm.

Header. In the upper left corner of the sheet the UDC is placed. Further, in the center, the title of the article is printed (**the capital letter is only the first**). The title of the article can not be abbreviated. Below there are initials, the author's (authors') surname, the line below — the full name of the organization, through the comma — the city.

Below the line the text of the annotation and keywords in Russian are placed.

The **abstract** should reflect the main topic of the article, its relevance, purpose and objectives, as well as its results. In the annotation, the author (authors) indicates that the work is new in comparison with others related to the topic and purpose. The recommended average annotation volume is over 500 characters.

Keywords — 6–8 words/phrases, which should reflect the specifics of the topic, the subject and the results of the research. It is necessary to avoid common words and phrases. When selecting keywords, it is recommended to use terms and phrases used in the areas researched.

Next, the main text of the article is placed through the line.

The text of the article should be structured. Recommended sections: «Introduction», «Purpose of the research», «Highlights», «Conclusion».

If there are **notes** in the text, after the main text, before the bibliographic list, the title «Notes» is typed in the center and the text of the notes, numbered in the form of an upper index (for example, ¹) in the order of the references in the text, is placed through the line. **The reference to the note** in the main text is bolded with a number in the form of an upper index (for example, ... models¹). Automatic numbering of the notes is not allowed.

Formulas. Simple inline and single-line formulas that do not contain special characters (absent on the keyboard) must be typed with symbols from the keyboard without using special editors. Single special characters that are not present on the keyboard, formulas containing special characters that are not on the keyboard, and complex and multi-line formulas must be typed entirely in the **Microsoft Equation 3.0** or **MathType** formula editor. It is not allowed to type part

of the formula with symbols, and parts in the formula editor. If in the text of the article the formulas are numbered, then this numbering should be performed by a set of numbers. Automatic numbering is not allowed.

The text of the article should contain references to information sources (at least 10–15 sources):

— obligatory citation of modern works (the share of quoted publications published on the subject of the article is estimated over the past 5 years);

— the existence of a balance between references to domestic and foreign publications (shows how much the author (authors) of the manuscript know the current state of the problem in Russia and abroad);

— the share of links to the articles of the author (authors) published earlier should not exceed 20 % of the total number of references.

References to information sources are numbered sequentially, as far as they are mentioned in the text, and are denoted by numbers enclosed in square brackets (for example, [1]). If the reference to the source of information in the article is mentioned repeatedly, then its number from the list is repeated in square brackets (without using the next sequence number and the link «Ibid» in the bibliographic list). In the case when they refer to different materials from the same source, the page number is also indicated in square brackets each time, for example, [1, p. 17] or [1, p. 28–29].

References. The text should contain links to information sources. Below the main text (or texts of notes), the title «References» is printed in the center and a numbered source list is placed through the line in the order of the text references in accordance with the current editorial requirements for the bibliographic description. In one point of the list, only one source of information should be indicated.

Tables are placed on a new page after the references list. The numbering of tables is made in the order of the references in the text. The table numbering is typed in bold with right alignment (for example, **Table 1**). The table heading (if available) is typed on the next line in bold type with center alignment. The reference to the table in the main text is made in bold in parentheses — for example, (**Table 1**). If the table has a large volume, it can be placed on a separate page, and in case it has a significant width, on a page with a landscape orientation.

Figures are sequentially placed on a new page after the tables (or references). The numbering of figures is made in the order of the links in the text. The numbering header is typed in bold with a centered alignment (for example, **Fig. 1**). The thematic title (if any) is in the same line immediately after the numbering (for example, **Fig. 1. Dependency...**). The link to the figure in the main text is bold in parentheses — for example, (**Fig. 1**). If the figure is large, it should be placed on a separate page, and in case it has a significant width, on a page with a landscape orientation. Figures can be scanned from the original (with a resolution of 150–300 dpi) or executed by means of computer graphics and saved in the formats JPEG, TIFF, BMP, PSD. The file size of the figure should not exceed **3 MB**. The use of graphics in MS Visio format, various CAD and other programs is not allowed. Figures should be clear. All positions in the figure must be decoded and described. The legend of the figure should be easy to read, the font is not less than 8–9 pt. The name of the figure is placed directly under the figure and should not be included in the format of the figure.

No more than **eight** figures and tables are allowed.

On the last page indicate the following **information about the author (authors)**: surname, name, patronymic; academic

degree, academic title, position, place of work, telephone number (not published); address for correspondence; SPIN-code, AuthorID (RSCI), ORCID, AuthorID (SCOPUS), ResearcherID.

A separate page contains the English-language part of the article.

In the upper left corner of the sheet **in English**, the UDC is affixed. Further, in the center, the title of the article is printed (**the capital letter is only the first**) in English.

Below in English — initials, author (authors) surname, the line below — the full name of the organization, followed by a comma — country, city, street name, house number, postcode.

The line below is an **Abstract** and **Keywords**.

The **Abstract** should be informative, reflect the main content of the article and the results of the research. The volume is 150–250 words. It should not be a literal translation of the Russian version.

Keywords are placed under the annotation — 6–8 words/phrases, which should reflect the specifics of the topic, the subject and the results of the research. It is necessary to avoid common words and phrases. When selecting keywords, it is recommended to use terms and phrases used in the areas researched.

The line below is, if any, **Acknowledgments**.

The line below is the **List of Sources** in Latin, called **References**.

Description of References:

1. Authors (Surname, Name, Second Name) — transliteration.
2. The title of the article is transliteration.
3. The title of the article in English in square brackets.
4. The title of the publication is transliteration.
5. Name of the publication in English.
6. Imprint: place of publication, year, number, pages — in English.
7. At the end of the link in parentheses, indicate the source language in English, for example, (In Russ.).

After **References** the following **information about the author (authors) in English** is placed: surname, name, patronymic (transliteration); academic degree, academic title, position; address for correspondence.

For transliteration use the standard **BGN (United States Board on Geographic Names)** <http://www.transliteration.com/transliteration/en/russian/bgn-pcgn/>

It is necessary to submit a printed version of the article (with a personal signature of the author (authors)) and an electronic version of the article (send by e-mail: **onv@omgtu.ru**), the original expert conclusion on the possibility of open publication and author agreement.

Address: **644050, Omsk, Mira Ave., 11, Building 6, Office 424, OmSTU, the Editorial Board of the journal Omsk Scientific Bulletin.**

Tel. +7 (3812) 65-32-08, e-mail: **onv@omgtu.ru**

THE STANDARD BGN (UNITED STATES BOARD ON GEOGRAPHIC NAMES)
<http://www.transliteration.com/transliteration/en/russian/bgn-pcgn/>

А	Б	В	Г	Д	Е	Ё	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я
A	B	V	G	D	E, YE	E, YE	ZH	Z	I	Y	K	L	M	N	O	P	R	S	T	U	F	KH	TS	CH	SH	SHCH	“	Y	‘	E	YU	YA

УДК 94(47).084.8

DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-9-15

А. В. ЖАДАН

Владивостокский филиал
Дальневосточного юридического
института МВД России,
г. Владивосток

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ НКВД ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В 1941–1945 гг.

Публикация посвящена малоизученному аспекту деятельности органов внутренних дел Дальнего Востока в период Великой Отечественной войны — обеспечению безопасности дорожного движения. Основу работы составили неопубликованные источники, относящиеся к служебной и партийной документации краевых управлений НКВД Хабаровского и Приморского краев. Методологическая основа исследования — принципы историзма и системности, а также общенаучные исторический и логический методы. Дана характеристика ситуации в сфере безопасности дорожного движения на Дальнем Востоке в изучаемый период; анализируются причины и условия ее ухудшения; меры, предпринимаемые органами внутренних дел по нормализации оперативной обстановки.

Ключевые слова: НКВД, Великая Отечественная война, Дальний Восток, тыл, прифронтовая зона, ГАИ, Госавтоинспекция, безопасность дорожного движения, военная антропология, повседневность.

Введение. 1930–1940-е годы стали временем быстрого увеличения числа автотранспорта на улицах советских (особенно крупных) городов (табл. 1). В этой связи обеспечение безопасности дорожного движения было относительно новой, но постоянно актуализирующейся задачей органов внутренних дел.

Годы Второй Мировой войны стали серьезным испытанием способности правоохранительных органов обеспечить правопорядок в тылу страны. Не случайно исследование данного периода истории органов внутренних дел привлекает внимание многих исследователей, в том числе представителей дальневосточной историографии [1–3].

В частности, рассматривались отдельные вопросы перехода органов НКВД Приморского края к работе в условиях военного времени [4]. Получили освещение различные аспекты формирования, обучения и деятельности на территории Дальнего Востока истребительных батальонов, диверсионно-разведывательных групп, партизанских отрядов,

местной противовоздушной обороны в период Великой Отечественной войны [5, 6]. Также в трудах современных историков затрагивались аспекты становления и развития профессионального образования и служебной подготовки сотрудников НКВД Дальнего Востока [7, 8], проблемы комплектования и качества кадров [9], некоторые аспекты противодействия преступности и охраны правопорядка [10–12].

В последнее время появляется все больше научных работ, посвященных деятельности органов милиции различных регионов страны по обеспечению безопасности дорожного движения [13, 14].

Однако работа дальневосточных органов НКВД в данной сфере до сих пор остается одним из наименее изученных аспектов их деятельности в годы Великой Отечественной войны. Между тем изучение опыта деятельности органов внутренних дел по обеспечению безопасности дорожного движения в тяжелых условиях военного времени представляет актуальную задачу исторической науки,

Таблица 1

Количество автотранспорта на территории Хабаровского края (1939–1945 гг.)

Дата	Количество зарегистрированного автотранспорта
01.01.1939	10753
01.01.1940	18133
01.01.1941	18236
01.07.1941	18624
01.01.1942	16474
01.01.1943	18161 (+ 565 мотоциклов)
01.01.1944	7862
01.01.1945	7532

Источник: Государственная автомобильная инспекция Хабаровского края 1936–1996. Хабаровск: Приамурские ведомости, 1996. С. 8.

как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Дальневосточный регион представляет в этом плане особый интерес, поскольку в период 1941–1945 гг. ему довелось выступать как в роли глубокого тыла, так и прифронтовой зоной советско-японской войны.

Цель данного исследования — изучение исторического опыта органов НКВД Дальнего Востока в области обеспечения безопасности дорожного движения в 1941–1945 гг. Автор ставил задачи: проанализировать развитие ситуации в данной сфере; установить ключевые детерминанты, влиявшие на нее; определить основные формы и методы деятельности органов внутренних дел по обеспечению безопасности на дорогах Дальневосточного региона.

Источниковой базой данного исследования стала служебная документация территориальных органов НКВД на Дальнем Востоке, отложившаяся в фондах Архива УМВД России по Приморскому краю (далее — АУМВД по ПК), Архива УМВД России по Хабаровскому краю (далее — АУМВД по ХК), материалы первичных партийных организаций органов внутренних дел, извлеченные из фондов Государственного архива Хабаровского края (далее — ГА ХК). Также в качестве источника данной публикации были привлечены воспоминания Василия Ефремовича Бочурко (руководившего Госавтоинспекцией Хабаровского края с 1943 по 1960 г.), опубликованные в юбилейном ведомственном издании «Государственная автомобильная инспекция Хабаровского края 1936–1996».

Основная часть. Особенностью нормативного регулирования сферы дорожного движения было отсутствие в рассматриваемый нами период в законодательстве СССР единых, общеобязательных правил. Местные органы советской власти самостоятельно разрабатывали и принимали такого рода документы на основе типовых «Правил дорожного движения по улицам и дорогам Союза ССР». Следствием такого нормотворчества становилось то, что в отдельных городах и районах даже одного края (области) могли отличаться некоторые детали правил дорожного движения.

Так, в г. Хабаровске действовали «Правила уличного движения по городу Хабаровску», принятые местным городским Советом рабочих, крестьянских

и красноармейских депутатов 27 февраля 1938 г. В частности, в документе устанавливались особенности скоростного режима на отдельных участках дорог и правила проезда некоторых перекрестков города [15, с. 8–9]. Очевидно, что человек, впервые попавший в город, не мог знать этих местных правил. С учетом специфики Дальнего Востока, где имели место активные миграционные процессы, а значительное число водителей составляли военнослужащие и заключенные, такое положение провоцировало высокую аварийность на дорогах. Таким образом, разнообразие местных нормативных документов, регламентировавших уличное движение, затрудняло профессиональную подготовку водителей, не способствовало повышению дисциплины участников дорожного движения, затрудняло работу органов Госавтоинспекции.

В исследуемый нами период охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности на дорогах возлагались на структурные подразделения территориальных органов милиции: (взводы, отделения) регулирования дорожного движения (далее — РУД), а также инспекторов Госавтоинспекции (далее — ГАИ).

Необходимо отметить, что переход страны на военное положение существенным образом сказался на качестве комплектации дальневосточных органов НКВД. Массовая мобилизация лиц рядового и младшего начальствующего состава (особенно затронувшая подразделения РУД) привела в моменте к ситуации кадрового кризиса, характеризовавшегося:

1) количественным дефицитом кадров, который органы внутренних дел были вынуждены восполнять в большой спешке, частично за счет женщин и мужчин пожилого возраста. Результатом такой поспешности стало снижение качества проверок и проникновение в органы НКВД определенного количества лиц не пригодных к службе по уровню образования, здоровью, личным и морально-деловым качествам;

2) снижением процентной доли наиболее идеологически мотивированных сотрудников (коммунистов и комсомольцев) и поступлении в органы НКВД значительного числа лиц, призванных военкоматами, которые часто не имели никакой внутренней мотивации к правоохранительной службе, ждали демобилизации и возвращения к привычной, довоенной деятельности.

В военные годы служебная нагрузка ГАИ существенно выросла, прежде всего за счет увеличения числа мобилизационных и контрольно-технических мероприятий [16, с. 30–31].

К числу основных задач, реализуемых дальневосточными органами Госавтоинспекции, в рассматриваемый период времени относились:

- мобилизация транспорта для нужд фронта, спецстроек НКВД, строительства колхозных дорог;
- контроль технического состояния автотранспорта и экономии бензина хозяйствующими субъектами;
- контроль за подготовкой водительских кадров и экзаменационная работа;
- контроль за дорожным движением, обеспечение его безопасности;
- профилактика аварийности на дорогах, пропаганда безопасности дорожного движения [17, л. 15; 18, л. 67–68].

В связи с высоким объемом возложенных задач, в территориальных органах НКВД практикова-

Сведения о мероприятиях по пропаганде безопасности дорожного движения в г. Хабаровске за 1942 г.

Вид мероприятия	Период времени	
	Январь – апрель 1942 г.	Май – декабрь 1942 г.
Лекции и беседы	—	43 (охвачено 3876 чел.)
Выпущено печатной продукции	—	1500
Выпущено радиопередач	5	16
Проведено киносеансов	52 (охвачено 15600 чел.)	111 (охвачено 28500 чел.)

Источник: ГАХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 4. Л. 67 об.

Таблица 3

Данные о дорожно-транспортных происшествиях и карательной политике в сфере безопасности дорожного движения по г. Хабаровску за май–ноябрь 1942 г.

	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь
Всего ДТП	13	7	11	12	13	9	21
Число погибших	2	1	2	—	4	2	10
Число травмированных	16	14	7	30	24	14	19
Повреждено машин	9	5	6	9	7	5	7
Возбуждено уголовных дел	5	7	8	10	10	9	17
Оштрафовано водителей	—	79	70	57	175	141	220
Оштрафовано руководителей	—	—	7	2	12	10	40
Заменено талонов	—	60	65	72	64	68	118
Лишено водительских прав	—	—	—	5	5	5	7

Источник: ГАХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 4. Л. 67 об. — 68

лось освобождение инспекторов Госавтоинспекции от дежурств, запрещалось их привлечение к выполнению задач, не связанных с обеспечением безопасности дорожного движения [19, л. 111].

Одновременный рост числа автотранспорта и загруженности инспекторов ГАИ в совокупности с кадровыми и материально-техническими трудностями, характерными для органов внутренних дел рассматриваемого периода, обусловили в целом неблагоприятную ситуацию в сфере обеспечения дорожной безопасности. Негативным фактором второй половины 1941 г. стало интенсивное передвижение по дорогам Дальневосточного региона воинских соединений в ночное время в условиях светомаскировки [15, с. 9]. Так, в 1941 г. в г. Хабаровске в 2,5 раза возросло количество граждан, погибших в результате дорожно-транспортных происшествий [20, л. 158].

Негативные тенденции высокой аварийности, смертности и травматизма (в том числе детского) на дорогах Дальнего Востока продолжили усугубляться в 1942 г. До трети погибших составляли дети. Более половины учтенных ДТП совершались по вине водителей-военнослужащих. Среди причин дорожно-транспортных происшествий большую часть составляли нарушения со стороны водителей, нетрезвое вождение, также имели место ДТП по причинам технической неисправности транспорта и неосторожности пешеходов [18, л. 67 об.].

В качестве основной причины сложившейся неблагоприятной ситуации в сфере безопасности до-

рожного движения руководство и партийные органы НКВД Дальнего Востока видели недостаточную профилактическую работу ГАИ. Как отмечалось в тексте протокола одного из партийных собраний Управления милиции УНКВД по Хабаровскому краю (УНКВД по ХК) (ноябрь 1941 г.), «мы не научились предупреждать аварии и не навели надлежащий порядок в дисциплине среди водительского состава» [20, л. 158].

В этой связи со второй половины 1942 г. начинает усиливаться профилактическое направление работы дальневосточных органов Госавтоинспекции. Основными линиями этой деятельности стали усиление пропагандистской работы (табл. 2) и широкая реализация мер административно-правового воздействия (штрафных санкций, в том числе на руководителей, замены талонов, лишения водительских прав).

Наиболее распространенными формами пропагандистской работы были собрания с трудовыми коллективами водителей и автомехаников, радиопередачи, демонстрация кинороликов, распространение листовок.

При этом характерно, что меры уголовной репрессии в этой сфере оставались на одном уровне (табл. 3). Всего за 1942 г. в Хабаровском крае за грубые нарушения в области безопасности дорожного движения к уголовной ответственности было привлечено 49 человек, в то время как к различным мерам административного воздействия — 830 [18, л. 67 об.].

В течение всего военного периода времени деятельность дальневосточных органов Госавтоинспекции сталкивалась с проблемами кадрового и материально-технического обеспечения.

Так, к 1944 г. в Госавтоинспекции Хабаровского края работало 56 человек, среди которых высшее образование имели четверо, а еще четверо — среднее техническое. Остальные сотрудники приобретали профессиональные знания в рамках служебной подготовки и в ходе непосредственной практической деятельности. Из-за нехватки бензина и смазочных масел остро стоял вопрос о переводе техники на твердое топливо и жестком контроле за использованием газогенераторного автопарка. Для легковых автомобилей устанавливался лимит расхода бензина — 50 кг в месяц [15, с. 9].

Характерно, что за годы войны (особенно в 1944–45 гг.) автомобильный парк региона существенно уменьшился (табл. 1). Снимались с учета автомашины, принадлежащие НКО и войскам НКВД, мобилизованные для нужд Красной Армии, производилась выбраковка вышедших из строя, осуществлялась переброска транспорта для обеспечения экономических потребностей других регионов.

Однако, несмотря на сокращение автопарка, ситуация на дальневосточных дорогах продолжала оставаться напряженной. Так, за 1944 г. в г. Хабаровске было зарегистрировано 110 аварий (учету подлежали только происшествия с погибшими и ранеными), суду было предано 70 человек. За этот же период органами Госавтоинспекции было выявлено 23 случая использования автомашин в корыстных целях, за что восемь человек было привлечено к уголовной ответственности, а 15 — получили административные взыскания [15, с. 9].

События второй половины 1945 г. (перемещения больших масс войск, военнопленных, амнистированных заключенных, демобилизованных фронтовиков) негативно отразились на криминологической картине и состоянии общественного порядка в регионе, затронув, в том числе, сферу безопасности дорожного движения. В связи с массовыми перемещениями войск на дорогах дальневосточных городов существенно увеличилось количество автотранспорта, остро встала проблема автолихачества, часто сопровождаемого человеческими жертвами. Так, во второй половине 1945 г. число погибших на дорогах Хабаровска выросло более чем в 5 раз, а раненых — в 4,8 раза (в сравнении с первым полугодием 1945 г.) [21, л. 45].

Анализ служебной документации органов НКВД показал, что виновниками большей части дорожно-транспортных происшествий были водители-военнослужащие, которые зачастую находились в состоянии опьянения [21, л. 45]. Только за октябрь 1945 г. во Владивостоке военнослужащими было совершено 19 «аварий на почве лихачества и пьянок» с погибшими и тяжело пострадавшими [22, л. 119]. В ряде случаев, в результате недостаточного контроля со стороны командования воинских частей, автотранспорт использовался военнослужащими для совершения преступных деяний (краж, бандитских нападений и т. д.) [23, л. 90].

В сложившихся условиях органами НКВД Дальнего Востока был предпринят ряд экстренных мер, направленных на обеспечение дорожной безопасности. Личный состав органов Госавтоинспекции был выведен на трассы для несения постовой службы. Перед инспекторами ГАИ была поставлена задача обеспечить широкомасштабную, систематическую

проверку документов у водителей для выявления и задержания нарушителей правил дорожного движения. Одновременно проводились проверки гаражей с целью поиска недокументированного автотранспорта (не имеющего паспортов, государственных номеров, незаконно приобретенного и т. п.). Такие транспортные средства подлежали аресту и последующему изъятию [23, л. 94].

В г. Хабаровске было дополнительно сформировано восемь подвижных заградительных групп численностью семь–восемь человек каждая во главе с инспекторами ГАИ, усиленные автоматчиками. Заградительные группы несли службу в две смены с 8-00 до 17-00 и с 17-00 до 2-00, обеспечивая безопасность движения на центральных улицах города и прилегающих к нему основных трассах [23, л. 95–96].

Одновременно предпринимались меры, направленные на укрепление взаимодействия с военным командованием в вопросах борьбы с автолихачеством, была усилена пропаганда безопасности дорожного движения [21, л. 45].

Выводы. Таким образом, в годы войны на Дальнем Востоке одновременно сложилось несколько негативных факторов, обусловивших неблагоприятную ситуацию в сфере безопасности дорожного движения:

- отсутствие единого нормативного регулирования в сфере дорожного движения;
- ухудшение общего технического состояния автомобильного парка;
- кадровый голод и нехватка материально-технических ресурсов органов внутренних дел при одновременном росте числа решаемых задач;
- ухудшение социально-экономического положения широких слоев общества и усиление таких негативных социальных явлений как, детская безнадзорность, преступность и т. п.

Исследование показало, что, несмотря на определенные стереотипы об эпохе сталинизма и суровости военного времени, основными средствами воздействия на участников дорожного движения были профилактические мероприятия и меры административно-правового воздействия.

Наиболее тяжелая обстановка в регионе сложилась во второй половине 1945 г., что было связано с событиями советско-японской войны и последующими сложностями возвращения общества к мирной жизни. В этот период распространенную практику получило выставление усиленных нарядов наружной службы, вооруженных автоматическим оружием.

В заключение отметим, что обращение к историческому опыту обеспечения безопасности дорожного движения является одним из перспективных направлений исследования региональной истории. Представляется, что особую роль в постижении предмета исследования могут сыграть методы социальной истории. Органы НКВД, как часть советского общества, имели тесную взаимосвязь со всеми его подсистемами. В этой связи обращение к таким аспектам, как демография, мобильность населения, социальное благополучие семей, экономическая характеристика региона, информационная среда общества дает возможность установить взаимосвязи между обусловленными войной изменениями социальных структур Дальнего Востока и развитием ситуации в сфере безопасности дорожного движения, ростом тех или иных видов преступности, иными негативными явлениями (в частности, беспризор-

ность и безнадзорность несовершеннолетних). Одновременно персонал НКВД, будучи органической частью социума, сам становился объектом воздействия негативных социально-экономических факторов. Учет этого аспекта является важным условием понимания причин и условий, детерминировавших уровень служебной дисциплины и эффективность работы служебных коллективов органов НКВД.

Библиографический список

1. Милежик А. В. Становление научной школы по истории правоохранительных органов на Дальнем Востоке России // Клио. 2019. № 1 (145). С. 128–35.
2. Тулиглов М. А. Научная школа по истории правоохранительных органов на Дальнем Востоке России как феномен обучения творчеству и процесса исследования // Гуманитарные чтения: сб. ст. / редкол.: А. В. Милежик (отв. ред.), Н. А. Шабельникова, А. В. Усов, З. В. Якимова. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федер. ун-та, 2021. Т. 2. С. 321–331.
3. Шабельникова Н. А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. 2020. № 5 (161). С. 20–27.
4. Шабельникова Н. А., Усов А. В. Военно-мобилизационная работа НКВД Приморского края в начальный период Великой Отечественной войны // Клио. 2021. № 11 (179). С. 143–149. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_11_143.
5. Суверов Е. В., Фризен П. Д. Истребительные батальоны на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 29–32.
6. Шабельникова Н. А. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне как объект исторического исследования // Гуманитарные чтения: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.). Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. Вып. 3. С. 99–104.
7. Бакшуты С. Н., Орнатская Т. А., Шабельникова Н. А. Дальневосточная милицмейская школа в государственной системе профессионального образования (1918–2011 гг.): моногр. Владивосток, 2017. 232 с.
8. Суверов Е. В. Спортивное общество «Динамо» как кузница кадров для дальневосточных органов ОГПУ-НКВД СССР // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: материалы междунар. научно-практ. конф. Хабаровск: Изд-во ДВЮИ МВД России, 2018. С. 425–428.
9. Дорохов В. Ж. «Кадровый голод» в милиции СССР в 1945–1949 гг. (на примере Хабаровского края) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. № 1 (36). С. 14–19.
10. Вафин М. О. Деятельность аппаратов БХСС Дальнего Востока СССР в августе 1945 г. // Современная школа России. Вопросы модернизации. 2021. № 6 (37). С. 156–157.
11. Жадан А. В. Деятельность органов НКВД Дальнего Востока по борьбе с преступностью несовершеннолетних

(1941–1945 годы) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2. С. 130–142.

12. Жадан А. В. Деятельность органов НКВД Дальнего Востока по борьбе с преступностью во второй половине 1945 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20, № 4. С. 555–567.

13. Андрух Е. А. Роль Госавтоинспекции НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны // Деятельность НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. / редкол.: И. В. Кольжанов [и др.]. Орел: ОрЮИ МВД России им. Лукьянова, 2020. С. 15–17.

14. Гарина О. В. Организация безопасности дорожного движения в Орловской области в годы Великой Отечественной войны // Деятельность НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. / редкол.: И. В. Кольжанов [и др.]. Орел: ОрЮИ МВД России им. Лукьянова, 2020. С. 20–28.

15. Государственная автомобильная инспекция Хабаровского края 1936–1996. Хабаровск: Изд-во «Приамурские ведомости», 1996. 50 с.

16. Гусак В. А. Деятельность милиции по мобилизации автотранспорта в период Великой Отечественной войны // Транспортное право. 2010. № 2. С. 30–31.

17. Архив УМВД России по Приморскому краю (АУМВД ПК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 71.

18. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-513. Оп. 1. Д. 4.

19. АУМВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 66.

20. ГАХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 1а.

21. Архив УМВД России по Хабаровскому краю (АУМВД ХК). Ф. 40. Оп. 1. Д. 128.

22. АУМВД ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52.

23. АУМВД ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 126.

ЖАДАН Александр Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, г. Владивосток.

SPIN-код: 1729-5430

AuthorID (РИНЦ): 320560

ORCID: 0000-0002-0756-4875

Адрес для переписки: awzhadan252@mail.ru

Для цитирования

Жадан А. В. Деятельность территориальных органов НКВД Дальнего Востока по обеспечению безопасности дорожного движения в 1941–1945 гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-9-15.

Статья поступила в редакцию 16.11.2022 г.

© Жадан А. В.

Vladivostok Branch of the Far Eastern
Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Vladivostok, Russia

ACTIVITIES OF TERRITORIAL BODIES OF THE NKVD IN FAR EAST PROVIDING ROAD SAFETY IN 1941–1945

The publication is devoted to a little-studied aspect of the activities of the internal affairs bodies of the Far East during the Great Patriotic War - providing road safety. The basis of the work is unpublished sources related to the official and party documentation of the regional departments of the NKVD of the Khabarovsk and Primorsky Territories. The methodological basis of the research is the principles of historicism and consistency, as well as general scientific historical and logical methods. The article describes the situation in the field of road safety in the Far East during the period under study, analyzes the causes and conditions of its deterioration, the measures taken by the internal affairs bodies to normalize the operational situation.

Keywords: NKVD, Great Patriotic War, Far East, rear, frontline zone, traffic police, Traffic police, road safety, military anthropology, everyday life.

References

1. Milezhik A. V. Stanovlenie nauchnoy shkoly po istorii pravookhranitel'nykh organov na Dal'nem Vostoke Rossii [Formation of school on the history of law enforcement in the Russian Far East] // *Klio. Clio*. 2019. No. 1 (145). P. 128–35. (In Russ.).
2. Tuliglovich M. A. Nauchnaya shkola po istorii pravookhranitel'nykh organov na Dal'nem Vostoke Rossii kak fenomen obucheniya tvorchestvu i protsessa issledovaniya [Scientific school on the history of law enforcement agencies in the Russian Far East as a phenomenon of teaching creativity and the Process of Research] // *Gumanitarnye chteniya. Humanitarian Readings* / eds.: A. V. Milezhik (resp. red.), N. A. Shabel'nikova, A. V. Usov, Z. V. Yakimova. Vladivostok, 2021. P. 321–331. (In Russ.).
3. Shabel'nikova N. A. Na strazhe pravoporyadka: istoriya organov vnutrennikh del Rossii v sovremennoy dal'nevostochnoy istoriografii [On Guard of Law and Order: History of Russian Internal Affairs Agencies in Modern Far Eastern Historiography] // *Klio. Clio*. 2020. No. 5 (161). P. 20–27. (In Russ.).
4. Shabel'nikova N. A., Usov A. V. Voenno-mobilizatsionnaya rabota NKVD Primorskogo kraia v nachal'nyy period Velikoy Otechestvennoy voyny [Military mobilization work of the NKVD of Primorsky Krai in the initial period of the Great Patriotic War] // *Klio. Clio*. 2021. No. 11 (179). P. 143–149. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_11_143. (In Russ.).
5. Suverov E. V., Frizen P. D. Istrebitel'nyye batal'ony na Dal'nem Vostoke v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Fighter battalions in the Far East during the Great Patriotic War (1941–1945)] // *Altayskiy yuridicheskiy vestnik. Altai Law Journal*. 2018. No. 3 (23). P. 29–32. (In Russ.).
6. Shabel'nikova N. A. Istrebitel'nyye batal'ony v Velikoy Otechestvennoy voyne kak ob'yekt istoricheskogo issledovaniya [Fighter battalions in the Great Patriotic War as an object of historical research] // *Gumanitarnye chteniya. Humanitarian Readings*. Khabarovsk, 2022. P. 99–104. (In Russ.).
7. Bakshchov S. N., Ornatskaya T. A., Shabel'nikova N. A. Dal'nevostochnaya militsiyskaya shkola v gosudarstvennoy sisteme professional'nogo obrazovaniya (1918–2011 gg.): [Far Eastern Militia School in the state system of vocational education (1918–2011)]. Vladivostok, 2017. 232 p. (In Russ.).
8. Suverov E. V. Sportivnoye obshchestvo «Dinamo» kak kuznitsa kadrov dlya dal'nevostochnykh organov OGPU-NKVD SSSR [Dynamo Sports Society as a forge of personnel for the Far Eastern organs of the OGPU-NKVD of the USSR] // *Kul'turno-istoricheskoye nasledie Rossii i stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: issledovaniye i sokhraneniye. Cultural and Historical Heritage of Russia and the Countries of the Asia-Pacific Region: Research and Preservation*. Khabarovsk, 2018. P. 425–428. (In Russ.).
9. Dorokhov V. Zh. «Kadrovyy golod» v militsii SSSR v 1945–1949 gg. (na primere Khabarovskogo kraia) [«Personnel hunger» in the USSR militia in 1945–1949. (on the example of the Khabarovsk Territory)] // *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy. Issues of National and Federal Relations*. 2017. No. 1 (36). P. 14–19. (In Russ.).
10. Vafin M. O. Deyatel'nost' apparatov BKhSS Dal'nego Vostoka SSSR v avguste 1945 g. [Activity of the BKhSS apparatuses of the Far East of the USSR in August 1945] // *Sovremennaya shkola Rossii. Voprosy modernizatsii. Modern School of Russia. Modernization Issues*. 2021. No. 6 (37). P. 156–157. (In Russ.).
11. Zhadan A. V. Deyatel'nost' organov NKVD Dal'nego Vostoka po bor'be s prestupnost'yu nesovershennoletnikh (1941–1945 gody) [Activities of the NKVD of the Far East in combating juvenile delinquency (1941–1945)] // *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. St. Petersburg Historical Magazine*. 2021. No. 2. P. 130–142. (In Russ.).
12. Zhadan A. V. Deyatel'nost' organov NKVD Dal'nego Vostoka po bor'be s prestupnost'yu vo vtoroy polovine 1945 g. [The activities of the NKVD of the Far East in the fight against crime in the second half of 1945] // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*. 2021. Vol. 20. No. 4. P. 555–567. (In Russ.).
13. Andruk E. A. Rol' Gosavtoinspektii NKVD SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The role of the State Traffic Inspectorate of the NKVD of the USSR during the Great

Patriotic War] // Deyatel'nost' NKVD SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. *Activities of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War*. Orel, 2020. P. 15–17. (In Russ.).

14. Garina O. V. Organizatsiya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Orlovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Organization of road safety in the Orel region during the Great Patriotic War] // Deyatel'nost' NKVD SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. *Activities of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War*. Orel, 2020. P. 20–28. (In Russ.).

15. Gosudarstvennaya avtomobil'naya inspektsiya Khabarovskogo kraya 1936–1996 [State Automobile Inspection of the Khabarovsk Territory 1936–1996]. Khabarovsk, 1996. 50 p. (In Russ.).

16. Gusak V. A. Deyatel'nost' militsii po mobilizatsii avtotransporta v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Activity of militia on mobilization of motor transport during the Great Patriotic War] // Transportnoye pravo. *Transport Law*. 2010. No. 2. P. 30–31. (In Russ.).

17. Arkhiv UMVD po Primorskoy krayu (AUMVD PK) [Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Primorsky Territory (AMIA PT)]. File: 12/1/71. (In Russ.).

18. Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK) [The State Archive of the Khabarovsk Territory (SAKT)]. File: П-513/1/4. (In Russ.).

19. AUMVD PK [AMIA PT]. File: 12/1/66. (In Russ.).

20. GAKhK [SAKT] File: П-513/1/1a. (In Russ.).

21. Arkhiv UMVD po Khabarovskoy krayu (AUMVD KhK) [Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Khabarovsk Territory (AMIA KT)]. File: 40/1/128. (In Russ.).

22. AUMVD PK [AMIA PK]. File: 12/1/52. (In Russ.).

23. AUMVD KhK [AMIA KT]. File: 40/1/126. (In Russ.).

ZHADAN Alexander Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of General Legal Disciplines Department, Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Vladivostok.

SPIN-code: 1729-5430

AuthorID (RSCI): 320560

ORCID: 0000-0002-0756-4875

Correspondence address: awzhadan252@mail.ru

For citations

Zhadan A. V. Activities of territorial bodies of the NKVD in Far East providing road safety in 1941–1945 // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-9-15.

Received November 16, 2022.

© **A. V. Zhadan**

БОРЬБА САКСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ С НАЦИСТСКИМИ ОККУПАНТАМИ. 1942—1944 гг.

В статье на основании неизвестных, а также опубликованных документов рассматривается история подпольной борьбы Валентина Вячеславовича Камлера на территории г. Саки Крымской АССР. Используются материалы из фондов Государственного архива Республики Крым, архивного отдела (муниципального архива) администрации города Саки, музея краеведения и грязелечения города Саки.

Анализируются действия подпольщиков, включающие в себя следующие аспекты: антифашистскую пропаганду и агитацию; сбор, изготовление и хранение боеприпасов, воинского снаряжения; разведывательную деятельность; привлечение на сторону советской власти военнослужащих из союзных нацистам иностранных военных контингентов. В работе впервые, с момента окончания Великой Отечественной войны, названы имена провокаторов, выдавших В. В. Камлера и его соратников нацистским спецслужбам и полиции. Публикация адресована в первую очередь исследователями подпольного движения Сопротивления, краеведам и публицистам.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, В. В. Камлер, город Саки, Крымская АССР, подпольная организация, немецкие и словацкие оккупанты.

Постановка проблемы. Город Саки является старейшим физиотерапевтическим (бальнеологическим) курортом России с 1827 г. Еще русский бальнеолог профессор А. И. Щербаков писал о том, что «всякий, кто имел случай наблюдать применение грязи в качестве лечебного средства, мог убедиться, какой могучий терапевтический фактор в ней заключается...» [1, с. 15].

В годы Великой Отечественной войны Саки и Сакский район подверглись серьезным испытаниям: в октябре—ноябре 1941 г. 11-я армия вермахта под командованием Э. фон Манштейна вторглась на территорию Крымского полуострова [2, с. 3]. Начались грабежи, насилие и убийства. Враг пытался путем «нового порядка» добиться подчинения горожан. Однако сакчане не сдались врагу и оказали ему достойное сопротивление.

В условиях ревизии результатов войны и в ряде псевдоисторических «толкований» событий оккупации актуальным остается вопрос о сохранении исторической правды. Особое значение приобретает введение в научный оборот новых фактов, основанных на исторических документах. В данной статье показан героизм антифашистской борьбы подпольно-патриотической организации г. Саки, которую возглавил обрусевший чех Валентин Вячеславович Камлер.

Основная часть. Началом подпольной борьбы сакских патриотов стало создание двух подпольно-патриотических групп в 1942 г. Главной задачей подполья стало установление тесной связи с крымскими партизанами, чтобы, заручившись их поддержкой, общими усилиями вести борьбу про-

тив немецко-румынских оккупантов. Первая группа сакских патриотов была организована при хозяйственной немецкой организации — ВИКО (WiKo — Wirtschaftskommando)¹. Ее возглавил бывший шофер комсомолец Валентин Вячеславович Камлер. Вторая была организована Кузьмой Георгиевичем Петриченко в начале 1942 года, который, сбежав из плена, скрывался по поддельным документам в Саках и работал на мельнице грузчиком [3, л. 7]. В ходе борьбы подполье объединилось под единым командованием 2 октября 1943 года. Правда, совместная работа продлилась недолго — только до ареста В. В. Камлера.

Возникает закономерный вопрос: почему именно кандидатура В. В. Камлера была выдвинута в качестве руководителя подпольно-патриотической организации г. Саки, а не представителя Крымского обкома партии?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать политическую обстановку в оккупированном Крыму. О том, как обстояли дела к началу июля 1942 г., красноречиво говорит докладная записка руководителей партизанского движения в Крыму А. В. Мокроусова и С. В. Мартынова маршалу С. В. Буденному и Крымскому обкому ВКП (б) о состоянии подпольной работы на территории полуострова. Было отмечено следующее:

— нацисты создали в Крыму невыносимые условия жизни для населения, уничтожили часть партийно-комсомольского актива, арестовали и заключили в концентрационные лагеря попавших под подозрение. Оккупационный режим опирался на развитую карательную сеть: полиции, спецслужб

и коллаборационистов (которые делились на военизированные структуры в составе нацистской администрации и осведомителей);

— экономическая составляющая политики нацистов сводилась к массовому грабежу и обнищанию населения полуострова. Немцы не только вывозили захваченное продовольствие, орудия труда, но и вывозили советских граждан на принудительные работы в Третий рейх. Лишая крымчан средств к существованию, оккупанты тем самым наносили значительный удар по партизанскому движению. Без поддержки местного населения продовольствием и пополнения рядового состава бойцы сопротивления были поставлены в невыносимые условия. А небольшие по площади лесные массивы полуострова надежного укрытия не давали, что усугубляло трагический накал борьбы. Это и определяло особенности партизанского движения Крыма в отличие от густых лесистых массивов России, Белоруссии и северной части Украины;

— сталинская репрессивная предвоенная политика привела к тому, что коренные народы Крыма если и не встречали немцев цветами, то и не оказывали им значительного сопротивления, придерживаясь в целом нейтральной позиции. Как признавали сами А. В. Мокроусов и С. В. Мартынов в докладной записке маршалу С. М. Буденнову, «...этой работой (имеется в виду политическая работа среди населения Крымской АССР. — **Прим. авт.**) Крымская партийная организация не занималась, и политическая работа среди населения не велась. Так как мы только недавно установили об отсутствии какой бы то ни было работы подпольного обкома, к этой работе было приступлено с нашей стороны с опозданием» [4, л. 73–76; 5, с. 78–81].

Поэтому, руководители Крымского партизанского движения, учитывая просчеты при организации подпольной антифашистской борьбы, выделили из среды командиров и политработников И. Г. Генова. Ему и было поручено руководство подпольным движением. В частности, он должен был установить контакты с советскими патриотами, находящимися в значительном удалении от Крымских лесов — особенно в степной части полуострова [6, с. 144]. Партизанские командиры приняли решение начинать подпольную работу не с организации партийных групп, а с создания **групп советских патриотов (ГСП. — выделено нами. — Прим. авт.)**. Туда, по замыслу создателей, должны были войти оставшиеся верными ВКП (б) коммунисты, комсомольцы, ветераны коммунистического движения из числа советского и колхозного актива, объединенные общей идеей антифашистской борьбы [7, с. 208]. Проблема только состояла в том, что агенты для организации и руководства всей подпольной, партийной, политической и организационной работой были посланы в Джанкойский, Колайский, Сейтлерский, Ичкинский, Карасубазарский, Зуйский, Старо-Крымский, Кировский, Биюк-Онларский и Перекопский районы. Однако северо-западная часть Крымского полуострова осталась неохваченной. Следовательно, вся тяжесть борьбы с оккупантами легла на плечи В. В. Камлера и его соратников.

В. В. Камлер родился в 1920 г., являлся уроженцем Крымской АССР (рис. 1). По национальности чех, он был членом ВЛКСМ. Накануне Великой Отечественной войны окончил школу комбайнеров и работал на Контуганской МТС трактористом (Контуган, Кун-Туган — исчезнувшее село в Сакском районе Республики Крым. — **Прим. авт.**).

Рис. 1. Валентин Вячеславович Камлер — руководитель подпольной организации г. Саки (1943–1944 гг.). Из фондов музея краеведения и истории г. Саки, Республики Крым

В 1941 г. МТС была эвакуирована и направлена в Керчь для переправы. На переправе техника была захвачена нацистами. В. В. Камлер вынужден был вернуться назад в с. Дорткуль, где проживали его родные. С начала 1942 г. по 29 ноября 1943 г. В. В. Камлер работал в немецкой комендатуре ВИКО (WiKo) г. Саки шофером, а позже — переводчиком. Он прекрасно владел немецким языком, что помогло ему в антифашистской борьбе. Это же обстоятельство, несомненно, сыграло немаловажную роль для подпольной организации [8, л. 2–3, 6–7]. Об этом эпизоде упоминает, в частности, участница подпольной группы Софья Павловна Трещева: «Подпольная группа в Саках начала свою деятельность сразу после прихода немцев. Руководителем группы был Валентин Камлер — чех по национальности. Зная прекрасно немецкий язык, они, вместе с Дмитрием Хаджиевым — болгарин по национальности, работали водителями-переводчиками в немецкой хозяйственной комендатуре «ВИКО» [9, л. 1].

Вторая группа была создана непосредственно в г. Саки. Руководство ею осуществлял К. Г. Петриченко [10, с. 583; 11, с. 450]; (рис. 2). В подпольные группы В. В. Камлера и К. Г. Петриченко главным образом были вовлечены комсомольцы. Есть сведения, что активное содействие оказывали подпольщикам местные пионеры. Первоначально в состав группы входили комсомольцы: В. С. Пархоменко, В. А. Галушко, В. А. Филимонов, Б. Ковалев, С. И. Кулида и другие [12, л. 2–3]. Гораздо старше были подпольщики: Брагин, Ф. Е. Тарасюк, К. Г. Мендель, К. Т. Иванова (рис. 4), А. Н. Семёнова, Д. Я. Хаджиев, И. Ищенко, Н. И. Петрова, С. П. Трещева, семья Рутковских (К. П. Рутковская, Ц. А. Рутковский, С. Ц. Рутковский и их родственница С. П. Ровинская) и другие.

Основные формы антифашистской борьбы Сакской подпольно-патриотической организации состояли в следующем:

- пропагандистско-агитационная работа среди местного населения г. Саки;
- осуществление мероприятий, направленных на избавление молодежи от насильственного угона

Рис. 2. Послевоенный снимок подпольщиков г. Саки. Слева направо — Кузьма Григорьевич Петриченко, руководитель одной из подпольных групп г. Саки, Нина Ивановна Петрова, участница Сакского подполья.

На фоне дома подпольщицы Ксении Тимофеевны Ивановой по улице Евпаторийское шоссе, № 1, являвшейся явочной квартирой. Из фондов музея краеведения и истории грязелечения г. Саки, Республика Крым

Рис. 3. Софья Павловна Ровинская (Трещева) — участница подпольной организации г. Саки. Из фондов музея краеведения и истории грязелечения г. Саки, Республика Крым

Рис. 4. Ксения Тимофеевна Иванова — участница подпольной организации г. Саки

в нацистскую Германию (немцы усилили эту акцию в связи с нехваткой рабочих рук в период Сталинградской битвы 1942—1943 гг.);

— организация побегов военнопленных из концлагеря в селе Михайловское и помощи в отправке их в партизанские отряды;

— установление связей с партизанами Крымских лесов для координации совместных операций против немецко-румынских захватчиков;

— проведение диверсий на коммуникациях противника, уничтожение материальных ценностей и личного состава нацистских захватчиков.

Рассказывая об агитационной деятельности подпольщиков, надо отметить, что работа велась не только среди местных жителей, но и среди словацких войск «Рыхлой («Быстрой») дивизии». Патриоты сообщали об истинном положении на советско-германском фронте. Эту миссию осуществляли Ф. Е. Тарасюк, В. С. Пархоменко, К. Г. Петриченко, К. Г. Мендель [13, л. 4].

Удивительным является факт, что набор листовок производился прямо в здании хозяйственной комендатуры службы «ВИКО», куда молодые подпольщики устроили машинисткой С. П. Ровинскую (Трещеву) [14, л. 10—11] (рис. 3). Внедрение своего человека в немецкую структуру оказалось идеей, сопряженной со многими рисками: С. П. Ровинская немецкого языка не знала, текст на машинке набирала с многочисленными ошибками. Однако искреннее желание помочь подпольной организации брало верх: С. П. Ровинская на ходу овладевала немецким языком и навыками быстрого набора текста на печатной машинке. Немецким языком она научилась пользоваться довольно хорошо. Ей также помогали подпольщики-комсомольцы, если у нее что-либо не получалось [15, л. 1]. Для немецкой комендатуры С. П. Ровинская печатала различные сводки и другие материалы, а для нужд подпольной организации — справки для освобождения военнопленных, с помощью которых они могли свободно

передвигаться по Крыму. Причем это приходилось делать украдкой, чтобы гитлеровцы ничего не видели. Кроме того, для подтверждения каждой справки нужна была печать немецкой комендатуры, которая хранилась в кабинете коменданта. Подпольщикам удалось раздобыть ключ от ящика стола, где лежала эта печать. Улучив моменты, С. П. Ровинская пробиравась в кабинет и ставила на нужные подпольщикам документы печать комендатуры [16, л. 2].

Особую осторожность приходилось проявлять при агитации в рядах словацких военнослужащих. В 1943 г. на территории г. Саки дислоцировались воинские части словацкой «Рыхлой дивизии»² («Rychla Divize», в переводе со словацкого языка «Быстрая дивизия». — **Прим. авт.**), артиллерийская и летная части. Работу среди военнослужащих словацких частей проводили В. С. Пархоменко, Ф. Е. Тарасюк, А. А. Очкань, К. Г. Петриченко) [17, л. 3].

Благодаря взаимодействию сакских подпольщиков, словацких солдат и офицеров были добыты ценные сведения, представляющие крайнюю важность для крымских партизан и советского военного командования.

Кроме того, словацкие солдаты из артиллерийской части изъявили желание помочь группе в приобретении оружия и боеприпасов. Однако в дальнейшем удача от антифашистски настроенных словаков отвернулась: операция не удалась, а немцы начали подозревать своих бывших союзников в предательстве. Поэтому К. Г. Петриченко предоставил убежище трем словакам-антифашистам: Феро Сомашу, Михаилу Жикавскому и Яну Лацо [18, л. 36], которым грозило разоблачение и военный трибунал. Подпольщица Н. И. Петрова приняла бежавших словаков у себя и укрывала их достаточно долгое время [19, л. 15].

Особенностью Сакского сопротивления стала самостоятельная работа, так как регион расположен далеко от горно-лесистой юго-восточной территории Крыма, где располагался штаб партизанского движения.

Об этом, в частности, свидетельствует постановление Крымского обкома ВКП (б) о работе областного подпольного партийного центра в Крыму от 24 августа 1943 г.: «...в) недостаточно активизированы в области подрывной вредительской деятельности все группы и особенно сельские. Организация заброски литературы в Крым с Большой земли и разбрасывание ее с самолетов, особенно в районы, удаленные от леса, — Керченский полуостров, районы Евпатории, Ак-Мечеть (ныне п. Черноморское Республики Крым. — **Прим. авт.**), Красный Перекоп (имеется в виду г. Красно-Перекопск. — **Прим. авт.**), Джанкой — явно неудовлетворительная» [20, с. 275].

Попытки наладить взаимодействие с партизанами предпринимались неоднократно. Так, В. С. Пархоменко, В. А. Филимонов и сам организатор группы Г. К. Петриченко пытались наладить связь. Они несколько раз ездили в предполагаемый район для встречи с партизанами, однако никто в этом не преуспел.

В. В. Камлер все же через свою двоюродную сестру Раису Вербу, проживавшую в г. Симферополе, сумел найти выход на партизан в ноябре 1943 г. Тем не менее связь В. В. Камлера с крымскими партизанами продолжалась недолго. Сначала в ноябре 1943 г. в Симферополе нацисты арестовали Раису Вербу, а позже, в начале декабря 1943 г., и самого В. В. Камлера.

Особое место в борьбе занимала деятельность по срыву принудительной вербовки и отправки людей в Германию на принудительные работы. Так, в Сакскую поликлинику с целью изготовления фальшивых медицинских документов для населения города и района были внедрены подпольщики. В состав медицинской комиссии вошла врач Н. И. Петрова [21, с. 474] (рис. 2), которая при всяческом содействии своих коллег приписывала все возможные недуги здоровым молодым людям, тем самым спасая их от угона в Третий рейх.

Об этом, в частности, свидетельствуют справки-подтверждения, которые отправляли в горком г. Саки после окончания Великой Отечественной войны советские граждане. Так, Зинаида Константиновна Рыкова (Хорош) в справке-подтверждении от 3 февраля 1970 г. указывает на следующий момент: «В августе месяце 1942 г. я и моя подруга Клименко Вера Михайловна (она в данное время живет в Саках и работает врачом в санатории им. Ленина) получили повестки для отправки в Германию. Предварительно нам необходимо было пройти медицинскую комиссию при Сакской поликлинике. Врач Петрова Нина Ивановна работала в составе этой комиссии. Она выдала нам анализы мочи, свидетельствующие о тяжелом заболевании почек. Таким образом она помогла мне и Клименко В. М. избавиться от угона в Германию» [22, л. 51].

Софья Петровна Артамонова (Шпарева, 1924 г. рождения, вспоминала о том, что Н. И. Петрова в августе 1942 г., когда проводились обследования в лаборатории на яйца глистов, выдала ей справку о том, что у нее обнаружены яйца глиста-власоглава. Позднее подобную справку с вымышленным заболеванием Н. И. Петрова выдала также и сестре С. П. Артамовой (Шпаревой) — Вере Петровне Федоровой (Шпаревой). Как видим, в результате деятельности Н. И. Петровой удалось спасти много советских юношей и девушек от насильственного угона в нацистскую Германию [23, л. 51].

В самый разгар деятельности подпольной группы В. В. Камлеру удалось установить контакты с военнопленными Михайловского лагеря (размещался в д. Михайловка Сакского района. — **Прим. авт.**). Его соратники, проникая за колючую проволоку, наладили тесное сотрудничество с военнопленными в совместной антифашистской борьбе. Начиная с июля 1943 г., благодаря помощи подпольщиков, начались массовые организованные побег. Все бежавшие находили укрытие у отдельных членов подпольно-патриотических групп. Об этом, в частности, вспоминала подпольщица Софья Павловна Трещева. Она помогала бежавшим из лагеря военнопленным (лагерь находился в дер. Михайловка в 3 км от г. Саки), а также попавшим в окружение военнослужащим. Она пекла им хлеб, временно прятала их на чердаке. Ночью ребята перевозили всех в каменоломни, а оттуда переправляли к партизанам» [24, л. 1]; [25, л. 15]³. Так как возникла проблема размещения значительного количества военнопленных на некотором расстоянии от г. Саки, подпольщики развернули поиск соответствующего убежища.

К. Г. Мендель в сентябре 1943 г. разместила часть военнопленных в дер. Кутур (также известна как Котур, с крымскотатар. языка, с 1945 г. дер. Громовка Сакского района). — **Прим. авт.**). Близ деревни в одной из больших каменоломен укрывалась первая группа военнопленных, которым К. Г. Мендель передавала личные запасы продо-

вольствия [26, с. 4]. В дальнейшем были переправлены прочие группы, размещавшиеся в домах подпольщиц К. Т. Ивановой и Н. И. Петровой. Когда задание по размещению людей было в основном завершено, К. Г. Мендель взяла на себя заботу по уходу за пленными красноармейцами. В качестве прикрытия она вместе с двумя детьми покинула г. Саки и переехала в дер. Кутур, якобы для улучшения бытовых условий и лучшего пропитания. Вместе с А. Н. Семеновым и П. Ф. Фисенко она полностью берет на себя хлопоты по содержанию военнопленных. Чтобы пополнять запасы продовольствия К. Г. Мендель и А. Н. Семенова неоднократно выезжали на подводах в г. Саки и Сакский район. Всевозможную помощь женщинам в дер. Кутур оказывали ребята-пионеры: Иван Семенов, Федор Вакжин и Владимир Ефремов.

Мальчишки ночью доставляли в каменоломни воду, испеченный хлеб, выполняя работу связных [27, л. 16].

В сентябре 1943 г. они перевели в каменоломни группу из восьми человек, в том числе и трое словацких солдат из г. Саки от Н. И. Петровой. В дальнейшем подпольщики использовали в качестве пересылочного пункта в г. Саки дом по Евпаторийскому шоссе, 1, хозяйкой которого была Ксения Тимофеевна Иванова⁴. Этот дом, по сути, становится явочной квартирой подпольщиков. Через него К. Г. Ивановой в каменоломню переправлялись оружие, одежда, продовольствие, медикаменты, рация и другие вещи.

В фондах музея краеведения и истории грязелечения хранится отчет дочери К. Г. Ивановой Л. Андрющенко, в котором она пишет о подпольной работе матери следующие строки: «...В нашем доме находился пересыльный пункт, через который отправляли людей, оружие и продукты питания в партизанский отряд⁵ на Кутур. Моей матерью Ивановой Ксенией было переправлено около 25 человек: 5 шоферов, 8 пленных, снятых с эшелона, который готов был к отправке. Переправляли людей также и небольшими партиями по 4, по 3, по 2 и по одному человеку. Большими партиями также отвозили машиной Крамер (так Л. Андрющенко искажила в своем отчете фамилию В. В. Камлера. — **Прим. авт.**) Валентин и Галушкин Виктор, а маленькие отводили пешком. Людей, которые были одеты в немецкую форму, мы переодевали по возможности во все вольное. Причем одежда была как своя, так и от людей. Я знаю, что одеждой нам помогал товарищ Мягкий и многие другие, которых я не знаю. Оставшиеся военные вещи (шинели, брюки, куртки, пояса и платки) я сдала в НКВД, на что и имею справку. Я также знаю, что через наш дом мамой Ивановой были переправлены гранаты, полуавтомат, винтовки и патроны из оружия, а из продуктов питания — мешок муки и ведро повидла» [28, л. 1].

В своих воспоминаниях С. П. Трещева объясняет причину, по которой операция по спасению военнопленных так успешно удавалась В. В. Камлеру и Дмитрию Хаджиеву: «Своим переводчикам Валентину и Дмитрию комендант очень доверял. Они могли даже ночью, на машине коменданта, отвезти пленных в каменоломни. Если кто коменданту докладывал, что брали машину, то они говорили, что гуляли с девушками и возили их покататься» [29, л. 2; 21, с. 477]. Надо полагать, степень доверия у нацистского чиновника к подпольщикам был действительно велика, раз он закрывал глаза на такие проделки его подчиненных.

Но освобождение из плена еще не гарантировало жизнь. В тяжелейших условиях подполья, истощенным и больным людям требовалась медицинская помощь и моральная поддержка. Так, осенью 1943 г., во время пребывания в каменоломнях, получил случайное пулевое ранение один из военнопленных. Несмотря на чудовищные условия, Н. И. Петрова вместе с К. Г. Мендель оказали сильную медицинскую помощь раненому бойцу [30, л. 16; 31, с. 2]. Н. И. Петрова осталась в каменоломне и продолжала ухаживать за ранеными и истощенными людьми. Ей удалось даже провести несколько занятий с группой по оказанию первой помощи раненому. В ноябре 1943 г. общее число спасенных из гитлеровской неволи советских военнопленных достигло 68 человек.

Главным методом борьбы с нацистами были, конечно, диверсии. Для их реализации необходимо было достать оружие и боеприпасы. К 1943 г. патриоты уже располагали значительным арсеналом: винтовки, обрезы, пистолеты и гранаты. В этих акциях были задействованы подпольщики В. С. Пархоменко, Ф. Е. Тарасюк, К. Г. Петриченко, В. А. Филимонов, В. В. Ковалев и другие [32, л. 13; 33, с. 4].

Ниже перечислена часть успешно проведенных диверсий:

1. Повреждения линии связи путем перерезания кабеля, вывод из строя немецких автомашин путем подсыпки соли в бензобаки, проколов и порезов покрышек и камер. Зимой 1942–1943 гг. подпольщики вывели из строя паровой котел и электромотор в Сакской школе № 4, которая в то время служила опорным пунктом немецких военных частей. Эту диверсию провел комсомолец-подпольщик В. С. Пархоменко [34, л. 3].

2. В конце 1942 г. небольшая группа подпольщиков, возглавляемая В. А. Филимоновым, пробралась в здание немецкого военного склада, расположенного в одном из ванных зданий Сакского санатория-грязелечебницы, который к тому же тщательно охранялся снаружи. Группа В. А. Филимонова поздней ночью пробралась в здание склада по подземной отопительной траншее, пропилила пол и проникла в помещение. В течение некоторого времени подпольщиками были повреждены все стропы и купола, хранящиеся там парашюты с контейнерами, представляющие огромную ценность для немецкой оккупационной армии: все это предназначалось для сброски продовольствия и боепитания окруженным немецким войскам в Сталинграде. Как видим, эта смелая акция была еще одним значительным вкладом крымских патриотов в коренной перелом, происходивший в то время на Волге зимой 1942–1943 гг. Всего, согласно данным отчета о деятельности сакских подпольщиков, хранящемся в музее краеведения и грязелечения, удалось вывести из строя до 200 штук имеющихся у нацистов парашютов с контейнерами.

3. На большой передвижной цементный завод г. Саки удалось устроиться подпольщику В. С. Пархоменко (ранее он работал в немецкой организации «Бауляйтунг» (нем. «Bauleitung»), вся продукция которого использовалась оккупантами в качестве ремонта площадок аэродромов. Весной 1943 г. подпольщикам удалось спалить рабочую часть этого завода, что привело к полному выведению завода из строя [35, л. 3].

Анализируя борьбу сакских патриотов, надо понимать, что ее вели не имеющие опыта подпольной работы в тылу врага люди. Отсутствие достаточной

кадровой проверки привело в группу предателей. В раскрытии подпольной организации В. В. Камлера оказались повинны два человека: П. П. Афанасьев и Иван Шилов.

П. П. Афанасьев с началом Великой Отечественной войны был прикомандирован к Сакскому истребительному отряду. Его миссия состояла в сопровождении группы бойцов в Севастополь. Однако, по пути, он бросил своих сопровождающих и дезертировал. Долгое время скрывался в г. Ялта, где проживала его семья. Спустя некоторое время он прибыл в Саки и вскоре был арестован гитлеровцами, находился в заключении. Скорее всего, именно там состоялась его вербовка в качестве агента нацистской разведки, так как его спустя некоторое время отпустили (о чем он скрыл при вступлении в подпольную организацию) [36, л. 41].

Подпольщики К. Г. Петриченко и И. Полищук присутствовали на втором и последнем заседании организации (29 ноября 1943 г.), на которых постепенно вскрылись факты неверности П. П. Афанасьева. Так, он не передал в каменоломни, где располагались военнопленные, заготовленное продовольствие: пшеницу и соленую говядину, в частности, требуя, чтобы последнюю заменили на зайчатину. Таким образом, он всячески затягивал поставку продовольствия (в скором времени, однако, продукты все же переправила подпольщица А. Н. Завякина-Семенова). П. П. Афанасьев стал препятствовать снабжению каменоломен продовольствием и в дальнейшем.

П. П. Афанасьев, уже вероятно разработавший с немецкими спецслужбами план ареста членов подпольной организации, предложил К. Г. Петриченко возвратиться в Кутурскую каменоломню. Это случилось после окончания последнего совещания 29 ноября 1943 г., причем В. В. Камлер был уже арестован. Сам же Афанасьев, В. А. Кобец и И. Полищук должны были остаться работать наверху.

К. Г. Петриченко, вероятно, спасло только чудо: утром 30 ноября 1943 г. он спустился в каменоломню. Там он сумел подготовить людей к эвакуации. Между тем И. Полищук, чуть позже В. А. Кобец, В. М. Кравченко были арестованы и расстреляны гитлеровцами [37, л. 25, 30].

Предательство Сакской подпольной организации не спасло П. П. Афанасьева от справедливой кары: в 1944 г. он был арестован органами государственной безопасности, предстал перед судом, где вскрылись факты его позорной деятельности. Согласно приговору суда, П. П. Афанасьев был приговорен к высшей мере наказания [38, л. 41].

Иван Шилов являлся лейтенантом Красной армии. Он попал в немецкий плен и содержался в Михайловском лагере. Сбежал из лагеря с помощью подпольщиков в группе С. Бержимостьяна. С 28 июля по 25 сентября 1943 г. до отправки в Кутурскую каменоломню он находился в укрытии Н. И. Петровой. По нашей версии вербовка Шилова как немецкого агента состоялась еще в лагере для военнопленных [39, л. 34].

18–19 декабря 1943 г. вооруженная группа нацистов вместе с И. Шиловым на автомашине прибыла из г. Евпатории на место расположения Кутурской каменоломни. Согласно отчету К. Г. Петриченко, составленному в послевоенное время, именно И. Шилов обнаружил тайный проход в каменоломни и стал вызывать находящихся там подпольщиков и военнопленных (как предполагали немцы), используя пароль «Москва — Москва, я Шилов!».

Так как никто не отзывался, гитлеровцы послали И. Шилова непосредственно обследовать сами Кутурские каменоломни. Тот вскоре вернулся, доложив начальству, что никого не обнаружил. Потеряв терпение, немцы решили обследовать каменоломни сами. Они спустились вниз, все тщательно проверили, однако, как выяснилось, И. Шилов не лгал — каменоломни уже давно были покинуты антифашистами. Тогда нацисты подорвали тайный вход в каменоломни, тем самым перекрыв туда доступ [40, л. 42]. Когда Крым был освобожден от нацистских оккупантов, И. Шилов был арестован, предан суду и за измену Родине — расстрелян [41, л. 35].

В конце ноября — начале декабря 1943 г. по г. Саки прошли массовые аресты членов подпольно-патриотической группы В. В. Камлера. 29 ноября 1943 г. В. В. Камлер был арестован нацистами. Также гитлеровцы вместе со своими пособниками схватили К. Т. Иванову, К. Г. Мендель, И. И. Иценко, В. А. Галушко, семью Рутковских, И. Семенову и Ф. Вакжина [42, с. 4; 43, с. 2]. Все арестованные были отправлены в тюрьму нацистских спецслужб (в источнике указано тюрьма гестапо, скорее всего, речь идет о тюрьме СД. — **Прим. авт.**)⁶ г. Евпатории. Все арестованные в тюрьме подверглись страшным пыткам [44, л. 7–8]. При этом нацисты арестовывали и тех, кто не был членом подпольной организации. В фонде Крымской чрезвычайной комиссии содержится заявление о том, что Пантелей Пентилеевич Канибас 1922 года рождения был арестован 18 декабря 1943 г. на квартире, возле Евпаторийской МТС, и вскоре расстрелян. Уже после вступления частей Красной армии в город, был обнаружен его обезображенный труп [45, л. 36]. С. П. Трещев вспоминает, что 1 декабря 1943 г. арестовали Ц. Рутковского, а 2 декабря — его сестру Климентину. Сама же она находилась в то время на работе. Об аресте родных ей сообщили соседи. Женщина, вне себя от горя, немедленно побежала в гестапо (либо в СД. — **Прим. авт.**). Однако метров в двадцати от тюрьмы ее остановили подпольщик Д. Хаджиев и словак Пауль. Оказалось, что последний сочувствовал подпольщикам и знал об их работе во вражеском тылу, но в деятельности самой организации участия не принимал. Тем не менее он никого не выдал и уговорил С. П. Трещеву в тюрьму не обращаться, справедливо полагая, что она может быть использована нацистами как заложник или приманка для ареста прочих сакских патриотов. Более того, Д. Хаджиев и Пауль обратились к гитлеровцам с просьбой: «отпустить ребенка сотрудницы комендатуры «ВИКО», скрыв от последних детали, кого именно был ребенок». Сына С. П. Трещевой — Валерия немедленно отпустили [46, л. 2].

4 декабря 1943 г. В. В. Камлер и его соратники были расстреляны в г. Евпатории на Красной Горке. Но даже казни и пытки подпольщиков не остановили их товарищей. Борьба была продолжена. Оставшиеся в живых члены подпольной группы почтили 5 декабря 1943 г. павших товарищей тем, что вывесили на колоде Сакского рынка венки, на котором было две надписи — красным цветом «Слава павшим героям», а черным цветом «Смерть фашистским оккупантам» [47, л. 17]. Оставшиеся в живых влились в партизанские соединения.

В 1944 г. во время раскопок районной комиссией по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков в г. Саки К. П. Рутковская была опознана сыном С. Ц. Рутковским и родной сестрой С. П. Трещевой.

В апреле 1967 г. Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР «за проявленную борьбу против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» Президиум Верховного Совета ССР наградил медалями «За отвагу» и «Боевые заслуги» участников партизанского и подпольного движения — К. Г. Петриченко, Н. И. Петрову, В. С. Пархоменко, Т. И. Валушенко и В. И. Петриченко [48, л. 2].

Заключение. Таким образом, в результате изучения истории Сакской подпольно-патриотической группы В. В. Камлера можно сделать следующие выводы:

— В. В. Камлер являлся смелым и харизматичным лидером, который сумел объединить разрозненные группы патриотов в одну тесно сплоченную организацию;

— у подпольщиков отсутствовали навыки конспирации в глубоком вражеском тылу, поэтому многие начинания патриотов выполнялись по наитию и не всегда достигали намеченной цели;

— природно-климатические факторы и рельеф окружающей местности не позволяли подпольщикам устраивать масштабные боевые операции, подобно тем, которые вели их коллеги — партизаны, поэтому им оставалось применять против врага тактику «булавочных уколов», которые становились довольно эффективными в условиях окружения на Крымском полуострове войск нацистской Германии;

— оценив, какую угрозу представляют подпольщики в отношении отступающей немецкой армии, нацистские спецслужбы усилили контрразведывательную борьбу и вышли с помощью завербованных ими агентов на подпольную организацию В. В. Камлера. Тем не менее гитлеровцам удалось схватить не всех подпольщиков. Патриоты смогли уйти в леса и влиться в ряды партизан Крыма;

— В. В. Камлер создал сплоченную подпольную организацию, в состав которой входили русские, украинцы, чехи, болгары, поляки и представители прочих различных этносов Крымского полуострова. Всех патриотов объединяла ненависть к германскому оккупационному режиму, гитлеровской захватнической идеологии. Патриоты смогли проникнуть в ряды союзников нацистской Германии — словацкие подразделения т. н. «Рыхлой («Быстрой») дивизии», проводя среди ее солдат и офицеров антифашистскую агитацию и распространяя пропагандистскую литературу и листовки. Все эти мероприятия способствовали разложению среди войск сателлитов гитлеровской Германии изнутри;

— таким образом, деятельность подпольной группы В. В. Камлера — это малоизвестный эпизод в истории борьбы антифашистского сопротивления Крыма. Несмотря на недостаточную изученность этой подпольной группы, можно утверждать, что группа В. В. Камлера внесла свой посильный вклад в общее дело победы над гитлеровскими захватчиками, продемонстрировав стойкость, мужество и героизм. На наш взгляд, именно эти качества должны стать образцовым примером для современной молодежи — будущего Российской Федерации.

Благодарности

Автор выражает глубочайшую признательность директору и научным сотрудникам музея краеведения и истории грязеделения г. Саки Республики Крым Н. В. Латышевой, Е. П. Любимовой, А. А. Хо-

рошутиной, А. Е. Паршиной и начальнику архивного отдела (муниципального архива) Администрации города Саки Республики Крым О. Н. Патынской, архивариусу Д. Д. Мамаевой, главному специалисту О. Б. Радковской за возможность ознакомления с уникальными источниками по истории подпольного движения Сопротивления г. Саки.

Примечания

¹ WiKo (сокр. Wirtschaftskommando) — это экономическая инспекция, которая занималась ограблением народного хозяйства, исключительно основанного на нуждах немецкой оккупационной администрации.

² «Рыхла дивизия» (в пер. со словацкого языка «Быстрая дивизия») — воинское формирование словацкой армии марионеточной державы Первой Словацкой Республики (президент Йозеф Тисо), принимавшее участие в войне против Советского Союза в составе нацистской Германии на стороне стран «Оси».

³ Климентина Павловна Рутковская (Рудковская — в прочих источниках. — Прим. авт.) родилась в 1902 г. в Винницкой области. По национальному происхождению — полячка. В Крымскую АССР переехала в 1930 г., работала учителем в д. Ивановка Сакского района (до 1853 г. дер. Ивановка носила название Камышлы. — Прим. авт.) в школе № 4. Во время нацистской оккупации Крыма К. П. Рутковская стала участницей подпольно-патриотической группы, которую возглавил К. Г. Петриченко. В организации она в основном занималась распространением устной и печатной антифашистской пропаганды, почерпнутой из сводок Совинформбюро, которые она слушала в квартире К. Т. Ивановой. Для бежавших их гитлеровской неволи советских военнопленных К. П. Рутковская собирала одежду и продовольствие. В октябре 1943 г., на фоне увеличения рядового состава участников подпольно-патриотической объединенной группы В. В. Камлера, она ввела в ее ряды своего мужа — Рутковского Цезаря Афанасьевича.

Цезарь Афанасьевич Рутковский (Рудковский) родился в 1895 г. Проживал в местечке Красилов Хмельницкой области. По национальному происхождению — поляк. Работал учителем музыки, также был бухгалтером. Переехал в Крымскую АССР в 1930 г., где работал в дер. Ивановка бухгалтером в колхозе. В 1940 г. из дер. Ивановка переехал в г. Саки на постоянное место жительства, где продолжил трудовую деятельность бухгалтером в заготконторе. В период нацистской оккупации с 1942 г. по декабрь 1943 г. работал бухгалтером в отделе снабжения г. Саки и Сакского района. Его супруга К. П. Рутковская (Рудковская) привлекла Ц. А. Рутковского (Рудковского) к подпольно-патриотической работе. Согласно архивным документам из фондов муниципального архива г. Саки, в ноябре 1943 г., согласно личной просьбе К. Г. Петриченко, Ц. А. Рутковский (Рудковский), пользуясь своим положением бухгалтера снабжения города и района, оформил квитанцию для рабочих дер. Кутур на получение 250 кг печеного хлеба в Сакской пекарне и ведро повидла. К. Г. Петриченко оплатил стоимость продуктов, выписанных по квитанции, наличными средствами. Оформленную квитанцию К. Г. Петриченко передал подпольщице А. Н. Семеновой, которая, получив продукты, вместе с К. Г. Мендель на подводе вывезла их советским военнопленным в каменоломню в районе дер. Кутур.

⁴ Ксения Тимофеевна Иванова родилась в январе 1905 г. в с. Буганак (ныне с. Виноградное) в семье мельника. По специальности она была медицинской сестрой. К моменту начала Великой Отечественной войны К. Т. Иванова проживала со своей семьей — Татьяной Яковлевной Сиямке, дочерью Ларисой Андрющенко и супругом Федором Филипповичем Ивановым в г. Саки по Евпаторийскому шоссе, 1. Ее жилище представляло собой малоприметный небольшой домик

на окраине, который и стал местом встреч (конспиративной квартирой) сакских подпольщиков с октября 1942 г. по сентябрь 1943 г. В домике установили малоприметный радиоприемник, с помощью которого подпольщики ловили радиосигнал Москвы и слушали сводки Совинформбюро. Прослушанная информация использовалась патриотами в устной и печатной пропагандистско-агитационной работе. Когда 2 октября 1943 г. произошло объединение двух подпольно-патриотических групп В. В. Камлера и К. Г. Петриченко, дом К. Т. Ивановой становится уже основной явочной квартирой подпольной организации.

⁵ Имеются в виду Кутурские каменоломни, где размещались военнопленные красноармейцы, тесно связанные с сакскими подпольщиками.

⁶ СД — Служба безопасности нацистской Германии, официальное название «Служба безопасности рейхсфюрера СС», в 1931 — 1945 гг. На оккупированных территориях ее внешние структуры занимались шпионажем и тайными разведывательными операциями.

Библиографический список

1. Косовская А. Ф. Саки: Путеводитель. Симферополь: Таврия, 1980. 88 с.
2. Степанова Л. Документы рассказывают. По материалам фонда городского архива // Красное знамя. 1984. 13 апреля. № 59 (6609). С. 3.
3. Архивный отдел (муниципальный архив) администрации города Саки Республики Крым (АО АГС). Ф. 27. Оп. 1. Д. 7.
4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 21.
5. Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. 1941 — 1942 / Сост.: А. В. Мальгин, Л. П. Кравцова, Л. А. Сергиенко. Симферополь: СОНАТ, 2006. 268 с.
6. Ткаченко С. Н. Становление крымского подполья в конце 1941 — первой половине 1942 года // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2020. № 2, Т. 6 (72). С. 203 — 213. DOI: 10.37279/2413-1741-2020-6-2-203-213.
7. Ткаченко С. Н. «Спецзадание-42». К вопросу развертывания крымского подполья летом 1942 года // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2021. № 2, Т. 7 (73). С. 142 — 150. DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-142-150.
8. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 3.
9. Фонды МБУ «Музея краеведения и истории грязелечения» города Саки Республики Крым (МБУ МКИГ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.
10. Історія міст і сіл Української РСР: в 26 т. Т. 26. Кримська область / упоряд.: Тронько П. Т., Солодовник Л. Д. [та ін.]. Київ: Голов. ред. Укр. Рад. Енцикл. АН УРСР, 1974. 802 с.
11. История городов и сел Украинской ССР: в 26 т. Т. 26. Крымская область / Сост.: П. Т. Тронько, Н. П. Бажан, И. К. Белодед [и др.]. Киев, 1974. 624 с.
12. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 8.
13. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1.
14. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 3.
15. МБУ МКИГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.
16. МБУ МКИГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.
17. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
18. АО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
19. МБУ МКИГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
20. Крым в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945. Сборник документов и материалов / Отв. ред. М. Р. Акулов. Симферополь: Таврия, 1973. 494 с.
21. Поклонимся мы нашим землякам / Л. М. Лосева [и др.]. Саки: ОАО «Евпаторийская городская типография», 2002. 503 с.
22. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1.
23. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1.
24. МБУ МКИГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.
25. МБУ МКИГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
26. Лосева Л. В дни испытаний // Красное знамя. 1965. 2 марта. № 26 (484). С. 4.
27. МБУ МКИГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
28. МБУ МКИГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
29. МБУ МКИГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.
30. МБУ МКИГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
31. Казаков М. Дни испытаний // Курортная газета. 1967. 2 августа. № 153 (6591). С. 2.
32. МБУ МКИГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
33. Лосева Л. Партизанскими тропами. К 20-летию Великой Победы // Красное знамя. 1965. 18 марта. № 33 (491). С. 4.
34. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1.
35. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1.
36. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1.
37. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1.
38. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1.
39. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1.
40. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1.
41. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1.
42. Лосева Л. Тропами героев // Красное знамя. 1965. 12 января. № 5 (463). С. 4.
43. Светлова Г. Ценой жизни. Никто не забыт, ничто не забыто // Красное знамя. 1990. 4 декабря. № 192 (8447). С. 2.
44. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1.
45. ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 71.
46. МБУ МКИГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.
47. МБУ МКИГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
48. АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1.

ИВАНОВ Вячеслав Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела «Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941 — 1944 годов «Концлагерь «Красный» Центрального музея Тавриды, г. Симферополь.
SPIN-код: 7520-5739
AuthorID (РИНЦ): 1005239
Адрес для переписки: slavik1855@gmail.com

Для цитирования

Иванов В. А. Борьба Сакской подпольной организации с нацистскими оккупантами. 1942 — 1944 гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 8, № 1. С. 16 — 25. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-16-25.

Статья поступила в редакцию 25.08.2022 г.
© В. А. Иванов

THE STRUGGLE OF THE SAKI UNDERGROUND ORGANIZATION AGAINST THE NAZI OCCUPIERS. 1942–1944

In the article, based on both previously unknown and published documents, there is considered the history of the underground struggle of Valentin Vyacheslavovich Kamler in the territory of the city of Saki of the Crimean ASSR. The author used materials from: the funds of the State Archive of the Republic of Crimea, the archival department (municipal archive) of the administration of the city of Saki, the museum of local history and mud therapy of the city of Saki.

The actions of the underground workers are analyzed, including the following aspects: anti-fascist propaganda and agitation; collection, manufacture and storage of ammunition, military equipment; intelligence activities; the attraction of personnel from Nazi-allied foreign military contingents to the side of the Soviet government. In this work for the first time since the end of the Great Patriotic War, the names of the provocateurs who extradited V. V. Kamler and his associates to the Nazi special services and the police, are named. The publication is addressed primarily to researchers of the underground resistance movement, local historians and publicists.

Keywords: Great Patriotic War, V. V. Kamler, Saki city, Crimean ASSR, underground organization, German and Slovak occupiers.

Acknowledgments

The author expresses his deep gratitude to N. V. Latysheva, E. P. Lyubimova, A. A. Khoroshutina, A. E. Parshina, director and researchers of the Museum of Local Lore and History of Mud Treatment of the city of Saki of the Republic of Crimea, and the head of the archive department (municipal archive) of the City Administration Saki of the Republic of Crimea O. N. Patynskaya, archivist D. D. Mamaeva, chief specialist O. B. Radkovskaya for the opportunity to get acquainted with unique sources on the history of the underground resistance movement in the city of Saki.

References

1. Kosovskaya A. F. Saki: Putevoditel' [Saki: Guide]. Simferopol: Tavria Publ., 1980. 88 p. (In Russ.).
2. Stepanova L. Dokumenty rasskazyvayut. Po materialam fonda gorodskogo arkhiva [Documents tell. Based on the materials of the city archive fund] // Krasnoye znamy. Krasnoye Znamya. 1984. April 13. No. 59 (6609). P. 3. (In Russ.).
3. Arkhivnyy otdel (munitsipal'nyy arkhiv) administratsii goroda Saki Respubliki Krym (AO AGS) [Archival department (municipal archive) of the administration of the city of Saki of the Republic of Crimea (AD ACS)]. File: 27/1/7. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Krym (GARK) [State Archive of the Republic of Crimea (GARK)]. File: P-1/1/21. (In Russ.).
5. Partizanskoye dvizheniye v Krymu v period Velikoy Otechestvennoy voyny. Sbornik dokumentov i materialov. 1941 – 1942 [Partisan movement in the Crimea during the Great Patriotic War. Collection of documents and materials. 1941 – 1942] / Eds.:

A. V. Malgin, L. P. Kravtsova, L. L. Sergienko. Simferopol: SONAT Publ., 2006. 268 p. (In Russ.).

6. Tkachenko S. N. Stanovlenie krymskogo podpol'ja v konce 1941 – pervoj polovine 1942 goda [Formation of the Crimean underground at the end of 1941 – the first half of 1942] // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskiye nauki». Uchenyye zapiski V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Series «Historical Sciences». 2020. No. 2. Vol. 6 (72). P. 203 – 213. DOI: 10.37279/2413-1741-2020-6-2-203-213. (In Russ.).

7. Tkachenko S. N. «Speczadanie-42». K voprosu razvertyvaniya krymskogo podpol'ja letom 1942 goda [«Special assignment-42». On the question of the deployment of the Crimean underground in the summer of 1942] // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskiye nauki». Uchenyye zapiski V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Series «Historical Sciences». 2021. No. 2, Vol. 7 (73). P. 142 – 150. DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-142-150. (In Russ.).

8. AO AGS [AD ACS]. File: 27/1/3. (In Russ.).

9. Fondy MBU «Muzeya krayevedeniya i istorii gryazelecheniya» goroda Saki Respubliki Krym (MBU MKIG) [Funds of the MBU «Museum of Local Lore and History of Mud Treatment» in Saki, Republic of Crimea (MBU MKIG)]. File: 1/1/6. (In Russ.).

10. Istoriya mist i sil Ukraïns'koï SSR: v 26 t. T. 16. Krims'ka oblast' [History of the locality and forces of the Ukrainian RSR: in 26 vols. Vol. 26. Krymska region] / Comps.: P. T. Tronko, L. D. Solodovnik. Kyiv, 1974. 802 p. (In Ukr.).

11. Istoriya gorodov i sel Ukrainskoy SSR: v 26 t. T. 26. Krymskaya oblast' [History of cities and villages of the Ukrainian SSR. Crimean region] / Comps.: P. T. Tronko, N. P. Bazhan, I. K. Beloded. Kyiv, 1974. 624 p. (In Russ.).

12. AO AGS. [AD ACS]. File: 27/1/8. (In Russ.).
13. AO AGS. [AD ACS]. File: 27/1/1. (In Russ.).
14. AO AGS. [AD ACS]. File: 27/1/3. (In Russ.).
15. MBU MKIG. File: 1/1/6. (In Russ.).
16. MBU MKIG. File: 1/1/6. (In Russ.).
17. AO AGS. [AD ACS]. File: 1/1/3. (In Russ.).
18. AO AGS. [AD ACS]. File: 1/1/36. (In Russ.).
19. MBU MKIG. File: 1/1/4. (In Russ.).
20. Krym v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941 – 1945. Sbornik dokumentov i materialov [Crimea during the Great Patriotic War 1941 – 1945. Collection of documents and materials] / Ed. M. R. Akulov. Simferopol: Tavria Publ., 1973. 494 p. (In Russ.).
21. Poklonimsya my nashim zemlyakam [We bow to our countrymen] / Ed. L. M. Loseva. Saki, 2002. 503 p. (In Russ.).
22. AO AGS. [AD ACS]. File: 1/1/1. (In Russ.).
23. AO AGS. [AD ACS]. File: 1/1/1. (In Russ.).
24. MBU MKIG. File: 1/1/6. (In Russ.).
25. MBU MKIG. [AD ACS]. File: 1/1/4. (In Russ.).
26. Loseva L. V dni ispytaniy [In the days of trials] // Krasnoe znamya. *Krasnoe Znamya*. 1965. March 2. No. 26 (484). P. 4. (In Russ.).
27. MBU MKIG. File: 1/1/4. (In Russ.).
28. MBU MKIG. File: 1/1/1. (In Russ.).
29. MBU MKIG. File: 1/1/6. (In Russ.).
30. MBU MKIG. File: 1/1/4. (In Russ.).
31. Kazakov M. Dni ispytaniy [Days of testing] // Kurortnaya gazeta. *Kurortnaya Gazeta*. 1967. August 2. No. 153 (6591). P. 2. (In Russ.).
32. MBU MKIG. File: 1/1/4. (In Russ.).
33. Loseva L. Partizanskimi tropami. K 20-letiyu Velikoy Pobedy [Partisan paths. To the 20th anniversary of the Great Victor] // Krasnoye znamya. *Krasnoe Znamya*. 1965. March 18. No. 33 (491). P. 4. (In Russ.).
34. AO AGS. [AD ACS]. File: 27/1/1. (In Russ.).
35. AO AGS. [AD ACS]. File: 27/1/1. (In Russ.).
36. AO AGS. [AD ACS]. File: 27/1/1. (In Russ.).
37. AO AGS. [AD ACS]. File: 27/1/1. (In Russ.).
38. AO AGS. [AD ACS]. File: 27/1/1. (In Russ.).
39. AO AGS. [AD ACS]. File: 27/1/1. (In Russ.).
40. AO AGS. [AD ACS]. File: 27/1/1. (In Russ.).
41. AO AGS. [AD ACS]. File: 27/1/1. (In Russ.).
42. Loseva L. Tropami geroyev [Along the paths of heroes] // Krasnoe znamya. *Krasnoe Znamya*. 1965. January 12. No. 5 (463). P. 4. (In Russ.).
43. Svetlova G. Tsenoy zhizni. Nikto ne zabyt, ничто не забыто [At the cost of life. Nobody is forgotten, nothing is forgotten] // Krasnoe znamya. *Krasnoe Znamya*. 1990. December 4. No. 192 (8447). P. 2. (In Russ.).
44. AO AGS [AD ACS]. File: 27/1/1. (In Russ.).
45. GA RK. File: R-1289/1/71. (In Russ.).
46. MBU MKIG. File: 1/1/6. (In Russ.).
47. MBU MKIG. File: 1/1/ 4. (In Russ.).
48. AO AGS [AD ACS]. File: 27/1/1. (In Russ.).

IVANOV Vyacheslav Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Researcher of «Memorial to the victims of fascist occupation of the Crimea in 1941 – 1944 «Concentration camp «Krasny» Department, Central Museum of Taurida, Simferopol, Republic of Crimea.

SPIN-code: 7520-5739

AuthorID (RSCI): 1005239

Correspondence address: slavik1855@gmail.com

For citations

Ivanov V. A. The struggle of the Saki underground organization against the Nazi occupiers. 1942 – 1944 // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 16 – 25. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-16-25.

Received August 25, 2022.

© V. A. Ivanov

«ВСПОМНИМ ВСЕХ ПОИМЕННО»: РАЗМЫШЛЯЯ НАД МАРТИРОЛОГОМ ЖЕРТВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ОМСКОМ РЕГИОНЕ

В работе приводится аналитический обзор научно-справочного издания «Жертвы Гражданской войны: справочник-мартиролог по актовым записям метрических книг храмов Омского региона (июнь 1918—декабрь 1919 гг.)», подготовленного творческим коллективом омских историков-архивистов — кандидатами исторических наук Дмитрием Игоревичем Петиним и Максимом Максимовичем Стельмаком. Критически осмысливаются особенности авторского подхода, выбранные в качестве ключевых критериев при подготовке издания. Использование теоретической совокупности, состоящей из принципа системности, проблемного и сравнительно-исторического методов, позволяет представить анализируемый труд как яркое явление исторической науки. Отмечаются общенаучная, культурная и методологическая новизна издания.

Ключевые слова: историческая наука, краеведение, книги памяти, мартирологи, научно-справочные издания, военная антропология, коммеморация, Гражданская война, Белое движение, советская власть, Омск.

Гражданская война в России продолжает оставаться актуальной темой для обсуждения. Дискуссии о тех драматических событиях ведутся на различных уровнях, от бытовых бесед до академических обсуждений. Причем не только в России, но даже на постсоветском пространстве для общества этот период эмоционально «не отлежался», оставаясь подобным болезненному нерву. В пространстве публичной истории до сих пор нередко можно столкнуться с яростными спорами, «битвами за память», участники которых продолжают придерживаться «красных», «белых» или иных позиций, с ожесточением отстаивая те точки зрения, которые кажутся им единственно верными. И показателем этого — изготовленный, но так и не поставленный в Омске памятник адмиралу А. В. Колчаку [см. подр.: 1].

Неудивительно, что по целому ряду принципиальных с позиций историографии аспектов до настоящего времени не сложилось консенсусного мнения. Одной из таких нерешенных задач остается вопрос о количестве безвозвратных потерь всех сторон гражданского противостояния. Приводимые в серьезных академических изданиях данные зачастую отличаются, причем речь идет о разнице, достигающей несколько миллионов человек. В частности, в научной и учебной литературе можно встретить цифры потерь, варьирующиеся от 8 до 13 миллионов человек [см. 2—4]. Нужно понимать, что в годы Гражданской войны люди погибали не только в боях или умирали от полученных ранений. Они становились жертвами террора, жестокого со всех сторон, погибали от голода и эпидемий заразных болезней.

При этом в условиях социальной напряженности, а зачастую и административной неразбери-

хи на местах, официальный документальный учет умерших во многих случаях практически не велся либо производился не с должной к тому тщательностью. Утраты документов происходили и в ходе боевых действий. В связи с названными причинами определить точное количество безвозвратных потерь за период Гражданской войны не представляется возможным.

Тем не менее составление списков погибших и умерших в период «Русской Смуты XX века» — это не только важная научная задача, но и, в значительной степени, необходимый нравственный поступок. Известная фраза гласит, что «война не закончена, пока не захоронен последний солдат». Развивая данную мысль, стоит признать, что исчерпывающий список жертв братоубийственного конфликта не может быть составлен по объективным причинам. Однако подготовка максимальной по полноте подобного мартиролога станет максимальной в увековечении памяти о павших и умерших «на той единственной Гражданской». Актуальность подобных научно-справочных трудов связывается и с активным распространением среди российских историков в текущее десятилетие такого междисциплинарного направления, как военная антропология [5—6]. С подобных методологических позиций рассматривается сегодня и Гражданская война [см. напр.: 7].

Неудивительно, что одна из первых существенных попыток по созданию регионального списка жертв Гражданской войны была осуществлена относительно недавно в Омске — городе, которому во время трагического противостояния суждено было стать одним из главных центров событий и принятия исторических решений. Омск в период братоубийственного противостояния — это «третья

столица России» (с претензией на то, чтобы стать первой), город, прочно ассоциирующийся с деятельностью провозглашенного именно здесь Верховным правителем России А. В. Колчака. А сегодня Омск стал местом, где учеными и общественностью активно увековечивается память о Гражданской войне.

Важно сказать, что в этих процессах весомую роль играет именно наука. Так, в бывшей Личной резиденции Верховного правителя с 2012 г. в структуре Исторического архива Омской области действует Центр изучения истории Гражданской войны. Это не имеющий аналогов в Российской Федерации уникальный исследовательский и просветительский комплекс, а вместе с тем общественное пространство. В историческом месте создана структура, сотрудники которой кропотливо исследуют неизвестные страницы братоубийственного конфликта, увековечивают и популяризируют наследие прошлого и консолидируют усилия ученых из различных регионов страны [см. подр.: 8–10].

В частности, заслуженное признание среди ведущих историков страны получила проводимая на базе Центра изучения истории Гражданской войны на протяжении ряда лет конференция «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие» [см., напр., обзор: 11]. Успешная работа Центра во многом связана с тем, что при организации своей деятельности (в том числе научных изысканий) он концептуально дистанцируется от всякой политической ангажированности. А это позволяет взвешенно и аргументированно рассмотреть «красные» и «белые» страницы прошлого вот уже более чем вековой давности.

Одним из результатов тщательной и кропотливой работы в архивах стало рецензируемое издание — справочник-мартиролог жертв Гражданской войны в Омском регионе [12]. Его составителями стали сотрудники Центра, кандидаты исторических наук Дмитрий Игоревич Петин и Максим Максимович Стельмак. В профессиональном сообществе они прочно и давно, несмотря на молодой по меркам академической науки возраст, имеют репутацию вдумчивых исследователей, публикаторов исторических источников, организаторов научных и просветительских мероприятий, активных популяризаторов исторического знания.

Накопленный археографический опыт [13] позволил этому творческому союзу сибирских историков реализовать уникальный проект по подготовке межфондового алфавитного именного указателя жертв Гражданской войны в Омском регионе. Выход издания был отмечен 16 февраля 2021 г. презентацией в формате on-line. Также дискуссию о книге открыли вышедшие в свет «по горячим следам» обзоры официальных рецензентов справочника — кандидата исторических наук Д. В. Олихова [14] и доктора исторических наук, профессора А. В. Сушко [15].

В мартиролог вошло 2700 персоналий — военных, вольнонаемных и гражданских лиц (в том числе добровольцев), чья смерть была связана с ведением боевых действий в регионе или обстоятельствами пребывания данных лиц на военной службе. Этот алфавитный список был составлен на основе продолжительной работы Д. И. Петина и М. М. Стельмака с актовыми записями церковных метрических книг различных конфессиональных групп — православных, католиков, лютеран и иудеев. Здесь важно подчеркнуть, что далеко не

всегда исследователи Гражданской войны обращаются к анализу такого исторического источника, как церковные актовые записи, откровенно пренебрегая ими. В Омске же мы наблюдаем иную картину, когда подготовка регионального мартиролога жертв Гражданской войны стимулировала составителей и их единомышленников к активному использованию в академических наработках церковных актовых записей [16–18]. В том числе это дало колоритные представления о пребывании в военнореволюционный период в Омске военнопленных Первой мировой войны [19–21].

Конечно, в огне Гражданской войны уцелели далеко не все документы, что отмечено во вступительной статье сборника. Но тем ценнее дошедшие до наших дней материалы. Фактически, из проживавших в Омске основных конфессиональных групп в сборнике не учтены только мусульмане и баптисты, что объясняется как отсутствием соответствующих метрических книг, так и неимением в сохранившихся документах записей о погибших. Таким образом, составители сборника постарались максимально полно учесть весь сохранившийся корпус актовых записей в метрических книгах Омского региона.

Рецензируемое издание охватывает период с июня 1918 г. по декабрь 1919 г., что выглядит вполне оправданно, поскольку во многом совпадает с активным этапом Гражданской войны, когда Омск стал главным военным и административным центром Сибири, столицей антибольшевистских сил во всероссийском масштабе. В середине ноября 1919 г. в ходе наступления РККА в регионе произошло восстановление большевистских порядков. А в декабре 1919 г. советская власть в Сибири (действовавшая лишь в западной части региона) лишила церковные институты права официально регистрировать акты гражданского состояния. Таким образом, финальная дата предложенной периодизации имеет дополнительное историческое обоснование.

Стоит отметить следующий методологический плюс. Авторами удачно введены критерии, позволяющие отделить собственно жертв Гражданской войны, указав названные выше факторы, такие как нахождение лиц на службе в качестве военных или гражданских специалистов и гибель вследствие обстоятельств военного времени или боевых действий [12, с. 5]. Важно сказать, что вычленение необходимых для сборника имен трудоемкий процесс и по той причине, что в метрических книгах 1918–1919 гг. содержится преобладающее множество лиц, умерших вследствие старости, младенческой смертности, несчастных случаев, бытового бандитизма и каких-либо других причин, не связанных с братоубийственным противостоянием.

Еще одним несомненным достоинством рецензируемого сборника стал использованный его авторами принцип «всеобщности», в соответствии с которым в список жертв попали люди, независимо от их политических взглядов, принадлежности к различным родам войск и т.д. [12, с. 10]. «Красные» и «белые», непримиримые соперники на полях сражений, разные по взглядам — стали равными перед лицом смерти, пополнив своими именами ЕДИНЫЙ список павших. Тот же принцип «всеобщности» подходит к действиям православного духовенства Сибири в годы Гражданской войны.

Так, согласно приведенным Д. И. Петиним и М. М. Стельмаком данным, омские священнослужители оставили в стороне политические про-

тиворечия и честно выполняли свой моральный и служебный долг. Даже в «красном» Омске они отпевали красногвардейцев, жертв боев с Чехословацким корпусом, что разрушает стереотип о тотальной атеистической и антиклерикальной пропаганде, которая велась на подконтрольных большевикам территориях. Более того, составители сборника приводят удивительные факты: в метрических книгах православных церквей Омского региона обнаружены имена азиатского, иудейского и иного происхождения, что говорит о том, что их отпевали в этих храмах [12, с. 10]. Следовательно, несмотря на то, что православное духовенство Сибири в дни Гражданской войны не смогло сохранить внутреннее единство и размежевалось политически [см. подр.: 22], долг служения продолжал оставаться для священнослужителей важным. Поэтому клир Омского региона мог вслед за поэтом и художником Максимилианом Александровичем Волошиным, свидетелем кровавых событий на Юге России, повторить: «А я стою один меж них / В ревущем пламени и дыме / И всеми силами своими / Молюсь за тех и за других» [23].

Каждая запись в сборнике составлена по логичной схеме, во многом повторяя актовые записи из метрических книг. Элементами этой схемы являются: фамилия, имя и отчество; воинский (классный) чин или должность; возраст; дата смерти; храм, в метрической книге которого была зафиксирована смерть; полный архивный шифр записи [12, с. 12–14]. При этом по этическим причинам составители сборника не стали указывать причины смерти (это связывается как с медицинскими диагнозами, так и с обстоятельствами ухода из жизни). В то же время приведенные архивные данные позволяют потомкам жертв Гражданской войны самостоятельно узнать эту информацию.

Во вступительной статье к мартирологу Д. И. Петин указывает, что зачастую участники противостояния погибали не на полях сражений, а от эпидемических болезней — тифа, холеры, сезонной пневмонии и др. [12, с. 12]. На этот факт следует обратить особое внимание. В советское время литература и кинематограф романтизировали события Гражданской войны, создав образы масштабных боев, в которых сходились крупные соединения «белых» и «красных» (достаточно вспомнить хрестоматийный фильм «Чапаев»). Однако приведенная сибирским историком информация разрушает эти стереотипы, говоря о том, что причинами смерти людей, живших на руинах Российской империи, были не столько ранения на поле боя, сколько поражения опасными болезнями (и в полевых условиях, и в казарменном быту тыла), трудно поддававшимся лечению в условиях тотальной разрухи.

Таким образом, благодаря омскому изданию складывается совершенно иная, своего рода «революционная», общая концепция видения Гражданской войны на востоке России. Следовательно, подобные издания — это действенный шаг в борьбе с мифами о братоубийственном противостоянии. В частности, о пресыщенности массового сознания ложными трактовками Гражданской войны на примере Омска говорит омский краевед и музейщик П. П. Вибе [см. подр.: 24].

Мартиролог жертв Гражданской войны в Омском регионе стал первым выпуском серии «Открытый архив». Хочется пожелать данной серии продолжения, которое должно выразиться в появ-

лении столь же качественных и содержательных изданий, как рецензируемый справочник.

Известный поэт-«шестидесятник» Роберт Иванович Рождественский (его детство прошло в Сибири, а первое опубликованное стихотворение увидело свет в Омске) в 1962 г. написал известные строки: «Вспомним всех поименно, горем вспомним своим... / Это нужно — не мертвым! Это надо — живым!» [25]. Эти слова применимы не только к Великой Отечественной, но и к Гражданской войне. И появление справочника, подготовленного Д. И. Петиним и М. М. Стельмаком, — столь необходимое обществу «лекарство от забвения» и для памяти о жертвах братоубийственного конфликта.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Библиографический список

1. Сушко А. В., Петин Д. И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А. В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 9–17. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-9-17.
2. Поляков Ю. А. 20-е годы: настроения партийного авангарда // Вопросы истории КПСС. 1989. № 10. С. 30.
3. Эрлихман В. В. Потери населения в XX веке. Москва: Издат. дом Русская панорама, 2004. С. 17–36.
4. Репинецкий А. И. Людские потери военнотружущих сторон в годы Гражданской войны / От Первой мировой войны к Гражданской войне в России: уроки истории: сб. материалов конф. Москва: Военный университет, 2019. С. 180–184.
5. Анфертьев И. А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Теория и методология гуманитарного знания. Россияведение. Общественные функции гуманитарных наук: сб. тр. конф. Москва: Изд-во РГГУ, 2011. С. 319–328.
6. Сенявская Е. С. Человек на войне, или Тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.
7. Разиньков М. Е. Белые, красные, интервенты: психология вооруженного противостояния: военно-историческая антропология. Saarbrücken: Lap Lambert, 2012. 187 с.
8. Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Золотой тираж, 2021. 140 с.
9. Чекалина Л. А. Центр изучения истории Гражданской войны как общественное пространство Исторического архива Омской области // Отечественные архивы. 2022. № 3. С. 25–33.
10. Федотова И. В. Отметив первый юбилей: обзор научных мероприятий в Омске к 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны // Сибирский архив. 2022. № 2. С. 179–204.
11. Петин Д. И., Тишкина К. А. Вспоминая трагичные дни России: конференция по истории Гражданской войны в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 1. С. 231–239. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(1).239-247.
12. Жертвы Гражданской войны: справочник-мартиролог по актовым записям метрических книг храмов Омского региона (июнь 1918–декабрь 1919 гг.): науч.-справ. изд. / авт. пре-

диск., отв. сост. и науч. ред. Д. И. Петин; сост. М. М. Стельмак. Омск: Амфора, 2020. 232 с.

13. Петин Д. И. Подготовка научно-справочных изданий об участниках Гражданской войны в России: краеведческий опыт Исторического архива Омской области // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития: сб. науч. тр. Омск: ОГИКМ, 2022. С. 166 – 172.

14. Олихов Д. В. Памяти всех: рецензия на научно-справочное издание «Жертвы Гражданской войны: справочник-мартиролог по актовым записям метрических книг храмов Омского региона (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.)» // Сибирский архив. 2021. № 1. С. 141 – 159.

15. Сушко А. В. Историко-антропологическое понимание прошлого: к изданию в Омске мартиролога жертвам Гражданской войны // Сибирский антропологический журнал. 2021. № 1. С. 30 – 38. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-1-30-38.

16. Петин Д. И., Стельмак М. М. «Убиты при взрыве в доме Верховного правителя»: к анализу актовых записей о смерти чинов конвоя адмирала А. В. Колчака 27 августа 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 725 – 740. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-3-725-740.

17. Сушко А. В. Первый омский новомученик Николай Цикура: анализ убийства служителя церкви в условиях начала Гражданской войны в России // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 105. С. 111 – 123. DOI: 10.15382/sturII2022105.111-123.

18. Красильникова Е. И., Петин Д. И. Памятник жертвам взрыва 1 августа 1918 г. в Омске: история частной коммеморации в городском мемориальном пространстве // Вестник архивиста. 2022. № 1. С. 66 – 80. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-1-66-80.

19. Сушко А. В., Петин Д. И. Борьба за «Подъяремную Русь»: переход в православие военнопленных русинов в Омске (1915 – 1917) // Русин. 2021. № 65. С. 99 – 114. DOI: 10.17223/18572685/65/6.

20. Сушко А. В., Петин Д. И. Процесс обращения в православие военнопленных славян в Омске (1915 – 1917 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Право-

славной Церкви. 2021. Вып. 103. С. 78 – 98. DOI: 10.15382/sturII2021103.78-98.

21. Сушко А. В., Петин Д. И. Обращение чехов в православие в Омске: духовность, идеология, быт. 1916 – 1919 гг. // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 597 – 610. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-2-597-610.

22. Сушко А. В. Религиозный фактор в годы Гражданской войны в России (на примере процессов в Омской и Павлодарской епархии) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 34 – 42. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-34-42.

23. Волошин М. Гражданская война // Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/poems/33399/grazhdanskaya-voyna> (дата обращения: 21.11.2022).

24. Вибе П. П. Омск в годы Гражданской войны: мифологизация в пространстве публичной истории. Омск: ОГИКМ, 2020. 56 с.

25. Рождественский Р. Реквием (Вечная слава героям...) // Русская поэзия. URL: <https://rupoem.ru/rozhdestvenskij/vechnaya-slava-geroyam.aspx> (дата обращения: 21.11.2022).

КАЛИНОВСКИЙ Владимир Витальевич, кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.

SPIN-код: 2005-9860

AuthorID (РИНЦ): 818446

AuthorID (SCOPUS): 57202683255

Адрес для переписки: v.kalinovsky@spbu.ru

Для цитирования

Калиновский В. В. «Вспомним всех поименно»: размышляя над мартирологом жертв Гражданской войны в Омском регионе // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 26 – 31. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-26-31.

Статья поступила в редакцию 20.12.2022 г.

© В. В. Калиновский

«LET'S REMEMBER EVERYONE BY NAME»: REFLECTING ON THE MARTYROLOGY OF THE VICTIMS OF CIVIL WAR IN OMSK REGION

The paper provides an analytical review of the scientific reference publication «Victims of the Civil War: a reference book-martyrology on the act records of the parish registers of the temples of the Omsk region (June 1918–December 1919)», prepared by the creative team of Omsk historians-archivists — candidates of historical sciences Dmitry Igorevich Petin and Maxim Maksimovich Stelmak. The features of the author's approach, chosen as key criteria in the preparation of the publication, are critically comprehended. The use of a theoretical set, consisting of the principle of consistency, problematic and comparative historical methods, allows us to present the analyzed work as a striking phenomenon of historical science. The general scientific, cultural and methodological novelty of the publication is noted.

Keywords: historical science, local history, books of memory, martyrology, scientific reference publications, military anthropology, commemoration, Civil War, White movement, Soviet power, Omsk.

Acknowledgments

The article is prepared with the support of the Russian Science Foundation project, 21-18-00266 «Religious factor in Russia during the Civil War: phenomenon, significance and regional specificity», implemented at St. Petersburg State University.

References

1. Sushko A. V., Petin D. I. Bitvy za pamyat': k voprosu o memorializatsii imeni admirala A. V. Kolchaka v Omske [Battles for memory: on the issue of memorializing the name of Admiral A. V. Kolchak in Omsk] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 4. P. 9–17. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-9-17. (In Russ.).
2. Polyakov Yu. A. 20-e gody: nastroyeniya partiynogo avangarda [1920s: Moods of the Party Avant-Garde] // Voprosy istorii KPSS. *Issues of the History of the CPSU*. 1989. No. 10. P. 30. (In Russ.).
3. Erlikhman V. V. Poteri narodonaseleniya v XX veke [Population loss in the 20th century]. Moscow, 2004. P. 17–36. (In Russ.).
4. Repinetskiy A. I. Lyudskiye poteri voyennosluzhashchikh protivoborstvuyushchikh storon v gody Grazhdanskoy voyny [Losses of military personnel of the opposing sides during the Civil War] // Ot Pervoy mirovoy voyny k Grazhdanskoy voyne v Rossii: uroki istorii. *From the First World War to the Civil War in Russia: History Lessons*. Moscow: Military University Publ., 2019. P. 180–184. (In Russ.).
5. Anfert'yev I. A. Novyye napravleniya v sovremennoy otechestvennoy istoriografii. Voyenno-istoricheskaya antropologiya: teoreticheskiye i mezhdistsiplinarnyye problemy novoy otrasli istoricheskoy nauki [New directions in modern domestic historiography. Military historical anthropology: theoretical and interdisciplinary problems of a new branch of historical science] // Teoriya i metodologiya gumanitarnogo

znaniya. Rossiyevedeniye. Obshchestvennyye funktsii gumanitarnykh nauk. *Theory and Methodology of Humanitarian Knowledge. Russian studies. Public Functions of the Humanities*. Moscow, 2011. P. 319–328. (In Russ.).

6. Senyavskaya E. S. Chelovek na voyne, ili ternistyy put' ot voyennoy istorii k voyennoy antropologii [Man at War. The thorny path from military history to military anthropology] // Istoricheskiy Vestnik. *Historical Herald*. 2018. Vol. 24. P. 10–43. (In Russ.).

7. Razin'kov M. E. Belyye, krasnyye, interventy: psikhologiya vooruzhennogo protivostoyaniya: voyenno-istoricheskaya antropologiya [Whites, Reds, interventionists: the psychology of armed confrontation: military-historical anthropology]. Saarbrücken: Lap Lambert, 2012. 187 p. (In Russ.).

8. Petin D. I. Istoriya omskogo roda Batyushkinikh [The History of the Omsk clan of Batyushkin]. Omsk, 2021. 140 p. (In Russ.).

9. Chekalina L. A. Tsentr izucheniya istorii Grazhdanskoy voyny kak obshchestvennoye prostranstvo Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti [Center for the Study of the Civil War History as a Public space of the Historical archive of the Omsk region] // Otechestvennyye Arkhivy. *Domestic Archives*. 2022. No. 3. P. 25–33. (In Russ.).

10. Fedotova I. V. Otmetiv pervyy yubiley: obzor nauchnykh meropriyatiy v Omske k 10-letiyu Tsentra izucheniya istorii Grazhdanskoy voyny [Celebrating the first anniversary: a review of scientific events in Omsk to the 10th anniversary of the Center for the Study of the History of the Civil War] // Sibirskiy arkhiv. *Siberian Archive*. 2022. No. 2. P. 179–204. (In Russ.).

11. Petin D. I., Tishkina K. A. Vspominaya tragicznyye dni Rossii: konferentsiya po istorii Grazhdanskoy voyny v Omske [Remembering the tragic days of Russia: conference about the history of the Civil War in Omsk] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki». *Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»*. 2022. Vol. 9, no. 1. P. 231–239. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(1).239-247. (In Russ.).

12. Zhertvy Grazhdanskoy voyny: spravochnik-martirológ po aktovym zapisyam metricheskikh knig khramov Omskogo

regiona (iyun' 1918—dekabr' 1919 gg.) [Victims of the Civil War: a reference book-martyrology on the act records of the parish registers of the temples of the Omsk region (June 1918—December 1919)] // Sci.-ref. ed.; rep. comp. and scientific ed. D. I. Petin; comp. M. M. Stelmak. Omsk: Amphora Publ., 2020. 232 p. (In Russ.).

13. Petin D. I. Podgotovka nauchno-spravochnykh izdaniy ob uchastnikakh Grazhdanskoy voyny v Rossii: krayevedcheskiy opyt Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti [Preparation of scientific and reference publications about the participants of the Civil War in Russia: local history experience of the Historical Archive of the Omsk Region] // Gosudarstvennoye krayevedeniye v Rossiyskoy Federatsii v kontse XX—nachale XXI vekov: osnovnyye problemy i perspektivy razvitiya. *State Local history in the Russian Federation in the late XX—early XXI Centuries: Main Problems and Development Prospects*. Omsk, 2022. P. 166—172. (In Russ.).

14. Olikhov D. V. Pamyati vsekhn: retsenziya na nauchnospravochnoye izdaniye «Zhertvy Grazhdanskoy voyny: spravochnik-martiolog po aktivym zapisyam metriceskikh knig khramov Omskogo regiona (iyun' 1918—dekabr' 1919 gg.)» [In memory of all: a review of the scientific and reference publication «victims of the Civil War: a reference book-martyrology on the records of the metric books of the temples of the Omsk region (June 1918—December 1919)»] // Sibirskiy arkhiv. *Siberian Archive*. 2021. No. 1. P. 141—159. (In Russ.).

15. Sushko A. V. Istoriko-antropologicheskoye ponimaniye proshlogo: k izdaniyu v Omske martirologa zhertvam Grazhdanskoy voyny [Historical and anthropological understanding of the past: toward the Omsk edition of the Civil War victims martyrology] // Sibirskiy antropologicheskii zhurnal. *Siberian Journal of Anthropology*. 2021. Vol. 5, no. 1. P. 30—38. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-1-30-38. (In Russ.).

16. Petin D. I., Stelmak M. M. «Ubiy pri vzryve v dome Verkhovnogo pravatelya»: k analizu aktivnykh zapisey o smerti chinov konvoy admiral A. V. Kolchaka 27 avgusta 1919 g. [«Killed in An Explosion in the House of the Supreme Ruler: Concerning the Analysis of Death Records of the Officers of the Admiral A. V. Kolchak's Convoy, August 27, 1919»] // Vestnik arkhivista. *Herald of an Archivist*. 2021. No. 3. P. 725—740. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-3-725-740. (In Russ.).

17. Sushko A. V. Pervyy omskiy novomuchenik Nikolay Tsikura: analiz ubiystva sluzhitelya tserkvi v usloviyakh nachala Grazhdanskoy voyny v Rossii [Nikolai Tsikura, The First New Martyr of Omsk: an Investigation of the Murder of the Member of the Church at the Beginning of the Civil War in Russia] // Vestnik Pravoslavnogo SviatoTikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istorii. *Istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. St. Tikhon's University Review. Series II: History. The History of the Russian Orthodox Church*. 2022. Vol. 105. P. 111—123. DOI: 10.15382/sturII2022105.111-123. (In Russ.).

18. Krasilnikova E. I., Petin D. I. Pamyatnik zhertvam vzryva 1 avgusta 1918 g. v Omske: istoriya chastnoy kommemoratsii v gorodskom memorial'nom prostranstve [The Monument to the victims of the explosion on August 1, 1918 in Omsk: the history of a private commemoration in the city memorial space] // Vestnik arkhivista. *Herald of an Archivist*. 2022. No. 1. P. 66—80. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-1-66-80. (In Russ.).

19. Sushko A. V., Petin D. I. Bor'ba za «Pod"yarëmnuyu Rus'»: perekhod v pravoslaviye voyennoplennyykh rusinov v

Omske (1915—1917) [The struggle for «The enslaved Rus»: conversion of Rusin prisoners of war to orthodoxy in Omsk (1915—1917)] // Rusin. *Rusin*. 2021. No. 65. P. 99—114. DOI: 10.17223/18572685/65/6. (In Russ.).

20. Sushko A. V., Petin D. I. Protseess obrashcheniya v pravoslaviye voyennoplennyykh slavyan v Omske (1915—1917 gg.) [Conversion into orthodoxy of slavonic prisoners of war in Omsk (1915—1917)] // Vestnik Pravoslavnogo SviatoTikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istorii. *Istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. St. Tikhon's University Review. Series II: History. The History of the Russian Orthodox Church*. 2021. Vol. 103. P. 78—98. DOI: 10.15382/sturII2021103.78-98. (In Russ.).

21. Sushko A. V., Petin D. I. Obrashcheniye chekhov v pravoslaviye v Omske: dukhovnost', ideologiya, byt. 1916—1919 gg. [Conversion of Czechs to Orthodoxy in Omsk: spirituality, ideology, everyday life (1916—1919)] // Vestnik arkhivista. *Herald of an Archivist*. 2022. No. 2. P. 597—610. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-2-597-610. (In Russ.).

22. Sushko A. V. Religioznyy faktor v gody Grazhdanskoy voyny v Rossii (na primere protsessov v Omskoy i Pavlodarskoy yeparkhii) [The role of Religion during the Civil War in Russia (on the example of processes in the Omsk and Pavlodar Diocese)] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. *Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2022. Vol. 7, no. 2. P. 34—42. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-34-42. (In Russ.).

23. Voloshin M. Grazhdanskaya voyna [Civil War] // Culture. RF. URL: <https://www.culture.ru/poems/33399/grazhdanskaya-voina> (accessed: 21.11.2022). (In Russ.).

24. Vibe P. P. Omsk v gody Grazhdanskoy voyny: mifologizatsiya v prostranstve publichnoy istorii [Omsk during the Civil War: mythologization in the space of public history]. Omsk, 2020. 56 p. (In Russ.).

25. Rozhdestvenskiy R. Rekviyem (Vechnaya slava geroyam...) [Requiem (Eternal glory to the heroes...)] // Russian poetry. URL: <https://rupoem.ru/rozhdestvenskiy/vechnaya-slava-geroyam.aspx> (accessed: 21.11.2022). (In Russ.).

KALINOVSKY Vladimir Vitalyevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History Institute, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg.

SPIN-code: 2005-9860

AuthorID (RSCI): 818446

AuthorID (SCOPUS): 57202683255

Correspondence address: v.kalinovsky@spbu.ru

For citations

Kalinovsky V. V. «Let's remember everyone by name»: reflecting on the martyrology of the victims of Civil War in Omsk region // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 26—31. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-26-31.

Received December 20, 2022.

© V. V. Kalinovsky

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ РАБОТА И БОРЬБА С ПОРАЖЕНЧЕСКИМИ НАСТРОЕНИЯМИ В ХАНТЫ-МАНСЬИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В исследовании описаны основные аспекты агитационно-пропагандистской работы органов власти Ханты-Мансийского национального округа и проанализировано ее влияние на социально-политические условия жизни и поведения населения на начальном этапе Великой Отечественной войны. Источниковой базой исследования явились делопроизводственные документы Омского обкома и Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б), хранящиеся в Историческом архиве Омской области и Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области. Автор приходит к выводу, что в тяжелых условиях начала войны с фашистской Германией партийное руководство округа проявило решительность и твердость в проведении мер политико-просветительского характера. Интенсивность и слаженность работы партийных органов округа по организации митингов, собраний, лекций, бесед, выступлений с докладами и других форм агитационно-массовых мероприятий способствовала укреплению боевого духовного подъема югорчан, нейтрализации негативных политических настроений, обеспечив тем самым стабильность внутривнутриполитической ситуации в одном из тыловых районов страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, агитационно-пропагандистская работа, партийные органы, Красная Армия, советский тыл, Омская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский национальный округ.

Введение. Для достижения победы над фашистской Германией наряду с военным и экономическим факторами немаловажное значение имело единство фронта и тыла. Не случайно в речи от 3 июля 1941 г. глава государства, председатель Государственного комитета обороны СССР И. В. Сталин обратил внимание советских граждан на негативные явления, которые могут ослабить Красную Армию, призвав «организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов», призвав «не поддаваться на провокации» [1]. О том, что «в эти суровые дни тыл и фронт неотделимы. Крепкий, боеспособный тыл обеспечивает армию вооружением и боеприпасами, продовольствием и обмундированием, воодушевляет бойцов на беззаветную борьбу за счастье и независимость Родины. От состояния тыла, в конечном счете, зависит исход всей войны», напомнил гражданам СССР издательский отдел УГА НКВД СССР в брошюре «Крепкий тыл — залог военной победы» [2, с. 2].

По мнению современных белорусских учёных-социологов Г. М. Евелькина [3] и И. В. Котлярова

[4], реакция населения на решения власти влияет на стабильность политической ситуации внутри страны. Поэтому именно социально-политическая обстановка позволяет «достаточно четко увидеть истинный характер процессов, происходящих в государстве и обществе, судить об их динамике» [4, с. 17]. Однако в историографии Великой Отечественной войны вопрос о влиянии реалий военного времени на изменение социально-политической обстановки в тыловых территориях СССР остаётся пока ещё малоизученным аспектом. В появившихся в конце XX — начале XXI вв. публикациях В. Т. Анискова [5], В. Н. Данилова [6], С. В. Точенова [7], А. С. Якушевского [8] и других авторов отмечаются как патриотизм, уверенность в победе и сплоченность населения СССР перед нависшей над страной смертельной угрозой, так и «негативный характер общественных реакций, связанных с недоверием к власти, обидами или молчаливым неприятием советской системы» [9, с. 58].

Имеющая место неоднозначность восприятия населением СССР начала войны с фашистской Германией свидетельствует о сложности адаптации многих советских граждан к резко изменив-

шимся условиям жизни, труда и быта. Даже для хорошо осведомленного о готовящейся агрессии высшего партийного руководства страны во главе с И. В. Сталиным внезапность вторжения немецких войск стала полной неожиданностью. Как отмечал работник Управления политпропаганды пограничных войск СССР К. Ф. Телегин, «такое настроение не проходило еще несколько дней, пока не проявилась обстановка и не стала очевидной опасность совершенных врагом глубоких прорывов. Скудные, а порой и путанные вести с границы были столь неутешительными, что горький смысл их воспринимался с большим трудом» [10, с. 125]. Тем не менее, несмотря на допущенные просчёты «в определении сроков начала, способа развязывания войны и вероятного направления главного удара вермахта» [11, с. 47], высшее партийное руководство СССР смогло оперативно принять ряд важных стратегических решений, способствовавших ускоренной мобилизации всех ресурсов государства на отпор врагу и «на создание благоприятных внешнеполитических условий для успешного ведения войны» [11, с. 39]. Такими решениями являются указы Президиума Верховного Совета СССР: «О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому военным округам», «О военном положении», «Об установлении пособия семьям призванных в армию», «О назначении тов. Сталина Народным Комиссаром обороны»; межправительственные соглашения между СССР и Великобританией, о совместных действиях в войне против Германии, между СССР и Чехословакией о совместных действиях против Германии и другие.

Однако для многих советских граждан, в том числе тружеников Ханты-Мансийского национального округа Омской области, известие о начале войны с фашистской Германией стало большим психологическим потрясением, сопровождавшимся выплеском эмоций. Как отмечает В. А. Сомов, «комплекс эмоций, вызванных нападением Германии на СССР, включал в себя широкий спектр ощущений, переживаний, чувств» [12, с. 192], в том числе и негативных. Поэтому, хотя «организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б) 28 июня 1941 года в аналитической справке «О ходе мобилизации и политических настроениях населения» отмечал, что настроение у людей «бодрое, уверенное, случаи отклонения от мобилизации единичны» [9, с. 61], политические настроения и поведение населения повсеместно вызывало озабоченность партийных органов и совместно с органами НКВД заставляло держать социально-политическую обстановку на местах под контролем.

Источниковую базу настоящего исследования составили архивные материалы Исторического архива Омской Области (г. Омск) и Государственного архива социально-политической истории Тюменской области (г. Тюмень), отразившие практику работы партийных органов Ханты-Мансийского национального округа, именуемой в документах 1941–1945 гг. как «агитационно-пропагандистская», иногда «политико-просветительская» или «партийно-политическая»: отчёты военных отделов райкомов ВКП(б) Ханты-Мансийского национального округа, докладные записки секретарей райкомов и окружкома Омскому обкому ВКП(б), доклады

должностных лиц Ханты-Мансийского окружного отдела НКВД вышестоящему руководству Омской области и другие документы.

Исследование предпринято с целью изучения состояния агитационно-пропагандистской работы партийных органов Ханты-Мансийского национального округа и оценки её влияния на социально-политическую обстановку в крае, интерес к истории которого в годы Великой Отечественной войны обусловлен спецификой его социально-экономического развития и хозяйственным значением как тылового района. Модернизационные процессы предвоенного десятилетия почти не коснулись экономики округа до 14 августа 1944 года, территориально входившего в Омскую область, а после в выделенную из Омской и Курганской областей Тюменскую область. Накануне войны и в военное время хозяйственной основой Югры являлись традиционные отрасли: пушной промысел, заготовка леса, добыча и переработка рыбы. В этой связи немногочисленное население округа в большинстве своём в тёплое время года находилось вдали от мест компактного проживания. В 1940 году в округе проживало 94860 человек, в 1941 году — 101819 чел., в 1942 году — 91726 чел., в 1943 году — 89808 чел. [13, л. 1об.], в 1944 году — 93375 чел., включая 21294 чел. коренного национального населения [14, л. 133]. По ряду причин, заслуживающих отдельного внимания, к 1941 году многие жители из числа ханты, манси, ненцев, зырян продолжали вести кочевой и полукочевой образ жизни, оставаясь неграмотными. Кроме жителей коренных национальностей многочисленную группу составляли насильственно депортированные в Югру в результате проведения политических репрессий против различных категорий населения. Принудительным переселенцам разрешалось проживать только в специальных посёлках (спецпосёлках), под застройку которых порой «выделялись совершенно непригодные для жизни и труда места», строившихся чаще «там, откуда был затруднителен побег» [15, с. 55]. Уже в середине 1930-х годов из 79 тысяч жителей округа более 23 тысяч были спецпереселенцами [16, л. 156]. Указанные социально-экономические особенности Ханты-Мансийского национального округа делают изучение агитационно-пропагандистского направления в работе окружных органов власти в условиях начала Великой Отечественной войны особенно актуальным.

Основная часть. Внезапное нападение фашистской Германии, связанной с СССР договорными отношениями, обозначило конкретизацию образа врага в сознании югорчан, под воздействием партийно-государственной пропаганды с первых дней войны воспринимавших немецких захватчиков как «озверелых фашистов» [17, л. 36 об.], «немецких варваров» [18, л. 12], «зарвавшихся германских варваров», «наглых фашистов», «фашистских бандитов», «фашистских палачей» [19, л. 82–83] и т.д. Тем не менее обеспокоенность руководства области и округа политическими настроениями югорчан была обусловлена пониманием того, «что Ханты-Мансийский округ чрезвычайно сильно засорен классово-враждебными элементами: сосланными кулаками, контрреволюционными элементами, высланными поляками, бессарабцами, а также остатками беженцев из южных районов и местной разгромленной контрреволюцией. Среди этой части населения в разных видах и разными методами ведётся контрреволюционная, антисоветская аги-

тация» [17, л. 25]. Осознавая сложность политической обстановки в сочетании с важностью региона в обеспечении фронта и тыла продовольствием, руководители и партийные работники Березовского, Кондинского, Ларьякского, Микояновского, Самаровского, Сургутского райкомов и окружкома ВКП(б) с первых дней войны активно включились в агитационно-пропагандистскую работу для того, «чтобы довести до сознания широких слоев населения исторические указания товарища Сталина, превратить их в жизнь и тем самым ещё больше способствовать укреплению единства фронта с тылом» [20, л. 79]. Окружком ВКП(б) 27 июня 1941 года провёл в Ханты-Мансийске совещание партактива «с докладом о развёртывании партмассовой работы в условиях военного времени, после чего актив выехал для проведения соответствующей работы в колхозах и на рыбоучастках» [20, л. 80], а парткабинеты округа были реорганизованы в агитпункты, причём «кроме 6 районных организовано 29 сельских агитпунктов при клубах и избах-читальнях» [20, л. 83].

В условиях военного времени зоной пристального внимания партийного руководства Ханты-Мансийского национального округа стал сбор сведений о восприятии населением Югры начала военных действий с фашистской Германией и влиянии военной обстановки на сознание и поведение жителей округа. Для партийного актива округа руководством в этом вопросе являлось письмо Омского обкома ВКП(б) секретарям райкомов, горкомов и окружкомов ВКП(б) Омской области от 15 июля 1941 года, разъявшее руководящим партработникам области, что «в условиях военного времени информация приобретает исключительное значение. Её неотъемлемыми качествами в этот период являются оперативность и всестороннее освещение всех вопросов работы партийных организаций в условиях военной обстановки» и содержащее требования «покончить с безответственностью в постановке информации» [17, л. 5]. В письме партийное руководство Омской области требовало от руководителей районных, городских и окружных партийных комитетов «высылать ежедневно информационные сообщения» «о работе партийных организаций в условиях войны, о производственной и политической активности трудящихся, оборонно-массовой работе» [17, л. 5], указав при этом на недопущение «серьёзных недостатков»: «много общих выражений и мало примеров, фактов, цифр», «отсутствует конкретный показ работы парторганизаций области в условиях войны», «формальное отношение к информационным сообщениям», составляющим «без всякой системы и плана» [17, л. 5].

Политическая работа среди населения округа с первых дней войны была направлена на «широкое разъяснение массам о грабительской войне, затаенной германским фашизмом, и мобилизация трудящихся на всестороннюю помощь фронту на борьбу за выполнение военно-хозяйственных задач» [17, л. 21]. Передовиками агитационно-пропагандистской работы в Югре с начала войны стали Берёзовский, Самаровский и Сургутский районы. Партийная организация Берёзовского района с 22 июня по 22 июля 1941 года «провела 168 митингов и собраний», «692 беседы и громкие читки» [17, л. 31], «разъясняя выступление по радио тов. Молотова и т. Сталина». Самаровский агитпункт «сумел провести 84 доклада и лекции, которыми было охвачено 7980 человек, провел 26 инструктивных

совещаний агитаторов и руководителей агитколлективов, среди населения организовано проведение 1525 бесед» [20, л. 84]. Сургутский агитпункт, «являясь центром всей агитационной работы в районе, за месяц работы организовал: лекций и докладов 32, которые прослушали 1012 человек, митингов и собраний — 74 с охватом 1139 человек» [20, л. 84]. Всего на 1 января 1942 года при парторганизациях округа было организовано «96 агитколлективов и в них объединено 1992 агитатора» [20, л. 80], усилиями которых «за весь 1941 год по округу проведено 1390 митингов, в которых участвовало 74718 человек» [20, л. 81], «в том числе 8536 читок среди национального населения» [21, л. 18], то есть политпропагандой и агитацией было охвачено подавляющее большинство населения округа. В первые месяцы войны 1941 года с докладами и лекциями перед жителями Югры выступили и многие руководители округа — секретари окружкома ВКП(б) И. Е. Кулагин, И. И. Гаман, Н. Е. Долинин, начальник окротдела НКВД М. П. Фефелов, секретарь Самаровского райкома Д. Г. Наумов и другие работники райкомов и исполкомов, которые «правильно поняли решения бюро Обкома ВКП(б) от 30/IX-1941 г. о том, что они непосредственно сами должны быть агитаторами» [20, л. 82].

Массовость агитационно-пропагандистской работы со стороны окружных властей, на первый взгляд, может показаться чрезмерной: жители Югры были буквально «оглушены» политпропагандой. Однако стоит учесть, что «в Югре к концу 1930-х гг. неизбежно должны были сохраниться неграмотные и малограмотные люди, не получившие своевременно элементарного школьного образования» [22, с. 252], незадолго до начала войны «в декабре 1939 г. руководство Омской области признало, что в Остяко-Вогульском округе неграмотные составляли 16,2 %» [22, с. 251]. То есть накануне Великой Отечественной войны среди жителей округа сохранялось значительное число неграмотных или малограмотных граждан, не имевших возможности читать газеты, поэтому плохо представлявших себе ситуацию в стране и на фронте. К тому же нужно отметить, что в географически обширных северных округах Омской области «в мобилизации трудящихся на усиление помощи фронту» «исключительно большое значение» имела работа радиосвязи, радиовещание и радиослушание [20, л. 86]. Однако в 1941 году по всему Ханты-Мансийскому национальному округу имелась 2321 радиоточка и 20 радиоприёмников коллективного слушания [20, л. 86]. Прежде всего радиоточки устанавливались в зданиях органов власти, общественных учреждений и организаций: райкомах, райисполкомах, сельсоветах, ведомственных конторах, школах, редакциях газет и т.д., и были далеко не во всех домах югорчан. Но в условиях военного времени решить имеющуюся проблему с недостаточностью радиоповещения населения округа не представлялось возможным. В связи с чем наряду с устными формами политической пропаганды — митингами, лекциями, докладами, беседами партийным руководством Ханты-Мансийского национального округа активно применялась наглядная агитация — выпуск стенгазет. Согласно докладу на областном совещании по пропаганде и агитации о состоянии агитационно-пропагандистской работы в округе секретаря по пропаганде и агитации Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) Н. Е. Долинина, за первый год войны «всего по округу насчитывается 595 стенга-

зет, в том числе Самаровский — 102 газеты, Кондинский — 162 газеты, Микояновский — 121 газета, Ларьякский — 10 газет, Сургутский — 132 газеты, Берёзовский — 78 стенгазет» [20, л. 85].

Несмотря на военную обстановку, с местных органов власти никто не снимал ответственности за «превращение округа из потребляющего в производящий сельскохозяйственные продукты, за оседание и сселение кочевого и полукочевого населения» [20, л. 81]. Оставшийся прежним круг хозяйственно-политических задач, стоящих перед партийным руководством Югры в предвоенное время, ещё больше расширился в условиях военного времени. Югорским руководителям приходилось направлять политпропаганду на «дальнейшее поднятие производительности труда» и агитировать население округа за выполнение планов рыбодобычи, заготовку кормов для скота на зимний период, пополнение фонда обороны, успешное проведение сельскохозяйственных работ, сбор тёплых вещей для Красной Армии [20, л. 81] и т.д. Как отмечал в упомянутом докладе Н. Е. Долинин, «мерилом агитационной работы служат показатели в разрешении основных хозяйственно-политических задач, стоящих перед округом» [20, л. 87]. В условиях Великой Отечественной войны патриотический подъём не отделялся от производственного, поэтому в отчётную документацию окружных органов власти о состоянии агитационно-пропагандистской и политико-просветительской работы с населением Югры включались вопросы выполнения хозяйственных планов, политическое значение которых в военное время только усилилось: выполняя постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» от 6 января 1942 года, обком ВКП(б) и облисполком Омской области утвердили округу задание по добыче и переработке рыбы в размере 47 % областного плана [23, л. 19].

Осознание жителями Ханты-Мансийского национального округа возрастающей опасности для жизни и свободы со стороны фашистской Германии проявлялось в выступлениях на митингах, участии в военных займах, активном изучении военного дела, досрочном выполнении производственных планов, подаче заявлений на фронт. Как отмечается в работе советского историка А. М. Сеницына «Всенародная помощь фронту», с просьбой о добровольном зачислении в ряды сражающейся армии «в Омской области к концу июля 1941 г. только в городские и районные военкоматы поступило около 9 тыс. заявлений» [24, с. 16]. Из них, как отмечается в информационной сводке № 2 заведующего сектором информации Омского обкома ВКП(б) Вихнова от 2 сентября 1941 года, из Ханты-Мансийского национального округа «за первый месяц войны в окрвоенкомат поступило 571 заявление с просьбой о добровольном зачислении в ряды действующей Красной Армии, в том числе от 47 женщин, 125 коммунистов, 186 комсомольцев» [25, л. 60]. В осенне-зимний период первого года войны югорчане перевыполнили план по сбору тёплых вещей, сдав «885 полушубков вместо 300 по заданию, около 1500 пар валенок вместо 1000, больше 200 пар кисов, 306 меховых жилетов» [20, л. 88]. В течение первого года войны от жителей Ханты-Мансийского национального округа в Фонд обороны страны поступил 1 млн 301 тысяча 441 рубль денежных средств «и облигациями разных займов трудящихся округа сдано на 2 млн 282 тысячи рублей».

Кроме теплых вещей, денег и облигаций население Югры сдало в Фонд обороны «лом и золота 362 г 225 мг, серебра 9 кг 966 г 790 мг, золотыми монетами царской чеканки на 30 руб. и серебряной монеты 1700 г». Билетов денежно-вещевой лотереи среди югорчан было реализовано «на 877 тысяч рублей, при том что предполагалось реализовать 690 тысяч рублей» [20, л. 88–89]. Таким образом, несмотря на наличие в округе точки зрения советской власти «неблагонадёжного контингента», психологическая реакция югорчан на нападение фашистской Германии и начавшихся военных действий против завоевателей была, как и у большинства советских граждан, ненависть к врагу и самопожертвование ради защиты и спасения.

Однако наряду с патриотическим подъёмом среди населения округа имели место и случаи деструктивного поведения с политическим антисоветским оттенком, о которых наряду с фактами патриотического настроения среди югорчан также сообщается в отчётах партийных работников. Так, колхозник Волков из Батлымского колхоза Микояновского района заявил: «Всё равно нам придётся жить единоличниками: колхоз укреплять незачем» [17, л. 26]. Фельдшер этого же сельсовета, спецпереселенец Шелестов Иван Яковлевич «в споре со счетоводом колхоза Б-Юрты доказывал, что фашистская армия обязательно победит, а председатель колхоза Кошелев с ним согласился, не дал своевременно отпора таким разговорам» [19, л. 87]. Жительница деревни Чембакино Самаровского района Баландина говорила своим односельчанам: «В существующих колхозах беспорядок, вот скоро придет немец, наведет свои, новые, порядки, и жить будет лучше» [19, л. 87]. Бухгалтер из Усть-Казыма этого же района «среди рабочих ведет разговоры о том, чтобы они на работу не выходили. Его жена, посещавшая квартиры рабочих, заявляет: «Замру, но работать не буду и укреплять, помогать государству не хочу и вам не советую» [19, л. 88]. Гражданин села Реполово Смирнов говорил: «Пускай воюют коммунисты, они хлеб получают без нормы, а мы голодаем, и, если пойдем воевать, власть будет в наших руках и хлеба будет у нас вдоволь» [19, л. 87].

Распространению пораженческих настроений среди жителей Ханты-Мансийского национального округа, провоцирующих людей на деструктивное поведение, способствовали и различного рода слухи. Например: «В некоторых колхозах идут толкования, что в Омске высажен немецкий десант, взорваны заводы, имеется много жертв, и диверсанты не пойманы» [17, л. 26]. Как следует из докладной записки начальника Ханты-Мансийского окружного отдела НКВД старшего лейтенанта госбезопасности Куликова секретарю Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) Кулагину от 30 сентября 1942 года, осенью 1942 года в Самаровском и Кондинском районах Ханты-Мансийского национального округа и в самом посёлке Ханты-Мансийск среди населения получили распространение анонимные письма, «в которых не только всех призывают к усилению веры в бога, но и в категорической форме требуют от верующих не выходить на работу в воскресные дни, соблюдения всех религиозных праздников», в каждом письме «требуется от получателя, чтобы оно переписывалось им в 9 экземплярах и распространялось дальше, в письмах также уверяют верующих, что они «получены с неба от самого бога», а в некоторых напичканными профашистской агитацией — «от самого Гитлера», где прямо указывается,

что распространение писем поможет быстрейшему уничтожению Советской власти» (сохранена орфография оригинала. — Лешукова Е. В.) [18, л. 12].

Такая неправдоподобная информация способствовала нагнетанию панических настроений, в конечном счёте деморализуя население, расшатывая тыл. Поэтому попадала в поле зрения партийных органов власти и НКВД, которыми квалифицировались как реакции потенциальных предателей и «разновидность вражеских кадров» [18, л. 13], фиксировались в докладных записках, их винючники подвергались аресту и привлечению к следствию, а «населению через агитаторов и райпарт-актив разъяснялось действительное положение на фронте» [19, л. 88]. Анализ архивных документов показывает, что, благодаря оперативности мероприятий агитационно-пропагандистского характера, имевшие место проявления пораженческих настроений не оказывали большого влияния на выполнение югорчанами своих трудовых функций и не нарушали хозяйственных планов. Так, на 1 июля 1942 года план по добыче рыбы округ выполнил на 106,6 % (лидеры Ларьякский, Берёзовский и Самаровский районы) [26, л. 1], план по заготовке пушнины — на 111,7 %, по лесозаготовкам — на 120,7 % [20, л. 87–88].

Массовый охват и высокие темпы политпропаганды первых месяцев войны партийные органы старались не снижать вплоть до её окончания, поддерживая в населении уверенность в правильности действий правящей партии и её руководителей и победоносном окончании войны. Так, в первом полугодии 1943 года населению Кондинского района было прочитано 33 лекции и доклада по темам: «Партия большевиков в годы Гражданской войны», «Сталин — великий стратег и полководец», «Международное положение», «Фашизм — злейший враг человечества», «Гитлеровский — "новый порядок"» [21, л. 21], которые прослушали 1350 человек. Особым условием политпросветительской работы среди трудоспособных жителей Югры было то, что они подолгу находились в местах лова рыбы. Поэтому агитаторы и пропагандисты выезжали к ним на рыбоучастки. Так, в августе — октябре 1943 года в Берёзовском районе беседа на тему «Текущий момент Отечественной войны и наши задачи» была проведена в 23 рыбацких коллективах колхозов «Большевик» в селе Хошлог, имени Сталина в селе Саранпауль, имени Калинина в селе Хурумпауль, имени Чапаева в селе Сартынья, на территории Сосьвинской культбазы, общее количество слушателей — 167 человек [21, л. 38 об.].

Агитируя жителей Югры на выполнении хозяйственных планов, сбор тёплых вещей для военнослужащих Красной Армии, денег и ценных вещей в Фонд обороны, покупку облигаций, активное участие в военных займы и оказание другой помощи фронту, вселяя уверенность в победе и поднимая население округа на трудовые подвиги, партработники Югры вели пропаганду не только на словах, но и на деле. За время Великой Отечественной войны из райкомов и окружкома ВКП(б) Ханты-Мансийского национального округа в РККА ушло более 50 партийных работников (табл. 1), среди них: первый секретарь Самаровского РК ВКП(б) Николай Мартеньянович Марков, заведующие парткабинетами Иосиф Макарович Чаусский и Мира Моисеевна Ханина, секретарь Берёзовского РК ВЛКСМ Николай Афанасьевич Калужный, заведующий отделом пропаганды Березовского РК ВКП(б) Кесарь

Таблица 1

Количество партийных работников, выбывших в РККА из Ханты-Мансийского национального округа в годы Великой Отечественной войны
(На основании данных Исторического архива Омской области. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3940. л. 169–190)

Районы Должности	Березовский райком	Кондинский райком	Ларьякский райком	Микояновский райком	Самаровский райком	Сургутский райком	Ханты-Мансийский окружком	итого
1-й секретарь РК ВКП(б)					1			11
секретарь РК ВЛКСМ	1							11
зав. орготделом	1	1	1	3		2	1	99
зав. отделом пропаганды	1			1		2		44
зав. райфо			1					11
зав. сектором партстатистики		1						11
зав. военным отделом		1						11
председатель РПС	1				1			12
помощник секретаря	1		1	2	1	1		66
зав. парткабинетом	1				2			33
инструктор	2		2	4	1	3	4	116
пропагандист		1			3			14
лектор							1	11
директор культбазы							1	11
итого	8	4	5	10	9	8	7	551

Стратоникович Львов, заведующий парткабинетом Василий Андреевич Чебышев; заведующие отделом пропаганды Сургутского РК ВКП(б) Иван Фёдорович Сеченко и Сергей Илларионович Дроздов; заведующий отделом пропаганды Микояновского РК ВКП(б) Василий Осипович Рыболовлев и другие. Пример личного участия партработников округа в борьбе с врагом в рядах действующей армии как нельзя лучше пропагандировал главный лозунг Великой Отечественной войны: «Наше дело правое! Победа будет за нами!».

Заключение. В критических условиях начального этапа Великой Отечественной войны социально-политическая ситуация в Ханты-Мансийском национальном округе, как месте концентрации неблагонадежного антисоветского элемента, а также большого количества кочевого и полукочевого неграмотного населения из числа коренных народов, вызывала серьёзные опасения со стороны местного партийного руководства. Наряду с массовым патристическим подъёмом среди жителей округа имели место случаи проявления пораженческих настроений: негативные высказывания против колхозного строя, советской власти, представителей правящей партии, восхищение военным превосходством Германии.

Учитывая социальную, а также хозяйственную специфику контингента населения округа, среди которого многие были заняты ловом рыбы, заготовкой леса и охотой, при окружном и районных комитетах ВКП(б) были созданы агитпункты и лекторские группы, начавшие в условиях недостаточного охвата радиовещанием и нехватки средств связи, объезда округа, территория которого «почти равна территории такого крупного европейского государства, как Франция, и более чем в 2 раза превышает территорию Англии» [27, с. 5]. Для более полного охвата населения партийное руководство округа задействовало все возможные организационные формы агитации и пропаганды: митинги, собрания, беседы, лекции. Большое значение в политическом просвещении югорчан играло личное участие партработников, включая секретарей окружкома и райкомов, сотрудников исполкомов, выступавших с докладами. Исключительное внимание уделялось наглядным средствам агитации — выпускам стенгазет. В результате энергичного сочетания всех мер, предпринятых руководством Ханты-Мансийского национального округа, удалось достичь широкого охвата агитационно-пропагандистской работой жителей округа. Несмотря на сложность для власти социального состава населения и имевшие место случаи деструктивного поведения, партийное руководство не утратило контроля над социально-политической ситуацией в регионе на начальном этапе Великой Отечественной войны. Стабильность социально-политической обстановки способствовала выполнению округом прибавившихся с началом войны задач по обеспечению фронта и тыла рыбной продукцией и другими видами продовольствия, тёплыми вещами, проведению мобилизаций, приписных и призывных кампаний в РККА и иных вопросов, которые партийному руководству Югры приходилось решать в условиях ограниченности и рассредоточения на обширной территории людских ресурсов.

Практика агитационно-пропагандистской работы партийных органов власти Ханты-Мансийского национального округа, представленная в рамках настоящей статьи, позволяет считать данное направление одним из важных условий единения фронта и тыла, а значит, и Победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне.

Библиографический список

1. Сталин И. В. Выступление по радио 3 июля 1941 года // Центр гуманитарных наук 21-го века. Зеркало библиотеки Михаила Грачёва, архив И. В. Сталина. URL: https://c21ch.newcastle.edu.au/stalin/t15/t15_07.htm (дата обращения: 18.04.2022).
2. Никитинский И. И., Софинов П. Г. Крепкий тыл — залог победы над врагом. Саратов: Изд-во ОГИЗ, 1941. 32 с.
3. Евелькин Г. М. Социально-политическая ситуация как проблема познания: к концептуализации понятий и исследовательских подходов // Социология. 2014. № 2. С. 47 — 57.
4. Котляров И. В. Социально-политическая ситуация как фактор цивилизационного кода // Социологический альманах. 2018. № 9. С. 15 — 28.
5. Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма 1941 — 1945. История и психология подвига. Москва: Памятники истории, 2003. 500 с.
6. Данилов В. Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941 — 1945 гг. Саратов. Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 396 с.
7. Точенов С. В. Волнения и забастовки на текстильных предприятиях Ивановской области в 1941 — 1942 гг. // Вестник Ивановского гос. ун-та. Сер. «История. Философия. Педагогика. Психология». 2004. Вып. 4. С. 16 — 27.
8. Якушевский А. С. Арсенал Победы // Великая Отечественная война 1941 — 1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 4. Народ и война. Москва: Наука, 1999. 368 с.
9. Козлов Н. Д. Общественное сознание и настроение народа в начале Великой Отечественной войны. Санкт-Петербург: ЛОИУУ, 1995. С. 57 — 68 // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennoe-soznanie-i-nastroenie-naroda-v-nachale-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 10.08.2022).
10. Падерин А. А. Советское общество до и после июня 1941 года // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (17). С. 118 — 127. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-2-17-118-127.
11. Ионов В. В. О некоторых вопросах истории начального периода Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 2. С. 37 — 52. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.203.
12. Сомов В. А. Формы социального реагирования населения на начало Великой Отечественной войны (по материалам Волго-Вятского региона) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 3 (1). С. 192 — 197.
13. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-437. Оп. 21. Д. 147.
14. ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3997.
15. Закирова Е. Н. Спецпереселенцы в Остяко-Вогульском (Ханты-Мансийском) национальном округе в начале 30-х гг. XX в. // Вестник угоредения. 2015. № 3 (22). С. 52 — 57.
16. ИАОО. Ф. Р-437. Оп. 6. Д. 17.
17. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-107. Оп. 1. Д. 582.
18. ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 641.
19. ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 2963.
20. ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3423.
21. ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 741.
22. Кирилюк Д. В. Развитие школьного образования в Югре (1945 — 1991 гг.). Курган: ООО Курганский Дом печати, 2019. 400 с.
23. ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3143.
24. Сеницын А. М. Всенародная помощь фронту. Москва: Военное изд-во, 1985. 319 с.
25. ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3072.
26. ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3378.
27. Кокосов М. Н., Никулин В. И., Харин В. И. Ханты-Мансийский национальный округ (очерк природы и хозяйства). Свердловск: Металлургиздат, 1956. 104 с.

ЛЕШУКОВА Елена Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Сургутского государственного университета, г. Сургут.
SPIN-код: 7654-5897
AuthorID (РИНЦ): 1001709
ORCID: 0000-0001-5698-5898
Адрес для переписки: leshukova1971@mail.ru

Для цитирования

Лешукова Е. В. Агитационно-пропагандистская работа и борьба с пораженческими настроениями в Ханты-Мансийском национальном округе на начальном этапе Великой Отечественной войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 32 — 39. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-32-39.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022 г.
© Е. В. Лешукова

AGITATION AND PROPAGANDA WORK AND FIGHT AGAINST DEFEATIST SENTIMENTS IN KHANTY-MANSIYSK NATIONAL DISTRICT AT INITIAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The study describes main aspects of the agitation and propaganda work of the authorities of the Khanty-Mansiysk National District and analyzes its impact on the socio-political conditions of life and behavior of the population at the initial stage of the Great Patriotic War. The source base of the study is the office documents of the Communist Party of the Soviet Union, stored in the Historical Archive of the Omsk region and the State Archive of Socio-Political History of Tyumen region. The author comes to the conclusion that in the difficult conditions of the beginning of the war with Nazi Germany, the party leadership of the district showed determination and firmness in carrying out measures of a political and educational nature. The intensity and coherence of the work of the district's party bodies in organizing rallies, meetings, lectures, talks, speeches and other forms of agitation and mass events contributed to strengthening the spiritual uplift of Ugra residents, neutralizing negative political sentiments, thereby ensuring the stability of the internal political situation in one of the rear areas of the country.

Keywords: the Great Patriotic War, propaganda work, party organs, the Red Army, the Soviet rear, Omsk region, Tyumen region, Khanty-Mansiysk National District.

References

1. Stalin I. V. Vystupeniye po radio 3 iyulya 1941 goda [Stalin I. B. Speech on the radio on 3 July 1941] // Tsentr gumanitarnykh nauk 21-go veka. Zerkalo biblioteki Mikhaila Grachava, arkhiv I. V. Stalina. Centre for the Humanities of the 21st Century. The Mirror of Mikhail Grachev's Library, Stalin's Archive. URL: https://c21ch.newcastle.edu.au/stalin/t15/t15_07.htm (accessed: 18.04.2022). (In Russ.).
2. Nikitinskiy I. I., Sofinov P. G. Krepiy tyl — zalog pobedy nad vragom [A strong rear is a guarantee of victory over the enemy]. Saratov, 1941. 32 p. (In Russ.).
3. Evel'kin G. M. Sotsial'no-politicheskaya situatsiya kak problema poznaniya: k kontseptualizatsii ponyatiy i issledovatel'skikh podkhodov [The socio-political situation as a cognitive problem: Towards a conceptualisation of concepts and research approaches] // Sotsiologiya. Sociology. 2014. No. 2. P. 47–57. (In Russ.).
4. Kotlyarov I. V. Sotsial'no-politicheskaya situatsiya kak faktor tsivilizatsionnogo koda [Socio-political situation as a barometer of the civilizational code] // Sotsiologicheskii al'manakh. Sociological Almanac. 2018. No. 9. P. 15–28. (In Russ.).
5. Aniskov V. T. Krest'yanstvo protiv fashizma 1941–1945. Istoriya i psikhologiya podviga [The Peasantry against Fascism 1941–1945. The history and psychology of the feat]. Moscow, 2003. 500 p. (In Russ.).
6. Danilov V. N. Sovetskoye gosudarstvo v Velikoy Otechestvennoy voyne: fenomen chrezvychaynykh organov vlasti 1941–1945 gg. [The Soviet State in the Great Patriotic War: The Phenomenon of Extraordinary Authorities 1941–1945]. Saratov, 2002. 396 p. (In Russ.).
7. Tochenov S. V. Volneniya i zabastovki na tekstil'nykh predpriyatiyakh Ivanovskoy oblasti v 1941–1942 gg. [Unrest and strikes at textile enterprises in Ivanovo region in 1941-1942] // Vestnik Ivanovskogo gos. un-ta. Ser. «Istoriya. Filosofiya. Pedagogika. Psikhologiya». Bulletin of Ivanovo State University. Ser. «History. Philosophy. Pedagogy. Psychology». 2004. Issue. 4. P. 16–27. (In Russ.).
8. Yakushevskiy A. S. Arsenal Pobedy [Arsenal of Victory] // Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945. Voenno-istoricheskiye ocherki. V 4 kn. Kn. 4. Narod i voyna [The Great Patriotic War 1941–1945. Military-historical essays. In 4 books. Bk. 4. The people and the war]. Moscow, 1999. 368 p. (In Russ.).
9. Kozlov N. D. Obshchestvennoye soznaniye i nastroyeniye naroda v nachale Velikoy Otechestvennoy voyny [Public consciousness and the mood of the people at the beginning of the Great Patriotic War]. Sankt-Peterburg, 1995. P. 57–68 // Kiberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshchestvennoye-soznanie-i-nastroenie-naroda-v-nachale-velikoy-otechestvennoy-voyny> (accessed: 10.08.2022). (In Russ.).
10. Paderin A. A. Sovetskoye obshchestvo do i posle iyunya 1941 goda [Soviet Society Before and After June 22, 1941] // Vestnik MGIMO-Universiteta. MGIMO Review of International Relations. 2011. No. 2 (17). P. 118–127. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-2-17-118-127. (In Russ.).
11. Izonov V. V. O nekotorykh voprosakh istorii nachal'nogo perioda Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. [On some issues of the history of the initial period of the great patriotic war 1941–1945] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2016. Issue. 2. P. 37–52. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.20. (In Russ.).
12. Somov V. A. Formy sotsial'nogo reagirovaniya naseleniya na nachalo Velikoy Otechestvennoy voyny (po materialam Volgo-Vyatskogo regiona) [Forms of social response of the population to the beginning of the Great Patriotic War (based on the materials of the Volga-Vyatka Region)] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Vestnik of Lobachevsky

University of Nizhni Novgorod. 2011. No. 3 (1). P. 192–197. (In Russ.).

13. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical Archive of the Omsk Region (HAOR)]. File: P-437/21/147. (In Russ.).

14. IAOO [HAOR]. File: П-17/1/3997. (In Russ.).

15. Zakirova E. N. Spetspereselenitsy v Ostyako-Vogul'skom (Khanty-Mansiyskom) natsional'nom okruge v nachale 30-kh gg. XX v. [Special settlers of Ostyako-Vogulsk (Khanty-Mansiysk) National District in 30-s of the XX century] // *Vestnik ugrovedeniya. Bulletin of Ugric Studies*. 2015. No. 3 (22). P. 52–57. (In Russ.).

16. IAOO [HAOR]. File: P-437/6/17. (In Russ.).

17. Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti (GASPITO) [State Archive of Social and Political History of the Tyumen Region (SASPHTR)]. File: П-107/1/582. (In Russ.).

18. GASPITO [SASPHTR]. File: П-107/1/641. (In Russ.).

19. GASPITO [SASPHTR]. File: П-17/1/2963. (In Russ.).

20. IAOO [HAOR]. File: П-17/1/3423. (In Russ.).

21. GASPITO [SASPHTR]. File: П-107/1/741. (In Russ.).

22. Kirilyuk D. V. Razvitiye shkol'nogo obrazovaniya v Yugre (1945–1991 gg.) [Development of school education in Ugra (1945–1991)]. Kurgan, 2019. 400 p. (In Russ.).

23. IAOO [HAOR]. File: П-17/1/3143. (In Russ.).

24. Sinitsyn A. M. Vsenarodnaya pomoshch' frontu [The nationwide aid to the front]. Moscow, 1985. 319 p. (In Russ.).

25. IAOO [HAOR]. File: П-17/1/3072. (In Russ.).

26. IAOO [HAOR]. File: П-17/1/3378. (In Russ.).

27. Kokosov M. N., Nikulin V. I., Kharin V. I. Khanty-Mansiyskiy natsional'nyy okrug (oчерk prirody i khozyaystva) [Khanty-Mansiysk National District (sketch of nature and economy)]. Sverdlovsk, 1956. 104 p. (In Russ.).

LESHUKOVA Elena Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of Russian History Department, Surgut State University, Surgut.

SPIN-code: 7654-5897

AuthorID (RSCI): 1001709

ORCID: 0000-0001-5698-5898

Correspondence address: leshukova1971@mail.ru

For citations

Leshukova E. V. Agitation and propaganda work and fight against defeatist sentiments in Khanty-Mansiysk National District at initial stage of the Great Patriotic War // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 32–39. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-32-39.

Received August 15, 2022.

© E. V. Leshukova

ОТНОШЕНИЕ НАРОДНО-ТРУДОВОГО СОЮЗА РОССИЙСКИХ СОЛИДАРИСТОВ И ЕГО ДОЧЕРНИХ ОРГАНИЗАЦИЙ К НАЦИОНАЛЬНО- АДМИНИСТРАТИВНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ В 1987—1998 гг.

Народно-трудовой союз российских солидаристов — одна из наименее известных российским исследователям организаций. Созданный в 1930 г. эмигрантами он являлся старейшей русской национальной организацией, противостоящей коммунистическому режиму в СССР. В годы перестройки солидаристы не создали единой партийной структуры и выступали в качестве «третьей силы», поддерживая антикоммунистов из «Демократической России». Анализ документов организации, воспоминаний ее участников, партийной публицистики позволяют сделать вывод — избранная позиция «непредвзятости» приводила в ее ряды лиц с различными взглядами, а ее лидеры так и не смогли сформировать программу, нацеленную на преобразование страны. Отсутствие собственного политического лица стало причиной превращения организации в «дискуссионный клуб» с дальнейшим исчезновением. Последствием данного положения стало фактическое участие солидаристов и их сторонников в дезинтеграции СССР, то есть той исторической России, за возвращение к которой они выступали.

Ключевые слова: Народно-трудовой союз российских солидаристов, Демократический союз, Российское христианско-демократическое движение, распад СССР, административно-национальное строительство в РФ.

Введение. Народно-трудовой союз (НТС) российских солидаристов — старейшая эмигрантская организация, созданная в 1930 г. вобравшая и связавшая воедино все три волны послеоктябрьской политической эмиграции. Организация последовательно боролась с коммунистическим режимом в СССР и сыграла значительную роль в его крушении, повлекшем распад многонационального союзного государства приравненная к геополитической катастрофе.

В рамках статьи, вводя в научный оборот документы НТС и дочерних организаций; материалы, опубликованные в партийном издании «Посев»; мемуары членов организации, а также научные исследования, автор рассматривает деятельность российских солидаристов в 1987—1998 гг.

Цель исследования — охарактеризовать отношение НТС к советскому национально-государственному устройству и перспективам развития государственности в 1992—1998 гг. посредством анализа программных документов организации, оценочных высказываний членов НТС и программ политических партий и движений, возникших на основе его программы.

Количество авторов и публикаций, посвященных деятельности НТС в рассматриваемый период, незначительно. К первой группе относятся Д. Ю. Алексеев и Н. А. Цыганок, изучавшие непо-

средственно деятельность НТС и его функционеров [1, с. 116—122; 2, с. 1251—1254]. Вторая группа авторов — А. А. Фоменков, С. В. Новиков, М. С. Новиков, исследуя деятельность националистов и державников, рассматривают не только структуры НТС, но и организации, возникшие на базе программы «Путь к будущей России», прослеживая их влияние на политические процессы как в стране в целом, так и в её отдельных регионах [3, с. 101—105; 4, с. 6—11; 5, с. 42—53, 54—58, 81—82, 89—91, 98, 103, 124—125, 203, 209—213, 243—244, 263, 272—274].

В борьбе с тоталитарным государством. НТС начал свою легальную деятельность в СССР во время перестройки. Организация позиционировала себя в качестве русской национальной. Её программный документ «Путь к будущей России» (1987 г.) получил распространение в стране. Он лег в основу образованного в мае 1988 г. Демократического Союза (ДС). Как пояснял один из создателей организации Л. Г. Убожко: «Четкой идеологической альтернативы программе КПСС мы не создали — хотя система ценностей соответствовала идеалистически западной, взятой из программы НТС» [6, с. 97].

Помимо ДС под влиянием НТС шло создание Российского христианско-демократического движения (РХДД). НТС и РХДД определялись НТС как дружеские, представляющие её либерально-демократическое и христианско-демократическое кры-

ло. Представлялось, что солидаристы «растворятся» в них [7]. РХДД распространял в СССР и РСФСР 50 тыс. экземпляров тиражируемого в Риге журнала НТС «Посев». Организации РХДД за Уралом имелись в Новосибирске, Томске, Иркутске, Магадане. ДС действовал в Барнауле, Омске, Кемерово, Новокузнецке, Новосибирске. Идеинная близость ДС и НТС привела к формированию летом 1989 г. в Ленинграде Национально-демократического общества «Свободная Россия» и Сибирского руководящего органа (СибРО). Однако руководство, находящееся во Франкфурте-на-Майне, данные организации не признало [5, с. 43–44, 47–49].

Таким образом, единой организации в РСФСР создано не было. Отсутствие юридической регистрации делало невозможным участие солидаристов в выборах, как говорится, с «открытым забралом».

При этом следует отметить, что «непредрешенческие позиции» относительно формы государственного правления, занимаемые организацией вплоть до 17 марта 1991 г. [8, с. 152]. Это, на наш взгляд, стало причиной самых широких подходов к государственному устройству, системе управления и политическому режиму, который должен был установиться в посткоммунистической и постсоветской России.

Так, анализ проекта «Конституции Союза Советских Суверенных Республик», составленного в 1989–1990 гг. сторонником организации «Вена-89», являющейся площадкой для проведения агитационной деятельности НТС и разворачивания структур ДС в Сибири, позволяет рассмотреть альтернативный Конституции СССР документ, позволяющий строить будущее Российское государство как «демократически единое» и как «конфедерацию», отрицая при этом принципы федерализма [4, с. 7–8]. При этом, рассматривая Сибирь как колонию, издание газеты Сибирского демократического союза «Свободная демократическая Сибирь» указывало, что «в силу своего географического положения Сибирь тяготеет к установлению хозяйственных связей с США и Канадой, имеющими к тому же сходную историю, а не к Западной Европе, на интеграцию с которой в общеевропейском доме нацелено центральное правительство» [9, с. 531; 4, с.10].

Программа РХДД в вопросе о форме правления в Российском государстве придерживалась позиции «непредрешенности». В переходный период жизнеспособной формой государственного устройства считалась «президентская республика».

Рассматривая Советский Союз и его развитие, РХДД выступала за:

— «деимпериализацию» идеологического монстра — СССР, стремясь к выработке сбалансированных форм этой деимпериализации с учетом мирового опыта. В документе указывалось, что «народы, пожелавшие отделиться от метрополии, должны иметь реальную возможность это сделать. С другой стороны, процесс отделения не должен превращаться в безумное, безответственное дробление страны» (речь шла о разработке механизма плебисцита перед отделением территории);

— в вопросе о статусе русского населения, по мнению движения, Российское государство должно «разработать и осуществлять эффективную программу по защите интересов той части русского населения, которая останется на отделившихся территориях».

Рис. 1. Окулов Андрей Владимирович в форме Корниловского ударного полка. Автор книги воспоминаний «В борьбе за белую Россию. Холодная гражданская война», активно трудился на различных должностях в журнале «Посев» с 1980 г.
 Источник: https://www.litmir.me/data/Author/99000/99875/Фото_Окулов_Андрей_Владимирович_18ea9.jpg
 (дата обращения: 06.01.2023)

Подходы к административно-национальному строительству базировались на гарантиях права наций — органичным «явилось бы разнообразие национально-государственных форм: автономных, федеративных, конфедеративных и иных», которые осуществлялись бы «местными органами самоуправления и обеспечивались Российским государством» [10, с. 35–36, 44, 45, 46].

Накануне 17 марта 1991 г. организациям, стоящим на позициях НТС, предстояло определить своё отношение к вопросу — «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной Федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?». Еще в 1990 г. Совет НТС выпустил резолюцию, чей заголовок четко определял её содержание: «Спасать страну, а не социализм!». В целом в кругах, близких к НТС, считали, что именно созданием «квазигосударств» — советских республик, под страну была заложена «бомба замедленного действия». При этом, на наш взгляд, к весне 1991 г. Совет НТС не контролировал организации в РСФСР и каждый его сторонник поступал, как считал необходимым. В данном случае вызывает интерес точка зрения члена НТС с 1981 г. А. В. Окулова (рис. 1). По его воспоминаниям, восприятие данной формулировки в среде солидаристов было следующим: «17 марта КПСС будет проводить референдум. Скажешь «да» — проголосуешь за власть КПСС. Скажешь «нет» — ты вроде бы за развал страны». Сомнений добавляло и то, что в союзных республиках «представители номенклатуры примеряли на себя националистические

одежды и видели в своих республиках будущие вотчины». Выход был найден, наклейка — «Черная карта СССР, которую перечеркивает трехцветный российский флаг с надписью «За свободную Россию!». Как следствие, испортились отношения с борцами против СССР в Латвии, где у местных националистов наклейка вызвала отторжение, так как в контур СССР попала Латвия. Тогда же НТС в УССР выпустил на русском и украинском языках листовку, направленную против создания независимого украинского государства. Естественно, вызвав отторжение местных националистов и номенклатуры. 19 августа НТС выступила против Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Реакцию на развал СССР А. В. Окулов охарактеризовал как «шок» [11, с. 152, 153, 154, 289]. Для РХДД и её лидера В. В. Аксютинца развал СССР, как ни странно, тоже стал неожиданностью [3, с. 204].

На обломках «Советской империи». С 1991 по 1993 гг. прошли региональные съезды и конференции солидаристов в России. Они выявили неоднозначность подхода членов организации к социально-экономической и политической ситуации в стране. Например, практически был сорван I съезд региональной организации СибРО. Конфликт был вызван тем, что, игнорируя устав, представитель исполкома НТС Ф. Е. Незнанский, прибывший из Мюнхена, провел угодные центру решения. Съезд в знак протеста покинули делегаты Новосибирска и Иркутска, а также председатель СибРО А. Канаев. При этом следует отметить, что организации НТС в 1992–1993 гг. действовали в Барнауле, Новосибирске, Новокузнецке, Бердске, Кемерово, Прокопьевске, Омске, Бийске, Красноярске, Иркутске, Владивостоке, на Чукотке. Численность солидаристов в каждом регионе была незначительна: от 5 до 15 человек.

Среди российских сторонников НТС и ДС превалировала идея создания Российской партии солидаристов — преемницы «Белого дела», «новопоколенцев», создателей Союза Российских солидаристов и их идей о здоровом российском национализме и монархии как объединяющей идеи всех православных россиян [5, с. 81–82, 123].

Отсюда последующие идеологические и организационные действия:

- признание свержения коммунистического режима победой «Белого дела»;

- крайне скептическое отношение к советской модели федерализма;

- обращение к конституционному проекту К. П. Крамаржа (один из создателей Чехословацкой республики. — **Прим. М. Н.**), доработанному Г. Е. Львовым, П. Б. Струве, М. М. Винавером, А. В. Кривошеиным и др. активными российскими деятелями первой четверти XX в., как альтернативному и способствующему «собираанию земель русских»;

- создание «Белой гвардии» на базе ДС и Монархического Союза, последующее апеллирование к идеям «черной сотни», Белого казачества и «русской общины» с попытками создания их партийных структур на местах [12; 13, с. 38, 41; 5, с. 82, 126, 130–132].

В 1992–1994 гг. из Франкфурта-на-Майне в Москву были переведены управленческие органы НТС, редакции журналов, создан филиал издательства. К 1996 г., когда в Перми состоялся первый в России и четвертый в истории организации Съезд

Союза, его ячейки имелись примерно в 50 городах России. В российских ячейках состояло более 500 человек, около 200 — в ближнем и дальнем зарубежье [14].

Формирование новой российской власти из конструктивной части представителей власти коммунистической допускала принятая в 1987 г. программа НТС [15]. Отсюда и поддержка антикоммунистов из КПСС на всех этапах трансформации власти в России: будь это в 1990–1991 гг., в судьбоносном 1993 г. и в ходе выборов Президента РФ в 1996 г. Победа Б. Н. Ельцина в ходе президентских выборов завершила противостояние, охарактеризованное как «борьба "коммунистов" с "демократами"».

Именно участвуя в этой борьбе, старейшая русская эмигрантская организация одновременно одержала победу и потерпела поражение. С одной стороны, задача НТС, поставленная в 1930 г., была выполнена — коммунистический строй был уничтожен. С другой стороны, солидаристы так и не сумели создать в суверенной России политические структуры, развернуть и популяризировать собственные социально-экономические и политические идеи. Как не обратиться к воспоминаниям А. В. Окулова: «В декабре 1991 г. в московской газете «Куранты» появилась статья «Добро пожаловать, господа антисоветчики», где был опубликован тот самый «черный список» людей, около 200 фамилий, которым въезд в страну был запрещен по идеологическим мотивам. В нем я нашел множество знакомых имен. Нашел и себя под номером 105. Но на границе меня снова взяли! Оказывается, в списках, которые были на границе, я все еще значился «идеологическим диверсантом»! Два часа разбирался, потом офицер вернул мой паспорт и сказал: — Езжайте, кому вы сегодня нужны! [...] Советская бюрократия пережила сам режим» [11, с. 155].

В последующие, после победы ставленника «советской бюрократии» на выборах 1996 г., годы солидаристы анализируют возникшее на месте социалистического общества общество российское: оценка центральной власти, режима, региональных режимов, этно-политического и административного строительства, зарождающиеся политические традиции.

Анализ состояния и возможностей власти центральной сохранять единство страны приводит участников движения к выводу, что «устойчиво общенациональные власти контролируют общенациональные естественные и неестественные монополии, что делает её (страну. — **Прим. М. Н.**) единой. А ситуация в регионе является двойственной, в то время как из-за различий в экономическом положении многие регионы не могут существовать без субвенций из федерального бюджета — другие не заинтересованы в Москве как в перекупщике при торговле с иностранными партнёрами» [16].

Данные публицистами и аналитиками НТС характеристики региональной элиты и периферийных режимов, ею созданных, рисуют следующего картину.

Проблемой для существования Федерации оказывается «олигархическая» элита России. Она не едина из-за постоянных «географических» конфликтов внутри нее самой. Даже в столице параллельно действуют две клики — «федеральная» и «мэрская», находящиеся далеко не в мирных отношениях [17].

Рис. 2. Бажанов Валентин Александрович. Один из авторов журнала «Посев», доктор философских наук, профессор. Действительный член Международной академии философии науки, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель председателя экспертного совета философии, социологии, политологии, правоведения и науковедения РГНФ.

Источник: <http://staff.ulsu.ru/bazhanov/i/bazhanov-big.jpg>
(дата обращения: 06.01.2023)

Что касается Российской Федерации, то в складывающейся ситуации губернаторы на равных «торгуются» с центром, начинают «выкручивать руки» федеральному правительству. При этом используя не только ископаемые ресурсы, но и способность влиять на результаты выборов через находящиеся под их контролем избирательные комиссии. Раскрывая причину победы Б. Н. Ельцина на выборах 1996 г., один из авторов журнала «Посев» указывает, что ею последний обязан «на треть — команде, на треть — СМИ, контролируемым олигархами, на треть — лояльным губернаторам, соответствующим образом направляющим работу избирательных комиссий». Результатом такого сотрудничества, по мнению автора, становятся демарши со стороны глав целого ряда субъектов, таких как Калмыкия, Башкирия, Бурятия, Кемеровская и Орловская области, Приморский и Красноярский края. При этом активно нарушается Конституция страны и федеральное законодательство [18].

Углубляя анализ проблемы, исполнительный директор Института городского и регионального развития г. Санкт-Петербурга, член НТС Н. Журавский указывает на бессилие федерального центра на местах. Им было отмечено, что самарский губернатор принял собственный Земельный кодекс, в Петербурге идет собственная земельная реформа, в Краснодаре и Краснодаре — своя. Н. Журавский обращал внимание читателей на то, что «не могут на территории одной страны действовать разные законы, касающиеся таких фундаментальных прав, как право собственности». Это, по его мнению, грозило распадом России. Среди виновников такого положения аналитик называл Б. Н. Ельцина с его идеей о раздате суверенитета [19].

Интерес в оценке данных процессов представляют публикации в журнале «Посев» статей доктора философских наук, профессора В. А. Бажанова (рис. 2). Региональные режимы Российской Федерации второй половины 1990-х гг. он рассматривает посредством анализа политических и этнических

отношений. По его мнению, в стране имела место «система выборов, при которой не только разъединялись федеральные и региональные политические элиты, но и утверждалась однополюсная, авторитарная система власти на местах».

Например, на региональных выборах местные кандидаты противостоят кандидатам, связанным с федеральным центром, формируются региональные партии (типа «Возрождения Урала»), отстаивающие локальные интересы часто в ущерб общегосударственным. Совет Федерации, собираемый из губернаторов, республиканских президентов и председателей Законодательных собраний, оказывается в силу принципа своего формирования органом, не склонным к работе с проблемами собственно Федерации [20].

С другой стороны, в следующей публикации этот же автор указывает на то, что конфликт между субъектами Федерации легко может приобретать и этнический характер. Виновными, по его мнению, здесь являются большевики, которые ликвидировали наднациональные по своей сущности губернии и ввели деление по этническому признаку. Он отмечает, что идеи о том, что границы государств должны совпадать с границами национально-культурного ареала, распространены на постсоветском пространстве, что и подталкивает к созданию мононационального государства ценой постепенного вытеснения или искоренения иных культур, иных народов, иных традиций. В самозамыкающейся культуре явно доминируют иррациональные моменты, тогда как в открытой — рациональные, придающие ей качества гибкости, абсорбируемости и в то же время стойкости. Что касается текущего периода, то, по его мнению, во время разрушения коммунистической системы управленцы «коренной национальности», ради сохранения власти в «поиске новых форм её организации, подводят страну, регион к переходу от «дружбы народов» к этнонационализму.

В качестве примера подобного перехода он рассматривает ситуацию с Татарстаном, где, как пишет автор, «быстро достигнут политический и юридический суверенитет по отношению к федеральному центру». В Татарстане имеются общественные движения сепаратистского толка, подталкивающие и провоцирующие властные структуры на более решительные действия. Наиболее радикальные — «Иттифак», «Азатлык», ТОЦ. Движение «Соглашение», направленное на достижение согласия между народами, населяющими республику, или соблюдение демократических принципов, собственных гражданскому обществу, малочисленно и аморфно.

В. А. Бажанов обращает внимание на то, что:

— зелено-бело-красные полосы и белые барсы украшают многое в Татарстане — от трамваев и полиэтиленовых пакетов до административных зданий, в то время как символика Российской Федерации отсутствует;

— упор на национальность в Татарстане выливался в борьбу с введением новых российских паспортов, где отсутствует графа «национальность»;

— российское правительство не поддерживает деятельность в субъекте пророссийских движений и групп;

— сохраняя федеральное финансирование ВПК, системы образования и здравоохранения, федеральное правительство само оплачивает центробежные тенденции в субъекте Федерации;

— большая часть постов в Татарстане занята представителями титульного этноса, что указывает на стремление к этноцентричности; сходная тенденция наблюдается в Академии наук Татарстана, непропорционально доминируют представители титульного этноса.

Анализируя отношение к имеющим место процессам, автор отмечает, что пока (относительно 1997–1998 гг. — **Прим. М. Н.**) не более 20–25 % населения республики склонны придерживаться достаточно радикальных позиций по вопросу о статусе Татарстана. При этом уровень психологической некомфортности русских в республиках выше среднего. Если, согласно опросу социологического подразделения, действующего в правительстве Татарстана, 42,8 % татар и 27,9 % русских оценили межэтнические отношения в Татарстане как стабильные, то 36,2 % татар, 50,1 % русских и 55 % представителей других национальностей высказали мнение, что напряжение ощущается.

По мнению исследователя, имеет место тенденция и к этническому обособлению региона. Например, на втором Конгрессе татар, в августе 1997 г., было заявлено, что татары составляют 52 % населения Татарстана. Сепаратистские тенденции, по мнению В. А. Бажанова, менее всего популярны в регионах, примыкающих к Волге и в крупных городах (кроме, пожалуй, Набережных Челнов и Альметьевска). Главным образом они культивируются либо гуманитарной татарской интеллигенцией, либо малообразованными слоями титульного населения.

Не избежал автор и попыток среднесрочного прогноза.

По его мнению: «Российская Федерация, находясь в условиях продолжительного экономического кризиса, усугубленного неоптимальной стратегией реформ, регулярно сталкивается с политическим кризисом, что приводит к усилению регионализма, а в бывших автономиях — к сепаратизму и слабо прикрытому этнонационализму.

В русских регионах Российской Федерации идея особого «русского пути» срачивается с остатками коммунистической идеологии и может породить то, что автор называет «православным коммунизмом», который может стать угрозой для успешного построения гражданского общества и эффективной экономики».

Что касается Татарстана, то: «Знание языка, вероятно, будет использоваться как простой (так сказать, конституционный) и эффективный фильтр для отбора нужных кандидатов на руководящие (административные) посты. Это может стать средством отсеивания не только по этническому, но и по образовательному принципу, так как многие казанские татары среды естественнонаучной и технической интеллигенции ограниченно владеют национальным языком. Потенциально Татарстан будет представлять собой полузамкнутое образование с неблагоприятными условиями для не татар в смысле приобщения к властным структурам, наиболее «лакомым» составляющим процесса приватизации, административным должностям и т.д. Не татары будут постепенно оттесняться на периферию властных структур и вообще социально-активных и значимых реалий. Татарстан будет последовательно отстаивать целесообразность асимметричной федерации, что на долгое время сделает его фактором политической нестабильности в Российской Федерации» [21].

Прогноз, сделанный на основе анализа политических и этнических процессов в Татарстане, дополняется материалами, опубликованными А. Штаммом, который, характеризуя процессы в развитии в более чем 40 субъектах Федерации, отмечал усиление деления на своих и чужих по этническому принципу, требования возврата в паспорт графы «национальность» [22]. Естественно, процессы эти были растянуты во времени. Они фиксировались в различных регионах в различные периоды). Например, по данным А. Окулова и А. Штамма, опубликованным в 1998 г., в Кубанской области притеснениям подверглись около 20 тыс. месхетинцев, живших в области ещё с 1980-х гг. Им отказывали в регистрации, выдаче паспортов, чинили препятствия при трудоустройстве, выдаче зарплаты и т.д. [16].

Дальнейшее рассмотрение национального, как и аграрного вопроса, на страницах журнала «Посев» рассматривается через популярного с конца 1980-х гг. и уже упомянутого понятия «номенклатура». Так, А. Штамм указывает на то, что переход к капитализму не решил аграрный вопрос, а, наоборот, его ожесточил. Идёт борьба между номенклатурой, фактически ставшей латифундистами и фермерами [22]. При этом её интересы выходят за рамки аграрных отношений, уже упомянутые авторы А. Окулов и А. Штамм указывают на рост центробежных тенденций, связанных с экономическими неурядицами. Например, в Свердловской области существуют планы введения монополии на внешнюю торговлю, в Кемеровской области и Республике Саха предпринимают усилия по созданию в своих регионах золотовалютных фондов. В Ставропольском крае губернатор вначале категорически запретил поставки продовольствия в Санкт-Петербург для частных торговцев, а затем и вывоз продовольствия из края. Авторы статьи обращают внимание на два момента в развитии отношений федерального центра и его субъектов:

— в Совете Федерации начинают звучать призывы о преобразовании Российской Федерации в конфедерацию;

— продвигаемая на Западе идея оказания помощи не стране в целом, а региону, что усиливает распад страны на крупные территориальные образования [23].

Отметим, что эти и другие тенденции, обозначенные членами НТС, имели место и фиксировались региональными аналитиками, указывающими на:

— формирование мнения о том, что Россия — это территория Российской Федерации без автономий;

— отток русского населения из национальных регионов Сибири;

— расширение связей Чукотки с Аляской (вплоть до допущения создания Чукотско-Алеутской конфедерации), Бурятии с Монголией, Якутии с США и Канадой;

— активизацию деятельности иностранных компаний, ведущая роль которых в совместных предприятиях позволяла по низким ценам экспортировать необработанную нефть. Это угрожало российской нефтепереработке потерей сырья [24, с. 9, 10]. Однако политической воли противостоять этим тенденциям у руководства страны не хватало.

На этом фоне, казалось бы, «светом в окошке» должна восприниматься подписанная 25 декабря 1998 г. Декларация о дальнейшем единении России

и Белоруссии, направленная на создание в 1999 г. Союзного государства. Однако представители НТС указывают на опасности такого решения. С их точки зрения, Белоруссия может нажиться на контрабанде, идущей из ЕС в Россию и обратно, также это поможет решить проблемы Белоруссии; связанные с сырьём и энергоносителями за счет России; к тому же равноправное участие в союзе России и Белоруссии может подтолкнуть аналогичные требования со стороны национальных субъектов РФ. Анализ материалов журнала «Посев» дает основания предполагать, что публицисты и аналитики НТС враждебно относятся к белорусской экономике, характеризуя её как «колхозно-совхозный строй». Они провозглашают лозунг «Да — добровольному союзу наших народов! Нет — союзу с национал-большевистским режимом Лукашенко!» [25]. Как это ни странно, но почти через 20 лет, пережив трагедию геополитической катастрофы, солидаристы оказываются на позициях резолюции Совета НТС от 1990 г., чей заголовок четко определял её содержание «Спасать страну, а не социализм!» [11, с. 152]. Естественно, несколько наоборот — «Как строить союзное государство со страной, где социализм?». На этом фоне даже дискуссия о противостоянии бывшей номенклатуры и «фермеров» за земельную собственность воспринимается, по меньшей мере, неоднозначно. Впрочем, это тема другого исследования.

К концу 1990-х сторонники НТС предлагали российскому руководству:

- в организации избирательных кампаний — формирование региональных партийных списков по соответствующим квотам только из жителей данного региона;

- в административно-территориальном устройстве — существенное территориальное укрупнение субъектов федерации и замена национального деления России простым административным делением, т.е. создание симметричной федерации;

- в вопросах национально-культурного развития — обеспечение культурной автономии народов, населяющих Россию;

- в области коммуникаций — создание эффективной системы связи регионов и коммуникации жителей этих регионов, т.е. обеспечение информационного и коммуникационного единства России [20].

Заключение. Поводя итоги участия Народно-Трудового союза российских солидаристов, его дочерних организаций, активистов и сторонников в политической жизни страны в 1987–1998 гг., можно констатировать, что:

- активная деятельность представителей организации в годы перестройки явилась одной из причин активизации антикоммунистических настроений в среде реформаторов из КПСС. При этом позиция «непредрешенчества», заимствованная руководством РСФСР во главе с Б. Н. Ельциным у солидаристов, привела к фактическому отказу от поиска путей сохранения Советского Союза и принятию решения о его роспуске;

- свержение коммунистического режима члены и сторонники НТС считали победой «Белого дела», при этом негативно относясь к советскому опыту решения национального вопроса и советской модели федерализма, что вело к поиску собственных путей «собираания земель русских»;

- дезинтеграционные процессы в России стали объектом анализа солидаристов. Однако, не имея

влиятельных организационных и политических структур, свои взгляды на состояние и перспективы национально-административного строительства они проводили посредством личных контактов с представителями власти, выступлений в СМИ и публикаций в изданиях НТС.

Вызвав интерес, или будучи созвучным взглядам представителей российской власти, ряд предложений солидаристов использован в национально-государственном устройстве Российской Федерации.

Библиографический список

1. Алексеев Д. Ю. Российские солидаристы на современном этапе // Вестник тихоокеанского государственного экономического университета. 2005. № 1. С. 116–122.
2. Алексеев Д. Ю., Цыганок Н. А. Народно-Трудовой Союз российских солидаристов как институт гражданского общества // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18, № 4. С. 1251–1254.
3. Фоменков А. А. Русский национальный проект: русские националисты в 1960-е–первой половине 1990-х годов: моногр. Нижний Новгород: Экспринт, 2010. 235 с.
4. Новиков С. В. Сибирь в политико-правовом пространстве посткоммунистической России (по материалам СПА «Вена-89», Демократического Союза, газеты «Свободная демократическая Сибирь») // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15, № 1. С. 6–11. DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-1-6-11.
5. Новиков М. С. Русские националисты и державники в Западной Сибири на рубеже эпох: лидеры, организации, пресса: моногр. / под ред. С. В. Новикова. Омск: ИП Макшеевой Е. А., 2020. 280 с.
6. Убожко Л. Г. Моя борьба против красного фашизма. Москва: МП Геликон, 1992. 274 с.
7. Новые Общественно-политические организации периода перестройки. URL: <http://lindexru.org/Lindex1/Shire01/Est01/Text01/2900.htm> (дата обращения: 13.01.22).
8. Алексеев Д. Ю. Возникновение и становление Народно-Трудового Союза российских солидаристов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1. С. 150–160. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-1/150-160.
9. Кретинин А. Краткая история новосибирского самиздата // «Новониколаевск — Новосибирск: одна судьба на двоих». Новосибирск: «Советская Сибирь», 2010. С. 514–545.
10. Российское Христианско-демократическое движение: сб. материалов. Москва: Дума ХДД. 1990. 63 с.
11. Окулов А. В. В борьбе за белую Россию. Холодная гражданская война. Москва: Вече, 2013. 400 с.
12. Штамм А. До последнего российского солдата? События и комментарии // Посев. 1999. № 5. URL: http://possev.org/journal/archiv/nomer/ne_99/ne599/ne5991.htm (дата обращения: 05.01.2023).
13. Невзоров И. Белогвардейская Россия. Политико-правовые аспекты // Посев. 2003. № 9. С. 37–41.
14. НТС (Народно-Трудовой Союз российских солидаристов). URL // <http://possev.org/about/> (дата обращения: 05.01.2023).
15. Путь к будущей России. Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов. Одобрено Советом НТС в ноябре 1987 г. URL: <http://ntsrs.ru/content/putk-budushchey-rossii> (дата обращения: 05.01.2023).
16. Окулов А., Штамм А. Враздрай // Посев. 1998. № 3. URL: http://possev.org/journal/archiv/nomer/ne_98/ne398/ne3981.html (дата обращения: 06.01.2023).
17. Габе Б. Олигархический капитализм — истоки и перспективы // Посев. 1998. № 5-6. URL: http://possev.org/journal/archiv/nomer/ne_98/ne598/ne5983.htm (дата обращения: 06.01.2023).

18. Штамм А. Открывая ящик Пандоры, или Какими намерениями мостится дорога в ад // Посев. 1998. № 7-8. URL: http://possev.org/journal/archiv/nomer/ne_98/ne798/ne7984.htm (дата обращения: 06.01.2023).

19. Журавский Н. Мы должны распоряжаться своей землей // Посев. 1998. № 1-2. URL: http://possev.org/journal/archiv/nomer/ne_98/ne198/ne19812.html (дата обращения: 07.01.2023).

20. Бажанов В. Сцилла и Харибда российской демократии. Партийное строительство и федеративное устройство // Посев. 1998. № 9. URL: http://possev.org/journal/archiv/nomer/ne_98/ne998/ne9988.htm (дата обращения: 07.01.2023).

21. Бажанов В. О феномене этнонационализма. Может ли Татария быть катализатором общероссийских тенденций? // Посев. 1998. № 11. URL: http://possev.org/journal/archiv/nomer/ne_98/ne1198/ne11986.htm (дата обращения: 07.01.2023).

22. Штамм А. Кому не нужна частная собственность на землю? События и комментарии // Посев. 2001. № 3. URL: http://possev.org/journal/archiv/nomer/ne_01/ne103/ne1032.htm (дата обращения: 07.01.2023).

23. А. О., А. Ш. Сама жизнь требует объединения // Посев. 1998. № 9. URL: http://possev.org/journal/archiv/nomer/ne_98/ne998/ne9983.htm (дата обращения: 08.01.2023).

24. Тенденции национально-политического процесса на территории Сибири и Омской области: аналитическая записка Комитета по информационно-аналитической работе администрации области. 21 июня 1994 г. // Мусульмане Омского Прииртышья на пороге тысячелетия: сб. док. / Сост.:

С. В. Новиков, И. А. Турсунов, И. В. Новикова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. С. 8–16.

25. Не стговор номенклатур, а добровольное вхождение в состав России // Посев. 1999. № 1. URL: http://possev.org/journal/archiv/nomer/ne_99/ne199/ne1992.htm (дата обращения: 08.01.2023).

НОВИКОВ Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина, г. Омск.

SPIN-код: 2836-4707

AuthorID (РИНЦ): 849223

Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Для цитирования

Новиков М. С. Отношение Народно-трудового союза российских солидаристов и его дочерних организаций к национально-административному строительству в 1987–1998 гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 40–48. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-40-48.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023 г.

© М. С. Новиков

THE ATTITUDE OF THE PEOPLE'S LABOR UNION OF RUSSIAN SOLIDARISTS AND ITS SUBSIDIARIES TO NATIONAL ADMINISTRATIVE CONSTRUCTION IN 1987–1998

The People's Labor Union of Russian Solidarists is the least popular among Russian historians of organizations operating on the territory of the Russian Federation. Formed in Serbia in 1930, by emigrants, it was the oldest Russian national organization opposing the communist regime in the USSR. During the years of perestroika, the solidarists were unable to create a unified party structure in the Russian Soviet Federative Socialist Republic and act independently. As a result, the organization collaborated with anti-communists from «Democratic Russia», influenced the formation of the Russian Christian Democratic Movement. Members of the People's Labor Union of Russian Solidarists actively participated in the discussion of economic and social issues relevant to the new statehood, including national administrative construction. The analysis of the organization's documents, memoirs of its participants, and party journalism allow us to conclude that the lack of a unified program for the transformation of the country, focusing primarily on criticism of the Soviet experience, led to the transformation of the organization into a «discussion club» with further disappearance from the political life of the country. However, the created atmosphere of rejection of the national administrative reforms of the USSR led the solidarists and their supporters to justify and glorify the dissolution of the USSR, the loss of a number of territories and the creation of numerous points of confrontation between the federal government and the subjects of the federation.

Keywords: People's Labor Union of Russian Solidarists, Democratic Union, Russian Christian Democratic Movement, collapse of the USSR, administrative and national construction in the Russian Federation.

References

1. Alekseyev D. Yu. Rossiyskiye solidaristy na sovremennom etape [Russian solidarists at the present stage] // Vestnik tikhookeanskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. *Bulletin of the Pacific State University of Economics*. 2005. No. 1. P. 116–122. (In Russ.).
2. Alekseyev D. Yu., Tsyganok N. A. Narodno-Trudovoy Soyuz rossiyskikh solidaristov kak institut grazhdanskogo obshchestva [People's workers' Russian Solidarists union how Russian institute of civil society] // Vestnik Bashkirskogo universiteta. *Bulletin of Bashkir University*. 2013. Vol. 18, no. 4. P. 1251–1254. (In Russ.).
3. Fomenkov A. A. Russkiy natsional'nyy proyekt: russkiye natsionalisty v 1960-e–pervoy polovine 1990-kh godov [Russian national project: Russian nationalists in the 1960s–the first half of the 1990s]. Nizhniy Novgorod, 2010. 235 p. (In Russ.).
4. Novikov S. V. Sibir' v politiko-pravovom prostranstve postkommunisticheskoy Rossii (po materialam SPA «Vena-89», Demokraticeskogo Soyuza, gazety «Svobodnaya demokraticeskaya Sibir'») [Siberia in the Political-legal Space of post-communist Russia (based on the materials of the Siberian human rights association «Vienna-89», the democratic union, the newspaper «Free democratic Siberia»)] // Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii. *Vestnik of the Omsk Law Academy*. 2018. Vol. 15, no. 1. P. 6–11. DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-1-6-11. (In Russ.).
5. Novikov M. S. Russkiye natsionalisty i derzhavniki v Zapadnoy Sibiri na rubezhe epokh: lidery, organizatsii, pressa: monografiya [Russian nationalists and Derzhavniki in Western Siberia at the turn of the Epochs: leaders, organizations, press: monograph] / Ed. by S. V. Novikova. Omsk, 2020. 280 p. (In Russ.).
6. Ubozhko L. G. Moya bor'ba protiv krasnogo fashizma [My struggle against Red Fascism]. Moscow, 1992. 274 p. (In Russ.).
7. Novyye Obshchestvenno-politicheskiye organizatsii perioda perestroiki [New Socio-political organizations of the perestroika period]. URL: <http://lindexru.org/Lindex1/Shire01/Est01/Text01/2900.htm> (accessed: 13.01.22). (In Russ.).
8. Alekseyev D. Yu. Vozniknoveniye i stanovleniye Narodno-Trudovogo Soyuza rossiyskikh solidaristov [The emergence and formation of the People's Labor Union of Russian solidarists] // Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya. *The Ecumene. Regional Studies*. 2020. No. 1. P. 150–160. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-1/150-160. (In Russ.).
9. Kretinin A. Kratkaya istoriya novosibirskogo samizdata [A brief history of Novosibirsk samizdat] // «Novonikolayevsk — Novosibirsk: odna sud'ba na dvoikh». «Novonikolayevsk —

Novosibirsk: *One Fate for Two*. Novosibirsk, 2010. P. 514–545. (In Russ.).

10. Rossiyskoye Khristiansko-demokraticeskoye dvizheniye [Russian Christian Democratic Movement]. Moscow, 1990. 63 p. (In Russ.).

11. Okulov A. V. V bor'be za beluyu Rossiyu. Kholodnaya grazhdanskaya voyna [In the struggle for White Russia. The Cold Civil War]. Moscow, 2013. 400 p. (In Russ.).

12. Shtamm A. Do poslednego rossiyskogo soldata? Sobytiya i kommentarii [To the last Russian soldier? Events and comments] // Posev. Posev. 1999. No. 5. URL: http://possev.org/jurnal/archiv/nomer/ne_99/ne599/ne5991.htm (accessed: 05.01.2023). (In Russ.).

13. Nevzorov I. Belogvardeyskaya Rossiya. Politiko-pravovyye aspekty [White Guard's Russia. Political and legal aspects] // Posev. Posev. 2003. No. 9. P. 37–41. (In Russ.).

14. NTS (Narodno-Trudovoy Soyuz rossiyskikh solidaristov) [PLU (People's Labor Union of Russian Solidarists)]. URL: <http://possev.org/about/> (accessed: 05.01.2023). (In Russ.).

15. Put' k budushchey Rossii. Politicheskiye osnovy Narodno-Trudovogo Soyuza rossiyskikh solidaristov. Odobreno Sovetom NTS v noyabre 1987 g. [The path to the future of Russia. Political foundations of the People's Labor Union of Russian Solidarists. Approved by the PLU Council in November 1987]. URL: <http://ntsr.ru/content/put-k-budushchey-rossii> (accessed: 05.01.2023). (In Russ.).

16. Okulov A., Shtamm A. Vrazdray [Aggressive contradictions] // Posev. Posev. 1998. No. 3. URL: http://possev.org/jurnal/archiv/nomer/ne_98/ne398/ne3981.html (accessed: 06.01.2023). (In Russ.).

17. Gabe B. Oligarkhicheskiy kapitalizm — istoki i perspektivy [Oligarchic capitalism — origins and prospects] // Posev. Posev. 1998. No. 5-6. URL: http://possev.org/jurnal/archiv/nomer/ne_98/ne598/ne5983.htm (accessed: 06.01.2023). (In Russ.).

18. Shtamm A. Otkryvaya yashchik Pandory ili kakimi namereniyami mostit'sya doroga v Ad [By opening Pandora's box or by what intentions the road to Hell is paved] // Posev. Posev. 1998. No. 7-8. URL: http://possev.org/jurnal/archiv/nomer/ne_98/ne798/ne7984.htm (accessed: 06.01.2023). (In Russ.).

19. Zhuravskiy N. My dolzhny rasporyazhat'sya svoey zemley [We have to manage our land] // Posev. Posev. 1998. No. 1-2. URL: http://possev.org/jurnal/archiv/nomer/ne_98/ne198/ne19812.html (accessed: 07.01.2023). (In Russ.).

20. Bazhanov V. Stilla i Kharibda rossiyskoy demokratii. Partynoye stroitel'stvo i federativnoye ustroystvo [Scylla and Charybdis of Russian's Democracy. Party building and federal structure] // Posev. Posev. 1998. No. 9. URL: http://possev.org/jurnal/archiv/nomer/ne_98/ne998/ne9988.htm (accessed: 07.01.2023). (In Russ.).

21. Bazhanov V. O fenomene etnonatsionalizma. Mozhet li Tatariya byt' katalizatorom obshcherossiyskikh tendentsiy? [On

the phenomenon of ethnonationalism. Can Tataria be a catalyst for all-Russian trends?] // Posev. Posev. 1998. No. 11. URL: http://possev.org/jurnal/archiv/nomer/ne_98/ne1198/ne11986.htm (accessed: 07.01.2023). (In Russ.).

22. Shtamm A. Komu ne nuzhna chastnaya sobstvennost' na zemlyu? Sobytiya i kommentarii [Who doesn't need private ownership of land? Events and comments] // Posev. Posev. 2001. No. 3. URL: http://possev.org/jurnal/archiv/nomer/ne_01/ne103/ne1032.htm (accessed: 07.01.2023). (In Russ.).

23. A. O., A. Sh. Sama zhizn' trebuet ob'yedineniya [Life requires unification]. Posev. Posev. 1998. No. 9. URL: http://possev.org/jurnal/archiv/nomer/ne_98/ne998/ne9983.htm (accessed: 08.01.2023). (In Russ.).

24. Tendentsii natsional'no-politicheskogo protsessa na territorii Sibiri i Omskoy oblasti: analiticheskaya zapiskazapiska Komitetapo informatsionno-analiticheskoy rabote administratsii oblasti. 21 iyunya 1994 g. [Trends in national-political process in Siberia and Omsk region: analytical note of the Committee for information and analytical work of regional administration. June 21, 1994] // Musul'mane Omskogo Priirtysh'ya na poroge tysyacheletiya. *Muslims of Omsk Irtysh Region on Threshold of Millennium* / Comps.: S. V. Novikov, I. A. Tursunov, I. V. Novikova. Omsk, 2003. P. 8–16. (In Russ.).

25. Ne sgovor nomenklatur, a dobrovol'noye vkhozheniye v sostav Rossii [Not a collusion of nomenclatures, but voluntary entry into Russia] // Posev. Posev. 1999. No. 1. URL: http://possev.org/jurnal/archiv/nomer/ne_99/ne199/ne1992.htm (accessed: 08.01.2023). (In Russ.).

NOVIKOV Mikhail Sergeyevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Philosophy, History, Economic Theory and Law Department, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk.

SPIN-code: 2836-4707

AuthorID (RSCI): 849223.

Correspondence address: bonid89@inbox.ru

For citations

Novikov M. S. The attitude of the People's Labor Union of Russian Solidarists and its subsidiaries to national administrative construction in 1987–1998 // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 40–48. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-40-48.

Received January 09, 2023.

M. S. Novikov

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО КООПЕРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

В статье раскрываются проблемные вопросы, связанные с процессом формирования и развития дореволюционного российского кооперативного законодательства. Выявляются основные этапы законодательного обеспечения развития кооперативных организаций и их союзов. Определяется характер и степень административного воздействия различных органов государственной власти на кооперативное движение в дореволюционный период. Выявляются проблемные моменты, связанные с коллизиями кооперативного законодательства, мешающие эффективному обеспечению функционирования кооперативной системы в России.

Ключевые слова: государственная власть, законодательный акт, кодификация, кооперативное движение, кооперативное законодательство, кооперативная политика, кооперативный устав, надзорные функции государства, нормативные документы, правовое регулирование.

Во второй половине XIX века, после отмены крепостного права, в России начинают постепенно появляться первые кооперативные организации, что не могло не вызвать необходимость в их правовом оформлении.

Это был длительный и противоречивый процесс законодательного оформления кооперативного движения, в котором можно проследить несколько достаточно четко выраженных этапов.

Основная цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить и проанализировать имеющиеся нормативно-правовые акты, как законодательного, так и подзаконного уровня, и установить, каким образом в самодержавной России, вплоть до событий октября 1917 года, осуществлялось правовое оформление кооперативного движения.

Ставятся следующие важные задачи: раскрыть основные тенденции развития кооперативного движения; доказать, что процесс кооперативного строительства был противоречив и неоднозначен в силу стремления органов государственной власти административным путем контролировать кооперативное движение и любой ценой сохранить за собой надзорные функции и тем самым предотвратить возможное превращение этой социально-экономической организации ещё и в политическую; выявить наиболее важные, фундаментальные принципы развития кооперативного движения и самого кооперативного законодательства; определить ключевые этапы в развитии кооперации. Решение данных задач позволит не допустить повторения сделанных ошибок в нормативном регулировании кооперативного движения в современную для нас рыночную эпоху развития многоукладной экономики, основанную на предпринимательской инициативности широких слоев населения страны.

Во второй половине XIX века государство инициирует процесс разработки кооперативного законодательства. Создание правовой базы было необходимо для организационного оформления и практической деятельности кооперативных объединений. Однако различные государственные органы власти и должностные лица противодействовали свободному и самостоятельному развитию кооперативных организаций в стране. На законодательном уровне кооперации отводилась практически бесправная роль, государство стремилось установить всеобъемлющий контроль за этой, по своей сути, демократической организацией.

С 1865 года правительство (Комитет министров) само определяло, какие кооперативы открывать, а какие нет. Впоследствии оно стало законодательно наделять различные органы власти и должностных лиц правом разрешительного порядка открытия кооперативных организаций.

С 1885 г. правительство наделило полномочиями министерство финансов давать разрешение на открытие кооперативов за подписью главы этого ведомства. Иногда на открытие кооперативов требовалось разрешение нескольких министров, что говорит об опасениях власти в отношении к этим общественным организациям и о полном административном контроле над ними. Так, с 1889 г. для открытия кредитных и ссудо-сберегательных товариществ требовалось разрешение министров финансов и внутренних дел. Сами кооперативные союзы должны были утверждаться Государственным советом. Эти административные барьеры тормозили развитие кооперации [1, л. 9 об.].

В 90-е гг. XIX века товарно-денежные отношения широко проникают в деревню; наблюдается подъем сельского хозяйства, выражающийся в активиза-

ции предпринимательской деятельности крестьян. Рыночные условия заставляли середнячко-зажиточные массы объединяться в кооперативы с целью развития своего хозяйства. Массовое увеличение заявок на организацию кооперативов вынудило правительство принять 13 мая 1897 г. «нормальный» устав о потребительских обществах и, согласно ему, отдать право на открытие кооперативных организаций губернаторам. 30 июня 1897 г. вышел типовый «нормальный» устав для сельскохозяйственных товариществ. В кооперативные объединения могли вступить только лица, внесшие вступительный пай, а это отсекало тех многих крестьян, которые не имели средств внести достаточно большие вступительные взносы. Кооперативные товарищества создавались с целью содействовать своим членам в приобретении сельхозинвентаря, в сбыте сельскохозяйственных продуктов, их переработке, выдаче ссуд и т.д.

Чтобы получить статус юридического лица, нужно было провести общее учредительное собрание, на котором бы присутствовали все члены будущего кооператива, утвердить устав кооперативной организации и в письменном виде подать прошение на открытие кооператива в канцелярию губернатора. Губернаторы с большим подозрением относились к подобного рода общественным объединениям и разрешали кооперативные организации после долгой и всесторонней проверки их на верноподданнические настроения.

Губернаторы обладали правом не только разрешать, но и запрещать различные кооперативные объединения, если их функционирование создавало угрозу для сложившихся устоев общества и нарушало требования российского законодательства и уставных положений самой кооперативной организации. Например, в середине 90-х годов XIX века в России из полутора тысяч разрешенных низовых кооперативных организаций функционировала только половина. Остальные были ликвидированы или их деятельность была приостановлена.

Данное положение часто трактовалось администрацией достаточно широко и не ограждало кооперацию от произвола со стороны власти. Особенно наглядно это проявлялось в отношении к союзным кооперативным объединениям. Так, если отдельные кооперативные товарищества разрешались властью губернатора, то союзы кооперативных товариществ должны были через совет министров утверждаться лично царем. Видный кооперативный теоретик А. В. Меркулов писал, что утверждение союзных кооперативных уставов происходило крайне редко и практически в единичных случаях [2, с. 85]. В среднем срок утверждения уставов союзных кооперативных организаций составлял от трех до пяти лет. Были случаи, когда уставы рассматривались и в течение более продолжительного срока. Причины были различные, но главная состояла в недоверии к этим общественным объединениям со стороны власти различного уровня. Власть опасалась политического брожения в умах наиболее активной экономической части крестьянского населения страны [3, с. 7].

Дополнительные стеснения вносились и местными властями. В условиях сложившегося положения ими практиковались меры, никакими кооперативными уставами не предусмотренные, например, устранение отдельных членов правлений, запрещение общих собраний, организация тех или иных учреждений при кооперативах и т.д. Само учреж-

дение кооперативной организации зависело фактически не только от губернатора или другой высшей власти, но и от личного усмотрения «...какого либо местного урядника», так как именно на его сведения опирался губернатор при решении вопроса — нужно или не нужно в таком-то месте потребительское общество, «благонадежны» или «неблагонадежны» учредители общества, не нарушит ли открытие кооператива общественное спокойствие и т.п. [4, л. 2].

Высшая государственная власть, стремясь не допустить принятия единого кооперативного закона, ограничивалась отдельными законодательными актами по каждому виду кооперации. Существование правовых норм для каждого вида кооперации разделяло кооперативное движение, что упрощало контроль над ним со стороны государственной власти и вело к регламентации его деятельности. В то время как большинство иностранных государств в осуществлении своей кооперативной политики шло путём создания общего кооперативного законодательства.

Уставы стали первыми нормативными документами, закреплявшими юридическое положение кооперативов и правила их организационной работы. Первый рекомендательный устав ссудо-сберегательного товарищества в России появился только осенью 1865 года. В 1871 г. правительством был разработан обязательный для всех кооперативных объединений так называемый «образцовый» устав ссудо-сберегательного товарищества [5, с. 38]. Министерство внутренних дел должно было утверждать устав каждого подобного товарищества.

25 января 1883 г. был обнародован Указ об учреждении сельских банков и ссудо-сберегательных касс. Согласно ему, Министерство финансов и Министерство внутренних дел должны были четко установить новые правила организации и функционирования кооперативов. В 1885 г. сельские банки получили в качестве своей правовой базы отдельный нормальный устав, на основе которого они обязаны были выстраивать свою деятельность.

Власть постепенно создавала целую систему надзорных органов. Так, в 1889 г. был организован институт земских начальников, которые контролировали кооперативные товарищества. Однако надзорные функции государства не преследовали цели её экономического удушения. Главным образом они носили политический характер. Власть не хотела конкуренции в этой сфере. В то же время, она разрешала в уставах демократические процедуры. Любой желающий мог свободно вступить в кооператив, для этого не требовалось разрешения от государственной инстанции или от какого-либо чиновника [6, л. 34–35 об.].

Развитие экономики страны и кооперативного движения в условиях рынка требовало от правительства перейти от утверждения отдельных кооперативных уставов к созданию общего кооперативного законодательства. Над этим вопросом интенсивно работало Министерство финансов во главе с С. Ю. Витте. Результатом этой работы стало утверждение правительством в июне 1895 г. законодательного акта «Положение об учреждениях мелкого кредита» [7, л. 3]. Оно определяло следующие формы организации кредитных товариществ: ссудо-сберегательные товарищества, простые кредитные товарищества без паевых взносов и сельские, волостные, станичные банки (кассы).

Данное положение устанавливало организационные формы их деятельности. Устанавливалась

система контроля над ними. По замыслу власти кооперативные организации должны были помочь и беднейшим слоям крестьянства в развитии своего хозяйства. Например, получить на льготных условиях ссуды для закупки необходимых сельскохозяйственных орудий труда, семян, рабочего скота, а также получать проценты от своих вкладов.

В 1896 году были принят рекомендательный «образцовый» устав кредитного товарищества и новый устав ссудо-сберегательного товарищества [8, л. 13]. В этих законодательных актах оговаривалось, что руководство товариществом возможно посредством коллективного управления равноправных членов кооперативов. Все важные вопросы должны были решаться на общем кооперативном собрании, в присутствии всех членов кооператива и на основе принципа самоуправления.

На собрании избирались члены правления. Утверждались принципы и алгоритм работы кооператива, механизм реализации проведения кредитных, торговых и иных операций. На общем собрании зачитывались, обсуждались и утверждались отчеты работы членов кооперативного правления.

К середине 90-х гг. XIX века в России функционировало более тридцати различных видов уставов, которые в дальнейшем способствовали быстрому росту кооперативных организаций и их союзных объединений.

Во второй половине 90-х гг. XIX века быстрое развитие получила законодательная база союзных кооперативных объединений. В 1896 г. в г. Москве был организован Союз потребительских обществ. В следующем году Министерство внутренних дел утвердило обязательный для исполнения всеми кооперативными объединениями «нормальный» устав потребительских обществ. Нарушение пунктов устава не допускалось под угрозой ликвидации товарищества. Это вело к ужесточению административного контроля и ограничению самостоятельности кооперации.

Главным положительным моментом стало то, что, согласно уставу, потребительские общества должны были способствовать своим членам приобретать товары по доступным ценам. Губернаторам предоставлялось право утверждать потребительские объединения, ставя в известность Министерство внутренних дел.

Министерство земледелия и государственных имуществ в феврале 1898 года утвердило нормальный устав сельскохозяйственных обществ, который определял порядок их учреждения и функционирования [9]. Разрешение на открытие сельскохозяйственных обществ, не выходящих за границы губернии, по-прежнему принадлежало губернатору. Устав 1898 г. лишь отчасти способствовал росту численности сельскохозяйственных кооперативов, которые так и не смогли выйти за рамки культурно-просветительской деятельности, рассчитанной, главным образом, на зажиточные слои населения.

Анализ кооперативного законодательства показывает, что тот или иной вид кооперации находился в ведении различных министерств, которые регламентировали нормальными уставами порядок возникновения и характер деятельности кооперативов. Например, Министерство внутренних дел вело потребительской кооперацией, Министерство финансов — кредитной, Министерство торговли и промышленности — молочными артелями, Министерство земледелия и государственных имуществ — сельскохозяйственными товариществами.

К началу XX века процесс создания и правового регулирования Союзов различных форм и видов кооперации шел медленно. В 1898 году с большим трудом был оформлен Московский союз потребительских обществ, который впоследствии был переименован в Центросоюз. Только в 1911 году был принят примерный устав кредитных союзов, а в 1912 году был утвержден первый союзный устав потребительских обществ. Иные виды кооперации так и не получили, вплоть до 1917 года, права создавать собственные союзные объединения.

Правительство в 1899 г. опубликовало переработанное на основе западного права гражданское уложение, которое способствовало снятию административных ограничений при организации кооперативов и их объединениях. Однако на практике административные ограничения сохранялись в действительности.

В первое десятилетие XX века наблюдается массовый подъем кооперативного движения. Кооперация все больше стремилась к автономности, самостоятельности, независимости и самодостаточности. Этот подъем кооперации тормозился административным произволом власти. Данное обстоятельство закономерно вызвало протест кооператоров, которые всё настойчивее добивались принятия общекрестьянского законодательства, явочного порядка учреждения кооперативов, свободы в организации кооперативных союзов и проведения своих съездов.

В этих условиях намечается переход к новому этапу в развитии российского кооперативного законодательства. Правительство разрабатывает и принимает в июне 1904 года «Положения об организации мелкого кредита». Создается общегосударственный административный орган — Управление по делам мелкого кредита. Министерству финансов и Государственному банку было поручено способствовать работе кредитных учреждений в России и контролировать их деятельность.

Образование, контроль и ревизия годовых отчетов ссудо-сберегательных и кредитных товариществ, на основании образцовых уставов, предоставлялось Земским управам [10, л. 14 об.]. Министерского разрешения больше не требовалось, что значительно сокращало сроки организации кооперативов. Вклады не могли быть отчуждены и передавались по наследству с процентами по ним.

Период с 1865 года по 1905 год является начальным этапом развития кооперативного движения. В этот период идет организационно-правовое оформление кооперативного движения, появляются первые законодательные акты и первые различного вида кооперативные организации. С увеличением численности кооперативных товариществ формируются условия к появлению кооперативных объединений союзного масштаба. В рамках формирующегося, противоречивого, еще не устойчивого правового пространства суждено было развиваться кооперации. Утвержденные властью для каждого вида кооперации свои юридические нормы определяли цели и характер деятельности кооперации, порядок контроля и регулирования её со стороны государственных органов.

В ходе первой буржуазно-демократической революции и начавшихся аграрных преобразований власть вынуждена была пойти на смягчение своей политики в области кооперации. Столыпинское правительство, разрушая общину, бывшую основой социально-экономической организации крестьянства

в предшествующий период, одновременно сделало первый шаг по пути создания общесоюзного законодательства, провозгласив определённую свободу в создании кооперативных общественных объединений, воспринимавшихся многими как альтернативные общине учреждения.

4 марта 1906 г. правительством принимаются «Временные правила об обществах и союзах», содержащие в себе лишь ограниченный набор принципиально демократических принципов (явочный порядок открытия обществ и возможное закрытие их по решению суда отсутствовали) [11]. Они разрешали свободную договорную форму организации кооперативов, но с последующим обязательным оформлением юридического лица. В противном случае было невозможно совершать торговые и иные операции. Право на открытие кооперативов по-прежнему оставалось за губернатором, который скрупулезно изучал союзный устав и список учредителей на предмет их неблагонадёжности. В свою очередь, Министерство внутренних дел могло по своему усмотрению закрыть уже существующее товарищество или союз, если они будут экономической деятельностью совмещать с политической. Правительственным законом вводились определённые меры предосторожности при организации кооперативных общественных собраний. В обязательном порядке на них должен был присутствовать кто-то из полицейских чинов, контролировавший ход собрания, состав его делегатов (запрещалось присутствие представителей политических партий и иных общественных организаций) и тематику обсуждаемых исключительно кооперативных вопросов. Обсуждение политических событий сразу же пресекалось вплоть до закрытия собрания, а в случае неповиновения — и самого кооператива [12, л. 71].

С этого времени кооперативное движение начинает носить массовый характер, что выражается в быстром количественном росте кооперативов и небывалой активности масс по их созданию. Многочисленные кооперативные организации выступают с инициативой создания крупных союзных объединений. В различных российских регионах проходят кооперативные съезды, на которых кооператоры выступают с предложениями о создании не только краевых, но и всероссийских союзных организаций. Звучат предложения о совершенствовании кооперативного законодательства по пути демократизации, выработке единых принципов и правовых норм деятельности кооперативов.

В период первой буржуазно-демократической революции и в первые годы после неё, под давлением общества власть активизирует работу по завершению кодификации кооперативного законодательства. Последующие законодательные акты определили основные структурные элементы кооперативной системы, формы и виды кооперативных объединений, векторные пути развития. Однако наследие предыдущего этапа сохранялось в развитии кооперативного законодательства. Не могло быть и речи о полной самостоятельности и автономности кооперации. В последней власть видела угрозу своему политическому существованию и в подтверждение тому были революционные события, происходящие в стране. Далеко не все кооперативные объединения заявляли о своей политической нейтральности.

Власть стремилась не допустить кооператоров к политическому управлению страной, но в экономической сфере кооперации предоставлялась

экономическая свобода. Это способствовало количественному росту кооперативного движения, которое все активнее привлекало и беднейшие слои населения, что способствовало их выживаемости в условиях рынка.

Российской кооперации было тесно развиваться в рамках существующего кооперативного законодательства с его административными издержками, ограничивающими свободу развития кооперативного движения. Российские кооператоры, на своих всероссийских и региональных кооперативных съездах, постоянно требовали от правительства разработки и принятия единого кооперативного закона, а также совершенствования действующих нормативных актов.

Только в 1911 году был принят Закон о союзах кредитных кооперативов, который содержал единые принципы и нормы, расширявшие сферу деятельности и предоставлявшие кооперативам права юридических лиц. Контроль над кредитными кооперативными учреждениями по-прежнему оставался в ведении Комитета министров.

Всероссийские кооперативные съезды с 1908 года начинают проходить на регулярной основе (апрель 1908 г., март 1912 г., август 1913 г.). В их работе принимают участие сотни представителей кооперации из разных уголков страны. Бурно обсуждались вопросы, связанные с выработкой более эффективных путей, принципов развития кооперации, единство правового пространства.

На первом всероссийском съезде, прошедшем в г. Москве, единогласно было принято решение о разработке нового, единого для всех видов кооперативных объединений кооперативного закона. Проект должен был незамедлительно представлен правительству для ознакомления и доработки с последующим его принятием. Закон должен был предоставить кооперации самостоятельность и автономность в решении основных кооперативных вопросов и заменить разрешительный порядок открытия кооперативов на заявительный (явочный). Он должен был обеспечить свободу организации кооперативных союзных объединений.

Значительная активизация кооперативного движения (после первого кооперативного съезда), ставшего ареной борьбы представителей различных политических сил российского государства, обеспокоила соответствующее министерство. Так, в циркулярных письмах, рассылаемых местным административным органам департаментом полиции (за 1909 г.), настойчиво указывалось на «...нежелательно широкое развитие кооперативного движения, выражающегося в образовании на легальных основаниях добровольных самоуправляющихся и построенных на демократическом и трудовом начале союзов» [13, л. 262]. Во исполнение этих рекомендаций губернатор города Тобольска поставил в известность уездных исправников о том, что «...революционеры стремятся использовать кооперативное движение в целях создания будущих боевых кадров на случай вооружённого восстания, имея в виду, что кооперативные предприятия, обладающие миллионными капиталами, представляют громадный источник денежных средств». Однако остановить набравшее силу кооперативное движение было уже невозможно, о чём свидетельствуют последующие всероссийские и региональные съезды.

В марте 1912 г. в Петербурге состоялся второй Всероссийский кооперативный съезд, на котором

обсудили разработанный, единый для всех видов кооперации, проект кооперативного закона. В нем закреплялась свобода в организации кооперативных союзов и заявительный порядок открытия низовых кооперативных организаций. В этом году и последующие периоды наблюдается рост кооперативных организаций и увеличение численности в них.

Так, в Сибири по соглашению с губернатором г. Томска и с разрешения Министерства финансов в г. Томске 22–24 июня 1912 г. прошёл съезд представителей учреждений и инспекторов мелкого кредита Западной Сибири. В повестке заседания съезда стояли организационные и финансовые вопросы. Особое внимание было уделено поиску наиболее эффективных форм союзных организаций (губернских, уездных или других), выявлению степени влияния учреждений мелкого кредита на крестьянское хозяйство и его наилучшей защите от ростовщического капитала, а также развитию системы кредитования [14, л. 4–5].

На третьем Всероссийском кооперативном съезде, состоявшемся в августе 1913 г. в г. Киеве, законопроект ещё раз подвергается обсуждению. Кооператоры требовали явочного порядка учреждения кооперативов, предоставления кооперативам права свободного объединения в союзы, признания за кооперативами права заниматься не только экономической деятельностью, но и культурно-просветительской. Для разработки законопроекта была избрана специальная комиссия, которая в 1915 г. закончила свою работу. Было разработано «Положение о кооперативных товариществах и их союзах» для внесения в Государственную думу. Положение вобрало в себя всё позитивное, что было накоплено в отечественной и мировой практике кооперативного движения.

Несмотря на то, что законопроект удалось провести в марте 1916 г. «...в порядке спешности» через Государственную думу, он так и не был одобрен Государственным советом. Правительство всячески противилось его принятию, так как исполнительную власть не устраивал явочный характер образования кооперативов и особенно их союзов. Проявившиеся разногласия между органами законодательной и исполнительной власти свидетельствовали о полном отсутствии согласованной и целенаправленной политики в сфере правового регулирования кооперативного движения, о полноте кооперативных представлений сторонников и противников кооперации по поводу определения места и роли этого движения. Правда, при существующем политическом строе трудно было ожидать чего-либо другого.

В свою очередь, департамент полиции, напуганный всё возрастающей политизацией кооперативного движения, ростом его союзного строительства, категорически был против принятия этого законопроекта. В своих многочисленных циркулярных письмах он настоятельно рекомендовал государственным органам не утверждать этот закон как представляющий угрозу существующему строю. В результате наметившегося противостояния по этому вопросу правительством был распущен Центральный кооперативный комитет как незаконно созданный и функционирующий орган. В департамент полиции был вызван председатель комитета Зельгейм В. П., которому было сообщено о закрытии центрального кооперативного комитета «...как учреждения незаконного», с привлечением к уголовной ответственности всех его учредителей [15, л. 117].

Вопрос о политической лояльности кооперации был одним из принципиальных с позиции отношения власти к кооперативному движению. В годы первой мировой войны соотношение сил и идеологические представления в кооперации качественно меняются. От политической нейтральности кооперация постепенно переходит к открытой политической оппозиции к государственной власти. В секретном циркулярном письме департамента полиции губернаторам и градоначальникам от 3 ноября 1915 г. говорилось, что «...по полученным сведениям, Московский центральный кооперативный комитет рассылает во все кооперативные учреждения империи воззвание, заключающее в себе, наряду с резкой критикой деятельности правительства, идею о необходимости, для успеха работы общественных организаций, проведения в жизнь политических свобод, народного представительства, избранного на основе всеобщего и равного для всех избирательного права и ответственного перед народом правительства. Воззвание заканчивается призывом к объединению кооперативных учреждений в одну могучую организацию, с пояснением, что кооперативы только в таком случае могут представлять собой в мирное время действительную силу, а в годину великих испытаний явиться спасением родины. Сообщая об изложенном, имею честь просить Ваше Превосходительство не отказать в принятии, по соглашению с жандармским надзором, мер к изъятию из обращения данного воззвания» [16, л. 88].

В «Записке о кооперативном движении» от 1916 г. Департаментом полиции обращалось внимание на то, что «...среди возникающих повсеместно кооперативных учреждений сгруппировались представители революционных и левых партий, которые всемерно отвлекают кооперативы на путь политической борьбы» [17, л. 48]. Департамент напрямую связывал размах кооперативного движения с революционными настроениями, охватывающими массы. Поэтому кооперация была поставлена под всеобъемлющий контроль власти и полиции.

Только после свержения самодержавного правительства в феврале 1917 г. кооперация освобождается от чрезмерной опеки государства. Временное правительство издает 20 марта 1917 г. единый общекрепостной закон «Положение о кооперативных товариществах и их союзах», предоставляющий наконец кооператорам право самостоятельности и автономии, право регистрировать кооперативные организации явочным порядком. Разрешительная административная система упраздняется, а регистрация кооперативов была поручена судебной системе. В течение месяца суд должен был вынести решение о разрешении или об отказе в регистрации кооператива с мотивированным заключением [18]. Практически все другие нормативные акты в отношении кооперации упразднялись. Разрешалось в упрощенном явочном порядке создавать и кооперативные союзы.

В развитии положений данного закона от 20 марта 1917 г. было издано 21 июня 1917 г. постановление о регистрации товариществ, обществ и союзов. Согласно ему, при окружных судах должны были быть организованы регистрационные отделы, в которых велись особые реестры кооперативных товариществ и их союзов. В месячный срок со дня поступления заявления о регистрации должно было быть постановлено или о внесении кооператива в реестр, или об отказе в регистрации. Отказ мог

последовать лишь в случае несоответствия устава действующим законам. Отказ в регистрации мог быть обжалован вышестоящей судебной инстанцией, причём каждой инстанции предоставлялось не больше месяца для рассмотрения жалобы. В противном случае кооперативное объединение автоматически заносилось в реестр. О состоявшейся регистрации, а также о ликвидации кооперативных организаций делались публикации в официальных изданиях. В интересах третьих лиц, вступающих в сделки с кооперативными товариществами или союзами, всё делопроизводство по регистрации объявлялось открытым для обозрения всех желающих [19, л. 16].

Следующим важным законодательным актом Временного правительства, относящегося к правовому регулированию кооперативного движения, стало постановление от 1 августа 1917 г. «О съездах представителей кооперативных учреждений». Необходимость постоянной организации таких съездов как представительного постоянного органа русской кооперации были выдвинуты ещё третьим Всероссийским кооперативным съездом. Съезды представителей кооперативных учреждений и их Советы имели своей целью защиту и представительство интересов кооперативной системы и осуществление идейно-организационного руководства ею в области идеологической, пропагандистской, исследовательской и культурно-просветительской. Хозяйственная деятельность из ведения съездов исключалась. В революционных российских условиях и разгоревшейся гражданской войны эти учреждения, особенно в Западной Сибири, сделали центрами политической организации кооперативных сил, выступающих против советской власти [20]. Однако все эти кооперативные законодательные акты применялись в течение короткого периода времени и не могли создать перспективные условия для налаживания механизма развития кооперативного движения.

В завершение исследования автор констатирует, что с момента своего возникновения взаимоотношения кооперации с государственной властью были пронизаны борьбой за своё существование путём требований, предъявляемых к правительству (ходатайства о проведении в жизнь единого кооперативного закона и т.п.). В процессе исследования установлено, что развитие кооперативного движения проходило в условиях борьбы следующих векторных направлений: административно-консервативного и либерально-демократического. Первое основывалось на установлении почти тотального контроля и централизации системы государственного управления кооперацией. Второе отстаивало демократические тенденции развития кооперации, включающие в себя принципы добровольности, равноправия, самоуправления, самофинансирования, образование явочным порядком и другие.

В результате напряжённой политической, социально-экономической деятельности власти и кооперативного движения в период со второй половины XIX века по март 1917 г. были выработаны и закреплены в нормативных документах и законодательных актах основные принципы и механизмы функционирования кооперативных организаций. Важнейшими нормативными документами, регулирующими практическую деятельность кооперативных объединений до марта 1917 г., были их уставы. Их критический анализ позволил выявить противоречивость в осуществлении государственной

властью кооперативной политики, направленной, главным образом, на создание законодательных и административных ограничений, мешающих кооперативной деятельности. Ярким подтверждением этого стало всяческое затягивание вопроса о разрешении союзного кооперативного строительства и откладывание принятия единого кооперативного закона, вбирающего в себя демократические принципы кооперативного устройства. До февраля 1917 года государственная власть стремилась любой ценой сохранить за собой надзорные функции, с целью постоянного контроля кооперативного движения, чтобы оно не переросло в оппозиционное власти политическое движение.

Кроме того, в процессе противоречивой законодательной эволюции кооперативного движения до революционного периода прослеживаются следующие два основных этапа:

1) с 1865 г. по 1905 г. — период неспешной выработки законодательной политики государства по пути централизованного регулирования и организационного развития кооперативного движения, выработки подконтрольных власти механизмов деятельности кооперативов посредством разработки и принятия отдельных типовых кооперативных уставов;

2) с 1905 г. по 1917 г. — период принятия нормативно-правовых актов, регулирующих порядок образования и деятельности кооперативных союзов; сочетания административного и демократического направлений в развитии кооперативного движения, а также период завершения законодательного оформления кооперации, вершиной которой стал единый кооперативный закон от 20 марта 1917 г. «Положение о кооперативных товариществах и их союзах», который обусловил быструю динамику развития кооперативных объединений, вовлекающих в свой состав почти половину крестьянского населения страны.

Библиографический список

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 1028.
2. Меркулов А.В. Исторический очерк потребительской кооперации в России. Москва, 1917. 112 с.
3. Поволоцкий Н. Русское кооперативное законодательство. Петроград, 1923. 166 с.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф-Д. 51. Оп. 1. Ед. хр. 315.
5. Отечественная история: энциклопедия. В 5 т. Москва: Большая российская энциклопедия, 2000. Т. 3. 623 с.
6. Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф-Д. 82. Оп. 1. Ед. хр. 159.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДПОО. 1910. Ед. хр. 375.
8. ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1910. Ед. хр. 376.
9. Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ: утвержден 28 февраля 1898 года. Санкт-Петербург: Типография М. Меркушева, 1910. 20 с.
10. ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1910. Ед. хр. 377.
11. Полное собрание законов Российской империи. № 27479. Собрание 3. Санкт-Петербург, 1906. Т. 26. Отд. 1. Ст. 308.
12. ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Ед. хр. 16.
13. ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1910. Ед. хр. 121.
14. ГАРФ. Ф. 149. Оп. 1. Ед. хр. 382.
15. ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. Оп. 246. Ед. хр. 310.
16. ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. Оп. 246. Ед. хр. 164.
17. ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Ед. хр. 16.

18. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Москва, 1917. № 72. Ст. 414.

19. ГАНО. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 1028.

20. Сборник постановлений Временного правительства по кооперации: О кооперативных товариществах и их союзах от 20 марта 1917 г. О регистрации товариществ, обществ и союзов от 21 июня 1917 г. О съездах представителей кооперативных учреждений от 1 авг. 1917 г.: (С введ., сост. Юрид. отд. Сов. всерос. кооп. съездов) / Сов. всерос. кооп. съездов. Москва: Сов. всерос. кооп. съездов, 1917. XIV. 29 с.

ЧИЧУЛИН Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры философии, истории, экономической теории

и права Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина, г. Омск.

SPIN-код: 6756-4745

AuthorID (РИНЦ): 474738

Адрес для переписки: av.chichulin@omgau.org

Для цитирования

Чичулин А. В. Проблемные вопросы эволюции дореволюционного кооперативного законодательства в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 49–56. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-49-56.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023 г.

© А. В. Чичулин

PROBLEMATIC ISSUES OF THE EVOLUTION OF PRE-REVOLUTIONARY COOPERATIVE LEGISLATION IN RUSSIA

The article reveals problematic issues related to the process of formation and development of pre-revolutionary Russian cooperative legislation. The main stages of legislative support for the development of cooperative organizations and their unions are identified. The nature and degree of administrative influence of various state authorities on the cooperative movement in the pre-revolutionary period is determined. Problematic moments associated with collisions of cooperative legislation that interfere with the effective functioning of the cooperative system in Russia are identified.

Keywords: state authority, legislative act, codification, cooperative movement, cooperative legislation, cooperative policy, cooperative statute, supervisory functions of the state, normative documents, legal regulation.

References

1. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [State Archive of the Novosibirsk Region (SANR)]. File: 32/1/1028. (In Russ.).
2. Merkulov A. V. Istoricheskiy ocherk potrebitel'skoy kooperatsii v Rossii [Historical sketch of consumer cooperation in Russia]. Moscow, 1917. 112 p. (In Russ.).
3. Povolotskiy N. Russkoye kooperativnoye zakonodatel'stvo [Russian cooperative legislation]. Petrograd, 1923. 166 p. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [State Archive of the Novosibirsk Region (SANR)]. File: A-51/1/315. (In Russ.).
5. Otechestvennaya istoriya: entsiklopediya. V 5 t. [National history: an encyclopaedia. In 5 vols.]. Moscow, 2000. Vol. 3. 623 p. (In Russ.).
6. Altai Krai Archives Storage Centre [Center for storage of archival funds of the Altai Territory]. File: A-82/1/159. (In Russ.).
7. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. File: 102/DPOO/1910/375. (In Russ.).
8. GARF [SARF]. File: 102/DPOO/1910/376. (In Russ.).
9. Normal'nyy ustav dlya mestnykh sel'skokhozyaystvennykh obshchestv: utverzhden 28 fevralya 1898 goda [Normal charter for local agricultural societies: approved February 28, 1898]. St. Petersburg, 1910. 20 p. (In Russ.).
10. GARF [SARF]. File: 102/DPOO/1910/377. (In Russ.).
11. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. № 27479. Sobraniye 3. [Complete collection of laws of the Russian Empire. No. 27479. Collection 3]. St. Petersburg, 1906. Vol. 26. Department 1. Art. 308. (In Russ.).
12. GARF [SARF]. File: 102/DPOO/1916/16. (In Russ.).
13. GARF [SARF]. File: 102/DPOO/1910/121. (In Russ.).
14. GARF [SARF]. File: 149/1/382. (In Russ.).
15. GARF [SARF]. File: 102/DPOO/246/310. (In Russ.).
16. GARF [SARF]. File: 102/DPOO/246/164. (In Russ.).
17. GARF [SARF]. File: 102/DPOO/1916/16. (In Russ.).

18. Sobraniye uzakoneniye i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva [Collection of legalizations and orders of the workers' and peasants' government]. Moscow, 1917. No. 72. Art. 414. (In Russ.).

19. GANO [GANR]. File: 32/1/1028. (In Russ.).

20. Sbornik postanovleniy Vremennogo pravitel'stva po kooperatsii: O kooperativnykh tovarishchestvakh i ikh soyuzakh ot 20 marta 1917 g. O registratsii tovarishchestv, obshchestv i soyuzov ot 21 iyunya 1917 g. O s"yezdakh predstaviteley kooperativnykh uchrezhdeniy ot 1 avg. 1917 g.: (S vved., sost. Yurid. otd. Sov. vseros. koop. s"yezdov) [Collection of resolutions of the Provisional Government on cooperation: On cooperative partnerships and their unions of March 20, 1917. On the registration of partnerships, societies and unions of June 21, 1917. On congresses of representatives of cooperative institutions of August 1, 1917: (Introduced, comp. by the Legal Department of the Soviet All-Russian Coop. Congresses)] / Sov. vseros. koop. s"yezdov. *Soviet. All-Russian Coop. Congresses*. Moscow, 1917. XIV, 29 p. (In Russ.).

CHICHULIN Aleksandr Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Philosophy, History, Economic Theory and Law Department, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk.

SPIN-code: 6756-4745

AuthorID (RSCI): 474738

Correspondence address: av.chichulin@omgau.org

For citations

Chichulin A. V. Problematic issues of the evolution of pre-revolutionary cooperative legislation in Russia // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 49–56. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-49-56

Received January 10, 2023.

© A. V. Chichulin

«Семья Батюшкиных и их особняк: страницы неизвестного омского прошлого»

В Центре изучения истории Гражданской войны 1 декабря 2022 г. состоялся круглый стол на тему: «Семья Батюшкиных и их особняк: страницы неизвестного омского прошлого». Мероприятие было приурочено к 70-летию юбилею историка-архивиста и общественного деятеля, ветерана труда Галины Юрьевны Бородиной, более сорока лет посвятившей сохранению и популяризации регионального документального наследия Омской области. Одна из ключевых заслуг юбилярши — создание и открытие в 2012 г. Центра изучения истории Гражданской войны — научной и презентационной площадки Исторического архива Омской области. Г. Ю. Бородина возглавляла Центр с момента его создания до своего ухода на заслуженный отдых в апреле 2021 г.

Мероприятие объединило более 30 участников — это работники архивов, высших учебных заведений, библиотек, сотрудники региональных средств массовой информации, краеведы и общественники. Многие из них отметили особую символичность проведения круглого стола, сочетавшего в себе праздник науки и личное торжество человека, доказавшего на деле свою искреннюю преданность профессии.

Сотрудниками Исторического архива Омской области для официальной части круглого стола были подготовлены и озвучены три доклада, посвященные генеалогии известной и влиятельной в дореволюционном Омске семьи Батюшкиных (в чьем особняке расположен Центр) и неизвестным страницам истории здания. В основу выступлений легли документальные находки, сделанные спикерами в фондах Исторического архива Омской области в течение 2022 г. В содержательном смысле выступления на круглом столе стали дополнением отдельных сюжетов к монографии «История омского рода Батюшкиных», подготовленной автором этих строк в минувшем году.

Учитывая новизну, содержательную оригинальность и актуальность данных наработок для региональной истории, редколлегией журнала «Омский научный вестник. «Серия. Общество. История. Современность» было принято решение опубликовать материалы круглого стола в расширенной версии в формате исследовательских статей, представленных здесь для наших читателей.

Дмитрий Игоревич ПЕТИН,
член редколлегии,
кандидат исторических наук, доцент (ВАК РФ),
руководитель Центра изучения
истории Гражданской войны
Исторического архива Омской области, г. Омск,
доцент кафедры ИФиСК ОмГТУ, г. Омск.

ГЕНЕАЛОГИЯ ОМСКОГО РОДА БАТЮШКИНЫХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. ПО ЦЕРКОВНЫМ АКТОВЫМ ЗАПИСЯМ

В работе на основе неопубликованных источников (церковных актовых записей) представлен аналитический обзор сведений о представителях рода Батюшкиных — близких прямых предках впоследствии состоятельного и знаменитого в дореволюционном Омске семейства. Цель работы — выявить генеалогические истоки и связи рода Батюшкиных, способствовавшие вхождению этой семьи в купеческое сословие. Методологическая основа исследования — сочетание антропологического подхода и историко-генетического метода. В заключение подчеркивается особая роль купца Е. А. Терехова в обретении нового статуса родом Батюшкиных и общей консолидации на личном коммуникативном уровне семей омских предпринимателей во второй половине XIX в.

Ключевые слова: Российская империя, краеведение, Русская императорская армия, кантонисты, нижние чины, унтер-офицеры, разночинство, купечество, история предпринимательства, практическая генеалогия, Омск.

Постановка проблемы. Для академической и культурной жизни Омского региона одной из ключевых юбилейных дат 2022 г. стало 13 января — 10-летие со дня, когда для широкой публики открыл свои двери Центр изучения истории Гражданской войны, действующий как научно-дискуссионная и просветительская площадка, а вместе с тем общественное пространство Исторического архива Омской области [1]. В рамках празднования, состоявшегося в период с 24 сентября 2021 г. по 27 января 2022 г. прошел цикл официальных мероприятий, включавший в себя публичные лекции, конференцию, торжественную встречу с награждением омских архивистов и представителей академической общественности региона, а также выпуск монографии «История омского рода Батюшкиных» и ее презентацию 26 января 2022 г. [2]. В данной работе максимально подробно, основываясь преимущественно на неопубликованных источниках, автору этих строк удалось осветить историю состоятельного и влиятельного в дореволюционном Омске семейства, их дальнейшее встраивание в советский социум. Отдельной сюжетной линией в книге стало более чем вековое бытование знаменитого особняка на берегу Иртыша, где ныне действует Центр изучения истории Гражданской войны — один из туристических брендов региона. Коллизии судьбы: в этом здании в 1918—1919 гг. располагалась Личная резиденция адмирала А. В. Колчака, а в 1925—1929 гг. — Омский окружной отдел ОГПУ. Именно эти вехи истории оказали влияние на современное общественное позиционирование этого памятника архитектуры [3].

Для научного и краеведческого сообщества выход в свет издания оказался особо значим. Во многом это связывается с общей актуальностью. Книга

затрагивает ряд проблем, популярных и дискуссионных в современной историографии: это история сибирского купечества и предпринимательства (где наработки по теме вышли к энциклопедическим обобщениям) [4, 5], формирование коммунистического социума и феномен «человека советского» [6], бытование «бывших людей» в советской России [7], междисциплинарные (историко-культурологические, антропологические) практики изучения городского пространства [8, 9] и др.

Весьма любопытным явлением стало то, что общество ученых (в том числе далеко за пределами Омска) достаточно активно и приветственно отреагировало на появление монографии «История омского рода Батюшкиных», дискуссия о которой за год уверенно набрала обороты. Свидетельство тому — опубликование буквально «по горячим следам» аналитических обзоров книжной новинки на страницах отечественных рецензируемых журналов [10—13]. В числе неравнодушных читателей, официально высказавших свое мнение в печати, — специалисты по социальной и политической истории, культурологи, музеологи и публицисты. Но нам известно еще как минимум о двух аналогичных публикациях, включенных в портфели научных периодических изданий на 2023 г.

Авторы аналитических обзоров, отмечая содержательные особенности издания, высказывают критические пассажи, каковые в некоторых случаях вносят уточнения в повествовательную линию либо натапливают на конкретные мысли о дальнейшем развитии отдельных сюжетов. Это можно сказать, прежде всего, о совместной публикации Ольги Валерьевны Блиновой и Максима Максимовича Стельмака. В частности, их внимание привлекла формальная сторона сословной принадлежности

Сведения о рождении детей в семье Андрея и Мавры Батюшкиных

Ребенок	Дата		Источник, примечания
	рождения	крещения	
Екатерина	[1812]	[1812]	[16, л. 19 об.]
Иосиф	1/13 апреля 1815 г.	9/21 апреля 1815 г.	[17, л. 221]
Акилина	2/14 июня 1817 г.	4/16 июня 1817 г.	[18, л. 242]
Моисей	27 июля / 7 августа 1820 г.	31 июля / 11 августа 1820 г.	Умер 27 декабря 1820 г. / 8 января 1821 г. [19, л. 40 об., 57 об.]
Федор	19 апреля / 1 мая 1822 г.	30 апреля / 11 мая 1822 г.	Умер 7/19 августа 1822 г. [20, л. 39, 58 об.]
Екатерина	22 декабря / 3 января 1824 г.	24 декабря / 5 января 1824 г.	Умерла 22 октября / 3 ноября 1824 г. [21, л. 380 об.; 15, л. 65]
Алексей	15/27 мая 1827 г.	22 мая / 3 июня 1827 г.	[22, л. 375]

отставного чиновника и «теневого предпринимателя» Капитона Алексеевича Батюшкина. Детально рассуждая об этом, коллеги, дополняя сведения из монографии, приводят примеры, связанные с его сестрой Марией, акцентируют внимание на необходимости еще более тщательного изучения церковных актов записей православных церквей Омска [10, с. 256].

Здесь стоит согласиться, что, к сожалению, академические специалисты подчас оставляют указанные массовые и репрезентативные источники без должного внимания. Возвращаясь к роду Батюшкиных, подчеркнем, что наши изначальные изыскания в 2013–2014 гг., в результате приведшие к написанию книги, связывались именно с выявлением и анализом церковных актов записей. Суждения в тот момент также отталкивались от вопроса социальной принадлежности (происхождения) К. А. Батюшкина, позволив назвать, в том числе, точную дату рождения этого человека [14].

В конечном счете, соглашаясь с замечаниями, высказанными О. В. Блиновой и М. М. Стельмаком, для выявления новых сведений о представителях рода Батюшкиных мы посчитали потенциальными метрические книги Пророко-Ильинской церкви Омска за первую половину XIX в. Стоит сказать, что данные источники достаточно полно сохранились в фонде Омской духовной консистории в Историческом архиве Омской области [15, с. 38–44]. Выявление по ним генеалогических истоков и связей рода Батюшкиных, способствовавших вхождению этой семьи в купеческое сословие, стало целью нашего исследования.

В пользу гипотезы поиска и духовной связи семьи с этой церковью имелись два аргумента. Во-первых, этот храм даже в условиях гонений на церковь в первые годы советской власти для семьи Батюшкиных продолжал быть приходским [3, с. 65–67]. Во-вторых, хотя в 1885 г. Мария Алексеевна Батюшкина обвенчалась с офицером Иваном Афанасьевичем Яцкиным в Воскресенском военном соборе, но своего сына — Валериана, родившегося через год, супруги Яцкины крестили в Пророко-Ильинской церкви [10, с. 256].

Основная часть. На момент начала просмотра метрических книг указанного храма наиболее ран-

ним выявленным документальным свидетельством об изучаемом семействе в Омске была актовая запись о рождении Алексея Андреевича Батюшкина (15/27 мая 1827 г. — 26 января / 7 февраля 1879 г.) [3, с. 10]. Нам удалось обнаружить еще 13 источников указанного типа за период с 1815 по 1833 гг. Их анализ позволил установить сведения о формировании некоторых родственных связей, оказавших влияние на обретение семьей Батюшкиных нового социального статуса (часть информации обобщена в табл. 1). В частности, стало известно, что дед Капитона Алексеевича Батюшкина — Андрей Батюшкин — уже на 1815 г. проходил службу нижним чином в Омске. Но по выявленным источникам не представилось возможным установить ни отчества, ни возраста; и в целом биографические данные об этом человеке остаются пока крайне скупы. Так, в восьми церковных актовых записях, где он упоминается, его служебный и социальный статус оставался неизменным — «солдат / рядовой гарнизонного полка». Мы выдвигаем лишь версии о том, что в омском гарнизоне Андрей Батюшкин мог служить или будучи призван сюда изначально, или переведен к новому месту службы откуда-либо в ходе ротации войск в Сибири, связанных с Отечественной войной 1812 г.

Но как минимум на 1812 г. Андрей Батюшкин уже состоял в браке. Этот год вычислен и как приблизительная дата рождения одной из его дочерей (предположительно, старшей) Екатерины (по актовой записи о ее венчании — 18 лет в 1830 г.). Всего у Андрея Батюшкина с супругой Маврой Никитичной ([1788] — 28 ноября / 10 декабря 1828 г.) родилось не менее семи детей. Из них на момент скоростного ухода из жизни матери живыми оставались только четверо; остальные — умерли в младенческом возрасте. В актовых записях об их смерти указана самая распространенная тогда причина детской смертности — «от родимца» (табл. 1).

Как сообщает актовая запись от 28 ноября / 10 декабря 1828 г., «Омского батальона [солдата] Андрея Батюшкина жена Мавра Никитична» в возрасте 40 лет скоростно скончалась от чахотки (устаревшее название туберкулеза) [23, л. 29]. В Сибири в крестьянском или мещанском сословии обычный возраст жениха был 18–25 лет, а невесты

составлял в тот период 17–21 лет [24, с. 47]. Отталкиваясь от этого, можно предполагать, что супруг покойной, скорее всего, являлся ее сверстником либо был немного старше. Также, исходя из брачных традиций того времени, период с 1805 г. по 1808 г. допустимо считать приблизительным временем венчания Андрея и Мавры Батюшкиных.

Подтверждений факта заключения вдовцом следующего брака по метрическим книгам Пророко-Ильинской церкви Омска не выявлено, равно как и иных сведений о биографии этого человека. Мы допускаем вероятность перевода солдата Андрея Батюшкина в другой гарнизон Сибири или Средней Азии. Последним документом, где лишь косвенно упомянут Андрей Батюшкин, является актовая запись о венчании 9/21 ноября 1830 г. его дочери Екатерины с 19-летним учителем Сергеем Веденевым [16, л. 19 об.]. А 19/31 декабря 1831 г. у молодых родителей появилась на свет дочь Агния. Но, не прожив и года, 26 апреля / 8 мая 1832 г. девочка умерла «от родимца». В актовых записях, зафиксировавших рождение и смерть младенца, привлекает внимание несколько изменившийся профессиональный статус отца ребенка. Так, Сергей Алексеевич Веденев значится в документах как «учитель Омского батальона военных кантонистов». [16, л. 19 об., 136]. Стоит полагать, что на новую службу он поступил уже вскоре после женитьбы.

У супругов Сергея и Екатерины Веденевых 13/25 февраля 1833 г. родился сын Евгений. В воспитанниках мальчика значились канцелярист Омского областного суда Евгений Иванович Козлов и батальона военных кантонистов подполковника дочь Мария Сергеевна Пихтина [25, л. 152 об. – 153]. Отсюда можно судить о достаточно быстро сложившейся положительной служебной репутации молодого учителя Веденева, а также о его, по всей видимости, близком личном общении со своим начальством.

Но из всех детей Андрея и Мавры Батюшкиных по имеющимся немногочисленным источникам складывается относительно ясное понимание лишь о судьбе младшего сына — Алексея. Мы допускаем, что на дальнейшее его жизненное устройство могла повлиять старшая сестра и ее супруг-педагог. Но ключевую роль здесь сыграло действовавшее законодательство и общая армейская практика, истоки которой берут начало в Петровскую эпоху. С XVIII в. все малолетние и несовершеннолетние сыновья нижних воинских чинов складывали прослойку кантонистов (юридически закреплено в 1805 г.). Это были лица, принадлежавшие к военному званию (а равно — к военному ведомству). Происхождение обязывало их связать судьбу с армейской службой, что было своего рода проявлением крепостнической системы. Подготовка к службе, финансируемая из казны, шла в специальных школах, куда кантонисты могли поступить учиться в период с 7 до 15 лет. Менее способные ученики постигали ремесла (столярное, кузнечное, сапожное и др.), а затем направлялись в войска. Кантонисты, положительно проявившие себя в учебе, оставались еще на три года при школе для совершенствования знаний, постигая азы артиллерии, фортификации, письмоводства. Но что принципиально важно — всех этих детей обучали грамоте, а это впоследствии давало «путевку в жизнь» наиболее способным из них. Тогда, в царствование Николая I, когда в статусе кантониста был Алексей Батюшкин, прошедших начальное военное обучение юношей на-

правляли в войска, где они занимали строевые унтер-офицерские должности либо становились младшими административными чинами (писарями, аудиторами), то есть первыми помощниками обер-офицеров. Подчас их воинская профессия могла иметь даже очевидное творческое начало (топографы, чертежники, музыканты). Реформирование низшего военного образования с упразднением понятия и как таковой категории кантонистов произошло в 1856 г., будучи связано с преобразованиями Александра II [26, с. 318–319]. В любом случае, подобные знания и специальности позволяли нижним чинам и после ухода с военной службы успешно пройти социальную адаптацию и обрести достойное устройство в гражданской жизни.

Омская кантонистская школа действовала только одна, будучи организована по штату батальона. В школе на 1842 г. (приблизительное время окончания обучения Алексеем Андреевичем Батюшкиным) состояло 20 учителей и чиновников и 663 воспитанника [27, с. 168]. Если исходить из того, что Алексей Андреевич Батюшкин в армии служил писарем, то очевидно, что он достойно проявил себя на общем этапе обучения (оконченном к 15 годам), а затем прошел дополнительную трехлетнюю подготовку. Отсюда, условным временем поступления его на военную службу можно считать 1845 г. Армейское бытование А. А. Батюшкина длилось порядка 8–9 лет. Так, на момент рождения своей дочери Александры 8/20 марта 1854 г. он значится как «уволенный от службы Инженерного ведомства писарь[,] унтер-офицер» [28, л. 137 об.]. Пребывая в данном статусе порядка 8 лет (как минимум до 1862 г. [29, л. 196 об.]), Алексей Андреевич являлся фактически городским обывателем (фактически мещанином, но в актовых записях это не указано). Затем он стал сразу купцом 2-й гильдии (поскольку в 1863 г. — буквально накануне открытия им собственного дела — 3-ю купеческую гильдию упразднили). О его новом социальном статусе содержится информация в церковной актовой записи 1864 г. [30, л. 267 об.]. Ближайшие родственники А. А. Батюшкина со стороны его жены (мещане Козмины) в тот период также причислились к купеческому сословию.

Есть в истории семьи еще один любопытный штрих: воспитанницей Петра — рожденного в 1852 г. первенца в семье Алексея и Ульяны Батюшкиных — стала его тетка, девица Анастасия Сергеевна Веденева. Из этой же актовой записи узнаем, что девушка — дочь к тому времени умершего учителя школы кантонистов, унтер-офицера Сергея Алексеевича Веденева [22, л. 135 об. – 136].

Но логичен вопрос, каков был мотив оставления А. А. Батюшкиным по армейским меркам «теплого места», подразумевавшего несение размеренной нестроевой службы. Хотя однозначного утвердительного ответа здесь дать нельзя, но, на наш взгляд, определяющую роль сыграли многолетние близкие отношения и взаимное влияние двух семей — Батюшкиных и Тереховых. Для осмысления этого аспекта важную роль также сыграли церковные актовые записи о представителях семьи Тереховых за 1841–1851 гг., выявленные в метрических книгах все той же Пророко-Ильинской церкви. Данный храм в 1840-е гг. становится приходским для достаточно большого количества омских купеческих семей.

Так или иначе, социальным лифтом для глав каждой из семей стала армия. По нашему предпо-

ложению, уволиться с военной службы унтер-офицер А. А. Батюшкин для лучшего перспективного устройства жизни мог по совету и личному примеру своего старшего товарища (и впоследствии родственника) — будущего маститого омского предпринимателя и мецената Егора (Георгия) Акимовича (Екимовича) Терехова, который был старше А. А. Батюшкина на 6 лет. Очевидно, он также имел незнатное происхождение, в юности вполне мог пройти обучение в школе военных кантонистов. Затем Терехов служил рядовым в 4-м линейном батальоне в омском гарнизоне (по состоянию на июль 1841 г. значится именно в таком качестве). Но вскоре Егор Акимович оставил службу: на апрель 1845 г. в церковной актовой записи он указан как «омский мещанин» [31, л. 199 об., 503], а на июнь 1849 г. Егор Акимович Терехов — «омский 3-й гильдии купец» [32, л. 391 об.].

Из датированных 1850-ми гг. церковных актов записей о рождении омских купеческих детей [см. напр.: 32, л. 415 об. — 416; 33, л. 46 об. — 47; и др.], становится очевидным, как на коммуникативном уровне купец Терехов активно консолидировался в нарождавшуюся прослойку городских предпринимателей. Так, в разделах о воспитанниках его детей значатся представители купеческого сословия (но преимущественно такие же, как Терехов, лишь относительно недавно включенные туда); либо сам Егор Акимович выступал у младенцев, родившихся в купеческих семьях, в качестве крестного отца.

Подобное семейно-духовное единение проявится уже в относительно скором будущем, продолжая на родственном уровне уже в следующих поколениях крепить сословные связи. В частности, крестник купца Е. А. Терехова, купеческий сын, офицер И. А. Яцкин [34, л. 197 об. — 198] (впоследствии участник Русско-японской войны, подполковник, известный в Омске общественный деятель и популяризатор садоводства [35]) в 1885 г. обвенчается с сестрой А. А. Батюшкина, купеческой дочерью Марией [10, с. 256]. Супруга купца Е. А. Терехова — Федосья Васильевна — в 1859 г. станет крестной матерью будущего мужа своей дочери Елизаветы — Капитона Алексеевича Батюшкина, а также двух его сестер. Подобная традиция будет иметь место и на рубеже XIX—XX вв. А бывшие нижние чины омского гарнизона — солдат Терехов и писарь Батюшкин — в итоге обрели формальное родство через своих детей — Капитона и Елизавету — венчавшихся в 1891 г. в праздник Рождества Христова во все той же Пророко-Ильинской церкви. Но дожить до этого события и преклонных лет суждено было лишь Егору Акимовичу Терехову и Ульяне Тимофеевне Батюшкиной; Алексей Андреевич Батюшкин ушел из жизни в 1879 г., а Федосья Васильевна Терехова — еще в начале 1860-х гг. [3, с. 14, 18, 21].

Звучит, как исторический анекдот, но пребывание Алексея Андреевича Батюшкина в качестве кантониста почти через 80 лет вдруг вновь получит упоминание в официальных документах. Его сын Капитон (к тому времени отставной коллежский асессор, бывший предприниматель и домовладелец), устраиваясь на советскую службу в 1923 г., заполняя анкету о своем социальном происхождении, напишет, хотя и абсолютно без обмана, но с явным лукавством: «сын кантониста» [3, с. 64]. Такой шаг может показаться, на первый взгляд, наивным. Но в недружелюбном к «бывшим людям» новом революционном обществе для «социальной мимикрии» это была весьма мудрая уловка, позволявшая

отвести от себя «ненужное» внимание [7]. Особую актуальность это обретало в условиях Омска — бывшей колчаковской столицы, где органы ВЧК — ОГПУ достаточно пристально следили за «чуждым элементом» [36].

Выводы и дискуссия. Прделанное исследование в подробностях не раскрывает всех нюансов жизни представителей омского рода Батюшкиных в XIX в., что обусловлено содержательной спецификой использованных формализованных исторических источников. Однако подчеркнем, что церковные актовые записи являются для современных исследователей судеб русских предпринимателей в отдельных случаях основным репрезентативным историческим источником, как и для изучения социальной истории в целом. Официальный статус этих документов позволяет даже на уровне аналитических предположений высказывать достаточно аргументированные версии о факторах, повлиявших в конце XIX в. на развитие сибирских торгово-промышленных кругов, обретавших в соответствии с эпохой новые черты. Проанализированные в данной статье актовые записи позволяют на микроисторическом примере рода Батюшкиных реконструировать работу социальных лифтов в Российской империи в XIX в. Армейская служба для кантониста Русской императорской армии могла стать трамплином для попадания в статусное купеческое сословие, являвшееся в то время значимым элементом региональной элиты. Вместе с тем влияло здесь и обретение каждым новым поколением большего уровня образованности, что также становилось залогом социального успеха.

Корпоративизм, как одно из классических ментальных качеств российского купечества, проявившийся в данном случае и на примере духовной жизни, и на уровне бытовой повседневности, способствовал взаимному персональному сплочению омского предпринимательства и, как следствие, упрочению общественных позиций его представителей. Пожалуй, один из наиболее показательных омских примеров в этом отношении — Батюшкины и Тереховы. Эти семьи к концу XIX в. — в хронологической точке роста российского капитализма — обрели не только значительное материальное состояние и серьезный удельный вес в местном социуме, но и, благодаря этому, смогли оказывать заметное влияние как минимум на городскую власть.

Библиографический список

1. Чекалина Л. А. Центр изучения истории Гражданской войны как общественное пространство Исторического архива Омской области // Отечественные архивы. 2022. № 3. С. 25–33.
2. Федотова И. В. Отметив первый юбилей: обзор научных мероприятий в Омске к 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны // Сибирский архив. 2022. № 2. С. 179–204.
3. Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Золотой тираж, 2021. 140 с.
4. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. В 2 т. Новосибирск: Гео, 2012–2013.
Т. 1. А.-Л. 2012. 450 с.
Т. 2. М.-Я. 2013. 464 с.
5. Комлева Е. В., Зиновьев В. П., Журавель О. Д. «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири»: возвращенные имена и раскрытые судьбы // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 251–268. DOI: 10.15826/qr.2015.2.106.

6. Человек советский: за и против / Под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2021. 412 с.
7. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. Москва: Мир истории, 2003. 296 с.
8. Сертакова Е. А., Копцева Н. П. К вопросу о методологической стратегии современной урбанистической антропологии // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 103–120.
9. Koptseva N. P. Introduction to the thematic issue «Topical research in the field of modern social sciences, culture studies and art history» // Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. No. 12 (7). P. 1128–1131. DOI: 10.17516/1997-1370-0444.
10. Блинова О. В., Стельмак М. М. От примет времени к исторической памяти: рецензия на монографию Д. И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Сибирский архив. 2022. № 1. С. 245–271.
11. Базанов П. Н. Местная или всероссийская культура? // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 3. С. 186–188. DOI: 10.30725/2619-0303-2022-3-186-188.
12. Князев М. А. Семейная сага в региональном измерении: обзор монографии Д. И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6, № 3. С. 216–225. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-3-216-225.
13. Коршунков В. А. Архивный поиск в локальной и семейной истории: город Омск и новое в изучении его прошлого // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1271–1279. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1271-1279.
14. Петин Д. И., Коновалова Н. А. Капитан Батюшкин: дополняя исторический портрет // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы всерос. науч.-практ. конф. Омск: Амфора, 2015. С. 118–125.
15. Метрические книги: справочник-указатель по фондам Исторического архива Омской области / Отв. сост. Л. И. Огородникова. В 2 ч. Омск: Амфора, 2016. Ч. 1. 488 с.
16. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 16. Оп. 2. Д. 71.
17. ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 52.
18. ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 53.
19. ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 58.
20. ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 60.
21. ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 63.
22. ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 65.
23. ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 250 А.
24. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX–начала XX в. Ленинград: Наука, 1988. 277 с.
25. ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 273.
26. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. Санкт-Петербург: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1895. Т. XIV. 488 с.
27. Энциклопедия города Омска: В 3 т. (4 кн.). Омск: ЛЕО : Издатель – Полиграфист, 2009. Т. 1. 919 с.
28. ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 262.
29. ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 221. Т. 2.
30. ИАОО. Ф. 16. Оп. 4. Д. 20.
31. ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 255.
32. ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 258.
33. ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 251.
34. ИАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 276.
35. Огородникова Л. И. Яцкин Иван Афанасьевич // Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища. Омск: Омский дом печати. С. 104–105.
36. Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. 277 с.

ПЕТИН Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; руководитель Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, г. Омск.
 SPIN-код: 9987-3347
 AuthorID (РИНЦ): 742782
 AuthorID (SCOPUS): 57188761451
 ORCID: 0000-0003-1614-8133
 ResearcherID: A-8542-2017
 Адрес для переписки: dimario86@rambler.ru

Для цитирования

Петин Д. И. Генеалогия омского рода Батюшкиных первой половины XIX в. по церковным актовым записям // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 58–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-58-64.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023 г.

© Д. И. Петин

GENEALOGY OF THE OMSK BATYUSHKINS FAMILY IN FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY ACCORDING TO CHURCH RECORDS

The work based on unpublished sources (church records), presents an analytical review of information about the representatives of the Batyushkins family — close direct ancestors of the subsequently wealthy and famous family in pre-revolutionary Omsk. The purpose of the work is to identify the genealogical origins and connections of the Batyushkins family, which contributed to the entry of this family into the merchant class. The methodological basis of the study is a combination of the anthropological approach and the historical-genetic method. In conclusion, the special role of the merchant E. A. Terekhov in acquiring a new status for the Batyushkins family and in the general consolidation of the Omsk business families at the personal communicative level in the second half of the 19th century is emphasized.

Keywords: Russian Empire, local history, Russian Imperial Army, cantonists, lower ranks, non-commissioned officers, people from different classes, merchants, business history, practical genealogy, Omsk.

References

1. Chekalina L. A. Tsentr izucheniya istorii Grazhdanskoy voyny kak obshchestvennoye prostranstvo Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti [Center for the study of the Civil War History as a public space of the Historical archive of the Omsk Region] // Otechestvennyye arkhivy. *Domestic Archives*. 2022. No. 3. P. 25–34. (In Russ.).
2. Fedotova I. V. Otmety pervyy yubiley: obzor nauchnykh meropriyatiy v Omske k 10-letiyu Tsentra izucheniya istorii Grazhdanskoy voyny [Having celebrated the first anniversary: a review of scientific events in Omsk on the occasion of the 10th anniversary of the Center for the Study of the History of the Civil War] // Sibirskiy arkhiv. *Siberian Archive*. 2022. No. 2. P. 179–204. (In Russ.).
3. Petin D. I. Istoriya omskogo roda Batyushkinykh [«The History of the Omsk clan of Batyushkin»]. Omsk, 2021. 140 p. ISBN 978-5-8042-0752-7. (In Russ.).
4. Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri [Encyclopedic dictionary on the history of merchants and commerce in Siberia]. In 2 vol. Novosibirsk, 2012–2013.
Vol. 1. A.-L. 2012. 450 p. (In Russ.).
Vol. 2. M.-Ya. 2013. 464 p. (In Russ.).
5. Komleva E. V., Zinoviev V. P., Zhuravel O. D. [«Encyclopedic Dictionary on the History of the Merchants and Commerce of Siberia»: returned names and revealed destinies] // Quaestio Rossica. *Quaestio Rossica*. 2015. No. 2. P. 251–268. DOI: 10.15826/qr.2015.2.106. (In Russ.).
6. Chelovek sovetskiy: za i protiv [Soviet Man: pros and cons] / Ed. by Yu. V. Matveeva, Yu. A. Rusina. Yekaterinburg, 2021. 412 p. (In Russ.).
7. Smirnova T. M. «Byvshiye lyudi» Sovetskoy Rossii. Strategii vyzhivaniya i puti integratsii, 1917–1936 gg. [«Former People» of Soviet Russia. Survival strategies and ways to integrate, 1917–1936]. Moscow, 2003. 296 p. (In Russ.).
8. Sertakova Ye. A., Koptseva N. P. K voprosu o metodologicheskoy strategii sovremennoy urbanisticheskoy antropologii [To the question of the methodological strategy of modern urban anthropology] // Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. *Humanitarian and Social Sciences*. 2015. No. 1. P. 103–120. (In Russ.).
9. Koptseva N. P. Introduction to the thematic issue «Topical research in the field of modern social sciences, culture studies and art history» // *Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. No. 12 (7). P. 1128–1131. DOI: 10.17516/1997-1370-0444. (In Russ.).
10. Blinova O. V., Stelmak M. M. Ot primet vremeni k istoricheskoy pamyati: retsenziya na monografiyu D. I. Petina «Istoriya omskogo roda Batyushkinykh» [From signs of time to historical memory: a review of the monograph by D. I. Petin «The History of the Omsk clan of Batyushkin»] // Sibirskiy arkhiv. *Siberian Archive*. 2022. No. 1. P. 245–271. (In Russ.).
11. Bazanov P. N. Mestnaya ili vserossiyskaya kul'tura? [Local or national culture?] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*. 2022. No. 3. P. 186–188. DOI: 10.30725/2619-0303-2022-3-186-188. (In Russ.).
12. Knyazev M. A. Semeynaya saga v regional'nom izmerenii: obzor monografii D. I. Petina «Istoriya omskogo roda Batyushkinykh» [Family saga in the regional dimension: a review of the monograph by D. I. Petin «History of the Omsk family of the Batyushkin»]. Severnyye arkhivy i ekspeditsii. *Northern Archives and Expeditions*. 2022. Vol. 6, no. 3. P. 216–225. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-3-216-225. (In Russ.).
13. Korshunkov V. A. Arkhivnyi poisk v lokal'noi i semeinoi istorii: gorod Omsk i novoe v izuchenii ego proshlogo [Archival Research on the Local and Family History: The City of Omsk City and New Research of Its Past] // Vestnik arhivista. *Herald of an Archivist*. 2022. No. 4. P. 1271–1279. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1271-1279 (In Russ.).

14. Petin D. I., Konovalova N. A. Kapiton Batyushkin: dopolnyaya istoricheskiy portret [Kapiton Batyushkin: supplementing the historical portrait] // *Grazhdanskaya vojna na vostoке Rossii: objektivnyi vzglyad skvoz' dokumental'noye nasledie. The Civil War in the East of Russia: an Objective Look Through the Documentary Heritage*. Omsk, 2015. P. 118–125. (In Russ.).

15. Metrisheskiye knigi: spravochnik – ukazatel' po fondam Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti [Registers of births: A guide-index to the founds of the Historical Archive of the Omsk Region] / Resp. comp. L. I. Ogorodnikova. In 2 parts. Omsk, 2016. Part 1. 488 p. (In Russ.).

16. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical Archive of Omsk Region (HAOR)]. File: 16/2/71. (In Russ.).

17. IAOO [HAOR]. File: 16/2/52. (In Russ.).

18. IAOO [HAOR]. File: 16/2/53. (In Russ.).

19. IAOO [HAOR]. File: 16/2/58. (In Russ.).

20. IAOO [HAOR]. File: 16/2/60. (In Russ.).

21. IAOO [HAOR]. File: 16/2/63. (In Russ.).

22. IAOO [HAOR]. File: 16/2/65. (In Russ.).

23. IAOO [HAOR]. File: 16/2/250A. (In Russ.).

24. Bernshtam T. A. Molodezh' v obryadovoy zhizni russkoy obshchiny XIX – nachala XX v. [Youth in the ritual life of the Russian community in the 19th – early 20th centuries]. Leningrad, 1988. 277 p. (In Russ.).

25. IAOO [HAOR]. File: 16/2/273. (In Russ.).

26. Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron] In 86 vols. St. Petersburg: Tipo-Lithography by I. A. Efron Publ., 1895. Vol. XIV. 488 p. (In Russ.).

27. Entsiklopediya goroda Omska [Encyclopedia of the city of Omsk]. In 3 volumes (4 books). Omsk, 2009. Vol. 1. 919 p. (In Russ.).

28. IAOO [HAOR]. File: 16/2/262. (In Russ.).

29. IAOO [HAOR]. File: 16/2/221/vol. 2. (In Russ.).

30. IAOO [HAOR]. File: 16/4/20. (In Russ.).

31. IAOO [HAOR]. File: 16/2/255. (In Russ.).

32. IAOO [HAOR]. File: 16/2/258. (In Russ.).

33. IAOO [HAOR]. File: 16/2/251. (In Russ.).

34. IAOO [HAOR]. File: 16/2/276. (In Russ.).

35. Ogorodnikova L. I. Yatskin Ivan Afanas'yevich [Yatskin Ivan Afanasevich] // *Omskiy nekropol'. Ischeznuvshiye kladbishcha [Omsk necropolis. Lost cemeteries]*. Omsk, 2005. P. 104–105. (In Russ.).

36. Vasilevskiy V. P., Sushko A. V. «Strazhi revolyutsii»: organy GPU – OGPU v Omskom Priirtysh'ye [«Guards of the Revolution»: organs of GPU – OGPU in Omsk Irtysh]. Omsk, 2017. 277 p. (In Russ.).

PETIN Dmitriy Igorevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Head of the Center for the Study of the History of the Civil War of the Historical Archive of the Omsk Region, Omsk.

SPIN-code: 9987-3347

AuthorID (RSCI): 742782

ORCID: 0000-0003-1614-8133

AuthorID (SCOPUS): 57188761451

ResearcherID: A-8542-2017

Correspondence address: dimario86@rambler.ru

For citations

Petin D. I. Genealogy of the Omsk Batyushkins family in first half of the 19th century according to church records // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 58–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-58-64.

Received January 10, 2023.

© D. I. Petin

«ЗАВЕДОМО ХРАНИЛА, С ЦЕЛЬЮ РАСПРОСТРАНЕНИЯ, 44 ЭКЗЕМПЛЯРА ПРОКЛАМАЦИЙ...»: К БИОГРАФИИ ОМСКОЙ РЕВОЛЮЦИОНЕРКИ НАДЕЖДЫ ТЕРЕХОВОЙ (БЕЛОНОВОЙ)

Данная публикация реконструирует биографию Н. М. Тереховой (Белоноговой) — омской социал-демократки, учительницы, активной участницы общественно-политического движения в Западной Сибири. Несмотря на весьма значительный вклад в деятельность РСДРП биография данной революционерки не отражена в историографии, ее имя не вошло в официальный советский пантеон, хотя многие соратники, а иногда и противники в своих мемуарах не раз упоминали о ней даже спустя десятилетия. Основой для публикации послужил комплекс опубликованных и неопубликованных мемуаров и материалов делопроизводства жандармерии, выявленных в фондах Исторического архива Омской области. По итогам исследования, построенного на сочетании антропологического подхода и биографического метода, автор подчеркивает особую актуальность генеалогических практик в изучении региональной социально-политической истории.

Ключевые слова: историческая антропология, гендерная история, РСДРП, революционное движение, социал-демократы, Первая русская революция, учительство, купечество, Омск.

Постановка проблемы. В современной отечественной и зарубежной историографии немалое внимание уделяется различным аспектам гендерной истории, особенностям развития женских общественно-политических движений, участию в революционных событиях, реконструкции возникновения и преодоления гендерных стереотипов, изучение стигматизированности женщин, занятых интеллектуальным трудом [1 6]. Возрастает актуальность исследований на данную тему и в связи с развитием в мире феминистских движений.

В то же время одним из наиболее традиционных и популярных жанров в историографии революционного движения являются биографии его участников. При этом современные историки все чаще обращаются к репрезентативным сюжетам локальной истории, благодаря которым полнится знание об эпохе социальных катаклизмов и ее современниках.

Биография Надежды Михайловны Тереховой (Белоноговой) оказалась тесно связанной с историей революционного движения в Омске. Купеческая семья Тереховых неоднократно попадала в поле зрения историков. Например, Д. И. Петиным детально изучена семейная жизнь Е. Г. Тереховой, вышедшей замуж за К. А. Батюшкина [7 10]. В 2019 г. резолюцией III Всероссийской научно-практической конференции «Гражданская война на

востоке России: взгляд сквозь документальное наследие» наработки Д. И. Петина по истории омского рода Батюшкиных было рекомендовано обобщить в формате монографии [11, с. 137]. Итог данного научного поиска — монография «История омского рода Батюшкиных» [10] уже высоко отмечена академической общественностью [12 16]. Однако об остальных представителях купеческого рода Тереховых столь подробных исследований нет.

Основная часть. Надежда Михайловна Терехова родилась в 1881 г. в известной омской купеческой семье. Данные о ее происхождении получены нами из личного архива Анастасии Шашевой, которая является потомком рода Волковых, восстанавливающей историю омских купеческих семей. По ее сведениям у Н. М. Тереховой была сестра Мария и два брата — Сергей и Анатолий. Любопытная деталь: Надежда Михайловна, являлась родной племянницей Е. Г. Тереховой (Батюшкиной), в чьем особняке с 15 декабря 1918 г. по 12 ноября 1919 г. располагалась Личная резиденция Верховного правителя А. В. Колчака [10, с. 43].

Образование Н. М. Терехова получила в Омской женской гимназии почетных граждан Поповых, окончила и восьмой педагогический класс [17, л. 11]. В конце обучения в нем ученицы сдавали экзамен на получение звания учительницы и права преподавать начальный школьный курс [18, с. 78,

79]. Необходимо оговорить, что в воспоминаниях современников Н. М. Терехову называли «учительницей», «классной дамой» или «классной надзирательницей». На наш взгляд, противоречия здесь нет. По закону классная дама со свидетельством на звание домашней учительницы имела право преподавать один из предметов в первых классах гимназии. Вероятно, вскоре после получения образования Надежда Михайловна начала службу в alma mater.

Можно говорить о том, что молодая учительница выделялась среди своих коллег. В дореволюционный период, зачастую, учителя старались избегать участия в политике, поскольку проявление инициативы на данном поприще не лучшим образом могло сказаться на карьере. Как указывает исследовательница О. В. Блинова, в Западной Сибири чиновная составляющая в системе ценностей, определявших поступки педагогов, была значительнее, чем у их коллег из центральных губерний, что признавалось самими учителями. Общественная деятельность многих западносибирских педагогов отличалась формализмом, аполитичностью и отсутствием заинтересованности в объединении с учителями низшей и начальной школы [19, с. 220–221].

Не исключено, что Надежда Михайловна рисковала получить вред со стороны коллег по гимназии. Во множестве дневников и мемуаров педагогов встречались упоминания о доносах, ставших тогда обычным явлением в учительской корпорации [19, с. 33]. Часто учителя были беззащитны перед политикой властей. В Омске в 1908 г. при открытии отдела Союза Михаила Архангела многих народных учителей и учительниц вынудили вступить в его ряды под угрозой увольнения. Под надзором полиции могли оказываться и из-за перестраховки учебной администрации [19, с. 207, 212].

Для начала обратимся к написанным в 1961 г. мемуарам известного революционера Г. И. Крамольникова. В Омск он прибыл в марте 1903 г. [20, л. 4]. Перечисляя с уважением различных участников омской организации РСДРП, он называет и Н. М. Терехову, ставя ее в один ряд с наиболее активными деятелями [21, с. 33]. Уже в июне 1903 г. Крамольникова арестовали, до января 1904 г. он находился в Омской областной тюрьме, после отправлен в ссылку в Нарымский край [21, с. 39]. Следовательно, к середине 1903 г. Терехова была активно вовлечена в деятельность РСДРП.

Ценные сведения содержат неопубликованные воспоминания омского революционера Ф. Г. Виноградова, написанные в 1930-е гг. По его словам, примерно в 1904 г. в Омске уже был партийный комитет РСДРП, который издавал и свою агитацию, хранившуюся у Надежды Михайловны [22, л. 31]. Современники вспоминали о Тереховой как о внешне симпатичном, общительном и начитанном человеке. В марте 1905 г. она вошла в комитет РСДРП как представитель местной интеллигенции [22, л. 31]. По воспоминаниям ее дочери, Галины Тимофеевны Белоноговой, Н. М. Терехова в 1902–1905 гг. являлась параллельно секретарем омского комитета РСДРП, причем из-за конспирации этот факт не был известен даже некоторым соратникам, что позже значительно помогло во время будущих арестов [23, л. 15].

Осенью 1905 г. властям удалось добыть сведения об участии Надежды Михайловны в революционном движении. В сообщении полицмейстера Омска Шмонина от 7 октября 1905 г. приставу 5-й части говорилось о некоем Терехове. Из документа сле-

довало, что недавно его выслали из Омска, но он бежал из ссылки, сейчас снова скрывается в городе и работает в подпольной типографии, предположительно вместе с сестрой Надеждой. Последовало задание пристальнее следить за ней, чтобы через нее выйти на брата и типографию. Правда, как далее отмечал Виноградов, произошла ошибка. В тот момент подпольная деятельность Тереховой не была связана с работой в типографии, и слежка за ней не могла помочь в решении этого вопроса [22, л. 66]. В примечании к данной неизданной рукописи говорилось, что Надежда Михайловна носила фамилию мужа Белоногова [22, л. 143]. В записи омского краеведа А. Ф. Палашенкова, составленной на основе алфавитного указателя Омского краеведческого музея, значится и «Н. М. Терехова-Белоногова» как участница революционного движения в Акмолинской области в 1905–1907 гг. [24, л. 1]. В переписке 1960-х гг. историка П. А. Трофимова с омским революционером А. Н. Гладышевым упоминается «Н. М. Белоногова», как учительница женской гимназии, супруга Т. П. Белоногова, участница омской РСДРП [25, л. 137].

В начале января 1906 г. в Омске объявили военное положение. Последовал ряд обысков и арестов. 8 января 1906 г. задержали нескольких воспитанников мужской гимназии и учительницу подготовительного класса Омской первой женской гимназии почетных граждан Поповых Надежду Михайловну Терехову [26, л. 1], которая параллельно являлась учительницей 1-й Покровской воскресной школы [23, л. 4]. В ночь на 9 января 1906 г. аресту подвергся и ее коллега преподаватель естествознания женской гимназии, краевед, член ЗСОИРГО М. М. Сиязов [26, л. 1]. В томской газете «Сибирская жизнь» вскоре появился подробный репортаж о происшествии. Основной причиной ареста послужили выступления Тереховой и Сиязова на педагогическом совете в качестве постоянных оппонентов его председателя Шумиловского [27, с. 3]. Заранее отметим, что не следует путать его с известным меньшевиком Л. И. Шумиловским.

На последнем заседании они высказались резко против исключения гимназисток за их взгляды. Этот случай послужил причиной ареста. В связи с их увольнением необходимо было найти замену. Любопытно, что Шумиловский решил возникшую проблему. Среди новых учителей теперь значились два офицера Генштаба, один воспитатель кадетского корпуса [27, с. 3]. О педагогических качествах указанных военных информация не сохранилась, но, по нашему мнению, их приглашение в гимназию связывалось с умением преподавать в казенных рамках.

Кроме соратников по общественно-политическому движению Надежду Михайловну упоминали и противники. Запись о ней имеется в дневнике анонимного омского черносотенца, изданном в Томске в 1911 г. В записи от 9 января 1906 г. сказано, что в ночь на 9 января арестованы и посажены в тюрьму преподаватель женской гимназии М. М. Сиязов и классная надзирательница Н. М. Терехова [28, с. 64].

Судя по всему, автором дневника являлся педагог А. Е. Алекторов [29, с. 413]. В 1902 г. его назначили директором народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей [19, с. 153]. По этой причине на страницах дневника особую неприязнь вызывали оппозиционно настроенные учителя и ученики. Кроме этого, Алекторов отметил, что

Рис. 1. Политические заключенные в Омском тюремном замке.
Слева-направо: Н. М. Терехова (с книгой, в пенсне), неизвестная пересыльная
из Вольска, Л. Д. Ящина, П. Долгушина, А. З. Судакова, А. В. Васильева.
Омск, конец 1906–начало 1907 гг. Источник: [35, л. 1]

ми сочинениями, описывающими в негативных красках революционеров [30].

Вскоре Надежда Михайловна последовала в административную ссылку в Самарскую губернию, где провела полгода. Как указывает исследовательница О. В. Ванюшина, административным наказаниям, как правило, подвергались те лица, против кого было недостаточно (а иногда и вовсе не было) улик, необходимых для судебного преследования. Ссылка в административном порядке осуществлялась в различные регионы Российской империи [5, с. 48]. Как сообщала 10 июня 1906 г. омская газета «Степной голос», административно высланная Терехова получила разрешение вернуться в Омск [31, с. 2].

В конце года она вновь оказалась в заключении. Согласно протоколу, составленному приставом 5-й части г. Омска А. П. Каргаполовым, он 20 декабря 1906 г. вместе с околоточным надзирателем А. В. Масехиным прибыл в дом купца Терехова по ул. Тобольской, где ими был произведен обыск в квартире, занимаемой домашней учительницей Н. М. Тереховой, 25 лет [17, л. 4]. При обыске нашли 22 брошюры и 44 прокламации [32, л. 4]. Как указывалось в обвинительном акте, агитация была обращена к солдатам, заключая призыв к свержению монархии. Далее говорилось, что на основании вышеизложенного Терехова «заведомо хранила, с целью распространения, 44 экземпляра прокламаций...». Кроме этого, в протоколе стражи порядка особо выделили, что на столе лежала брошюра с рассказом А. С. Грина «Заслуга рядового Пантелеева». Примечательно, что Надежда Михайловна отказалась подписать протокол обыска, давать показания, не признала себя виновной. Ее поместили в Омский тюремный замок. Причина внезапного обыска, на наш взгляд, заключалась в следующем. В декабре 1906 г. в Омское жандармское управление пришло секретное отношение от Департамента полиции МВД об организации социал-демократами «Сибирского бюро» для доставки в регион легальной и нелегальной литературы, а также сведений, касающихся партийной жизни. Связь бюро осуществлялась с омским комитетом по адресу: «Омск, Тобольская улица, д. Терехова» [23, л. 1].

О пребывании Тереховой в заключении оставлены воспоминания конца 1950-х гг. ее соратницы по партийной работе Анны Зиновьевны Судаковой, отчисленной в начале 1905 г. с фельдшерско-акушерских курсов в Томске за революционную деятельность. В Омске она работала в подпольной типографии. 20 ноября 1906 г. Судакову арестовали на городской конференции РСДРП в числе 38 человек (включая К. А. Попова, В. Г. Шанцера, В. В. Куйбышева). Через месяц, в конце 1906 г., в камеру, где находилась Судакова, поместили и Терехову. Оказавшись там, вскоре Надежда Михайловна повесила портрет К. Маркса [33, с. 57]. От соратников Терехова получила литературу, много читала по политической экономии. Вместе с Тереховой и Судаковой в камере находилось шесть девушек, привлеченных по политическим статьям. Надежда Михайловна часто вовлекала их в беседы на различные общественные темы, читала им вслух. Как вспоминала Анна Зиновьевна, начальник тюрьмы, некий Иванов (в других местах она называла его Иваницким), вызывал Терехову «на беседы», и... оказался напуган возможной победой революционных сил, после чего разрешил Тереховой повесить полученный от родственников портрет К. Маркса в камере и пустил туда фотографа [34, л. 2]. В данной работе приводится фотография Н. М. Тереховой с соратницами [35, л. 1] (рис. 1).

12 февраля 1907 г. она была приговорена к месяцу заключения в крепости [17, л. 35]. Покидая камеру, оставила портрет К. Маркса соратникам. Несмотря на то, что срок наказания Тереховой закончился 12 марта 1907 г., ее вновь выслали за пределы Степного края [23, л. 4]. По воспоминаниям современников, политических заключенных после месячного заключения по приговору нередко отправляли в ссылку. Ничего удивительного здесь нет. В одном из документов жандармерии от 12 января 1907 г. о Н. М. Тереховой говорилось, что она «принадлежит к числу весьма деятельных членов омских революционных организаций» [23, л. 2]. Там же дополнительно сообщалось, что ее близкой подругой является Вера Кононович, у которой недавно обнаружена подпольная типография. Вдобавок Надежда

Рис. 2. Надежда Михайловна Терехова, 1908 г. Источник: [38, л. 1]

Михайловна значилась в списке лиц, возвращение которых в Омск после снятия военного положения являлось нежелательным [23, л. 2].

Сведения о последующих годах жизни Надежды Михайловны нуждаются в уточнении. Примерно в этот период она связала свою жизнь с коллегой и соратником Тимофеем Павловичем Белоноговым (1873–1941), известным революционером, учителем, журналистом. Исследователями он обычно причисляется к пионерам марксизма в Кургане. Уроженец деревни Ботники Красногорской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии. В Омске в 1893 г. он окончил учительскую семинарию [36, л. 1]. Вновь оказался в городе в 1899 г., когда в административном порядке был сослан на два года и отдан под негласный надзор полиции. Возможно, тогда Надежда Михайловна познакомилась с ним. В последующие годы власти фиксировали его поездки в Курган, Ялуторовск, Тобольск, Омск, Иркутск. В 1908 г. в их семье родилась дочь Галина [37, л. 1]. Однако место рождения пока остается не-

известным. Надежда Михайловна могла находиться вместе с супругом в ссылке или в пути, во время поездок по сибирским городам. В данной работе впервые публикуется фото Н. М. Тереховой, сделанное в 1908 г. [38, л. 1] (рис. 2).

Примерно в 1910 г. супруги вновь вернулись в Омск. В сентябре 1910 г. Белоногов участвует в конференции ряда сибирских организаций РСДРП как представитель от Омска [39, с. 17]. Как указывает историк С. В. Макаручук, в это время в Омске Тимофей Павлович продолжал сбор денег в пользу политических арестантов и ссыльных [40, с. 63]. 11 марта 1912 г. в помещении, занимаемом Белоноговым, чинами жандармерии был устроен обыск, в ходе которого удалось найти марксистскую литературу [41, л. 19–20]. Причём в документах вновь значился знакомый властям адрес: Тобольская ул., дом Терехова.

С началом Первой мировой войны в семье Белоноговых произошли определенные перемены. Как известно, революционное движение раскололось на «пораженцев» и «оборонцев». При этом представители «пораженческого» течения считали необходимым оказывать помощь семьям, чьи члены оказались призванными на войну, полагая, что простые люди не должны страдать из-за действий царского правительства.

Уже в августе 1914 г. Надежда Михайловна состояла в городской исполнительной комиссии по оказанию помощи семьям призванных на войну. Она значилась в списке членов комиссии, кому надлежало отправлять пожертвования детскому приюту и составлять справки для желающих работать в нем. Причем она уже носила фамилию Белоногова. Проживала по адресу: угол Перевозной и Петропавловской, д. 86 (угол Масленникова и 6-й Линии) [42, с. 3]. 30 октября 1914 г. на заседании исполнительной комиссии по оказанию помощи семьям призванных на войну Н. М. Белоногова присутствовала в качестве представительницы подотдела ясель [43, с. 8].

Вероятно, примерно в 1915 г. семья Белоноговых переезжает в Курган. Возможным поводом стала заинтересованность жандармов в отношении Тимофея Павловича. Так, в одном из жандармских документов 1914 г. говорилось, что Т. П. Белоногов,

Рис. 3. Надежда Михайловна Белоногова, Галина Тимофеевна Белоногова, Тимофей Павлович Белоногов. Омск, 1928 г. Источник: [47, л. 1]

служащий Омского городского банка, стремится подобрать себе коллег исключительно из числа социал-демократов [44, л. 1]. Однако в Омске оказывать помощь революционному движению осталась ее сестра Мария. Так, в 1916 г. она участвовала в деятельности общества «Просвещение», в качестве ответственной распорядительницы оказывая помощь в организации лекций [45, л. 13].

С началом революционных событий в Кургане 8 марта 1917 г. образуется Совет рабочих депутатов. Председателем избирают Белоногова [46, с. 44]. В конце 1919 г. семья снова вернулась в Омск. Их дочь Галина Тимофеевна, отвечая на вопрос анкеты от 28 сентября 1926 г. о родителях, указала, что ее мать работает учительницей. В этом же году, пойдя по ее стопам, Г. Т. Белоногова начала работать в школе им. Октябрьской революции (ул. 13-я Линия, д. 1) [37, л. 4]. Вся семья проживала по адресу: Сажинская, д. 15. В данной работе впервые публикуется фото семьи Белоноговых, сделанное в Омске в 1928 г. [47, л. 1] (рис. 3).

Надежда Михайловна Белоногова ушла из жизни в Омске 16 марта 1930 г. Ее муж вел активную общественную и краеведческую деятельность. В Омске являлся ученым секретарем отделения географического общества. С 1933 г. работал в Центральном бюро музейной и краеведческой работы в Москве. В 1934 г. ему назначили персональную пенсию республиканского значения. Умер в Москве в сентябре 1941 г. [48, с. 40].

Заключение. Жизненный путь Надежды Михайловны был относительно недолгим, противоречивым, наполненным сложностями самого разного характера. Ее исторический портрет не вписывается в ментальный формат большинства коллег из числа учителей той эпохи. Возвращаясь к генеалогии Батюшкиных и Тереховых, подчеркнем по аналогии, что взгляды нашей героини также значительно отличались от воззрений представителей своего сословия и семейного клана, в частности. Но здесь стоит заметить, что даже в выходах из консервативного сибирского купечества находились «исключения из правил», каковыми стали Надежда Михайловна, ее родные брат и сестра, избравшие для себя революционную стезю.

Подводя итоги исследования, отметим, что, несмотря на вклад в революционное движение, Надежда Михайловна Терехова (Белоногова) не вошла в пантеон значимых общественно-политических деятелей даже на уровне Омска. В официальной печати ее имя фигурировало крайне редко. На наш взгляд, это подчеркивает ценность мемуаров современников о ней, подчеркивая упоминание ее личности не являлось обязательным условием в историографии. В то же время подчеркнем особое значение неопубликованных эго-источников по истории революционного движения, хранящихся в фондах архивов и музеев. С точки зрения формата исследований, как видно, может быть весьма продуктивной практическая генеалогия, дающая достаточно любопытные и полновесные представления, в том числе в изучении региональной социально-политической истории.

Благодарности

Автор благодарит Анастасию Шашеву и библиографа-краеведа Варгашиной центральной библиотеки Николая Юрьевича Толстых за помощь при сборе материалов для данной статьи.

1. Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фингер. Москва: Мысль, 1988. 269 с.
2. Пиетров-Эникер Б. «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / пер. с нем. Ю. П. Шаттона. Москва: Издат. центр РГГУ, 2005. 444 с.
3. Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 544 с.
4. Алферова И. В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. Брянск: Курсив, 2011. 352 с.
5. Ванюшина О. В. Административно высланные в Тверскую губернию женщины (1881–1917 гг.): адаптация к условиям повседневной жизни: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2016. 284 с.
6. Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М. Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 17–27. DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.2.
7. Петин Д. И., Коновалова Н. А. Капитан Батюшкин: дополняя исторический портрет // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы всерос. науч.-практ. конф. Омск: Амфора, 2015. С. 118–125.
8. Петин Д. И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 249–282.
9. Петин Д. И. Генеалогия омской семьи Батюшкиных в свете очередных архивных находок // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. С. 263–271.
10. Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных: моногр. Омск: Типография «Золотой тираж», 2021. 140 с.
11. Петин Д. И. 100-летие Гражданской войны в Сибири: научно-просветительская рефлексия в Омске (2019) // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 131–142. DOI: 10.31806/2542-1158-2020-4-2-131-142.
12. Блинова О. В., Стельмак М. М. От примет времени к исторической памяти: рецензия на монографию Д. И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Сибирский архив. 2022. № 1 (11). С. 86–92.
13. Князев М. А. Семейная сага в региональном измерении: обзор монографии Д. И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6, № 3. С. 216–225. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-3-216-225.
14. Базанов П. Н. Местная или всероссийская культура? // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 3. С. 186–188. DOI: 10.30725/2619-0303-2022-3-186-188.
15. Коршунков В. А. Архивный поиск в локальной и семейной истории: город Омск и новое в изучении его прошлого // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1271–1279. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1271-1279.
16. Федотова И. В. Отметив первый юбилей: обзор научных мероприятий в Омске к 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны // Сибирский архив. 2022. № 2. С. 179–204.
17. Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 295.
18. Буслаева О. С. Становление и развитие женских гимназий в России в 1870-х гг. – феврале 1917 г. (на материалах Владимирской и Костромской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2016. 209 с.
19. Блинова О. В. Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880-х – 1914: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. 281 с.
20. ГИАОО. Ф. Р-2200. Оп. 2. Д. 1063.

21. Крамольников Г. И. О подпольной работе в социал-демократических организациях Сибири // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1967. Вып. IV. С. 3–50.
22. ГИАОО. П-19. Оп. 1. Д. 318.
23. ГИАОО. П-35. Оп. 3. Д. 639.
24. ГИАОО. Ф. Р-2200. Оп. 2. Д. 2029.
25. ГИАОО. Ф. Р-1654. Оп. 1. Д. 132.
26. ГИАОО. Ф. Р-2200. Оп. 2. Д. 2030.
27. По Сибири // Сибирская жизнь (Томск). 1906. 17 февраля.
28. Чем и как мы жили в дни освободительного движения (Из дневника обывателя г. Омска). Томск: Типография Приюта и Дома трудолюбия, 1911. 166 с.
29. Блинова О. В. Взгляд «обывателя» на революции в Омске // Антология омского краеведения. Т. 3. Омск в публикациях XVIII – начала XX вв. Омск, 2020. С. 413–416.
30. Алекторов А. Е. Материалы к истории революционного движения в России. Императорская Военно-медицинская академия. Харьков: Мирный труд, 1913. 64 с.
31. Хроника // Степной голос (Омск). 1906. 10 июня.
32. ГИАОО. П-19. Оп. 1. Д. 74.
33. Судакова Л. М., Ремизов А. В. А. З. Судакова — активная участница революционных событий в Западной Сибири (по материалам личного архива) // История Западной Сибири в дореволюционный период: Омская областная научная конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири». Омск: Изд-во ОмГУ, 1988. С. 56–58.
34. ГИАОО. Ф. Р-2200. Оп. 2. Д. 1899.
35. ГИАОО. П-411. Оп. 11. Д. 2613.
36. ГИАОО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 153.
37. ГИАОО. Ф. Р-1152. Оп. 2. Д. 148.
38. ГИАОО. П-35. Оп. 3. Д. 2787.
39. Толстых Н. Ю. Редактор по кличке «Потапыч» (Тимофей Павлович Белоногов) // Газета, люди, жизнь. Куртамыш, 2007. С. 16–19.
40. Макаручук С. В. Политическое подполье в восточных регионах России (июнь 1907 – февраль 1917 гг.): Состояние социал-демократических и непартийных организаций. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. 298 с.
41. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 326.
42. Городская исполнительная комиссия // Вестник Омского городского самоуправления. 1914. № 14–15.
43. Протокол № 15 заседания исполнительной комиссии // Вестник Омского городского самоуправления. 1914. № 22.
44. Ялуторовский музейный комплекс. ОФ-2778/1. 4944452.
45. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88.
46. Васильева А. М. Курган. Так было. Курган: Зауралье, 2019. 444 с.
47. ГИАОО. П-35. Оп. 3. Д. 2789.
48. Ефимов В. Фигурант дела № 77, или Партийная командировка в Саратов // Историко-краеведческий альманах Ялутур-городок. 2017. Вып. 12. С. 25–40.

СТЕЛЬМАК Максим Максимович, кандидат исторических наук, ведущий архивист Исторического архива Омской области, г. Омск; старший научный сотрудник кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск.
SPIN-код: 4328-1399
AuthorID (РИНЦ): 772229
ResearcherID: R-7418-2018
Адрес для переписки: stelmakmm@mail.ru

Для цитирования

Стедьмак М. М. «Заведомо хранила, с целью распространения, 44 экземпляра прокламаций...»: к биографии омской революционерки Надежды Тереховой (Белоноговой) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 65–72. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-65-72.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023 г.
© М. М. Стедьмак

«KEPT TO DISTRIBUTE 44 COPIES OF PROCLAMATIONS ...»: ABOUT THE BIOGRAPHY OF OMSK REVOLUTIONARY NADEZHDA TEREKHOVA (BELONOGOVA)

This publication reconstructs the biography of N. M. Terekhova (Belonogova) political figure of Omsk social-democratic, a teacher, an active participant in the socio-political movement in Western Siberia. Despite the very significant contribution to the activities of the RSDLP, the biography of this revolutionary is not reflected in historiography, her name was not included in the official Soviet historiography, although many associates, and sometimes opponents in their memoirs mentioned it, even after several decades. In the official press about it, they wrote quite rarely. The basis for the publication is a set of published and unpublished memories, memoirs and materials of the paperwork of the gendarmerie identified in the funds of the historical archive of the Omsk region. According to the results of a study built on a combination of an anthropological approach and the biographical method, the author emphasizes the particular relevance and importance of genealogical practices in the study of regional socio-political history.

Keywords: historical anthropology, gender history, RSDLP, revolutionary movement, social-democrats, First Russian revolution, teaching, merchants, Omsk.

Acknowledgments

The author thanks Anastasia Shasheva and a bibliographer-research by the Vargashin Central Library of Nikolai Yuryevich Tolstoy for the help of collecting materials for this article.

References

1. Pavlyuchenko E. A. Zhenshchiny v russkom osvoboditel'nom dvizhenii: Ot Marii Volkonskoy do Very Finger [Women in Russian Liberation Movement: from Maria Volkonskoy to Vera Finger]. Moscow, 1988. 269 p. (In Russ.).
2. Piyetrov-Eniker B. «Novyye lyudi» Rossii: Razvitiye zhenskogo dvizheniya ot istokov do Oktyabr'skoy revolyutsii [«New People» of Russia: the development of the female movement from the origins to the October Revolution]. Moscow, 2005. 444 p. (In Russ.).
3. Yukina I. I. Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti [Russian feminism as a challenge of modernity]. St. Petersburg, 2007. 544 p. (In Russ.).
4. Alferova I. V. «Zhenskiy vopros» v teorii i praktike bol'shevizma [«Women's question» in the theory and practice of Bolshevism]. Bryansk, 2011. 352 p. (In Russ.).
5. Vanyushina O. V. Administrativno vyslannyye v Tverskuyu guberniyu zhenshchiny (1881 1917 gg.): adaptatsiya k usloviyam povsednevnoy zhizni [Administratively sent to the Tver province of women (1881 1917): Adaptation to the conditions of everyday life]. Moscow, 2016. 284 p. (In Russ.).
6. Pushkareva N. L., Pushkareva I. M. Dva veka zhenskogo dvizheniya v Rossii i yego sovremennoye sostoyaniye [Two centuries of women's movement in Russia and its current state] // Zhenshchina v rossiyskom obshchestve. *Woman in Russian Society*. 2021. No. P. 17–27. DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.2. (In Russ.).
7. Petin D. I., Konovalova N. A. Kapiton Batyushkin: dopolnyaya istoricheskiy portret [Kapiton Batyushkin: Supplementing the Historical Portrait] // Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: ob'yektivnyy vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediye. *Civil War in the East of Russia: An Objective View through the Documentary Heritage*. Omsk, 2015. P. 118–125. (In Russ.).
8. Petin D. I. Nikolay Batyushkin: biograficheskiye istochniki v rekonstruktsii zhiznennogo puti kharbinskogo beloemigranta [Nicolai Batyushkin: biographical sources to reconstruct of the life of a Harbin White émigré] // Vestnik arkhivista. *Herald of an Archivist*. 2016. No 2. P. 249–282. (In Russ.).
9. Petin D. I. Genealogiya omskoy sem'i Batyushkinykh v svete ocherednykh arkhivnykh nakhodok [Genealogy of the Omsk Batyushkin family in the light of the latest archival finds] // Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediye. *Civil War in the East of Russia: A View through the Documentary Heritage*. Omsk, 2017. P. 263–271. (In Russ.).
10. Petin D. I. Istoriya omskogo roda Batyushkinykh [History of the Omsk family of the Batyushkins]. Omsk, 2021. 140 p. (In Russ.).
11. Petin D. I. 100-letiyе Grazhdanskoy voyny v Sibiri: nauchnoprosvetitel'skaya refleksiya v Omske (2019) [100th anniversary of the Civil War in Siberia: scientific and educational reflection in Omsk (2019)] // Severnyye arkhivy i ekspeditsii. *Northern Archives and Expeditions*. 2020. Vol. 4, no. 2. P. 131–142. DOI: 10.31806/2542-1158-2020-4-2-131-142. (In Russ.).
12. Blinova O. V., Stelmak M. M. Ot primet vremeni k istoricheskoy pamyati: retsenziya na monografiyu D. I. Petina «Istoriya omskogo roda Batyushkinykh» [From signs of time to

Historical Memory: a review of the monograph by D. I. Petin «History of the Omsk family of Batyushkin»] // Sibirskiy arkhiv. *Siberian Archive*. 2022. No. 1 (11). P. 86–92. (In Russ.).

13. Knyazev M. A. Semeynaya saga v regional'nom izmerenii: obzor monografii D. I. Petina «Istoriya omskogo roda Batyushkinykh» [Family saga in the regional dimension: a review of the monograph by D. I. Petin «History of the Omsk family of the Batyushkin»] // Severnyye arkhivy i ekspeditsii. *Northern Archives and Expeditions*. 2022. Vol. 6, no. 3. P. 216–225. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-3-216-225. (In Russ.).

14. Bazanov P. N. Mestnaya ili vserossiyskaya kul'tura? [Local or national culture?] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*. 2022. No. 3. P. 186–188. DOI: 10.30725/2619-0303-2022-3-186-188. (In Russ.).

15. Korshunkov V. A. Arkhivnyi poisk v lokal'noi i semeinoi istorii: gorod Omsk i novoe v izuchenii ego proshlogo [Archival Research on the Local and Family History: The City of Omsk City and New Research of Its Past.] // Vestnik arhivista. *Herald of an Archivist*. 2022. No. 4. P. 1271–1279. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1271-1279 (In Russ.).

16. Fedotova I. V. Otmetyv pervyy yubiley: obzor nauchnykh meropriyatiy v Omske k 10-letiyu Tsentra izucheniya istorii Grazhdanskoy voyny [Celebrated the first anniversary: review of scientific events in Omsk on the 10th anniversary of the center for the study history of the Civil War] // Sibirskiy arkhiv. *Siberian Archive*. 2022. No. 2. P. 179–204. (In Russ.).

17. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti [GIAOO]. File: 10/1/295. (In Russ.).

18. Buslayeva O. S. Stanovleniye i razvitiye zhenskikh gimnaziy v Rossii v 1870-kh gg. – fevrale 1917 g. (na materialakh Vladimirovskoy i Kostromskoy guberniy) [The formation and development of female gymnasia in Russia in the 1870s. – February 1917 (based on the materials of the Vladimir and Kostroma provinces)]. Ivanovo, 2016. 209 p. (In Russ.).

19. Blinova O. V. Sotsiokul'turnyy oblik uchitel'stva v Zapadnoy Sibiri v 1880-kh – 1914 [The sociocultural appearance of teacher in Western Siberia in the 1880s-1914]. Omsk, 2010. 281 p. (In Russ.).

20. GIAOO. File: R-2200/2/1063. (In Russ.).

21. Kramolnikov G. I. O podpol'noy rabote v sotsial-demokraticeskikh organizatsiyakh Sibiri [On the underground work in the Social Democratic organizations of Siberia] // Revolyutsionnoye Dvizheniye v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. *The Revolutionary movement in Siberia and the Far East*. Tomsk, 1967. Vol 4. P. 3 50. (In Russ.).

22. GIAOO. File: P-19/1/318. (In Russ.).

23. GIAOO. File: P-35/3/639. (In Russ.).

24. GIAOO. File: R-2200/2/2029. (In Russ.).

25. GIAOO. File: R-1654/1/132. (In Russ.).

26. GIAOO. File: R-2200/2/2030. (In Russ.).

27. Po Sibiri [In Siberia] // Siberian life (Tomsk). *Sibirskaya zhizn' (Tomsk)*. 1906. February 17. (In Russ.).

28. Chem i kak my zhili v dni osvoboditel'nogo dvizheniya (Iz dnevnika obyvatel'ya g. Omska) [Than and how we lived in the days of the liberation movement (from the diary of the layman of Omsk)]. Tomsk, 1911. 166 p. (In Russ.).

29. Blinova O. V. Vzgl'yad «obyvatel'ya» na revolyutsii v Omske [The look of the «layman» at the revolution in Omsk] // Antologiya omskogo krayevedeniya. Vol. 3. Omsk v publikatsiyakh XVIII – nachala XX vv. *Anthology of the Omsk local history. Vol. 3. Omsk in publications of the XVIII–early XX centuries*. Omsk, 2020. P. 413 416. (In Russ.).

30. Alektorov A. Ye. Materialy k istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Imperatorskaya Voenno-meditsinskaya akademiya [Materials to the history of the revolutionary movement in Russia. Imperial Military Medical Academy]. Kharkov, 1913. 64 p. (In Russ.).

31. Khronika [Chronicle] // Stepnoy golos (Omsk). *Stepnoy Golos* (Omsk). 1906. June10. (In Russ.).

32. GIAOO. File: P-19/1/74. (In Russ.).

33. Sudakova L. M., Remizov A. V. A. Z. Sudakova — aktivnaya uchastnitsa revolyutsionnykh sobytiy v Zapadnoy Sibiri (po materialam lichnogo arkhiva) [A. Z. Sudakova — an active participant in the revolutionary events in Western Siberia (based on the materials of the personal archive)] // Istoriya Zapadnoy Sibiri v dorevol'yutsionnoy period. *History of Western Siberia in the Pre-revolutionary Period*. Omsk, 1988. P. 56 58. (In Russ.).

34. GIAOO. File: R-2200/2/1899. (In Russ.).

35. GIAOO. File: P-411/11/2613. (In Russ.).

36. GIAOO. File: 115/1/153. (In Russ.).

37. GIAOO. File: R-1152/2/148. (In Russ.).

38. GIAOO. File: P-35/3/2787. (In Russ.).

39. Tolstykh N. Yu. Redaktor po klichke «Potapych» (Timofey Pavlovich Belonogov) [Editor nicknamed «Potapych» (Timofey Pavlovich Belonogov)] // Gazeta, lyudi, zhizn. *Newspaper, People, Life*. Kurtamysh, 2007. P. 16 19. (In Russ.).

40. Makarchuk C. B. Politicheskoye podpol'ye v vostochnykh regionakh Rossii (iyun' 1907 fevral' 1917 gg.): Sostoyaniye sotsial-demokraticeskikh i nepartiynykh organizatsiy [Political underground in the eastern regions of Russia (June 1907 February 1917): The state of social-democratic and non-party organizations]. Kemerovo, 1994. 298 p. (In Russ.).

41. GIAOO. File: 270/1/326. (In Russ.).

42. Gorodskaya ispolnitel'naya komissiya [City Executive Commission] // Vestnik Omskogo gorodskogo samoupravleniya. *Bulletin of Omsk City Self-Government*. 1914. No. 14-15. (In Russ.).

43. Protokol № 15 zasedaniya ispolnitel'noy komissii [Protocol No. 15 of the meeting of the Executive Commission] // Vestnik Omskogo gorodskogo samoupravleniya. *Bulletin of Omsk City Self-Government*. 1914. No. 22. (In Russ.).

44. Yalutorovskiy muzeyyny kompleks. OF-2778/1. 4944452. (In Russ.).

45. GIAOO. File: 270/1/88. (In Russ.).

46. Vasilyeva A. M. Kurgan. Tak bylo [Kurgan. It was]. Kurgan, 2019. 444 p. (In Russ.).

47. GIAOO. File: P-35/3/2789. (In Russ.).

48. Yefimov V. Figurant dela № 77 ili partiynaya komandirovka v Saratov [The person involved in case No. 77 or a party business trip to Saratov] // Istoriko-krayevedcheskiy al'manakh Yavlutur-gorodok. *Historical and Local Lore Almanac Yavlutur-Gorodok*. 2017. Vol. 12. P. 25 40. (In Russ.).

STELMAK Maksim Maksimovich, Candidate of Historical Sciences, Lead Archivist, Historical archive of the Omsk region, Omsk; Senior Researcher of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk.
SPIN-code: 4328-1399
AuthorID (RSCI): 772229
ResearcherID: R-7418-2018
Correspondence address: stelmakmm@mail.ru

For citations

Stelmak M. M. «Kept to distribute 44 copies of proclamations...»: about the biography of Omsk revolutionary Nadezhda Terekhova (Belonogova) // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 65–72. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-65-72.

Received January 10, 2023.

© M. M. Stelmak

ТРУДНОСТИ И ДОСТИЖЕНИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ СИБИРСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РККА (1919–1920 гг.)

В статье освещен малоизученный аспект советского военного строительства в Сибири на завершающем этапе Гражданской войны в России — создание и первые месяцы деятельности Сибирского управления военно-учебных заведений РККА. Источниковая база исследования — неопубликованные материалы делопроизводства Сибревкома, омская пресса и мемуары. Теоретическая основа исследования — сочетание антропологического и системного подходов, проблемно-хронологического, сравнительно-исторического и биографического методов. Автор приходит к выводу о ключевой роли советских военных деятелей М. Н. Тухачевского и Н. И. Корицкого в формировании сети военных школ в Сибири и о влиянии Сибирского управления военно-учебных заведений на развитие в регионе военного образования и культурного уровня местного населения.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Красная армия, РККА, Академия Генштаба РККА, военное образование, периодическая печать, военная периодика, М. Н. Тухачевский, Н. И. Корицкий, Сибирь, Омск.

Постановка проблемы. История военного образования в Сибири на завершающем этапе Гражданской войны в регионе уже привлекала внимание исследователей [1–3]. Но не изучены в полной мере возникновение и начальный этап работы системы военно-учебных заведений Сибири. Нет специализированных работ, посвященных первым сибирским военным журналам, издававшимся в рамках просветительской деятельности военно-учебных заведений Омска. Цель исследования — выявить роль факторов и персоналий, определивших появление и разноплановую деятельность военно-учебного дела в советской Сибири. Хронологические рамки работы — период с лета 1919 г. (время создания первых курсов для подготовки командного состава в 5-й Армии), по лето 1920 г. (организационное оформление Сибирского управления военно-учебных заведений).

Из Бугульмы в Омск: от Инспекции военно-учебного дела 5-й Армии до СибУВУЗ. История военных школ Сибири берет начало от научной и учебной деятельности высшего командного и политического состава 5-й Армии Восточного фронта РККА в период командования ею Михаила Николаевича Тухачевского. В период боев весной–летом 1919 г. в командном составе дивизий 5-й Армии возник кадровый «голод». Во время пребывания штаба армии в Бугульме (середина июня 1919 г.) у М. Н. Тухачевского возникла мысль о создании при штабе армии курсов для подготовки командиров. Николай Иванович Корицкий, состоявший в то время для особых поручений при командарме, составил положение о курсах и выехал в Москву

за приобретением учебных пособий. Начальником курсов Тухачевский назначил Г. Карягина. Приказы по армии № 460, 533 и 559 установили штаты курсов. Распоряжением по дивизиям на курсы требовали слушателей из числа проявивших себя в боях комиссаров и командиров низшего звена.

Из-за быстрого продвижения 5-й Армии на восток ее штаб переехал в Уфу, где в помещении реального училища 13 июля 1919 г. открыли трехмесячные Курсы старших строевых и штабных начальников. Возникла необходимость и в создании курсов для подготовки командиров разных родов войск. Приказом по армии № 585 от 15 июля 1919 г. во главе всех курсов учредили Инспекцию военно-учебного дела во главе с Н. И. Корицким [4, с. 9], о чем в 1960-е гг. он вспоминал: «Однажды, когда штаб армии находился еще в Бугульме, Михаил Николаевич [Тухачевский] вызвал к себе меня, начальника моб[илизационного]отдела Карягина, начальника оперативного отдела Ивашева (Я. К. Ивасиова. — Авт.), а также нескольких других бывших офицеров и предложил нам разработать систему подготовки командных кадров. При этом мы должны были исходить из установок партии о том, что пролетарской армии нужен свой революционный командный состав из рабочих и крестьян. Тухачевский делал ставку в первую очередь на бывших командиров красновардейских отрядов, комиссаров и коммунистов-бойцов» [5, с. 84]. Тухачевский хотел пригласить на курсы и красноармейцев из бывших унтер-офицеров царской армии, как будущих командиров рот и более крупных соединений, и рядовых солдат, прошедших «окоп-

ную школу» Первой мировой войны. Многих бывших прапорщиков с высоким уровнем образования командарм планировал, переподготовив, перевести на штабные должности. Тухачевский предложил учить людей лишь тому, что требуется на войне. Поэтому преподавателями курсов должны были стать самые опытные командиры штаба и управлений армии. Учрежденная в 5-й Армии инспекция, напрямую подчиненная командарму, не имела аналогов ни в царской армии, ни в РККА [5, с. 85].

Через несколько дней после образования Инспекции Корицкий представил командарму организационную схему и положение о подготовке комсостава. После редакции Тухачевского их утвердил Реввоенсовет 5-й Армии. В первую очередь при штабе армии создали курсы старших строевых и штабных начальников (в шутку их называли «академией генштаба имени Тухачевского»), где преподавали стратегию, общую тактику, топографию, фортификацию, азы администрирования, стрелковое дело и строевую подготовку. Комиссаром курсов стал комиссар штаба армии Н. К. Гончаров. Предмет «Стратегия национальная и классовая» (по иным данным — «Прикладная стратегия») вел сам М. Н. Тухачевский, тактику — начальник военных сообщений армии Д. В. Саттеруп, организацию и администрацию — И. Н. Устичев, службу интендантства — армейский интендант Полотебнов, фортификацию — военный инженер Арнбристер и его заместитель, бывший офицер-сапер Шубников. Командиры оперативного и разведывательного отделов штаба армии, а также политработники читали доклады об операциях 5-й Армии, о положении на фронтах [5, с. 85–86; 6, с. 132].

Командировка Н. И. Корицкого в Москву оказалась малопродуктивной. Почти все старые военспецы, работавшие в центральных органах советского военного ведомства, скептически отнеслись к начинаниям молодого командарма, не дав необходимые консультации. Корицкому удалось получить пособия и письменные принадлежности, а также приобрести у вдовы генерала необходимую военную литературу. Но М. В. Фрунзе (тогда — командующий Восточным фронтом) поддержал создание курсов, подчеркивая, что надо организовать обучение и младшего командного состава [5, с. 86–87].

11 октября 1919 г., уже в Челябинске, торжественно прошел первый выпуск курсов старших строевых и штабных начальников (43 чел.). Из них до 70 % были членами РКП(б), 3,7 % имели среднее образование, 31,6 % — окончили городские и равные им училища, 64,7 % — сельские школы. Боевой опыт имели 92 % курсантов. К выпускникам обратились с речами командарм М. Н. Тухачевский и член РВС 5-й Армии И. Н. Смирнов. В 6 часов вечера того же дня состоялись проводы на фронт. К отъезжающим обратился с речью инспектор военно-учебного дела 5-й Армии Н. И. Корицкий. Он противопоставил мобилизованных бывших офицеров, служивших в РККА «не за совесть, а за страх», новым красным командирам из пролетарских слоев [7, с. 4]. Занятия второго набора курсов, теперь четырехмесячного, открылись в Челябинске 27 октября [4, с. 9].

В Миассе дислоцировалась Центральная военная школа подготовки среднего и младшего комсостава. Ее начальником также был Корицкий. Первоначально развернулись пехотные курсы, затем организовали, по типу учебных команд, кавалерийские, артиллерийские, инженерные курсы. Учебный процесс срывала эпидемия тифа. В период

подготовки Петропавловской и Омской операций Корицкого временно отозвали с учебной работы в полевой штаб командарма [5, с. 87–90]. 14 ноября 1919 г. Омск был занят частями 5-й Армии Восточного фронта, которой командовал Тухачевский. Постановлением РВС армии 3 декабря 1919 г. Инспекцию военно-учебного дела армии переименовали в Сибирское управление военно-учебных заведений [8, с. 22]. Начальником новой структуры остался Корицкий (став и военкомом СибУВУЗа).

В Омске: первые шаги СибУВУЗа. Рапорт Н. И. Корицкого председателю Сибревкома И. Н. Смирнову от 5 января 1920 г. тревожно сообщал о том, как остро стоял вопрос расквартирования СибУВУЗа на новом месте. Изначально управление разместили в бывшем здании Омского кадетского корпуса, а сотрудников — в офицерских квартирах. Но под нужды разворачивающегося госпиталю требовалось освободить помещение уже к 9 января 1920 г. [9, л. 1–1 об.]. Вопрос решили оперативно и благоприятно для СибУВУЗа, временно разместив его с 12 января 1920 г. на улице Ильинской, д. 5 [10, с. 4].

Стоящее рядом на улице Береговой, д. 9 (ныне Иртышская набережная, 9) здание бывшей Личной резиденции Верховного правителя А. В. Колчака с 19 декабря 1919 г. заняло автомобильное управление штаба Восточного фронта РККА. С убытием штаба СибУВУЗ переехало в «дом Колчака». Здесь же стали проживать отдельные сотрудники управления [11, с. 57]. Кроме того, по постановлению Сибревкома от 17 декабря 1919 г. СибУВУЗ заняло для курсов старших строевых и штабных начальников здание 1-й Омской женской гимназии (ныне ул. Ленина, д. 10) [12, л. 42]. С переездом курсов в Омск все армейские курсы переподчинили СибУВУЗ. Но Курсы старших строевых и штабных начальников до 9 февраля 1920 г. подчинялись РВС 5-й Армии [4, с. 9].

При организации СибУВУЗа возник ряд трудностей. Так, в момент реформирования инспекции в управление 75 % сотрудников болели тифом. В Омск переехали военно-хозяйственные курсы и Курсы старших строевых и штабных начальников. Другие курсы прежней инспекции находились в Миассе и не могли перевестись в Омск из-за отсутствия вагонов. 15 декабря комиссия во главе с Корицким выработала временную схему организации курсов в Сибири. Начали формироваться I сибирские пехотные курсы, I кавалерийские и I общеобразовательные, а военно-хозяйственные курсы обрели статус высших. Управлению временно придали Центральные фельдшерские курсы, позже переданные Омскому военно-санитарному управлению. Окончательное формирование организационного отдела СибУВУЗа произошло 15–20 января 1920 г. 21 января помощник командующего Восточным фронтом И. Л. Дзевалтовский утвердил временный штат данной организации. В середине января был подготовлен проект Положения об Аудитории Военного Дела (особый орган для разработки и распространения военных знаний), намечена схема ее работ. С продвижением РККА в глубь Сибири открывались новые курсы в феврале–марте 1920 г. К апрелю численность всех слушателей курсов достигла 2000 чел. [8, с. 22–24; 13, с. 11].

Сотрудники СибУВУЗа активно включились в общественную жизнь Омска. При проведении «Недели фронта и транспорта» 3–10 февраля 1920 г. они перечислили в комиссию мероприятия двухдневный заработок — 20978 р. [14, с. 3]. В зале

Рис. 1. М. Н. Тухачевский (4-й слева) и Н. И. Корицкий (3-й слева) во время службы в 1-й Армии Восточного фронта. 1918 г.

[Журнал «Красная звезда». 12 февраля 1919 г. Предоставлен А. В. Глушко]

Аудитории Военного Дела, в здании бывшей 1-й женской гимназии, еженедельно по субботам в 7 вечера читались популярные лекции на военно-образовательные темы. 6 марта состоялась лекция Корицкого по истории военного искусства [15, с. 4]. На «Неделе фронта и транспорта» он читал доклад «О политическом воспитании бойца и комсостава», Д. Саттеруп — «О комсоставе», И. Исаев — «Милиционная армия», Н. Стромиллов — «Сибирская Красная Армия и угроза с Востока». 21 февраля П. Иванов выступил с лекцией «Взаимодействие различных видов оружия», а И. Полозов 29 февраля — «Практическое применение бронев автомобилей в современных боях» [16, с. 30]. В апреле читались лекции Одинцова «Методы преподавания на общеобразовательных курсах», Полозова — «Курганская операция», Бажанова — «Взаимодействия начальников пехоты и артиллерии в современных условиях боя» [17, с. 28].

25 марта 1920 г. ярким городским событием стал парад курсантов военно-учебных заведений Омска на площади перед зданием Сибревкома (ныне ул. Красный Путь, д. 1). Представитель Сибревкома А. Г. Гойхбарг в речи к курсантам сказал: «Вам вручаются красные знамена в тот момент, когда наш враг совершенно исчез. На южном фронте банды Деникина окончательно добиты Красной Армией под командованием бывшего среди нас красного офицера тов. Тухачевского...» (напоминание о пребывании Тухачевского в Омске и его командование 5-й Армией. — Авт.) [18, с. 3]. Парад был одним из мероприятий праздника Красного Курсанта. Омским курсам комсостава РККА торжественно вручили Красные знамена, курсанты дали клятву «бороться до конца за социализм и Советскую Республику». В тот же день прошел второй выпуск старших строевых и штабных начальников (35 чел.). Им вручили свидетельства об окончании курсов, копии приказов по СибУВУЗу и кортики. В городском театре вечером для курсантов-выпускников представили постановку «Гимн труду» [19, с. 24–27].

С 1 по 13 марта 1920 г. при СибУВУЗе проходил Съезд начальников, заведующих учебной частью и представителей курсов по подготовке комсостава РККА из других городов Сибири. 37 делегатов засе-

дали в различных секциях (учебной, штатной, снабжения, издательской и по пересмотру инструкций). Приняли выработанную учебной секцией схему организации курсов 1-й и 2-й ступени, программы, предметы преподавания с количеством часов, сроки обучения. Программы составляли с учетом слабой общеобразовательной подготовки поступающих. По предложению председателя съезда Корицкого создали особые комиссии для разработки положения и программ высшей школы 3-й ступени [16, с. 27–28].

3 апреля прошел выпуск курсантов высших военно-хозяйственных курсов. В тот день выпустили 13 курсантов I отделения, а 27 апреля — 22 курсанта II отделения. В апреле, в дополнение к существовавшим курсам 1-й ступени (общеобразовательным) и 2-й ступени (по родам оружия), открылась высшая военная школа, относящаяся по объему программы к 3-й ступени. Поступить туда могли те, кто отучился на курсах 2-й ступени и прослужил в РККА после того не менее 3-х месяцев. Окончившие курс могли занимать должности от командира батальона, кавалерийского дивизиона, батареи, инженерной роты [17, с. 25–27]. В июле 1920 г. приказ помощника Главкома вооруженными силами республики по Сибири В. И. Шорина ввел новые штаты СибУВУЗа [13, с. 15], завершив первичное организационное оформление этой структуры.

Дружба, зародившаяся в Пензе. В годы Гражданской войны биография руководителя СибУВУЗа Н. И. Корицкого (1894–1965) была весьма богата событиями. В тот период он — один из ближайших соратников М. Н. Тухачевского; их личная дружба видна даже по совместному фото того времени (рис. 1). После посмертной реабилитации маршала в 1957 г. именно Николай Иванович стал одним из редакторов мемуарного сборника о своем друге [20].

Корицкий родился в Казани в семье потомственного военного. Окончил гимназию в Гродно и ускоренный курс Виленского военного училища. Участвовал в Первой мировой войне. В августе 1915 г. был ранен. С ноября 1915 г. по март 1916 г. являлся обер-офицером для поручений Штаба авиации и воздухоплавания; с апреля по май 1916 г. —

Рис. 2. Н. И. Корицкий. 1918 г.
[Из открытых интернет-источников]

старшим офицером учебной команды Воздухоплавательного парка Западного фронта. В октябре 1916 г. окончил Офицерскую воздухоплавательную школу. Продолжая расширять образование, в 1917 г. Корицкий прошел курсы связи при Офицерской артиллерийской школе. С октября 1916 г. по ноябрь 1917 г. он являлся начальником связи и разведки 4-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона. Бывший штабс-капитан принял Советскую власть, став инструктором в формирующейся Красной гвардии. При этом он сохранил внешность типичного офицера «старой» армии (рис. 2). С мая 1918 г. Корицкий служил в РККА членом оперштаба Пензенского губернского военкомата, воевал с белочехами. В июне 1918 г. вступил в РКП(б). Был делегатом Первого съезда Всевобуча от Пензенского губвоенкомата, в инструкторском отделе которого работал до июля 1918 г.¹

Тогда и произошло знакомство, определившее во многом его дальнейшую судьбу: «С Михаилом Николаевичем Тухачевским меня познакомил М. Н. Толстой, который вместе с ним учился в гимназии. Встреча произошла летом 1918 года. Я и Толстой в то время служили в инструкторском отделе Пензенского губвоенкомата <...>. Развертывался Восточный фронт гражданской войны, и Пенза стала одной из его баз. Михаил Николаевич Тухачевский появился здесь 15 или 16 июля». Тухачевский в то время стал командовать 1-й Армией. Корицкому он предложил должность начальника штаба Симбирской группы войск, входивших в его армию. Также Корицкий стал начальником штабного поезда особого назначения, а после временного оставления Симбирска — генералом-квартирмейстером 1-й Армии [5, с. 51—55, 57, 59].

После, сменив заболевшего И. Н. Захарова, Корицкий был утвержден в должности начальника штаба 1-й Армии.

Со взятием Сызрани 3 октября 1918 г. Корицкий стал начальником гарнизона этого города. Здесь, в штабе армии, началась военно-научная работа в виде разборов проведенных операций. В первую годовщину Октябрьской революции, 7 ноября 1918 г., Корицкий командовал парадом частей Сызранского гарнизона, который принимал Тухачевский. В тот же день Николай Иванович получил наградные часы с надписью «Храброму и честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии от ВЦИК». Таких же наград были удостоены Тухачевский, Тол-

стой, начдивы и некоторые работники штаба 1-й Армии [5, с. 78—80].

С назначением Тухачевского командующим 8-й армией Южного фронта Корицкого отправили в распоряжение командующего Восточным фронтом С. С. Каменева. Николай Иванович успел побывать в Москве, был представлен В. И. Ленину, проработал 2 месяца в штабе фронта в Симбирске; заболел и уехал лечиться в Пензу, где в марте 1919 г. его нашел Тухачевский, назначенный командовать 5-й Армией Восточного фронта. У Корицкого имелась рекомендация на должность военного руководителя Пензенского губвоенкомата от Всероссийского бюро военных комиссаров, но он продолжил службу с Тухачевским, прибыв в штаб 5-й Армии и поступив в распоряжение ее РВС [5, с. 80—82]. А летом 1919 г. он стал начальником инспекции военно-учебных заведений по подготовке командных кадров 5-й Армии.

В карьере Корицкого не все было так гладко, как в его мемуарах 1960-х гг. С мая по сентябрь 1919 г. он проходил фигурантом по делу некой «Приволжской шпионской организации» и находился в розыске. «Предположительно, его вывел из-под расстрельной статьи командарм Тухачевский, тихо убрав из своей армии» [21, с. 147—151]. Но свою службу в 5-й Армии Корицкий закончил, став начальником СибУВУЗа, которым и оставался до февраля 1921 г.

Одновременно, с июля 1920 г., Корицкий являлся командиром и комиссаром Отряда особого назначения из курсантов Высшей военной школы Сибири, сформированного для подавления антисоветского выступления в Славгородском уезде. Его отряд разгромил под Павлодаром группу повстанцев есаула Шишкина. С февраля 1921 г. Корицкий командовал Петропавловской группой войск в составе 21-й дивизии Войск внутренней службы республики, а также — 1-й Сибирской кавалерийской дивизией, подавляя восстания в Поволжье. Осенью 1921 г. Корицкий вернулся к военно-педагогической деятельности как начальник военно-научного отдела Академии РККА, которую возглавлял в то время Тухачевский. Надежность Корицкого как мемуариста (его свидетельства подтверждаются документально) отмечают современные историки [22, с. 154, 164—165, 168], опровергая сложившийся в постсоветские годы стереотип о необъективности воспоминаний 1960-х гг. о Тухачевском.

Корицкий и Тухачевский не виделись с ноября 1919 г. до осени 1921 г. [23, с. 51]. Но мы допускаем, что именно при содействии Тухачевского, уделявшего большое внимание становлению советского военного образования, Корицкий в условиях острого квартирного кризиса в Омске получил для нужд СибУВУЗа хорошо устроенные здания. Отметим, что период после командования 5-й Армией был для самого Тухачевского довольно непростым. Затянулось решение вопроса о его новом назначении (в итоге стал командующим Кавказским фронтом), неопределенность весьма угнетала его [24, с. 8], но Тухачевский, по поручению Ленина, во время вынужденного отдыха обобщил опыт 5-й Армии по использованию военспецов и подготовке новых командных кадров [25, с. 27—30].

Журнал «Вестник Аудитории Военного Дела». В Омске, в упомянутом выше особняке на улице Береговой, 9, разместились редакция и контора издания СибУВУЗа — журнала «Вестник Аудитории Военного Дела». Первый номер вышел 1 апреля

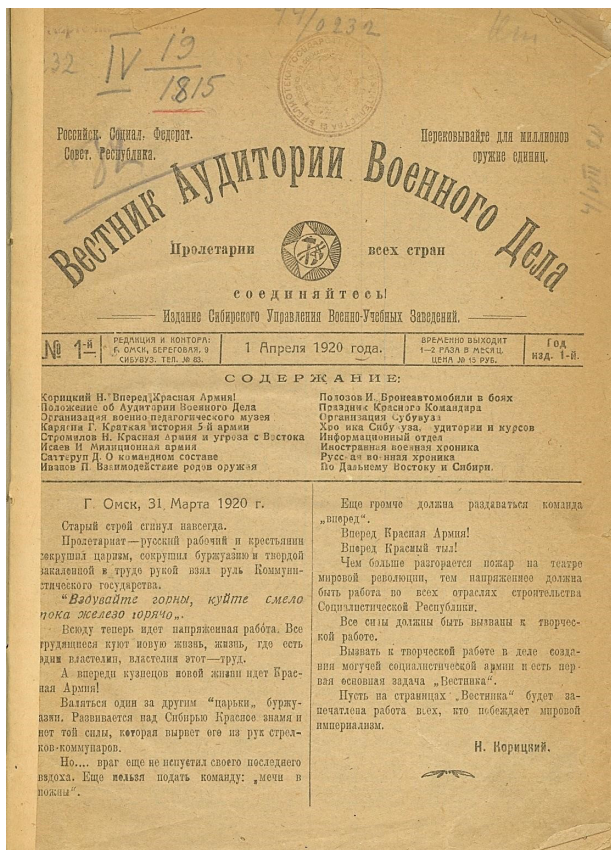

Рис. 3. Журнал «Вестник Аудитории Военного Дела». 1920. № 1. 1 апр. [Предоставлено РГБ]

1920 г. (рис. 3). Редакция (фамилия редактора не указывалась) определяла задачами журнала разработку и популяризацию военных знаний с использованием опыта Первой мировой и Гражданской войн, а также, в духе времени, передачу «этого могущественного оружия из рук единиц — буржуазного класса в руки миллионов — трудящихся и через это — закрепление завоеваний пролетарской революции и расширение ее до международного масштаба». Девизом издания стал лозунг: «Перековывайте для миллионов оружие единиц». Планировали выпускать «Вестник» 1–2 раза в месяц «впредь до урегулирования вопроса о бумаге» при цене номера 15 руб. При подписке отдавался приоритет военным организациям и лицам. Номера можно было получать в отделениях Центропечати [26, с. 34].

Обратимся к обзору содержания номеров. Первый номер «Вестника» открывала статья Корицкого с призывом «Пусть на страницах «Вестника» будет запечатлена работа всех, кто побеждает мировой империализм» [27, с. 1]. Далее приводилось «Положение об Аудитории Военного Дела» при СибУВУЗе. Объяснялись причины ее создания: «Чрезвычайная удаленность Сибири от культурного и политического центра страны, обширность ее территории, особенности местных внутренних и международных условий жизни выделяют необходимость учреждения здесь особого органа для разработки и распространения военных знаний. <...> Аудитория представляет собой высшее военное-научное учреждение Сибири» [28, с. 2–5].

Целями Аудитории были: разработка научных основ военного и военно-учебного дела, поднятие культурного уровня и степени знаний комсостава

и рядовых бойцов РККА, популяризация военных знаний среди населения. Аудитория работала в тесном контакте с Сибревкомом, Сибирским отделом народного образования, Отделом Всеобщего, Пролеткультом и иными организациями. Для достижения целей предполагалось издавать научные труды действительных членов Аудитории, привлекать к ее работе комсостав и бойцов РККА, а также всех интересующихся военным делом; организовать при Аудитории военное издательство, музей, библиотеку и склад учебных пособий; проводить лекции для бойцов РККА и широких масс.

Аудитория стремилась к переоценке старых норм военной науки в соответствии с требованиями времени, считая ключевыми предметами методики военного воспитания и обучения (с опорой на психологию, социологию, педагогику, дидактику, этнологию); стратегию и тактику; военную историю и историю Гражданской войны; военную статистику, географию и топографию; артиллерийское и инженерное дело; административно-хозяйственные вопросы в армии; востоковедение. В итоге, работа Аудитории должна была складываться из научной и учебно-просветительской деятельности, тесно связанных между собой. Во главе Аудитории должен был стоять заведующий, выбираемый из числа лиц с высшим военным образованием и военным педагогическим стажем. Членами Аудитории были бы преподаватели и члены учебно-административного и военно-командного состава Центральных военных школ [28, с. 2–5].

В развитие идей «Положения» в журнале напечатали обстоятельный проект «Организации военного-педагогического музея», где подчеркивалось, что «Музей должен быть не кладбищем сданных в архив заржавленных реликвий и мечей, ожидающих взора одинокого, среди сотен тысяч людей антиквара, но — живой всенародной художественной студией Военного Дела» [29, с. 5].

По случаю выделения курсов старших строевых и штабных начальников из состава 5-й Армии в СибУВУЗ их руководитель Г. Карягин подготовил обзор истории армии. Описав бои, автор, в опоре на документы армии, показал становление военного обучения в ней. Отмечалась согласованность действий членов РВС с военспецами и вклад в организацию 5-й Армии М. Н. Тухачевского и И. Н. Смирнова. Подчеркивалась важность обучения на курсах: «Товарищам курсантам, удостоенным ныне звания Красного Офицера, остается только поддержать то славное имя, которое армия имеет. Средствами же к поддержанию последнего будут служить полученные на курсах теоретические знания, боевой опыт и приводимая выше краткая история армии» [4, с. 10].

Новый журнал не избежал острых на тот момент споров о будущем РККА и создании милиционной армии. Так, Тухачевский был категорическим противником ее введения в РСФСР [30, 31]. Но в стране было множество сторонников милиционной системы, масса публикаций посвящалась обоснованию ее введения. Одну из них напечатали в «Вестнике» [32]. Этот же вопрос упоминался в статье авторитетного военспеца Д. В. Саттерупа: «<...> командный состав Красной армии состоит из комиссаров, бывших офицеров и унтер-офицеров коммунистов и офицеров беспартийных, красных офицеров и партизанов-добровольцев. Из них бывшие офицеры и партизаны уже изживают свой век и их, во всяком случае, не достаточно для удов-

летворения потребности армии в командном составе. Следовательно, единственным постоянным источником пополнения армии командным составом являются красные офицеры. На них же главным образом и падают обязанности инструкторов-воспитателей при переходе к устройству армии на милиционных началах» [33, с. 17]. Автор настаивал, что в Сибири четырехмесячный срок для обучения на курсах всех степеней был недостаточен. Также он говорил о необходимости содействия местных властей в предоставлении курсам помещений. В Омске удалось открыть курсы только на 750 курсантов вместо предполагавшихся 3500 чел. именно из-за нехватки зданий.

Боевой опыт Гражданской войны обобщался в статьях «Взаимодействие родов оружия» [34] и «Тактическое² применение бронев автомобилей в современных боях» [35]. Также были опубликованы: статья об истории создания СибУВУЗа [8], заметка «Памяти товарищей-сослуживцев» (преподавателей курсов, умерших от тифа зимой 1919/1920 гг.), репортаж о проведении Праздника Красного Курсанта [19], раздел «Хроника» [16], «Информационный отдел», обзор «По Дальнему Востоку и Сибири», «Русская и иностранная военная хроника».

Ряд материалов журнала подвергся критике уже «по горячим следам». Так, в библиографическом обзоре «Долой безграмотность!» с эпиграфом — строчками из басни И. А. Крылова «Беда, коль пироги начнет печи сапожник...» Л. Шмидт едко разбирал статью Н. Стромилова «Сибирская Красная Армия и угроза с Востока» [36]. По мнению критика, Стромилов ошибочно, вопреки классовому подходу, записал всех японцев в «варваров» и не показал борьбу японского пролетариата с капиталистами своей страны [37].

Несмотря на жесткую критику и клеймо «политикана», полученное Стромиловым, во втором номере «Вестника» вышло продолжение его статьи. Там вновь не наблюдалось «классового подхода», а присутствовала откровенная японофобия и напоминание: «Японский империализм постепенно окружает нас со всех сторон!». Автор писал о поддержке японцами Колчака и Семенова и предостерегал от сговора с японскими солдатами против их «офицеров и буржуев» [38]. Ответом на эту публикацию послужила критическая статья «Первые блины» Г. Устинова: «Вестник Аудитории Военного Дела» раздувает такую нечеловеческую националистическую и расовую вражду к японцам, что вчуже становится страшно. Итогом стал вопрос: «Зачем печатается подобная дребедень? Не для удовольствия ли самостийных редакций, возмнивших себя «национальными гениями»?» [39]. Редакция журнала и сама декларировала Японию как «вооружённую до зубов, агрессивную и беспринципную Германию Дальнего Востока», противопоставляя ей Китай, как вероятного союзника РСФСР [28, с. 3].

Обсуждение этой небольшой и не самой важной для «Вестника» статьи Стромилова заслонило действительно качественные и новаторские статьи. Например, во 2-м и 3-м номерах «Вестника» вышел первый вариант статьи М. Н. Тухачевского «Стратегия национальная и классовая» [40, 41]. Она стала особо актуальной, т.к. Гражданская война вызвала определенное замешательство у ряда старых военспецов, а теоретикам и практикам РККА необходимо было понять ее сущность и отличие от войн других типов. Назрела необходимость обобщения

опыта 1918—1920 гг. Одним из первых такую попытку предпринял Тухачевский, опираясь на свой опыт командования армиями.

В предисловии к публикации «Стратегии» Н. И. Корицкий извинился перед будущими читателями «за задержку ценного военного материала в портфеле редакции» [42, с. 1]. Причинами тому стали банальные в условиях Гражданской войны нехватка бумаги и отсутствие печатных средств. Корицкий познакомил читателей с биографией Тухачевского, говоря, что он «не генштабист, не генерал старой армии и не профессор военных наук, а воин-революционер. Талантливость и революционный пыл — залог его успеха». Корицкий представил своего друга как «красного аристократа — сына предводителя дворянства», но перед этим указал, что он «в политическом отношении совершенно откололся от класса, из которого происходил, смело примкнул к октябрьскому революционному движению пролетариата» [42, с. 1—2].

Вариант упомянутой работы Тухачевского, опубликованный в «Вестнике», был конспектом лекций, прочитанных на курсах старших строевых и штабных начальников 5-й Армии. Специалистам более известен текст лекции в Академии Генштаба 24 декабря 1919 г. [опубликован рядом изданий, см., напр.: 43].

Тухачевский писал, что в рядах РККА начинает слагаться определенная доктрина Гражданской войны, а с ней вместе и теоретическое ее обоснование: «То обстоятельство, что классы, ведущие войну друг с другом, живут на одной и той же территории и, разрывая путем восстания эту территорию на части, разрушают планомерное хозяйство, то, что в гражданской войне имеет место не всеобщая, а классовая повинность, то, что армии, формируемые из местных средств, естественно и питаются местными средствами; то, что отношение числа к пространству в гражданской войне чувствуется главным образом по фронту, а не [в] глубину тыла, и много других причин, — все это, конечно, неминуемо должно резко изменить характер гражданской войны по отношению к характеру войн национальных» [40, с. 2]. Тухачевский опирался на марксистскую методологию, полагая, «что лишь на основах марксизма можно научно обосновать теорию гражданской войны, т.е. создать «классовую стратегию» [40, с. 3]. Статья вводила понятия «жизненных» и «мертвящих» центров. Началом Гражданской войны Тухачевский считал восстание в крупном центре, ставшем «жизненным центром» выступления, которое охватывает соседние территории. Возникают и «мертвящие центры»; они не питают и не увеличивают создаваемую одной из сторон армию, а отвлекают ее силы на гарнизоны для удержания в повиновении населения враждебно-классовых групп [40, с. 4].

Во 2-м номере «Вестника» опубликовали продолжения статей о милиционной армии, о взаимодействии родов оружия и о тактическом применении бронев автомобилей в боях. Обобщался опыт занятий физической культурой в царской, иностранных армиях и РККА [44]. Корицкий подготовил работу «Наши задачи в деле обучения и воспитания Красной армии», показав себя сторонником милиционной армии, предполагавшей, что все население от 18 до 40 лет будет обучаться военному делу. Он отмечал, что колоссальное развитие технических средств борьбы требуют бойца с высоким уровнем умственного развития, что требует широкого про-

свещения народных масс. Приводились примеры из жизни курсантов, кто за короткий срок и постиг грамоту, и выбрал предметы для более глубокого изучения. Но для успехов в обучении нужен был красный офицер — педагог, командир, всесторонне развитый и знающий педагогические методы обучения взрослой аудитории [45]. Завершили выпуск традиционные «Информационный отдел», рубрика «По Дальнему Востоку и Сибири» и обзор политических событий в Германии, раздел «Библиография».

Последний номер «Вестника» вышел самым малым по объему. Часть выпуска отвели для продолжения публикации статьи М. Н. Тухачевского. Была опубликована объемная статья А. Д. Сыромяникова (один из тех, кто привел Колчака к власти в ноябре 1918 г., некоторое время был генерал-квартирмейстером Ставки Верховного Главнокомандующего [46]) о тактике применения артиллерии [47]. В номере присутствовали «Информационный отдел», рубрика «По Дальнему Востоку и Сибири» и «Русская и иностранная военная хроника». Но в последней курьезно опубликовали непроверенную новость «об установлении в Чехии Советской власти» [48, с. 20].

Создание нового военного журнала в Омске. 15 июня 1920 г. увидел свет преемник «Вестника Аудитории Военного Дела» — «Военный журнал Сибири».

С его выходом выпуск «Вестника» по официальному заявлению приостановился. Подписчикам стал высылаться новый журнал [49], который сохранил и внешний вид, и структуру старого. Редакция располагалась в Омске, на улице Музейной, д. 2.

Заметка³ в газете «Советская Сибирь» отмечала, что «Вестник» «пытался в очень трудных условиях освещать вопросы теории и практики военного дела. Трудно сказать, насколько справится с этой задачей «Военный журнал Сибири». На его содержании, конечно, сказывается общая причина: недостаток бумаги. Необходимо поэтому давать только самое главное, давать в самом сжатом виде, тщательно обрабатывать материал. А главное: возможно больше практического опыта <...>. В этом смысле особенно ценны продолжающиеся печатанием статьи тов. М. Тухачевского «Стратегия национальная и классовая»» [50].

Новый журнал стал «военно-научным органом РККА», редакция которого руководилась «Конференцией Высшей Военной Школы Сибири» [51, с. 2]. В нем продолжали публикацию статьи Тухачевского, на его страницах печатались и Корицкий. Редактором издания стал Уполномоченный Конференцией И. Н. Полозов (ранее сотрудничал с «Вестником»). Почему возник новый журнал? После структурных преобразований руководить «Аудиторией Военного Дела» стала упомянутая выше Конференция Высшей Военной Школы Сибири, связанная с высшим военно-научным центром РСФСР — Академией Генштаба РККА. Отсюда появилась необходимость создать печатный орган, «каковой и был бы непосредственным выразителем и распространителем на территории Сибири военных знаний, вырабатываемых Конференцией и Аудиторией» [51, с. 2]. Всего вышло 12 номеров журнала. А в 1921 г. появился журнал «Красный вождь» — новый орган Военно-учебных заведений Сибири. Так, «Вестник Аудитории Военного Дела» — полузабытая страница в истории отечественной армейской периодики — стал отправной точкой к созданию новых сибирских военных журналов.

Выводы. Невзирая на сложности времени, смелая военно-учебная инновация армии переросла из уровня армейской инспекции в СибУВУЗ — самостоятельную административную единицу с разноплановой деятельностью, нацеленной не только на подготовку армейских кадров новой формации — «красных офицеров», но и военное просвещение населения. При этом термин «красный офицер» пытались внедрить в языковую и общественную практику как сотрудники СибУВУЗа (Н. И. Корицкий, Д. В. Саттеруп, Г. Карягин), так и представители власти (А. Г. Гойхбарг). Но это нововведение в 1920-е г. не прижилось, так как ассоциировалось в общественном сознании с «белым офицерством» — одним из главных противников Советской власти. Поэтому вплоть до середины 1940-х гг. использовалось словосочетание «красный командир», пока в годы Великой Отечественной войны не последовала реабилитация слова «офицер» [52, с. 350], а впоследствии сложилось понятие «советский офицер». Таким образом, идея сотрудников СибУВУЗа оказалась реализована в исторической перспективе.

Как видно из исследования, работа СибУВУЗа внесла разнообразие в культурную жизнь Омска, приходящего в себя после Гражданской войны. Во многом столь яркие успехи были достигнуты благодаря скрепленному дружбой удачному профессиональному тандему талантливого теоретика М. Н. Тухачевского и добросовестного исполнителя Н. И. Корицкого, чья деятельность по организации военно-учебной системы в Сибири ныне оказалась отчасти забытой. Стараниями этих деятелей было налажено функционирование СибУВУЗ, несмотря на сложности — разруху, эпидемии и оппозицию консервативной части военспецов. Корицкий, в частности, смог удачно совмещать новаторство и богатый опыт старой школы. Покидая Омск зимой 1921 г., он оставил базу для создания военных учебных заведений, ставших кузницей кадров для РККА.

Примечания

¹ URL: https://ria1914.info/index.php/Корицкий_Николай_Иванович (дата обращения: 28.09.2022).

² Слово «Практическое» — опечатка в первом номере «Вестника», следует читать «Тактическое», о чем сообщено во 2-м номере издания.

³ Подписана инициалами «Е. Я.»; вероятно, член Сиббюро ЦК РКП(б) Е. М. Ярославский.

Библиографический список

- Басаев В. Р. Омский кадетский корпус: история и современность. Омск: ГУИПП «Омский дом печати», 2003. 176 с.
- В Сибири рожденное: Страницы истории Омского высшего общевоинского командного дважды Краснознаменного училища им. М. В. Фрунзе / Ред. Н. Е. Ульянов. Омск: книжное издательство, 1987. 192 с.
- Подустов Ф. Н. Численность, материальное положение и условия труда преподавателей военно-учебных заведений Сибирского военного округа в 1919–1921 годах // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные науки (история)». 2006. Вып. 1. С. 41–46.
- Карягин Г. Краткая история 5-й Армии Восточного фронта // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. № 1. С. 9.
- Корицкий Н. И. В дни войны и в дни мира // Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. Москва: Воениздат, 1965. С. 51–101.

6. В боях рожденная. Боевой путь 5-й Армии (1918–1920). Сборник документов. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1985. 416 с.
7. Выпуск красных командиров // Советская Сибирь (Челябинск). 1919. 14 октября. № 12. С. 4.
8. Организация СибУВУЗа // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 апреля. № 1. С. 22–24.
9. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 116.
10. Извещения // Советская Сибирь (Омск). 1920. 13 января. № 8. С. 4.
11. Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных: моногр. Омск: Золотой тираж, 2021. 140 с.
12. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 12А.
13. Могучий Н. Из истории СибУВУЗа. Красный вождь. 1921. № 1–2. С. 11–15.
14. Неделя фронта и транспорта // Советская Сибирь (Омск). 1920. 11 февр. № 31. С. 3.
15. Извещения // Советская Сибирь (Омск). 1920. 6 марта. № 52. С. 4.
16. Хроника // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 апреля. № 1. С. 30.
17. Хроника // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 мая. № 2. С. 28.
18. Парад курсантов // Советская Сибирь (Омск). 1920. 27 марта. № 68. С. 3.
19. Праздник красного курсанта // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 апреля. № 1. С. 24–27.
20. Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. Москва: Воениздат, 1965. 248 с.
21. Кантор Ю. З. Война и мир Михаила Тухачевского. Москва: ИД Огонек; Время, 2005. 576 с.
22. Шилов Н. И., Глушко А. В. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. Москва: Центрполиграф, 2014. 720 с.
23. Корицкий Н. Начальник академии // Военно-исторический журнал. 1963. № 12. С. 51–56.
24. Бирюзов С. С. Предисловие // Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. 1919–1927 гг. / М. Н. Тухачевский. Москва: Воениздат, 1964. С. 3–26.
25. Тухачевский М. Н. Доклад, написанный по поручению В. И. Ленина, об использовании военных специалистов и движении коммунистического командного состава (по опыту 5-й Армии) // Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. 1919–1927 гг. Москва: Воениздат, 1964. С. 27–30.
26. Объявления // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 апреля. № 1. С. 34.
27. Корицкий Н. И. г. Омск. 31 марта 1920 г. // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 апреля. № 1. С. 1.
28. Положение об Аудитории Военного Дела при сибирском управлении военно-учебных заведений. Проект // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 апреля. № 1. С. 2–5.
29. Организация военно-педагогического музея // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 апреля. № 1. С. 5.
30. Тухачевский М. Н. Война и милиционная армия // Правда. 1921. 26 февраля. № 43. С. 1.
31. Тухачевский М. Н. О социалистической армии // Правда. 1921. 12 марта. № 55. С. 1.
32. Исаев И. Милиционная армия // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 апреля. № 1. С. 13–15.
33. Саттеруп Д. О командном составе // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 апреля. № 1. С. 15–18.
34. Иванов П. Взаимодействие родов оружия // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 апреля. № 1. С. 18–20.
35. Полозов И. Н. Практическое применение бронеавтомобилей в современных боях // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 апреля. № 1. С. 20–22.
36. Стромиллов Н. Сибирская Красная Армия и угроза с Востока // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 апреля. № 1. С. 10–13.
37. Шмидт Л. Долой безграмотность! // Советская Сибирь (Омск). 1920. 25 апреля. № 89. С. 4.
38. Стромиллов Н. Сибирская Красная Армия и угроза с Востока // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 мая. № 2. С. 8–11.
39. Устинов Г. Первые блины. Советская Сибирь (Омск). 1920. 7 мая. № 98. С. 4.
40. Тухачевский М. Н. Стратегия национальная и классовая // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 мая. № 2. С. 2–8.
41. Тухачевский М. Н. Стратегия национальная и классовая // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 15 мая. 1920. № 3. С. 1–6.
42. Корицкий Н. И. Красный стратег // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 мая. № 2. С. 1.
43. Тухачевский М. Н. Стратегия национальная и классовая // Война классов: Статьи 1919–1920 гг. Москва: Гос. изд-во, 1921. С. 5–30.
44. Норвид Г. Спорт и гимнастика в Красной Армии // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 мая. № 2. С. 19–21.
45. Корицкий Н. Наши задачи в деле обучения и воспитания Красной армии // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 1 мая. № 2. С. 21–22.
46. Ганин А. В. Тактика полковника А. Д. Сыромятникова: русский офицер на следствии Политцентра и НКВД // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 25. 1937 год. Москва: Модест Колеров, 2018. С. 321–343.
47. Сыромятников А. Тактика современной артиллерии // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 15 мая. № 3. С. 9–17.
48. Русская и иностранная военная хроника // Вестник Аудитории Военного Дела. 1920. 15 мая. № 3. С. 19–20.
49. От Военного Издательства Аудитории Военного Дела // Военный журнал Сибири. 1920. 15 июня. № 1. С. 20.
50. Е. Я. Военный журнал Сибири № 1 // Советская Сибирь (Омск). 1920. 22 июня. № 135. С. 4.
51. Редакция. Омск, 5-го июня 1920 // Военный журнал Сибири. 1920. 15 июня. № 1. С. 1–2.
52. Волков С. В. Русский офицерский корпус. Москва: Центрполиграф, 2003. 412 с.

ФЕДОТОВА Ирина Владимировна, ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, г. Омск.
SPIN-код: 6268-4646
Адрес для переписки: ivputintseva@mail.ru

Для цитирования

Федотова И. В. Трудности и достижения: становление Сибирского управления военных учебных заведений РККА (1919–1920 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 73–82. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-73-82.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023 г.
© И. В. Федотова

DIFFICULTIES AND ACHIEVEMENTS: FORMATION OF SIBERIAN DIRECTORATE OF MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE RED ARMY (1919–1920)

The article described a little-studied aspect of Soviet military construction in Siberia at the final stage of the Civil War in Russia — the creation and the first months of the activity of the Siberian Directorate of Military Educational Institutions of the Red Army. The source base of the study is unpublished materials of the office work of Siberian Revolutionary Committee, the Omsk press and memoirs. The theoretical basis of the study is a combination of anthropological and systemic approaches, problem-chronological, comparative-historical and biographical methods. The author comes to the conclusion about the key role of the Soviet military leaders M. N. Tukhachevsky and N. I. Koritsky in the formation of a network of military schools in Siberia, and the influence of the Siberian Directorate of Military Educational Institutions on the development of military education in the region and the cultural level of the local population.

Keywords: Civil War in Russia, Red Army, Red Army General Staff Academy, military education, periodicals, military periodicals, M. N. Tukhachevsky, N. I. Koritsky, Siberia, Omsk.

References

1. Basayev V. R. Omskiy kadetskiy korpus: istoriya i sovremennost' [Omsk Cadet Corps: history and modernity]. Omsk, 2003. 176 p. (In Russ.).
2. V Sibiri rozhdennoye: Stranitsy istorii Omskogo vysshego obshchevoyskovogo komandnogo dvazhdy Krasnoznamennogo uchilishcha im. M. V. Frunze [Born in Siberia: Pages of the history of the Omsk Higher Combined Arms Command twice Red Banner School named after M. V. Frunze] / Ed. N. E. Ulyanov. Omsk, 1987. 192 p. (In Russ.).
3. Podustov F. N. Chislennost', material'noye polozheniye i usloviya truda prepodavateley voyenno-uchebnykh zavedeniy Sibirskogo voyennogo okruga v 1919–1921 godakh [The number, financial situation and working conditions of teachers of military educational institutions of the Siberian Military District in 1919–1921] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnyye nauki (istoriya)». *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. Series «Humanities (History)»*. 2006. Issue 1. P. 41–46. (In Russ.).
4. Karyagin G. Kratkaya istoriya 5-y armii Vostochnogo fronta [A Brief History of the 5th Army of the Eastern Front] // Vestnik Auditorii Voyennogo dela. *Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. April 1. No. 1. P. 9. (In Russ.).
5. Koritsky N. I. V dni voyny i v dni mira [In the days of war and in the days of peace] // Marshal Tukhachevskiy. *Vospominaniya drugoy i soratnikov*. *Marshal Tukhachevsky. Memoirs of Friends and Colleagues*. Moscow, 1965. P. 51–101. (In Russ.).
6. V boyakh rozhdenaya. Boyevoy put' 5 armii (1918–1920). Sbornik dokumentov [Born in battles. Battle path of the 5th Army (1918–1920). Collection of documents]. Irkutsk, 1985. 416 p. (In Russ.).
7. Vypusk krasnykh komandirov [Graduation of the red commanders] // Sovetskaya Sibir' (Chelyabinsk). *Soviet Siberia (Chelyabinsk)*. 1919. October 14. No. 12. P. 4. (In Russ.).
8. Organizatsiya Sibuvuza [Organization of Sibuvuz] // Vestnik Auditorii Voyennogo dela. *Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. April 1. No. 1. P. 22–24. (In Russ.).
9. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [State Archive of the Novosibirsk Region (SANR)]. File: R-1/1/116. (In Russ.).
10. Izveshcheniya [Notices] // Sovetskaya Sibir' (Omsk). *Sovetskaya Sibir' (Omsk)*. 1920. January 13. No. 8. P. 4. (In Russ.).
11. Petin D. I. Istoriya omskogo roda Batyushkinykh [The history of the Omsk family of the Batyushkins]. Omsk, 2021. 140 p. (In Russ.).
12. GANO (SANR). File: R-1/1/12A. (In Russ.).
13. Moguchiy N. Iz istorii SibUVUza [From the history of SibUVUZ] // Krasnyy vozhd'. *Krasnyy vozhd'*. 1921. No 1–2. P. 11–15. (In Russ.).
14. Nedelya fronta i transporta [Week of the front and transport] // Sovetskaya Sibir' (Omsk). *Sovetskaya Sibir' (Omsk)*. 1920. February 11. No. 31. P. 3. (In Russ.).
15. Izveshcheniya [Notices] // Sovetskaya Sibir' (Omsk). *Sovetskaya Sibir' (Omsk)*. 1920. March, 6. No. 52. P. 4. (In Russ.).
16. Khronika [Chronicle] // Vestnik Auditorii Voyennogo dela. *Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. April 1. No. 1. P. 30. (In Russ.).
17. Khronika [Chronicle] // Vestnik Auditorii Voyennogo dela. *Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. May 1. No. 2. P. 28. (In Russ.).
18. Parad kursantov [Parade of cadets] // Sovetskaya Sibir' (Omsk). *Soviet Siberia (Omsk)*. 1920. March 27. No. 68. P. 3. (In Russ.).
19. Prazdnik krasnogo kursanta [Feast of the Red Cadet] // Vestnik Auditorii Voyennogo dela. *Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. April 1. No. 1. P. 24–27. (In Russ.).
20. Marshal Tukhachevskiy. Vospominaniya drugoy i soratnikov [Marshal Tukhachevsky. Memoirs of friends and colleagues]. Moscow, 1965. 248 p. (In Russ.).

21. Kantor Yu. Z. Voyna i mir Mikhaila Tukhachevskogo [War and Peace by Mikhail Tukhachevsky]. Moscow, 2005. 576 p. (In Russ.).
22. Shilo N. I., Glushko A. V. Marshal Tukhachevskiy. Mozaika razbitogo zerkala. [Marshal Tukhachevsky. Mosaic of a broken mirror]. Moscow, 2014. 720 p. (In Russ.).
23. Koritsky N. Nachal'nik akademii [Head of the Academy] // *Voyenno-istoricheskiy zhurnal. Military History Journal*. 1963. No. 12. P. 51–56. (In Russ.).
24. Biryuzov S. S. Predisloviye [Foreword] // *Izbrannyye proizvedeniya*. V 2 t. T. 1. 1919–1927 [Selected works. In 2 vols. Vol. 1. 1919–1927] / M. N. Tukhachevskiy. Moscow, 1964. Vol. 1. P. 3–26. (In Russ.).
25. Tukhachevsky M. N. Doklad, napisanny po porucheniyu V. I. Lenina, ob ispol'zovanii voyennykh spetsialistov i vydvizhenii kommunisticheskogo komandnogo sostava (po opytu 5-y armii) [Report written on behalf of V. I. Lenin, on the use of military specialists and the promotion of the communist command staff (according to the experience of the 5th army)] // *Izbrannyye proizvedeniya*. V 2 t. T. 1. 1919–1927 [Selected works. In 2 vols. Vol. 1. 1919–1927]. Moscow, 1964. P. 27–30. (In Russ.).
26. Ob'yavleniya [Announcements] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. April 1. No. 1. P. 34. (In Russ.).
27. Koritsky N. I. G. Omsk. 31 marta 1920 g. [Omsk. March 31, 1920] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. April 1. No. 1. P. 1. (In Russ.).
28. Polozheniye ob Auditorii Voyennogo Dela pri sibirskom upravlenii voyenno-uchebnykh zavedeniy. Proyekt [Regulations on the Audience of Military Affairs under the Siberian Department of Military Educational Institutions. Project] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. April 1. No. 1. P. 2–5. (In Russ.).
29. Organizatsiya voyenno-pedagogicheskogo muzeya [Organization of the Military Pedagogical Museum] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. April 1. No. 1. P. 5. (In Russ.).
30. Tukhachevsky M. N. Voyna i militsionnaya armiya [War and the militia army] // *Pravda. Pravda*. 1921. February 26. No. 43. P. 1. (In Russ.).
31. Tukhachevsky M. N. O sotsialisticheskoy armii [About the socialist army] // *Pravda. Pravda*. 1921. March 12. No. 55. P. 1. (In Russ.).
32. Isaev I. Militsionnaya armiya [Militia Army] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. April 1. No. 1. P. 13–15. (In Russ.).
33. Sutterup D. O komandnom sostave [About the command staff] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. April 1. No. 1. P. 15–18. (In Russ.).
34. Ivanov P. Vzaimodeystviye rodov oruzhiya [Interaction of types of weapons] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. April 1. No. 1. P. 18–20. (In Russ.).
35. Polozov I. Prakticheskoye primeneniye broneavtomobiley v sovremennykh boyakh [The practical use of armored vehicles in modern battles] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. April 1. No. 1. P. 20–22. (In Russ.).
36. Stromilov N. Sibirskaya Krasnaya Armiya i ugroza s Vostoka [The Siberian Red Army and the threat from the East] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. April 1. No. 1. P. 10–13. (In Russ.).
37. Schmidt L. Doloy bezgramotnost'! [Down with illiteracy!] // *Sovetskaya Sibir' (Omsk). Sovetskaya Sibir' (Omsk)*. 1920. April 25. No. 89. P. 4. (In Russ.).
38. Stromilov N. Sibirskaya Krasnaya Armiya i ugroza s Vostoka [The Siberian Red Army and the threat from the East] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. May 1. No. 2. P. 8–11. (In Russ.).
39. Ustinov G. Pervyye bliny [First failures]. *Sovetskaya Sibir' (Omsk). Sovetskaya Sibir' (Omsk)*. 1920. May 7. No. 98. P. 4. (In Russ.).
40. Tukhachevsky M. N. Strategiya natsional'naya i klassovaya [Strategy national and class] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. May 1. 1920. No. 2. P. 2–8. (In Russ.).
41. Tukhachevsky M. N. Strategiya natsional'naya i klassovaya [Strategy national and class] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. May 15. No. 3. P. 1–6. (In Russ.).
42. Koritsky N. I. Krasnyy strateg [Red strategist] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. May 1. No. 2. P. 1. (In Russ.).
43. Tukhachevsky M. N. Strategiya natsional'naya i klassovaya [Strategy national and class] // *Voyna klassov: Stat'i 1919–1920 gg. War of Classes: Articles 1919–1920*. Moscow, 1921. P. 5–30. (In Russ.).
44. Norwid G. Sport i gimnastika v Krasnoy Armii [Sport and gymnastics in the Red Army] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. May 1. No. 2. P. 19–21. (In Russ.).
45. Koritsky N. Nashi zadachi v dele obucheniya i vospitaniya Krasnoy armii [Our tasks in the training and education of the Red Army] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. May 1. No. 2. P. 21–22. (In Russ.).
46. Ganin A. V. Taktika polkovnika A. D. Syromyatnikova: russkiy ofitser na sledstvii Polittsentra i NKVD [The tactics of Colonel A.D. Syromyatnikov: Russian officer in the investigation of the Political Center and the NKVD] // *Russkiy sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii. Russian Collection. Studies in the History of Russia*. Vol. 25. 1937. Moscow, 2018. P. 321–343. (In Russ.).
47. Syromyatnikov A. Taktika sovremennoy artillerii [Tactics of modern artillery] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. May 15. No. 3. P. 9–17. (In Russ.).
48. Russkaya i inostrannaya voyennaya khronika [Russian and foreign military chronicle] // *Vestnik Auditorii Voyennogo dela. Bulletin of the Audience of Military Affairs*. 1920. May 15. No. 3. P. 19–20. (In Russ.).
49. Ot Voyennogo Izdatel'stva Auditorii Voyennogo Dela [From the Military Publishing House of the Audience of Military Affairs] // *Voyennyy zhurnal Sibiri. Military Journal of Siberia*. 1920. June 15. No. 1. P. 20. (In Russ.).
50. E.Ya. Voyennyy zhurnal Sibiri №1 [Military journal of Siberia Number 1] // *Sovetskaya Sibir' (Omsk). Sovetskaya Sibir' (Omsk)*. 1920. June 22. No. 135. P. 4. (In Russ.).
51. Redaktsiya. Omsk, 5-go iyunya 1920 [Editorial. Omsk, June 5, 1920] // *Voyennyy zhurnal Sibiri. Military Journal of Siberia*. 1920. June 15. No. 1. P. 2. (In Russ.).
52. Volkov S.V. Russkiy ofitserkiy korpus [Russian officer corps]. Moscow, 2003. 412 p. (In Russ.).

FEDOTOVA Irina Vladimirovna, Lead Archivist,
Historical archive of the Omsk region, Omsk.
SPIN-code: 6268-4646
Correspondence address: ivputintseva@mail.ru

For citations

Fedotova I. V. Difficulties and Achievements: formation of Siberian Directorate of Military Educational Institutions of the Red Army (1919–1920) // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 73–82. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-73-82

Received January 10, 2023.
© I. V. Fedotova

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ГПУ—ОГПУ: К АНАЛИЗУ МОНОГРАФИИ А. Б. ГУЛАРЯНА И А. Ю. САРАНА

В статье характеризуется монография орловских исследователей А. Б. Гуларяна и А. Ю. Сарана, специалистов по истории отечественных спецслужб. В издании проводится комплексное изучение структуры, основных направлений и региональных особенностей деятельности органов ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье и Орловском Поочье в 1922—1934 годах. В статье анализируются сильные и слабые стороны монографии. Подчеркивается, что она вносит свой вклад в изучение политической, социальной и повседневной истории раннего советского социума. В качестве заслуги авторов отмечен новаторский подход к изучению и сравнению деятельности региональных структур советских спецслужб в разных, значительно отдаленных друг от друга регионах. Делается вывод, что российским историкам следует поддержать и продолжить такое начинание, расширив его рамки географически и хронологически. Это, в целом, позволит посмотреть на историю органов государственной безопасности под новым углом зрения и существенно дополнит научное знание об их прошлом.

Ключевые слова: историография, региональная история, спецслужбы, органы государственной безопасности, ГПУ, ОГПУ, советское общество, Орел, Омск, краеведение, рецензия.

Первые десятилетия существования СССР — один из наиболее изучаемых современными специалистами периодов отечественной истории, когда закладывалась мощь советского государства и, одновременно, его «родовые травмы», некоторые из которых не только поспособствовали через 70 лет распаду государства, но и до сих пор оказывают влияние на политические процессы на всем постсоветском пространстве. История созданных в период Гражданской войны в России советских спецслужб полностью отражает вышесказанное. С одной стороны, без этих структур первое в мире социалистическое государство просто не выстояло бы в борьбе с внешними и внутренними врагами. С другой стороны, массовые политические репрессии, основными исполнителями которых были советские спецслужбы, были успешно использованы в информационной борьбе против СССР в годы перестройки для дискредитации в глазах советских людей коммунистического режима. Последствия удара, нанесенного имиджу отечественных спецслужб, и в настоящее время продолжают влиять на негативное отношение некоторой части россиян к современным органам государственной безопасности, публично позиционирующим свою истори-

ческую преемственность от органов ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД—МГБ—КГБ.

Поскольку советские спецслужбы действовали практически во всех сферах общественной жизни, вышедшая в 2022 г. монография орловских историков А. Б. Гуларяна и А. Ю. Сарана представляет интерес не только для специалистов по истории отечественных спецслужб, но и для широкого круга исследователей, изучающих различные проблемы советской истории 1920—1930 гг. [1].

Цель статьи — охарактеризовать данный научный труд и критически проанализировать некоторые его особенности.

Отметим, что рецензируемая монография, изданная в Москве, является доработанным переизданием книги, вышедшей в 2015 г. в Орле [2]. На новейшей книге нет на это указаний, и далее наш критический анализ будет только о ней. Касаясь формальной стороны нашей цели, отметим, что академическое произведение в формате монографии традиционно должно иметь научных рецензентов. Кроме того, в современных монографиях авторы, формируя научно-справочный аппарат своего издания, помещают список использованной литературы, а также указатели (именной, пред-

метный, географический — все или какие-либо из них). Это делает работу с книгой для читателя более удобной. К сожалению, указанных важных формальных моментов в рецензируемой работе нет. Особо крупным упущением является отсутствие научного рецензирования, которое, несомненно, могло бы способствовать улучшению содержательного качества работы. Но здесь же в качестве положительного момента хотелось бы выделить наличие в разделе «Приложения» значимой части труда — «Сведения о руководителях и сотрудниках органов ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье, Орловском Поочье, Сибири и Центральной России».

Научная новизна анализируемого исследования, как нам представляется, имеет два аспекта. Во-первых, труд написан в популярном сегодня среди исследователей региональном ключе, но имеет яркое отличие — сравнительно-исторический характер. В нем сопоставляются два региона: Омское Прииртышье, расположенное в Сибири, и Орловское Поочье, являющееся частью Европейской России. Во вводной части монографии убедительно и довольно интересно обоснован такой нестандартный выбор территориальных рамок исследования, указаны общие черты истории двух регионов [1, с. 9–14].

Полученные от сравнения Омского Прииртышья и Орловского Поочья результаты, особенно касающиеся выделения общего и особенного в деятельности органов государственной безопасности в двух регионах, доказывают плодотворность выбора таких территориальных рамок и методологии исследования. Во-вторых, монография довольно содержательна и включает много интересных сведений по локальной истории, однако степень их новизны разнится. В большей степени оригинальны данные по Орловскому Поочью, в то время как львиная доля фактического материала об Омском Прииртышье с соответствующими ссылками позаимствована и критически осмыслена авторами из монографии В. П. Василевского и А. В. Сушко [3]. В основе последней существенно дополненный и доосмысленный материал кандидатской диссертации В. П. Василевского [4].

Монография имеет «Введение» с некоторыми (но не со всеми) атрибутами, необходимыми для данного вида научного труда (целью и задачами, анализом историографии проблемы). Следует отметить достаточно подробный историографический обзор, касающийся не только деятельности органов ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье и Орловском Поочье, но и, в целом, истории советских спецслужб в изучаемый авторами период. В этой связи авторам следовало бы охарактеризовать и использовать в своей работе монографию новосибирского историка А. Г. Теплякова, изданную в Новосибирске и вскоре переизданную в Москве [5–6]. Эта работа имеет теоретико-методологическое значение для исследуемой проблемы. Удивительно, что в историографическом разделе нет упоминания многочисленных работ орловских исследователей Р. М. Абныкина и Т. В. Ченской, касающихся рассматриваемой проблемы в контексте работы чекистов с бывшими белогвардейцами, оставшимися в советской России, а также общественных настроений [7–11]. В некоторых местах монографии ссылки на труды данных авторов применительно к сюжетам по истории Орловского Поочья были бы очень уместны. Также в монографии не задействованы вышедшие в текущее трехлетие статьи, посвященные различным

аспектам истории органов ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье [12–14].

Чисто формально, удивляют авторские формулировки цели и задачи монографии, странно названной в них «проектом» [1, с. 8–9]. Существенным недостатком «Введения» и, соответственно, всей работы является отсутствие характеристики использованных в работе источников. В частности, было бы полезно сравнить существующий доступный корпус источников по истории органов ГПУ—ОГПУ в двух регионах.

Переходя к характеристике основной части труда орловских историков, следует отметить следующую особенность построения текста: в значительной его части со ссылками на работы сибирских коллег сначала в значительном объеме описываются сюжеты Омского Прииртышья и только затем дополняются проблемами Орловского Поочья. Это особенно удивляет в связи с тем, что работа написана специалистами из Орла.

В целом, в монографии хотелось бы видеть более значительный массив материала именно по истории Орловского Поочья. Особенно наглядно сказанное можно проиллюстрировать на примере пятой главы монографии, посвященной обеспечению внешней безопасности государства. Омским сюжетам об обеспечении внешней безопасности государства в работе посвящено более 18 страниц [1, с. 495–514], в то время как орловским — всего чуть больше двух [1, с. 514–516]. Такое соотношение, с учетом наличия во всех территориальных органах ГПУ—ОГПУ задач и людей, отвечавших за их выполнение по соответствующему и важнейшему направлению чекистской деятельности, как минимум, требует развернутого пояснения. Тем более что Орловское Поочье не могло не интересоваться польские спецслужбы, которые вели разведку даже на территории Сибири.

Характеризуя, в общих чертах, структуру и проблематику основной части монографии, отметим, что она построена по проблемному принципу и имеет следующую, обоснованную структуру:

— глава 1. Органы ГПУ—ОГПУ в системе региональных органов власти 1922–1934 гг.;

— глава 2. Структурные изменения и кадровое обеспечение региональных органов ГПУ—ОГПУ в 1922–1934 гг.;

— глава 3. Органы ГПУ—ОГПУ в политической жизни региона;

— глава 4. Органы ГПУ—ОГПУ в социальной, экономической и культурной жизни региона;

— глава 5. Региональные органы ГПУ—ОГПУ и внешняя безопасность государства в 1922–1934 гг.

В качестве недостатка отметим, что в названиях первых глав авторы зачем-то поставили нижние и верхние, в то время как в последующих двух их нет, затем, в последней, они снова появляются. Учитывая, что хронологические рамки присутствуют в названии работы и охватывают все время существования органов ГПУ—ОГПУ, то их наличие в названиях глав, на наш взгляд, излишне и структура работы выглядит неоднообразно. Возвращаясь к значимости формальной стороны, отметим, что научное рецензирование монографии позволяет исключить подобные мелкие недостатки.

Рецензируемая монография касается основных направлений деятельности советских спецслужб. Анализ всех ее разделов не является нашей задачей. Остановимся детально лишь на одном из разделов четвертой главы «ВЧК—ОГПУ и бывшие бе-

логвардейцы». Он привлек наше особое внимание по трем причинам. Во-первых, этот раздел, как и пятая глава работы, наглядно иллюстрирует перекос в монографии в сторону уже разработанных сибирскими историками сюжетов об Омском Прииртышье и, соответственно, страдает недостаточностью фактического материала об Орловском Поочье. Омским проблемам в книге посвящено 15 страниц [1, с. 380–396], в то время как орловским — 2,5 страницы [1, с. 396–399]. Во-вторых, в настоящее время автор этих строк вместе с Д. И. Петиным и М. М. Стельмаком реализует исследовательский проект «Белое офицерство в советском Омске: социальный портрет и проблема адаптации (ноябрь 1919–1927 гг.)», поддержанный Российским научным фондом. В связи с критикой в монографии отдельных наших предыдущих суждений по данной проблеме, считаем уместным высказаться о некоторых субъективных оценках А. Б. Гуларяна и А. Ю. Сарана.

Их суть в несогласии орловских исследователей с нашим делением деятельности органов ГПУ—ОГПУ в отношении бывших офицеров на два периода. Первый период (НЭП) отличался стремлением чекистов соблюдать законность и относительной мягкостью приговоров. Второй, начавшийся с конца 1920-х гг. и достигший пика в 1933–1937 гг., характеризуется массовым уничтожением бывших белогвардейцев, проводившимся путем фальсификации дел об офицерских контрреволюционных организациях с уничтожением большинства их фигурантов.

Орловские исследователи не согласны с выделением первого периода. В качестве контраргументов они ссылаются на, по их мнению, «не мягкий» случай с расстрелом в Омске бывшего белого контрразведчика И. Н. Лихачева в 1926 г [1, с. 390]. Поясним, что в своей статье В. П. Василевский подробно описал данный казус, показав, что фигуранта дела расстреляли по настоянию вышестоящего руководства как бывшего сотрудника белой контрразведки. При этом В. П. Василевский доказал, что омские чекисты всеми силами пытались спасти этого человека, но новосибирское руководство, а затем и Коллегия ОГПУ были непреклонны [15, с. 28]. Здесь надо сказать, что целенаправленное активное выявление и уничтожение сотрудников (прежде всего офицеров) и агентуры белых спецслужб сибирскими чекистами началось еще на завершающем этапе Гражданской войны. Для данной категории белогвардейцев не было никакой вероятности рассчитывать на «милость победителей» [16–17].

Кроме того, в своей работе с В. П. Василевским мы ссылались на сообщение Омского окружного отдела ОГПУ местному партийному руководству, где приводилась информация о существовании в Омске трех офицерских организаций (документ недавно нами был опубликован полностью [18]). По мнению историков из Орла, «квалификация неоформленной группы, как организации, само по себе является элементом фальсификации» [1, с. 393]. И снова мы не можем согласиться с коллегами из Орла. Конечно, упомянутые организации не имели программ. Но они наверняка имели неформальных лидеров, вокруг которых группировались. Без них эти довольно многочисленные группы бывших белогвардейцев просто не сложились бы. Кроме того, важно принимать во внимание, что это были достаточно устойчивые группы военных людей, уже принимавших участие в борьбе против большевиков. Учитывая опыт весны-лета 1918 г.,

когда офицерские организации приняли активное участие в свержении советской власти в Сибири, органы ГПУ—ОГПУ были обязаны вести за ними наблюдение, в соответствии с практикой того времени называя их «организациями». Подчеркнем, что в документе сотрудники советских спецслужб не приписывали участникам этих групп какой-либо контрреволюционной деятельности. Поэтому мы не усматриваем здесь никакой фальсификации со стороны спецслужб, выполнявших свою обыденную работу.

Для того, чтобы опровергнуть предложенную нами периодизацию, орловские исследователи ссылаются на приведенный нами пример с генералом В. Г. Болдыревым, когда 1 октября 1931 г., не получив доказательств его вины, Коллегия ОГПУ вынесла решение о прекращении дела [1, с. 394]. Действительно, и в начале 1930-х гг. порой требовались доказательства, при отсутствии которых дело могли закрыть. Но этот факт, как и предыдущие, не опровергает самой сущности выделенных периодов. Обращаясь к сути, предложенной нами с В. П. Василевским периодизации, подчеркнем, что в период НЭПа с 1922 по 1929 гг. в Омске не было возбуждено уголовных дел в отношении каких-либо офицерских контрреволюционных организаций и, соответственно, не было фальсификаций и массовых расстрелов бывших белогвардейцев. Поэтому годы НЭПа в этом отношении однозначно отличаются от последующего десятилетия, когда в Омске чекистами были фальсифицированы офицерские антисоветские организации, большинство невинных участников которых незаконно уничтожили. В итоге не пережил массовых политических репрессий и уже упомянутый генерал В. Г. Болдырев, вскоре расстрелянный чекистами. Тогда наиболее резонансными процессами в отношении бывших офицеров для Омска стал «Белогвардейский заговор» 1933 г. [19] и «дело организации генерала Артамонова» 1937 г. [20]. Стоит отметить, что фигурантами этих трагических событий становились лица, хотя и имевшие чин офицера, но не служившие в Белой армии [21].

Описанная периодизация, на наш взгляд, подтверждается массой фактов и применима ко всем регионам СССР, где проживали в значительном количестве бывшие белые офицеры. Это доказывается и фактом из истории Орловского Поочья, описанным в монографии А. Б. Гуларяна и А. Ю. Сарана. Там органами ОГПУ в 1931 г. было сфабриковано дело офицерской организации С. С. Беляева, по которому были арестованы 47 человек, 13 из них — расстреляны, а остальные — приговорены к разным срокам заключения [1, с. 397].

Несмотря на высказанную критику, хотелось бы подчеркнуть, что избранная авторами цель исследования была достигнута в результате использования ими сравнительно-исторического метода. Научные результаты монографии концентрированно изложены в ее «Заключении», позволяющем комплексно оценить выполненную работу в связи с выделением специфики деятельности чекистов в двух регионах. В частности, авторы труда представили выводы, некоторые из которых мы позволим себе привести и оценить.

Действительно, «Омск отставал от Орла на фазу с точки зрения установления Советской власти», и поэтому «многие социально-политические процессы, которые в Орле были закончены еще до НЭПа, в Омске проходили именно при НЭПе — ликвида-

ция органами госбезопасности эсеров и анархистов, борьба с уголовным и политическим бандитизмом, выявление социально чуждых элементов и групп» [1, с. 518–519]. Правда, в этой части монографии допущена серьезная ошибка. Авторы пишут, что «Омск долгое время был столицей колчаковского Сибирского правительства» [1, с. 518]. Но, как известно, Омск был столицей антибольшевистского движения в Сибири и в нем поочередно действовали Западно-Сибирский комиссариат, Временное Сибирское правительство, Временное Всероссийское правительство (Уфимская директория) и Российское правительство адмирала А. В. Колчака. Указанная крупная оплошность вновь возвращает нас к вопросу об обязательности научного рецензирования работы на этапе рукописи. При этом авторы отметили важную особенность, что «с точки зрения административно-территориальной реформы уже Орел отставал от Омска, если Омская губерния была упразднена в 1925 г., став частью Сибирского края в виде Омского Тарского и Славгородского округов, то Орловская — в 1928 г. превратилась в Орловский и Елецкий округа Центрально-Черноземной области. Соответственно, и Орловский губернский отдел ОГПУ просуществовал на три года дольше Омского» [1, с. 519]. Несомненно, что асинхронность в реформировании региональных структур спецслужб в протекающих на территории регионов политических процессов требует изучения в масштабах страны, и заслуга А. Б. Гуляряна и А. Ю. Сарана в том, что они поставили эту проблему, начав ее изучать.

Нельзя полностью согласиться с авторами монографии с их выводом о контрразведывательной деятельности органов ГПУ–ОГПУ в двух регионах. А. Б. Гулярян и А. Ю. Саран пишут: «Если Орловское Поочье в 1920–1930-е гг. было глубоким тылом и контрразведывательные задачи решались относительно малыми силами, то Омское Прииртышье находилось в непосредственной близости от границ с Китаем, где и в то время было сильно японское присутствие. Омские чекисты гораздо большие усилия затрачивали на работу с китайскими, немецкими и польскими диаспорами, проводя профилактическую контрразведывательную работу, раскрывая шпионские, повстанческие и уголовные преступления» [1, с. 527].

Авторы не правы в том, что Омское Прииртышье находилось в непосредственной близости от границ с Китаем. Скорее Омское Прииртышье, как и Орловское Поочье для контрразведывательной работы, было «глубоким тылом». Однако думается, что географическое положение в этом отношении является важным, но не единственным фактором, так как идейные враги СССР занимались шпионажем по всей территории страны. Региональные особенности контрразведывательной деятельности определялись также наличием соответствующих этнических диаспор и, самое главное, — интересными для шпионажа военных, транспортных и промышленных объектов. И Омск, как один из крупнейших узлов Транссиба, становился привлекателен для иностранных разведок. Думается, что историю Орловского Поочья в этом отношении нужно продолжать изучать.

Подводя итоги, отметим, что проделанная орловскими историками А. Б. Гуляряном и А. Ю. Сараном работа вносит свой вклад в изучение политической, социальной и повседневной истории раннего советского социума. В качестве заслуги авторов нужно

особенно отметить новаторский подход к изучению и сравнению деятельности региональных структур советских спецслужб в разных, значительно отдаленных друг от друга регионах.

Безусловно, российским историкам следует подержать и продолжить такое начинание, расширив его рамки географически и хронологически. В целом, это позволит посмотреть на историю органов государственной безопасности под новым углом зрения и существенно дополнит научное знание об их прошлом.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ, 22-28-20144 «Белое офицерство в советском Омске: социальный портрет и проблема адаптации (ноябрь 1919–1927 гг.)», реализуемого в Омском государственном техническом университете.

Библиографический список

1. Гулярян А. Б., Саран А. Ю. Деятельность ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье и Орловском Поочье (1922–1934 гг.). Москва: Т8 Издательские технологии/RUGRAM, 2022. 625 с.
2. Гулярян А. Б., Саран А. Ю. Деятельность ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье и Орловском Поочье (1922–1934 гг.). Орел: Изд-во Орловский ГАУ, 2015. 625 с.
3. Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. 280 с.
4. Василевский В. П. Деятельность органов ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье (1922–1934 гг.): автореф. ... дис. канд. ист. наук. Тюмень, 2022. 22 с.
5. Тепляков А. Г. Деятельность органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. Новосибирск: Изд-во НГУЭУ, 2018. 434 с.
6. Тепляков А. Г. Деятельность органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Политическая энциклопедия, 2018. 439 с. ISBN 978-5-8243-2266-8.
7. Абинякин Р. М. Бывшие офицеры в военных комиссариатах Орловской губернии в 1919–1923 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 3. Ч. 1. С. 57–65.
8. Абинякин Р. М. Бывшие офицеры — заключенные Орловского концентрационного лагеря в 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 80–93.
9. Ченская Т. В. Бывшие белые офицеры, состоящие на особом учете в Орловском губернском отделении ОГПУ // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 2. С. 58–61.
10. Ченская Т. В. Крестьянские настроения 1920-х годов через призму отношения к международным событиям (по материалам информационных сводок Орловского ГПУ) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2015. № 3. С. 82–87.
11. Ченская Т. В. Общественные настроения советского крестьянства в российской деревне в 1926–1932 гг. на примере Орловского округа и источники их изучения (по материалам окротдела ОГПУ) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 40–44.
12. Сушко А. В. От «революционной законности» к «целесообразности»: эволюция взаимоотношений органов ГПУ–ОГПУ и прокуратуры в годы новой экономической политики (на примере Омского Прииртышья) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 1. С. 70–81. DOI: 10.21638/11701/srbu24.2018.105.

13. Сушко А. В., Петин Д. И. Чекист, железнодорожник, архитектор Петр Петрович Зутис // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 923–938. DOI: 10.28995/2073-0101-2019-3-923-938.

14. Сушко А. В. Борьба с пьянством в органах ОГПУ в Сибири в 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 160–167. DOI: 10.17223/15617793/452/19.

15. Василевский В. П. Деятельность органов ГПУ–ОГПУ Омска в отношении бывших военнослужащих Белой армии // Омский научный вестник. 2013. № 4. (121). С. 27–30.

16. Шишкин В. И. Особый отдел управления делами Верховного правителя и Совета министров Российского правительства (май–декабрь 1919 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 8. С. 63–81.

17. Бакшт Д. А., Петин Д. И. Заведующий агентурой Российского правительства адмирала Колчака Александр Караулов (1868–1920): к реконструкции биографии // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 366–380. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.206.

18. Сушко А. В. Антисоветские организации и группы в Омском округе в 1927 г.: сообщение Омского окружного отдела ОГПУ местному партийному руководству // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1125–1137. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1125-1137.

19. Уйманов В. Н. Карательная операция против бывших белых офицеров в Западной Сибири в 1933 году // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 6. С. 243–251.

20. Петин Д. И., Каминский В. В. Генерал-майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму

новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.

21. Петин Д. И. Капитан М. М. Поспеев: опыт реконструкции жизненного пути кадрового офицера топографической службы // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 140–146. DOI: 10.17223/15617793/452/17.

СУШКО Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры военной политической работы в войсках (силах) Омского автотанкового инженерного института, г. Омск.
SPIN-код: 6496-4278
AuthorID (РИНЦ): 446621
ORCID: 0000-0002-6703-8535
AuthorID (SCOPUS): 57201470030
Адрес для переписки: alexsushko_1974@mail.ru

Для цитирования

Сушко А. В. Региональное измерение истории органов ГПУ–ОГПУ: к анализу монографии А. Б. Гуляряна и А. Ю. Сарана // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 83–89. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-83-89.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023 г.

© А. В. Сушко

REGIONAL DIMENSION OF HISTORY OF ORGANS OF GPU-OGPU: TO THE ANALYSIS OF MONOGRAPH BY A. B. GULARYAN AND A. YU. SARANA

The article characterizes the monograph of the Oryol researchers A. B. Gularyan and A. Yu. Saran, specialists in the history of domestic special services. The publication provides a comprehensive study of the structure, main directions and regional features of the activities of the GPU-OGPU bodies in the Omsk Irtysh region and the Oryol Pooch region in 1922–1934. The article analyzes the strengths and weaknesses of the monograph. It is emphasized that it contributes to the study of the political, social and everyday history of the early Soviet society. As a merit of the authors, an innovative approach to the study and comparison of the activities of the regional structures of the Soviet special services in different regions that are significantly distant from each other is noted. It is concluded that Russian historians should support and continue such an undertaking, expanding its scope geographically and chronologically. This, in general, will allow us to look at the history of state security agencies from a new angle and significantly complement scientific knowledge about their past.

Keywords: historiography, regional history, special services, state security agencies, GPU, OGPU, Soviet society, local history, Orel, Omsk, review.

Acknowledgments

The article is prepared with the support of the RSF project, 22-28-20144 «White officers in Soviet Omsk: social portrait and the problem of adaptation (November 1919–1927)», implemented at the Omsk State Technical University.

References

1. Gularyan A. B., Saran A. Yu. Deyatel'nost' GPU–OGPU v Omskom Priirtysh'ye i Orlovskom Pooch'ye (1922–1934 gg.) [The activities of the GPU–OGPU in the Omsk Irtysh and Oryol Poochie (1922–1934)]. Moscow, 2022. 625 p. (In Russ.).
2. Gularyan A. B., Saran A. Yu. Deyatel'nost' GPU–OGPU v Omskom Priirtysh'ye i Orlovskom Pooch'ye (1922–1934 gg.) [The activities of the GPU–OGPU in the Omsk Irtysh and Oryol Poochie (1922–1934)]. Orel, 2015. 427 p. (In Russ.).
3. Vasilevskiy V. P., Sushko A. V. «Strazhi revolyutsii»: organy GPU–OGPU v Omskom Priirtysh'ye [«Guardians of the Revolution»: GPU–OGPU bodies in the Omsk Irtysh region]. Omsk, 2017. 280 p. (In Russ.).
4. Vasilevskiy V. P. Deyatel'nost' organov GPU–OGPU v Omskom Priirtysh'ye (1922–1934 gg.) [The activity of the bodies of the GPU–OGPU in the Omsk Irtysh region (1922–1934)]. Tyumen, 2022. 22 p. (In Russ.).
5. Teplyakov A. G. Deyatel'nost' organov VChK–GPU–OGPU–NKVD (1917–1941 gg.): istoriograficheskiye i istochnikovedcheskiye aspekty [Activities of the Bodies of the Cheka–GPU–OGPU–NKVD (1917–1941): Historiographical and Source Studies Aspects]. Novosibirsk, 2018. 434 p. (In Russ.).
6. Teplyakov A. G. Deyatel'nost' organov VChK–GPU–OGPU–NKVD (1917–1941 gg.): istoriograficheskiye i istochnikovedcheskiye aspekty [Activities of the Bodies of the Cheka–GPU–OGPU–NKVD (1917–1941): Historiographical and Source Studies Aspects]. 2nd ed. Moscow, 2018. 439 p. (In Russ.).
7. Abinyakin R. M. Byvshiye ofitsery v voyennykh komissariatakh Orlovskoy gubernii v 1919–1923 gg. [The former officers in recruitment offices of the province of Oryol in 1919–1923] // Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. *Scientific Notes of Oryol State University*. 2010. No. 3. Part. 1. P. 57–65. (In Russ.).
8. Abinyakin R. M. Byvshiye ofitsery — zaklyuchennyye Orlovskogo kontsentratsionnogo lagerya v 1920–1922 gg. [Former officers — prisoners of the Oryol concentration camp in 1920–1922] // Voprosy istorii. *Voprosy Istorii*. 2010. No. 11. P. 80–93. (In Russ.).
9. Chenskaya T. V. Byvshiye belyye ofitsery, sostoyashchiye na osobom uchete v Orlovskom gubernskom otdelenii OGPU [The former white officers being on the special account in the Orel provincial office of OGPU] // Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. *Scientific Notes of Oryol State University*. 2016. No. 2. P. 58–61. (In Russ.).
10. Chenskaya T. V. Krest'yanskiye nastroyeniya 1920-kh godov cherez prizmu otnosheniya k mezhdunarodnym sobyitiyam (po materialam informatsionnykh svodok Orlovskogo GPU) [Peasant moods of the 1920s through the prism of attitude to international events (based on information reports of the Oryol GPU)] // XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii. *XX Century and Russia: Society, Reforms, Revolutions*. 2015. No. 3. P. 82–87. (In Russ.).
11. Chenskaya T. V. Obshchestvennyye nastroyeniya sovetskogo krest'yanstva v rossiyskoy derevne v 1926–1932 gg. na primere Orlovskogo okruga i istochniki ikh izucheniya (po materialam okrotdela OGPU) [Public sentiments of the Soviet peasantry in the Russian countryside in 1926–1932. On the example of the Orel district and the sources of their study (based

on the materials of the okrotedel of the OGPU)] // Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. *Uchenye Zapiski of Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2014. No. 4. P. 40–44. (In Russ.).

12. Sushko A. V. Ot «revolyutsionnoy zakonnosti» k «tselesoobraznosti»: evolyutsiya vzaimootnosheniy organov GPU—OGPU i prokuratury v gody novoy ekonomicheskoy politiki (na primere Omskogo Priirtysh'ya) [From Revolutionary Legality to Revolutionary Expediency: Evolution of Relations the GPU—OGPU and Prosecutors During the New Economic Policy (on the Example of the Omsk Irtysh Region)] // Noveyshaya istoriya Rossii. *Modern History of Russia*. 2018. Vol. 8, no. 1. P. 70–81. (In Russ.).

13. Sushko A. V., Petin D. I. Chekist, zheleznodorozhnik, arkhitekt Petr Petrovich Zutis [Chekist, railway worker, architect Pyotr Petrovich Zutis] // Vestnik arkhivista. *Herald of an Archivist*. 2019. No. 3. P. 923–938. (In Russ.).

14. Sushko A. V. Bor'ba s p'yanstvom v organakh OGPU v Sibiri v 1920-kh gg. [The struggle against drunkenness in the joint state political directorate departments in Siberia in the 1920s] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. *Tomsk State University Journal*. 2020. No. 452. P. 160–167. (In Russ.).

15. Vasilevskiy V. P. Deyatel'nost' organov GPU—OGPU Omska v otnoshenii byvshikh voyennosluzhashchikh Beloy armii [The activity of the SPD—JSPD in Omsk regarding White Army ex-soldiers] // Omskiy nauchnyy vestnik. *Omsk Scientific Bulletin*. 2013. No. 4. (121). P. 27–30. (In Russ.).

16. Shishkin V. I. Osobyi otdel upravleniya delami Verkhovnogo pravatelya i Soveta ministrov Rossiyskogo pravitel'stva (may—dekabr' 1919 goda) [Special Department of the Administration of Affairs of the Supreme Ruler and the Council of Ministers of the Russian Government (May—December 1919)] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2012. Vol. 11, no. 8. P. 63–81. (In Russ.).

17. Baksht D. A., Petin D. I. Zaveduyushchiy agenturoy Rossiyskogo pravitel'stva admirala Kolchaka Aleksandr Karaulov (1868–1920): k rekonstruktsii biografii [Alexander Karaulov (1868–1920), Head of the agency of the Russian government of Admiral Kolchak: reconstructing a biography] // Noveyshaya istoriya Rossii. *Modern History of Russia*. 2020. Vol. 10, no. 2. P. 366–380. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.206. (In Russ.).

18. Sushko A. V. Antisovetskiye organizatsii i gruppy v Omskom okruge v 1927 g.: soobshcheniye Omskogo okruzhnogo otdela OGPU mestnomu partiynomu rukovodstvu [Anti-Soviet

organizations and groups in the Omsk district in 1927: a message from the Omsk district department of the OGPU to the local party leadership] // Vestnik arkhivista. *Herald of an Archivist*. 2022. No. 4. P. 1125–1137. (In Russ.).

19. Uymanov V. N. Karatel'naya operatsiya protiv byvshikh belykh ofitserov v Zapadnoy Sibiri v 1933 godu [Punitive operation against former white officers in Western Siberia in 1933] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. *Tomsk State University Journal*. 2012. No. 6. P. 243–251. (In Russ.).

20. Petin D. I., Kaminskiy V. V. General-mayor Genshtaba N. N. Artamonov (1872–1937): biografiya skvoz' prizmu novykh istochnikov [Major General of the General Staff N. N. Artamonov (1872–1937): biography through the prism of new sources] // Vestnik arkhivista. *Herald of an Archivist*. 2017. No. 3. P. 274–300. (In Russ.).

21. Petin D. I. Kapitan M. M. Pospeev: opyt rekonstruktsii zhiznennogo puti kadrovogo ofitsera topograficheskoy sluzhby [Captain Mikhail Pospeev: An Experience of a Reconstruction of the Life Path of a Topographical Officer] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. *Tomsk State University Journal*. 2020. No. 452. P. 140–146. DOI: 10.17223/15617793/452/17. (In Russ.).

SUSHKO Aleksey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Military-Apolitical Work in the Troops (Forces) Department, Omsk Armored Engineering Institute, Omsk.

SPIN-code: 6496-4278

AuthorID (RSCI): 446621

ORCID: 0000-0002-6703-8535

AuthorID (SCOPUS): 57201470030

Correspondence address: alexsushko_1974@mail.ru

For citations

Sushko A. V. Regional Dimension of history of Organs of GPU—OGPU: to the analysis of monograph by A. B. Gulyaran and A. Yu. Sarana // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 83–89. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-83-89.

Received January 09, 2023.

© A. V. Sushko

НА ЗАРЕ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ (О МОНОГРАФИИ А. С. ПУЧЕНКОВА «ПЕРВЫЙ ГОД ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ: ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «АЛЕКСЕЕВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ» ДО ОБРАЗОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА ЮГЕ РОССИИ (НОЯБРЬ 1917—ДЕКАБРЬ 1918 ГОДА)»)

Целью предлагаемой статьи является анализ монографии А. С. Пученкова «Первый год Добровольческой армии: от возникновения “Алексеевской организации” до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917—декабрь 1918 года)». Отмечается взвешенный подход автора к рассмотрению ряда сложных вопросов Гражданской войны в России, стремление критически осмыслить причины и обстоятельства зарождения контрреволюции, показать как сильные, так и слабые стороны зарождающегося Белого движения. Делаются критические замечания, направленные на дальнейшее углубленное исследование истории Гражданской войны в России.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, Добровольческая армия, донское казачество, М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин.

Гражданская война в России была и остается злободневной общественно-политической темой. Несмотря на прошедшее столетие ни наука, ни общество не смогли отказаться от стремления подойти к рассмотрению этой национальной и человеческой трагедии с позиции поиска правых и виноватых, победителей и побежденных. Не в последнюю очередь это происходит из-за восприятия себя современным российским государством как преемника одной из противоборствующих сторон. Достаточно вспомнить полемику, связанную с «политикой памяти» — бурные обсуждения, связанные, например, с попытками установления памятных знаков участникам Гражданской войны «не на той стороне» (памятная доска А. В. Колчаку в Санкт-Петербурге, памятник жертвам Кронштадтского выступления 1921 г.) Это препятствует объективному и взвешенному подходу к событиям Гражданской войны.

В этом смысле цель монографии «Первый год Добровольческой армии: от возникновения “Алексеевской организации” до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917—декабрь 1918 года)» петербургского исследователя А. С. Пученкова является непростой. Наверняка найдутся критики, полагающие, что «истории побежденных» уделять столь пристальное внимание в капитальной монографии не пристало. Однако Александр Сергеевич, несмотря на очерковую структуру глав своей работы и признание, что «как и всякий очерк,

настоящее исследование не может претендовать на всестороннее освещение темы» [1, с. 61], стремится к тому, чтобы проанализировать не только слабые, но и сильные стороны Белого дела на Юге, показывает факторы и причины его привлекательности, делает он это с позиции различных социальных групп, давая понять, что только то государство сможет полноценно развиваться, которое будет учитывать интересы всех членов общества.

Рассматривая этап зарождения Белого движения, А. С. Пученков начинает от самых его «корней» — складывания на Дону так называемой «Алексеевской организации», формирования ядра вокруг генерала Л. Г. Корнилова и тех, кто стал по объективным и субъективным причинам своеобразными «попутчиками», т.е. А. М. Каледина и Б. В. Савинкова.

Деятельность генерала от инфантерии М. В. Алексеева, заложившего организационное «ядро» будущей Добровольческой армии, удостоилась пристального внимания исследователя. Отметим, что первые шаги были предприняты Алексеевым еще до захвата большевиками власти, автор не стремится преувеличить их роль и значение в возможной борьбе против большевизма осенью 1917 г. Причины лежали, что называется, на поверхности: «силы, собранные генералом Алексеевым, к восстанию большевиков оказались не готовы и их было явно недостаточно» [1, с. 69]. Немаловажным

фактором было и крайне отрицательное отношение офицерства к А. Ф. Керенскому. Выходом в таких условиях стала переброска организации туда, где был «здоровый центр».

Таким центром должен был стать не признавший Советской власти Дон. Однако «здоровье» этого центра являлось весьма относительным. Полагаем, что к казакам в полной мере применима характеристика морского офицера-мемуариста Г. К. Графа положения дел на флоте в то время: «Революция развратила весь народ. Матросы же, — плоть от плоти и кровь от крови этого народа, <...> не избежали той же участи» [2, с. 375]. А. С. Пученков справедливо видел в таком состоянии донского казачества главную проблему развития контрреволюционного движения в конце 1917 г. Он, анализируя сложность ситуации на Дону, отмечал такие факторы, как привлекательность большевистских антивоенных лозунгов, нараждавшийся конфликт между казаками и «иногородними», земельный вопрос. В таких условиях поддержка добровольцев со стороны атамана Войска Донского А. М. Каледина, пытавшегося не допустить раскола донцов, была довольно ограниченной. С другой стороны, А. С. Пученков привел сведения о передаче атаманом значительного количества вооружений, но, оговоримся, значительного лишь для состава только создаваемой в то время Добровольческой армии.

Второй важнейшей составляющей была деятельность генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова. Можно согласиться, что его роль обусловлена революционными событиями 1917 г., вознесшими его на должность Верховного главнокомандующего, а затем превратившими в «быховского узника». Благодаря этому он стал для многих, по выражению П. Н. Базанова, «политиком революционной эпохи», таким же, как и А. Ф. Керенский [3, с. 329]. Его военная деятельность, позиция по вопросам управления страной и армией, полномочий комитетов превращали Корнилова в безусловную надежду контрреволюционно настроенных кругов, прежде всего офицерских. Он и его ближайшее окружение осознавали это, т.к. период «Быховского сидения» стал временем разработки своеобразной политической программы, ставшей идейной основой Белого дела. А. С. Пученков подробно рассмотрел ее содержание, сделал логичный вывод о ее «аполитичности». Думается, что в этом были сильные и слабые стороны. Сильной стороной являлась понятность и готовность ее принять, в силу традиционного убеждения, что армия должна остаться вне политики, многими потенциальными адресатами — в первую очередь офицерами. Ее слабость заключалась, по справедливому мнению исследователя, в том, что «реалии Гражданской войны были таковы, что “аполитичность” армии не могла не быть химерой» [1, с. 197]. Поведение Корнилова, его взгляды, выраженные в «Быховской программе», действительно превращали его в одну из ведущих фигур контрреволюции. В этом смысле его прибытие на Дон после ликвидации власти Временного правительства и бегства из Быхова было логичным и ожидаемым. Однако, как обоснованно отметил автор, сосуществование двух таких фигур — Алексеева и Корнилова, расходившихся во взглядах на многие вопросы и претендовавших к тому же на лидерство, — было чревато «распадом зарождавшейся армии» [1, с. 209].

Уже этот конфликт, произошедший в самом начале существования Белого добровольческого дви-

жения на Дону, очень ярко вскрыл существенную для понимания конечных неудач Белого движения причину — *избыток вождей*. В отличие от своих противников, имевших безусловного лидера — В. И. Ленина, белой контрреволюцией стремились руководить многие [4, 5]. Причем имевшие основания на это! А. С. Пученков не обошел эту проблему стороной [1, с. 209–219]. Но складывается впечатление, что автор, ставя себя на место участника событий, сам не решил, какой из его героев был достойнее. В декабре 1917 г. острые углы намечавшейся борьбы за лидерство в контрреволюционном стане удалось несколько сгладить общественным деятелям — П. Н. Милюкову, отчасти П. Б. Струве, В. В. Шульгину и др.

Эти обстоятельства служили дополнительным тормозом на пути формирования Добровольческой армии. А. С. Пученков уточняет, что важную роль играли три обстоятельства — ограниченность денежных средств и финансовой помощи, слабая информированность о событиях на Дону в центральной части страны, а также позиция невмешательства в Гражданскую войну, взятая на вооружение многими офицерами. Желание переждать тяжелые времена, адаптироваться к новым жизненным реалиям было характерно для значительной части офицерского корпуса старой армии еще до Октября [6–8].

В то же время именно офицеры стали основным кадром Добровольческой армии на первом этапе ее существования. В этом, однако, нет противоречия утверждению исследователя, что ее социальный состав был «достаточно демократичен» [1, с. 250]. Объясняется это тем обстоятельством, что более 80 процентов офицерского корпуса получило первый чин в годы войны [9, с. 6; 10, с. 40].

Трудности комплектования и ограниченные возможности добровольцев делали принципиально важной позицию донского казачества. Сочувствие и прямая помощь донского атамана А. М. Каледина *a priori* давали надежды добровольцам, стремившимся создать базу именно на Дону. Однако они также были развенчаны — основная часть донцов продолжать военные действия не хотела. В конце первого месяца пребывания белогвардейцев на Дону сам Каледин обратился к ним за помощью. Результатом стал первый поход добровольцев — на Ростов-на-Дону (27 ноября–2 декабря 1917 г.). После его взятия основные силы армии к середине января 1918 г. перешли туда. Однако противостоять наступающим силам красных ни донцы, ни добровольцы оказались не в силах. Гибель партизанского отряда полковника В. М. Чернецова, оставление частями Добровольческой армии Новочеркасска, как показал исследователь, делали падение А. М. Каледина неизбежным. 29 января 1918 г. атаман покончил с собой. Продолжение наступления красных и отказ нового Донского атамана А. М. Назарова от сотрудничества с добровольцами вынуждали их покинуть Дон. В то же время автор несколько схематично обозначил место и роль тех, кто выступал на стороне красных. Да, историком отмечена роль В. А. Антонова-Овсенко, однако он ограничился суховатым перечислением основных его военных решений [1, с. 278–280]. Полагаем, что перспективным является дальнейшее проведение сравнительного анализа положения дел в двух противоборствующих лагерях на юге страны и тех действий, которыми обе стороны склоняли ситуацию на свою сторону.

Дальнейшая судьба Белого дела на Юге России рассмотрена исследователем в двух плоскостях: военной и политической. Что касается первой, то особое внимание А. С. Пученков уделил Первому Кубанскому («Ледянному») походу, начавшемуся 9 февраля 1918 г., а затем боям на Кубани и Северном Кавказе (2-й Кубанский поход, июнь – ноябрь 1918 г.).

«Ледяной» поход Добровольческой армии во многом выглядел как жест отчаяния. Представляют интерес наблюдения А. С. Пученкова за спорами о возможном направлении отхода добровольцев из Ростова, в частности гипотеза о наличии намерений у Л. Г. Корнилова двигаться на восток, в сторону Южного Урала, и давление, оказываемое на него, со стороны М. В. Алексеева и других представителей верхов армии [1, с. 325–326]. Поход на Кубань с точки зрения военно-политических результатов был неудачен, т.к. не удалось взять столицу Кубанского края Екатеринодар, поднять на борьбу местное казачество. Превратить Кубань в базу контрреволюции на данном этапе также не удалось. Ограниченность возможностей добровольцев ярко проявилась в событиях, последовавших после смерти Л. Г. Корнилова 31 марта 1918 г., едва не завершившихся гибелью всей армии. Даже возвращение на Дон не сулило никаких выгод белым. Лишь изменение настроений донского казачества, а также во многом случайная встреча с отрядом полковника М. Г. Дроздовского обезопасили положение. В то же время необходимым представляется дальнейшее раскрытие контекста спасения Добровольческой армии. В частности, речь идет о более детальном рассмотрении роли мероприятий Совета комиссаров Донской Советской республики весной 1918 г., откровенно взбудораживших донцев и приведших, в конечном счете, к мощному антисоветскому восстанию. Это позволит преодолеть ограниченность восприятия этих событий, чаще связываемых с укреплением и дальнейшим выбором атаманом П. Н. Краснова.

Первый Кубанский поход, и здесь мы склонны согласиться с исследователем, по праву может считаться не столько военной операцией, сколько событием, способствовавшим почти религиозно-философскому осмыслению белыми своей миссии и роли. Автор дал насыщенное описание психологической специфики поведения добровольцев на этом этапе [1, с. 343–349]. Выделяются несколько доминирующих начал. Во-первых, это отчаяние, особенно характерное для состояния белогвардейцев в первые дни после их ухода из Ростова, а также после гибели Л. Г. Корнилова под Екатеринодаром. Можно согласиться, что не тактика, а именно отчаяние от осознания, что вся России против них, а поражение в любом сражении предопределяет их общую гибель, а также храбрость, умноженные на их высочайший профессионализм и патриотизм, помогали добровольцам идти дальше и одерживать верх в первых боях. Во-вторых, еще одной характерной чертой, отмечаемой и другими исследователями [11], стала нарастающая по мере боев ненависть первопоходников к противнику, толкавшая к жестокости и убийству всех, кто поднимал против них оружие.

Что касается Второго Кубанского похода, то обращают на себя внимание происходившие изменения. Он представляется, своего рода, переходным между авантюрным «Ледяным» походом и крупной спланированной войсковой операцией. Черты пер-

вого автор ярко показал на примере первого взятия отрядом А. Г. Шкуро Ставрополя 8 июля [1, с. 654–655] или развития Екатеринодарской операции белых, когда контрнаступление красных под командованием И. Л. Сорокина и взятие им станицы Кореновской 15 июля поставило Добровольческую армию на грань провала [1, с. 658–662]. О недостатках в управлении белогвардейских сил и просчетах А. И. Деникина свидетельствует и прорыв Таманской армии красных И. И. Матвеева (т.н. «Таманский поход») на соединение с И. Л. Сорокиным в августе – сентябре 1918 года. [1, с. 674–679]. В то же время, если первопоходники чувствовали себя «горсточкой» в кольце врагов, то летом 1918 г. Добровольческая армия могла считаться армией с куда большим основанием, чем прежде, будучи количественно и качественно (в отношении управляемости) лучше готовой. Это давало возможности командованию армии в лице А. И. Деникина разрабатывать операции и рассчитывать на их реализацию.

В чем же причины разницы в результатах белых и Красной армии Северного Кавказа? Отвечая на этот вопрос А. С. Пученков, в отличие от рассмотрения более ранних событий, дал развернутое сравнение положения противников. Помимо имевшегося у белогвардейцев превосходства в боевом опыте, важным обстоятельством историк выделил рост пополнений. Основными источниками выступали представители офицерского корпуса, прибывавшие, по данным исследователя, с Украины и Новороссии, а также донские и кубанские казаки. Рост численности последних был напрямую связан с проводимой Советской властью земельной политикой, а также сосредоточением власти в руках Советов, где представительство казачества и его позиции были ослаблены в пользу так называемых «пришлых», т.е. населения городов, не имевшего отношения к казачеству. Можно согласиться с мнением историка, что отсутствие гибкости в решении этих вопросов привело к «целой череде антисоветских восстаний, способствовавших сохранению Добровольческой армии как вооруженной силы» [1, с. 480]. Также после боя за Белую Глину был впервые использован опыт привлечения пленных красноармейцев, из которых образовали так называемый «Солдатский» (позднее — Самурский) полк.

Не меньшую роль сыграли и трения в руководстве красных. А. С. Пученков весьма подробно проанализировал как истоки, так и развитие конфликта между представителями военного и политического руководства Северо-Кавказской республики. Результаты оказались впечатляющими — 21 октября 1918 г. по приказу главнокомандующего И. Л. Сорокина были расстреляны председатель республиканского ЦИКа А. И. Рубин, секретарь крайкома М. И. Крайний, уполномоченный ЦИКа по продовольствию С. А. Дунаевский, председатель ЧК фронта Б. Г. Рожанский и республиканской ЧК М. Ф. Власов. Спустя неделю II Чрезвычайный съезд Советов Северного Кавказа объявил уже самого И. Л. Сорокина вне закона. 30 октября он был арестован частями Таманской армии и самовольно расстрелян. Сменил его в должности 21-летний И. Ф. Федько. Проходили эти события на фоне почти месячной (10 октября – 7 ноября) борьбы за Ставрополь, завершившейся победой Добровольческой армии и означавшей окончательный перелом кампании в пользу белых. Историк справедливо резюмировал: «не у каждого Чапаева был свой Фур-

манов, не у каждого Буденного — свой Ворошилов» [1, с. 701].

Что касается взаимодействия военной и политической власти у белых, то в работе этой проблеме отведено также значительное место. Представляется, что в каком-то смысле именно наличие двух крупных величин и готовность в этот период М. В. Алексеева и А. И. Деникина разделять полномочия (по выражению автора «дуализм власти») сыграли существенную роль в укреплении Белого дела весной — летом 1918 г. Смерть Алексеева 25 сентября 1918 г. позволила объединить всю полноту власти в руках А. И. Деникина, сделав его фактическим диктатором. Однако она совпала с началом деятельности Особого совещания при Главнокомандующем, что позволило передать в тех условиях рассмотрение вопросов гражданского управления непосредственно ему. В то же время представляется, что ключевым условием отсутствия разлада в лагере белой контрреволюции на данном этапе выступали *военные успехи*. Они повышали значимость и влияние лидеров движения, усиливая их вес и авторитетность их мнения. Тем самым именно военная сила оказывалась решающим аргументом в условиях нараставшего противостояния Гражданской войны в России.

Таким образом, труд А. С. Пученкова позволяет составить комплексное представление о военном и политическом становлении Белого движения на Юге России, выделяет основные факторы успехов контрреволюции в 1918 г., представляет яркие портреты ее лидеров, раскрывая их непростые взаимоотношения. Особое значение имеет раскрытие роли соотношения регионального сепаратизма и общерусского государственного патриотизма в последующем поражении белых. Полагаем, что монография представляет интерес для широкого круга читателей и специалистов.

Библиографический список

1. Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 — декабрь 1918 года). Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2021. 813 с.
2. Граф Г. К. На «Новике» / Вступ. ст., коммент. В. Ю. Грибовского. Санкт-Петербург: Гангут, 1997. 488 с.
3. Базанов П. Н. Причины поражения белых в Гражданской войне в России 1917–1922 гг. // Вестник Русской Христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19, вып. 3. С. 324–332.
4. Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. Москва: Пятый Рим, 2018. 860 с.

5. Lazarski C. The Lost Opportunity: attempts at unification of the anti-Bolsheviks, 1917–1919: Moscow, Kiev, Jassy, Odessa. Lanham: University press of America. 2008. 181 p.

6. Longley D. Officers and men: a study of the development of political attitudes among the sailors of the Baltic Fleet in 1917 // Soviet Studies. 1973. Vol. 25 (1). P. 28–50. DOI: 10.1080/09668137308410899.

7. Бажанов Д. А. Военные моряки в Гельсингфорсе (октябрь 1917 — март 1918 гг.): перспективы втягивания в гражданское противостояние // Гражданская война в России: проблемы истории и историографии: сб. докл. / отв. ред. В. В. Калашников. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), 2014. С. 112–120.

8. Гребенкин И. Н. Добровольческая армия в «Ледяном походе». Москва: Вече, 2022. 304 с.

9. Волков С. В. Трагедия русского офицерства. Москва: Центрполиграф, 2001. 507 с.

10. Ганин А. В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны: противостояние командных кадров: 1917–1922 гг. Москва: Центрполиграф, 2019. 317 с.

11. Ратьковский И. С. Карательно-репрессивная практика Добровольческой армии в начальный период ее существования // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2019. № 3 (64). С. 77–89.

БАЖАНОВ Денис Александрович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург.
SPIN-код: 2817-2042
AuthorID (РИНЦ): 266616
ORCID: 0000-0001-6658-7498
AuthorID (SCOPUS): 57210142270
ResearcherID: AAD-1774-2019
Адрес для переписки: dbazhanov@herzen.spb.ru

Для цитирования

Бажанов Д. А. На заре Белого движения (о монографии А. С. Пученкова «Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 — декабрь 1918 года)») // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 90–95. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-90-95.

Статья поступила в редакцию 22.11.2022 г.
© Д. А. Бажанов

AT THE DAWN OF THE WHITE MOVEMENT (ABOUT A. S. PUCHENKOV'S MONOGRAPH «THE FIRST YEAR OF THE VOLUNTEER ARMY: FROM THE EMERGENCE OF THE "ALEKSEEVSKAYA ORGANIZATION" TO THE FORMATION OF THE ARMED FORCES IN THE SOUTH OF RUSSIA (NOVEMBER 1917 – DECEMBER 1918)»)

The author analyzes A. S. Puchenkova's monograph «The first year of the Volunteer Army: from the emergence of the "Alekseevskaya Organization" to the formation of the Armed Forces in the South of Russia (November 1917– December 1918)». There is no doubt about the relevance of the plot chosen by A. S. Puchenkova, which is confirmed by the ongoing scientific discussion reflected in the monographs and articles analyzed by the researcher. The author's balanced approach to the consideration of a number of complex issues of the Civil War in Russia is noted. He critically comprehends the causes and circumstances of the birth of the counterrevolution, and shows both the strengths and weaknesses of the emerging White Movement.

The author concluded that the book by A. S. Puchenkova allows to get a comprehensive picture of the military and political formation of the White Movement in the South of Russia, highlights the main factors for the success of the counter-revolution in 1918, presents vivid portraits of its leaders, revealing their difficult relationships. Of particular importance is the disclosure of the role of the correlation of regional separatism and all-Russian state patriotism in the subsequent defeat of the Whites. Some critical notes that show the following ways of research on the basis of the Russian Civil War are made.

Keywords: Russian Civil War, White Movement, Volunteer Army, Don Cossacks, M. V. Alekseev, L. G. Kornilov, A. I. Denikin.

References

1. Puchenkova A. S. *Pervyy god Dobrovol'cheskoy armii: ot vozniknoveniya «Alekseyevskoy organizatsii» do obrazovaniya Vooruzhennykh sil na Yuge Rossii (noyabr' 1917–dekabr' 1918 goda)* [The first year of the Volunteer Army: from the emergence of the «Alekseevskaya organization» to the formation of the Armed Forces in the South of Russia (November 1917–December 1918)]. St. Petersburg, 2021. 813 p. (In Russ.).
2. Graf G. K. Na «Novike» [On the «Novik»] / Intr. art., comment V. Yu. Gribovskogo. St. Petersburg, 1997. 488 s. (In Russ.).
3. Bazanov P. N. Prichiny porazheniya belykh v Grazhdanskoy voyne v Rossii 1917–1922 gg. [The Causes of White Damage in the Civil War in Russia 1917–1922] // *Vestnik Russkoy Khristianskoy gumanitarnoy akademii. Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2018. Vol. 19, Issue 3. P. 324–332. (In Russ.).
4. Ganin A. V. Sem' «pochemu» rossiyskoy Grazhdanskoy voyny [Seven "whys" of the Russian Civil War]. Moscow, 2018. 860 p. (In Russ.).
5. Lazarski C. *The Lost Opportunity: attempts at unification of the anti-Bolsheviks, 1917–1919*: Moscow, Kiev, Jassy, Odessa. Lanham: University press of America, 2008. 181 p. (In Engl.).
6. Longley D. Officers and men: a study of the development of political attitudes among the sailors of the Baltic Fleet in 1917 // *Soviet Studies*. 1973. Vol. 25 (1). P. 28–50. DOI: 10.1080/09668137308410899. (In Engl.).
7. Bazhanov D. A. *Voyennyye moryaki v Gel'singforsе (oktyabr' 1917–mart 1918 gg.): perspektivy vtyagivaniya v grazhdanskoye protivostoyaniye* [Navy Personnel in Helsingfors (October 1917–march 1918) Prospects of Involvement in Civil Confrontation] // *Grazhdanskaya vojna v Rossii: problemy istorii i istoriografii. Civil war in Russia: problems of History and Historiography* / resp. ed. V. V. Kalashnikov. St. Petersburg, 2014. P. 112–120. (In Russ.).
8. Grebenkin I. N. *Dobrovol'cheskaya armiya v «Ledyanom pokhode»* [Volunteer army in the Ice Campaign]. Moscow, 2022. 304 p. (In Russ.).
9. Volkov S. V. *Tragediya russkogo ofitserstva* [The tragedy of Russian officers]. Moscow, 2001. 507 p. (In Russ.).

10. Ganin A. V. Russkiy ofitser'skiy korpus v gody Grazhdanskoy voyny: protivostoyaniye komandnykh kadrov: 1917–1922 gg. [Russian officer corps during the Civil War: confrontation of command personnel: 1917–1922]. Moscow, 2019. 317 p. (In Russ.).

11. Rat'kovskiy I. S. Karatel'no-repressivnaya praktika Dobrovol' cheskoj armii v nachal'nyy period eye sushchestvovaniya [Punitive and repressive practice Exercised by the Volunteer Army in its Early Years] // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. *Bulletin of the Ryazan State University*. 2019. No. 3 (64). P. 77–89. (In Russ.).

BAZHANOV Denis Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History (XIX–XXI centuries) Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg. SPIN-code: 2817-2042

AuthorID (RSCI): 266616

ORCID: 0000-0001-6658-7498

AuthorID (SCOPUS): 57210142270

ResearcherID: AAD-1774-2019

Correspondence address: dbazhanov@herzen.spb.ru

For citations

Bazhanov D. A. At the dawn of the White Movement (about A. S. Puchenkova's monograph «The first year of the Volunteer Army: from the emergence of the "Alekseevskaya Organization" to the formation of the Armed Forces in the South of Russia (November 1917–December 1918)») // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 90–95. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-90-95.

Received November 22, 2022.

© D. A. Bazhanov

УДК 165.0

DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-96-101

О. А. КОЗЫРЕВА

Уральский федеральный
университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

ЗАЧЕМ НУЖНЫ ИНДЕКСИКАЛЫ В КОММУНИКАЦИИ?

Статья посвящена проблеме прагматики использования индексикалов в коммуникации. Рассматривается тезис о том, что индексикалы неустранимы из естественного языка и не могут быть сведены к иным референциальным выражениям (дескрипциям, именам). Такая неустранимость обуславливается той ролью, которую индексикалы играют в языковой коммуникации, облегчая ее для индивидов. Подобного рода обоснование подвергается критике. Указывается, что нельзя исключать из рассмотрения факт того, что наличие индексикальных выражений в языке также и усложняет коммуникацию, поскольку снижает точность передаваемой в высказываниях информации.

Ключевые слова: индексикал, прагматика, семантика, референция, значение, коммуникация.

1. Феномен контекстной зависимости значения языковых выражений и предложений зачастую обсуждается в рамках уже ставшей классической для философии языка проблемы взаимоотношения семантики и прагматики. Индексикалы — класс языковых выражений ('я', 'здесь', 'сейчас' и др.), чья референция зависит от контекста, хотя значение фиксировано правилами языка — представляют собой отдельный интерес в рамках данной проблемы. Последнее время наибольшее внимание уделяется вопросу о соотношении семантических и прагматических факторов при интерпретации высказываний с возможной сменой референта индексикала, встречающегося в этих высказываниях¹. Речь идёт о ряде нестандартных случаев употребления индексикалов, с которыми, на первый взгляд, не может успешно справиться предложенная Дэвидом Капланом семантика для индексикалов и демонстративов [2]. К таким случаям относятся ситуации: (а) проигрывания сообщений 'я сейчас не здесь' на автоответчике; (б) оставления записок с тем же содержанием, которые прочитываются в не то время, которое планировалось пишущим, или вообще написаны за него другим человеком; (с) совершения высказываний вида 'я припаркован сзади', имея в виду свой автомобиль, или 'я на фиолетовой клетке', имея в виду свою игральную фишку в рамках настольной игры.

Как представляется, в подобных нестандартных случаях употребления индексикалов происходит

нарушение их семантических правил, а именно: 'я' указывает не на того, кто совершает высказывание; 'сейчас' указывает не на время совершения высказывания; 'здесь' указывает не на место совершения высказывания. Факт того, что носители языка при интерпретации подобных высказываний с индексикалами всё равно справляются с определением их правильных референтов, привёл некоторых исследователей к постановке вопроса о степени корректности семантики Каплана и к предложениям внести в неё изменения для объяснения указанных случаев употребления индексикалов [3, 4]. Ряд других исследователей склоняется к тому, что семантика Каплана полностью соответствует нашим языковым интуициям и не требует модификации, а данные нестандартные случаи употребления индексикалов можно объяснить, прибегая к помощи прагматики [5, 6].

Однако проблема прагматики индексикалов может обсуждаться не только в аспекте объяснения предполагаемой смены референции индексикалов, как было представлено выше, но и в аспекте мотивов использования индивидами индексикалов в совершаемых ими высказываниях. Именно в последнем аспекте данная проблема и будет интересовать в настоящей статье. Иными словами, будут интересоваться вопросы о том, почему индивиды используют индексикальные выражения в коммуникации и возможен ли естественный язык без них.

Рассмотрение же того, являются ли эти вопросы прагматическими и следует ли понимать прагматику именно таким образом, будет достаточно кратким в силу того, что основная задача в данной статье состоит не в определении отношений между семантикой и прагматикой, а в объяснении преимуществ и недостатков наличия индексикалов в естественном языке.

Основной тезис статьи заключается в том, что неустрашимость индексикалов из естественного языка нельзя объяснять, ссылаясь на простоту осуществления коммуникации с их помощью. С одной стороны, наличие индексикалов в языке действительно в некоторых аспектах упрощает коммуникацию, ведь, если заимствовать выражение Джона Перри, в этом случае снижаются когнитивные требования к участникам коммуникации; однако, с другой стороны, оно же и усложняет процесс коммуникации, поскольку степень точности информации, передаваемой в высказанном предложении, снижается по сравнению с использованием имён собственных или дескрипций.

2. Вопрос о специфике индексикалов и возможности их сведения к одному из других видов референциальных выражений был поставлен ещё Берtrandом Расселом. Он именует индексикалы 'эгоцентрическими партикуляриями' — выражениями, чьё значение зависит от говорящего и его положения во времени и пространстве. К таким выражениям он относит индексикалы 'я', 'здесь', 'сейчас' и демонстратив 'это' [7, р. 66].

В языке науки, призванном давать описания публичных объектов и событий, индексикалы должны быть сведены к соответствующим им дескрипциям, так как только таким образом можно достигнуть объективного знания. Тем не менее, как указывает Рассел, полностью избавиться от индексикалов в естественном языке невозможно: их наличие обусловлено фактом человеческой субъективности или, иначе, — фактом неустрашимости перспективы первого лица. В науке, напротив, должна быть представлена перспектива третьего лица, и идеальный язык науки должен быть построен таким образом, чтобы выражения, указывающие на субъективное восприятие окружающей действительности, были либо сведены к минимуму, либо полностью устранены из него.

Рассел также отмечает, что примитивным эгоцентрическим выражением, к которому могут быть редуцированы все остальные, является указательное местоимение 'это'. Так, например, 'я' означает человека, испытывающего 'это', 'сейчас' означает момент времени, в который происходит 'это', а 'здесь' — место, где 'это' происходит [7, р. 86]. Само 'это' можно определить как то, что находится в фокусе внимания воспринимающего окружающий мир человека. Таким образом, Рассел не видит серьёзной проблемы ни в замене индексикалов иными кореференциальными им выражениями (именами собственными или дескрипциями) ни в сведении всех индексикалов к демонстративу. Скорее, замена индексикала на соответствующую ему дескрипцию обеспечит научное познание необходимой строгостью и однозначностью, чего в повседневной коммуникации на естественном языке добиться невозможно. Поэтому наличие индексикалов в естественном языке оценивается им, с одной стороны, как негативное явление, с другой стороны, как неизбежное и обусловленное спецификой человеческого существования в мире.

Йегошуа Бар-Хиллел, который одним из первых стал положительно оценивать неустрашимость индексикалов из естественного языка [8, р. 369], не поддерживал расселианскую идею замены индексикала на одно из кореференциальных ему выражений. Аргумент, который он выдвигал, заключался в том, что подобная замена приводит к значительной потере информации. Само местоимение 'это', с его точки зрения, носит неоднозначный характер, и, следовательно, высказывания 'я устал' и 'человек, сфокусированный на этом, устал' не могут гарантированно выражать одну и ту же пропозицию. В первом случае индексикал 'я' однозначно указывает на того, кто совершает это высказывание, в то время как во втором случае дескрипции 'человек, сфокусированный на этом' может удовлетворять более одного индивида.

Согласно Бар-Хиллелу, наличие индексикалов в естественном языке существенно для коммуникации и позволяет сделать её краткой и непосредственной. Так, в ситуации выбора между использованием индексикала и кореференциальных ему дескрипции или имени собственного выбор говорящего падает чаще всего именно на индексикал. Замена же последнего на одно из кореференциальных ему выражений ведёт к потере информации и, следовательно, не может быть осуществлена без негативных последствий для целей коммуникации. Таким образом, удобство коммуникации при помощи индексикалов выступает в качестве основного аргумента Бар-Хиллела в пользу их неустрашимости из естественного языка.

Среди сложностей наличия индексикалов в языке он отмечает возможное несовпадение прагматического контекста, в котором совершал высказывание с индексикалом говорящий, с прагматическим контекстом, в котором данное высказывание интерпретирует слушающий. В результате такого несовпадения возникает недопонимание между участниками коммуникации. Именно по факту достижения понимания в коммуникации, — которое стандартно представляют как правильное схватывание слушающим пропозиции, выраженной говорящим, — последние обычно и расцениваются как успешная.

Во избежание понятийной путаницы следует отметить, что для Бар-Хиллела характерно достаточно узкое понимание прагматики, которого редко придерживаются современные философы языка. При таком понимании прагматика сводится к исследованию значений контекстно-зависимых выражений. Другими словами, в область исследования семантики входит изучение выражений, значение которых не зависит от контекста, а в область исследования прагматики — изучение всех тех выражений, чьё значение могло быть определено только в контексте высказывания. Индексикалы как раз относятся к последним и, соответственно, формальное определение их значений попадает в область прагматики. Фактически это та же самая условие-истинностная семантика, но для более усложнённой версии языка, содержащего индексикальные выражения². Поэтому, когда Бар-Хиллел говорит о прагматическом контексте, он имеет в виду идею контекста семантического в том смысле, в каком его принято понимать сегодня, т. е. идею каплановского контекста, состоящего из набора логических параметров (агент, время, место и возможный мир).

3. Перри также указывал на важную роль индексикальных выражений в коммуникации. Предложенный им мультипозиционный подход³

к семантическому содержанию высказываний во многом был направлен на решение так называемой 'проблемы когнитивной значимости языковых выражений' (в том числе и индексикалов), которая является наследницей проблемы Готлоба Фреге, связанной с нарушением принципа замены кореференциальных терминов в референциально непрозрачных контекстах.

Суть проблемы когнитивной значимости индексикалов заключается в следующем. Если я сделаю высказывание о себе 'я устала', используя в нём индексикал, и сделаю то же самое высказывание о себе, но используя в нём имя собственное — 'Ольга устала', то выраженная в обоих высказываниях пропозиция будет одной и той же, поскольку в рамках референциалистского подхода к содержанию высказанных предложений элементами пропозиций выступают сами объекты. В данном примере и 'я', и 'Ольга' указывают на один и тот же объект, т.е. на меня, и, следовательно, высказанные предложения выражают одну и ту же пропозицию, а сами выражения являются кореференциальными. Однако очевидно, что информационное содержание этих двух высказываний отличается, равно как отличается и уместность их употребления в различных коммуникативных ситуациях.

Для решения данной проблемы, которая предполагает получение ответа на вопрос, чем обусловлен выбор индексикала в конкретной коммуникативной ситуации, Перри предлагает в определённой мере модифицировать семантику Каплана, а именно для начала необходимо включить в неё высказывания (utterances). Семантика Каплана, по мнению Перри, моделирует высказывания как предложения в контексте, который является абстрактным конструктом из ряда логических параметров. Такая семантика отвлекается от факта того, что высказывания представляют собой следствия ментальных состояний индивида, который их совершает. Включение в семантическую теорию высказываний позволит связать между собой ментальные состояния индивида, которые выступают причиной высказываний, и те следствия, которые могут иметь совершённые высказывания. Таким образом, семантика оказывается связанной с прагматикой, ведь задача последней, по мнению Перри, состоит в том, чтобы определять способы, какими индивиды могут передавать имеющиеся у них интенции и выражать ментальные состояния, в которых они находятся, с помощью использования языковых средств [10, р. 5].

Предложение включить высказывания в семантику приводит Перри к необходимости формального приведения референции высказываний [13]. Так, для высказывания u должны быть определены: тот, кто совершает высказывание, — S_u ; момент времени, в который совершается высказывание — T_u ; место совершения высказывания — L_u . Частичная функция от высказывания u с некоторым индексикалом a к его референту — $R-a$ — зависит от S_u , T_u и L_u . Тогда референция высказывания u с индексикалом a определяется как значение функции $R-a(S_u, T_u)^4$.

Для каждого высказывания можно выделить три типа условий его истинности — E -условия, S -условия и O -условия.

Так, для высказывания u 'я устала' с индексикалом 'я', сделанного в определённый момент времени t , первый тип условий истинности будет задаваться следующим образом: u истинно тогда и только тогда, когда

$\exists x$, такой что (1) $x = R\text{-я}(S_u, T_u)$ & (2) x устал.

Второй тип условий истинности формулируется так: если совершающим высказывание u является Ольга Козырева и временем совершения u является t , то u истинно тогда и только тогда, когда

$\exists x$, такой что (1) $x = R\text{-я}(\text{Ольга Козырева}, t)$ & (2) x устал.

Третий тип условий истинности предполагает, что если совершающим высказывание u является Ольга Козырева и временем совершения u является t , Ольга Козырева = $R\text{-я}(\text{Ольга Козырева}, t)$, u истинно тогда и только тогда, когда Ольга Козырева устала.

O -условия истинности помогают определить пропозицию, выраженную в высказывании, т.е. позволяют приобрести знание о тех объектах, о которых сообщается в высказывании. Однако, как отмечает Перри, O -условия истинности не помогают с определением того, почему индивид сделал выбор в пользу индексикала вместо имени собственного, т.к. референты обоих выражений совпадают. Разницу в употреблении этих кореференциальных выражений можно объяснить только при обращении к S -условиям истинности и E -условиям истинности высказывания.

Согласно Перри, использование индексикала вместо иного кореференциального ему выражения снижает когнитивные требования, предъявляемые к слушающему в конкретной коммуникативной ситуации. Например, в ситуации произнесения мной высказывания 'я устала' в аудитории, полной людей, слушающему будет проще понять, кто именно устал, т.к. семантика языка предполагает, что 'я' указывает на того, кто совершает высказывание. Если бы я произнесла высказывание 'Ольга Козырева устала', то для определения референта имени собственного и, как следствие, определения пропозиции, выраженной в высказывании, от слушающего требовалось бы знать больше: ему надо было бы знать, какого именно человека зовут таким именем, нет ли в аудитории нескольких людей с таким именем и т.д. Очевидно, что для определения O -условий истинности высказывания слушающий должен знать больше, чем для определения S -условий истинности, а для определения E -условий истинности ему требуется знать ещё меньше.

Соответственно, выбор говорящим индексикала вместо кореференциального выражения обусловлен его интенцией облегчить коммуникацию со слушающим. Поскольку говорящий может не иметь представления о том, знает ли слушающий факты, необходимые для определения референтов выражений и для определения пропозиции, он выбирает наиболее простой способ, требующий от слушающего только знания семантики языка, на котором осуществляется коммуникация. Именно критерий простоты достижения понимания между говорящим и слушающим выступает, с точки зрения Перри, критерием успешности коммуникации. И сама проблема когнитивной значимости получает своё решение.

4. На основании рассмотренных позиций можно сделать вывод о том, что наиболее распространённый аргумент в пользу неустранимости индексикалов из естественного языка основывается насылке о том, что без них языковая коммуникация была бы затруднительнее.

Складывается впечатление, что те, кто опираются на данную посылку в своей аргументации, полагают, что возможные коммуникативные слож-

ности, возникающие при использовании индексикалов, не перевешивают тех преимуществ, которые предоставляют коммуникации индексикалы. Таким основным преимуществом выступает простота коммуникации. Действительно, кажется, что наличие индексикалов упрощает коммуникацию с точки зрения снижения эпистемических стандартов, которым должен соответствовать слушающий: чтобы понять, на какой объект указывает в своём высказывании говорящий, слушающему необходимо знать только правила языка.

Однако нельзя упускать из виду, что выбор индексикала вместо дескрипции снижает точность передаваемой в высказывании информации. Если в качестве иллюстрации данного возражения обратиться к индексикалу 'здесь', то мы увидим, что его использование в естественном языке далеко от однозначности: 'здесь' может означать как конкретные координаты, в которых находится физическое тело говорящего, так и координаты аудитории, где находится говорящий, или целого здания, или даже города. Эта неоднозначность решается только за счёт обращения к неязыковым фактам (положениям дел в мире), и без их знания слушающий не способен определить выраженную в высказывании пропозицию. Это, в свою очередь, означает, что от слушающего требуется всё-таки больше, чем знание просто фактов языка, как утверждал Перри. Для осуществления коммуникации существенно необходимо определение *О*-условий истинности; коммуникация не может состояться, если её участники знают только *Е*-условия и *С*-условия.

Если же говорящий выберет вместо 'здесь' развёрнутую дескрипцию, указывающую координаты именно того места, на которое он хотел указать, то уровень точности передачи информации повысится. Безусловно, от слушающего потребуется в таком случае больше знаний для определения выраженной пропозиции, но при их наличии степень понимания и, следовательно, успешность коммуникации возрастает.

Возвращаясь к вопросу, вынесенному в название статьи, стоит отметить, что традиционно на него даётся ясный ответ: индексикалы нужны в коммуникации, и причиной этого являются те простота и удобство, которые коммуникация приобретает благодаря наличию индексикалов. Но, как было продемонстрировано, эти простота и удобство достигаются за счёт снижения точности передаваемой информации.

Я не отрицаю того факта, как могло бы показаться, что индексикалы способны упрощать коммуникацию. Я лишь настаиваю на том, что этот факт не должен считаться единственной причиной их существования в естественном языке и невозможности функционирования последнего без них. Наравне с упрощением коммуникации индексикалы так же приводят и к её усложнению: увеличение скорости передачи информации при помощи индексикалов оборачивается потерей информации. Поэтому обоснование прагматики использования индексикалов должно происходить иначе, нежели ссылкой на следующее из их использования упрощение коммуникации.

Таким образом, я не отказываюсь от тезиса о неустраимости индексикалов из языка и их необходимости для осуществления коммуникации. Я только попыталась показать, что имеющийся аргумент в пользу этого тезиса не выглядит в достаточной мере сильным.

Все сказанное выше ставит перед нами новый вопрос: существуют ли альтернативные способы защиты тезиса неустраимости индексикалов из естественного языка, которые могут быть предложены взамен ссылки на обеспечение индексикалами простоты коммуникации?

Одним из таких способов является указание на невозможность индивидов высказывать убеждения о своих ментальных состояниях, которые выражают перспективу первого лица, на языке без индексикалов. Так, Перри именует 'я', 'здесь' и 'сейчас' существенными индексикалами (*essential indexical*) [14]: их наличие в высказывании наделяет последнее объяснительной силой, поскольку только с помощью высказываний, в которых выражаются убеждения индивидов, может быть объяснено их поведение.

Фактически этот способ защиты тезиса неустраимости индексикалов опирается на положения из философии сознания. В силу ограничений объёма статьи я не буду представлять здесь развёрнутую критику подобной стратегии защиты, ограничусь лишь указанием на то, что данная стратегия может быть успешной только в случае принятия допущения эквивалентности между ментальным и языком⁵.

Однако подобное допущение эквивалентности нуждается в серьёзном обосновании, которое до сих пор предложить не удалось.

Мне видится, что способ защиты тезиса о неустраимости индексикалов в принципе не должен обращаться к ментальным состояниям индивидов. Дело в том, что мы приходим к идее особого характера убеждений индивидов о своих ментальных состояниях на основании использования ими индексикалов в высказываниях, выражающих эти убеждения, но не наоборот.

Ментальные состояния других индивидов — это теоретические конструкции, которые мы используем для описания и объяснения поведения индивидов, принимая допущение о том, что причиной их поведения является нахождение в определённом ментальном состоянии. Поэтому направление нашего рассуждения на самом деле выглядит так: говорящий совершает высказывание с индексикалом (особенно это касается местоимения 'я'), и на основании того, что он использовал индексикал, мы делаем вывод, что он находится в ментальном состоянии.

Ссылаться на наличие специфики у ментальных состояний, которая вынуждает носителей языка использовать индексикалы, в таком случае ведёт к кругу в объяснении.

В заключение отмечу, что, поскольку альтернативный вариант защиты тезиса о неустраимости индексикалов из естественного языка точно так же, как и основной вариант, рассмотренный ранее, не свободен от затруднений, задача обосновать, почему естественный язык с необходимостью должен содержать в себе индексикальные выражения, остаётся нерешённой. До тех пор, пока не будет предложено удовлетворительное решение, принятие тезиса о неустраимости индексикалов из естественного языка будет носить произвольный характер.

Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-78-00071, <https://rscf.ru/project/22-78-00071/>.

Примечания

¹ Подробнее обзор таких нестандартных случаев употребления индексикалов представлен мной в [1]. Там же рассматривается и обоснование причин того, почему семантику Каплана предлагают подвергнуть модификации и как эти причины связаны с иным представлением о разграничении семантики и прагматики.

² Схожее понимание разграничения семантики и прагматики и их областей исследования было характерно для Монтегю [9]. Для интерпретации прагматического языка, каковым является, например, язык с индексикалами, требуется знание возможных контекстов использования, которые он предлагает моделировать через указание релевантных для определения референции индексикалов аспектов и именует индексами.

³ В своих более ранних работах Перри уже говорил о множестве условий истинности высказываний, которые следует разграничивать между собой. Однако наиболее актуальная версия его позиции, о которой мне известно, выглядит именно так, как представлено в настоящей статье. Подробнее подобное разграничение между рефлексивными и референциальными условиями истинности он обсуждает, в частности, в совместной с Корта работе *Critical Pragmatics: An Inquiry into Reference and Communication* [10], разграничение между А-пропозициями и R-пропозициями в своем эссе *Individuals in Informational and Intentional Content* [11]. Более детально с позицией Перри относительно различных видов семантического содержания высказывания и, следовательно, его различных видов условий истинности можно ознакомиться в [12].

⁴ Параметр L_u функции R-а в определённой степени избыточен: место совершения высказывания определяется тем, кто совершает высказывание, и временем его совершения. По этой причине Перри просто опускает его.

⁵ О необходимости признания подобной эквивалентности говорит Деннет: «Индексикальность предложений, по всей видимости, является языковым аналогом относительности субъективной точки зрения, которой отличаются ментальные состояния» [15, р. 132].

Библиографический список

1. Козырева О. А. Проблема референции индексикалов: возможные подходы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 269–281. DOI: 10.17223/1998863X/67/23.
2. Kaplan D. Demonstratives // Themes from Kaplan / Eds. J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
3. Predelli S. 'I Am Not Here Now' // Analysis. 1998. Vol. 58, № 2. P. 107–112. DOI: 10.1093/analys/58.2.107.
4. Corazza E., Fish W., Gorravett J. Who is I? // Philosophical Studies. 2002. Vol. 107, № 1. P. 1–21. DOI: 10.1023/A:1013111419036.

5. Ekerman J. Indexicals and Reference-Shifting: Towards a Pragmatic Approach // Philosophy and Phenomenological Research. 2015. Vol. 95, № 1. P. 117–152. DOI: 10.1111/phpr.12216.

6. Борисов Е. В. Семантический и прагматический аспекты индексикальных выражений // Respublica Literaria. 2022. Т. 3, № 2. С. 23–30.

7. Russell B. Human Knowledge: Its Scope and Limits. Oxford: Routledge, 2009. 463 p.

8. Bar-Hillel Y. Indexical Expressions // Mind. 1954. Vol. 63, № 251. P. 359–379. DOI: 10.1093/mind/LXIII.251.359.

9. Montague R. Pragmatics // Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague / Ed. R. H. Thomason. New Haven: Yale University Press, 1974. P. 95–118.

10. Korta K., Perry J. Critical Pragmatics. An Inquiry into Reference and Communication. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 178 p.

11. Perry J. Individuals in Informational and Intentional Content // The Problem of the Essential Indexical and Other Essays. New York: Oxford University Press, 1993. P. 279–300.

12. Моисеева А. Ю. Джон Перри о распознавании и идентификации // Философия науки. 2017. № 2 (73). С. 97–107. DOI: 10.15372/PS20170208.

13. Perry J. The Semantics and Pragmatics of Indexicals // A Companion to the Philosophy of Language. Vol. 1 / Ed. B. Hale, C. Wright, A. Miller. Chichester: Wiley-Blackwell, 2017. P. 970–989.

14. Perry J. The Problem of the Essential Indexical // Noûs. 1979. Vol. 13, № 1. P. 3–21. DOI: 10.2307/2214792.

15. Dennett D. The Intentional Stance. Cambridge, MA: MIT Press, 1987. 388 p.

КОЗЫРЕВА Ольга Александровна, кандидат философских наук, ассистент кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
SPIN-код: 5432-8963
AuthorID (РИНЦ): 858574
ORCID: 0000-0002-6141-6777
AuthorID (SCOPUS): 57574280400
ResearcherID: ABI-2472-2020
Адрес для переписки: olgakozyreva@mail.ru

Для цитирования

Козырева О. А. Зачем нужны индексикалы в коммуникации? // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 96–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-96-101.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023 г.
© О. А. Козырева

WHY DO WE NEED INDEXICALS IN COMMUNICATION?

The article discusses the pragmatics of using indexicals in communication. I consider the thesis of the indispensability of indexicals from natural languages and the idea that indexicals cannot be reduced to other referential expressions such as descriptions and proper names. Usually, the thesis is supported by the role indexicals play in linguistic communication, making it easier for individuals. I criticize this line of argument by pointing out that indexical expressions can complicate communication as well. The reason for that is using indexicals instead of descriptions reduces the accuracy of information communicated in utterances.

Keywords: indexical, pragmatics, semantics, reference, meaning, communication.

Acknowledgments

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-78-00071, <https://rscf.ru/en/project/22-78-00071/>.

References

1. Kozyreva O. A. Problema referentsii indeksikalov: vozmozhnye podkhody [Some Possible Approaches to the Problem of Indexical Reference] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2022. No. 67. P. 269–281. DOI: 10.17223/1998863X/67/23. (In Russ.).
2. Kaplan D. Demonstratives // Themes from Kaplan / Eds. J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563. (In Engl.).
3. Predelli S. 'I Am Not Here Now' // Analysis. 1998. Vol. 58, no. 2. P. 107–112. DOI: 10.1093/analys/58.2.107. (In Engl.).
4. Corazza E., Fish W., Gorvett J. Who is I? // Philosophical Studies. 2002. Vol. 107, no. 1. P. 1–21. DOI: 10.1023/A:1013111419036. (In Engl.).
5. Ekerman J. Indexicals and Reference-Shifting: Towards a Pragmatic Approach // Philosophy and Phenomenological Research. 2015. Vol. 95, no. 1. P. 117–152. DOI: 10.1111/phpr.12216. (In Engl.).
6. Borisov E. V. Semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty ineksikal'nykh vyrazheniy [Semantic and Pragmatic Aspects of Indexicals] // Respublica Literaria. 2022. Vol. 3, no. 2. P. 23–30. (In Russ.).
7. Russell B. Human Knowledge: Its Scope and Limits. Oxford: Routledge, 2009. 463 p. (In Engl.).
8. Bar-Hillel Y. Indexical Expressions // Mind. 1954. Vol. 63, no. 251. P. 359–379. DOI: 10.1093/mind/LXIII.251.359. (In Engl.).
9. Montague R. Pragmatics // Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague / Ed. R. H. Thomason. New Haven: Yale University Press, 1974. P. 95–118. (In Engl.).
10. Korta K., Perry J. Critical Pragmatics. An Inquiry into Reference and Communication. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 178 p. (In Engl.).
11. Perry J. Individuals in Informational and Intentional Content // The Problem of the Essential Indexical and Other Essays. New York: Oxford University Press, 1993. P. 279–300. (In Engl.).
12. Moiseeva A. Yu. Dzhon Perri o raspoznavanii i identifikatsii [John Perry on Recognition and Identification] // Filosofiya nauki. *Philosophy of Science*. 2017. No. 2 (73). P. 97–107. DOI: 10.15372/PS20170208. (In Russ.).
13. Perry J. The Semantics and Pragmatics of Indexicals // A Companion to the Philosophy of Language. Vol. 1 / Ed. B. Hale, C. Wright, A. Miller. Chichester: Wiley-Blackwell, 2017. P. 970–989. (In Engl.).
14. Perry J. The Problem of the Essential Indexical // Ноыс. 1979. Vol. 13, no. 1. P. 3–21. DOI: 10.2307/2214792. (In Engl.).
15. Dennett D. The Intentional Stance. Cambridge, MA: MIT Press, 1987. 388 p. (In Engl.).

KOZYREVA Olga Aleksandrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant of Ontology and Theory of Knowledge Department, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg.
SPIN-code: 5432-8963
AuthorID (RSCI): 858574
ORCID: 0000-0002-6141-6777
AuthorID (SCOPUS): 57574280400
ResearcherID: ABI-2472-2020
Correspondence address: olgakozyreva@mail.ru

For citations

Kozyreva O. A. Why do we need indexicals in communication? // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 96–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-96-101.

Received January 09, 2023.

© O. A. Kozyreva

¹Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
г. Санкт-Петербург²Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Москва

ЗНАНИЕ-ЧТО, ЗНАНИЕ-КАК, СОЗНАНИЕ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Статья посвящена дискуссии об отношении знания и умения. Эта дискуссия возникла в рамках критики дуализма. Считалось, что дуализм предполагает интеллектуализм, в котором знание-как всегда производно от знания-что. В статье рассматривается метод различения знания-как и знания-что через характерные свойства. Данный метод позволяет провести строгую границу между двумя типами знания. На его основе предлагается объяснение связи двух типов знания через включение знания-как в качестве необходимого, но не достаточного условия для знания-что. В заключение статьи вводится принцип неразличимости знания-как для различных агентов. Этот принцип позволяет показать, что дистинкция знание-как и знание-что работает в интересах дуализма, а не наоборот, как полагал Гилберт Райл, впервые охарактеризовавший различия данных двух типов знаний. Подобного рода дистинкция имеет смысл в свете аргумента 'Китайской комнаты' и для демонстрации различия между людьми и слабым искусственным интеллектом.

Ключевые слова: эпистемология, знание-что, знание-как, умение, искусственный интеллект.

1. Знание-как. В русском языке вместо философски громоздкого термина 'знание-как' мы обычно используем термин 'умение'. Со знанием-как связан ряд философских проблем. Самая известная из них — это вопрос о том, что это такое? Кажется, что для объяснения знания-как нам достаточно перечислить парадигмальные примеры: читать, бегать, есть, стрелять и т.д. [1, с. 37; также см.: 2]. Хотя нам и не очевидно, как следовало бы обобщить все эти примеры знания-как через сущностные характеристики. Другая проблема — чем отличается знание-как от знания-что (знания пропозиций)? Данная проблема не будет для нас центральной, и поэтому мы не ставим своей целью раскрыть ее полностью. В нашем исследовании мы по умолчанию принимаем отрицание интеллектуализма — взгляда, что знание-как всегда подразумевает знание-что. Однако, даже если согласиться с аргументами против интеллектуализма, отношение между знанием-как и знанием-что остается нетривиальным. Что общего есть у них, кроме словоупотребления, — т.е. кроме использования термина 'знание' в тех ситуациях, когда мы говорим, что 'знаем, как водить машину', равно как и в тех ситуациях, когда мы говорим, что 'знаем, что кот на ковре'? Решение, которое мы будем защищать в нашей статье: *знание-что всегда содержит знание-как. Другими словами, без знания-как знание-что — невозможно.* Хотя при всем том это очень разные сущности. Различие между кото-

рыми можно охарактеризовать следующим образом¹:

(а) Они отличаются мерой успешной реализации. Знание-что либо истинно, либо ложно. Пропозиция не может быть более или менее истинной. Если пропозиция частично ложна, значит, она ложна целиком и полностью. Знание-как градиентно². Почти всегда умение может быть лучше либо хуже. Например, можно водить велосипед довольно посредственно, падая каждую милю, а можно очень хорошо, виртуозно управляя велосипедом по пересеченной местности. Даже уметь есть пищу можно на разном уровне. Просто обычно люди это делают достаточно хорошо, чтобы специальным образом не выделять градиента успешности для данного умения.

(б) Знание-что и знание-как имеют разные условия удовлетворения. Знание-что направлено на достижение истины, умение — на достижение практической реализации. Скажем, мы обладаем знанием о том, что кот на ковре, если мы удостоверились, что эта мысль — истинна. Мы знаем-как водить велосипед, только в том случае, когда, сев на велосипед, нам удастся более или менее уверенно на нем двигаться.

(в) Знание-что и знание-как совершают при достижении своих целей разный каузальный путь. Знание-что обеспечивает надежный 'перенос' информации об объекте субъекту. Умение же может

вообще не реализовываться на практике. Оно существует в потенциале и не является действием само по себе. Знание-как — это то, что делает действие эффективно реализуемым.

Из сравнения характеристик этих двух эпистемических сущностей видно, что они очень разные. Поэтому термин 'знание-как' не кажется нам удачным. Он лишь затемняет ход нашей мысли в этой и без того нетривиальной теме. Поэтому в дальнейшем вместо термина 'знание-как' мы будем пользоваться термином 'умение', используя оба термина как взаимозаменяемые. Знание-что мы будем называть просто 'знанием'. Такое решение является спорным. Существует довольно влиятельный взгляд, согласно которому следует различать знание-как и навык (skill) или знание-как и способность (ability) [подробнее см.: 5]. Данную дискуссию мы также оставим в стороне, а термин 'навык' будем использовать как синоним для 'умения'.

Мы начнем с определения умения, а затем предложим *принцип включенности умений в структуру знания-что*. Именно эта включенность создает ощущение родственности этих на самом деле весьма разных эпистемических сущностей. После мы рассмотрим основные возражения против этого принципа. А затем мы продемонстрируем, почему материализм заинтересован в интеллектуализме. Для этого мы введем *принцип неразличимости умений агентов*. Этот принцип устанавливает, что дистинкция знания и умения позволяет показать отличие слабого ИИ от человеческого разума на уровне эпистемологии. Нейронные сети умеют многие вещи делать лучше людей — играть в шахматы или даже водить автомобиль. Однако они не могут что-либо знать, так как у них нет понимания этих процессов. Интересным следствием такой дистинкции станет вывод обратный тому, который некогда сделал его автор — Гилберт Райл: знание-что является проблемой для материализма, а не результатом туманных размышлений субстанциальных дуалистов.

2. Умение. Умение — это наличие потенциала (диспозиции) достижения цели у агента при определенных обстоятельствах с достаточной степенью вероятности успеха и достаточным уровнем эффективности достижения цели. Я умею читать. Это значит, что у меня есть диспозиция — потенциал или детерминированность совершить конкретные действия в определенных обстоятельствах. Специфика действия определяет характеристику диспозиции. Диспозиция (умение читать) определяется через возможность воплощения действия (чтение). Все умения реализуются при определенных обстоятельствах. Не получится читать книгу без света или, например, бегать в открытом космосе.

Умение градиентно в двух отношениях: в вероятности достижения успеха и в степени мастерства. В частности, успех в наших действиях может достигаться не всегда. Можно уметь кидать камни так, чтобы они отскакивали от водной глади больше двух раз — 'кидать блинчики'. Но это умение еще не подразумевает, что я смогу кинуть камень с отскоком от воды с первого раза. Чем чаще я достигаю цели умения, тем лучше я умею что-либо делать. Обычно мы имеем представление о том, как часто нужно достигать цель, чтобы мы обладали соответствующим умением. Чаще всего — с очень высокой вероятностью в подходящих обстоятельствах. Например, умение читать обычно работает безотказно в подходящих обстоятельствах (например, если нам не мешает сумрак или другие обстоятель-

ства). Обычно мы можем делать что-либо с разной степенью мастерства, т.е. делать нечто лучше либо хуже. Читать можно на качественно разном уровне скорости и понимания, эффективности усвоения материала. Бегать, прыгать, рисовать или браниться можно с разной степенью мастерства.

Это не исчерпывающее описание качеств умения. Многие его качества не универсальны. Умение не всегда удобно описывать градиентно (скажем, умение чесать нос скорее либо доступно нам, либо нет), оно не всегда нуждается в строгости и сложности обстоятельств, в которых данное умение реализуемо (например, умение замечать, что 'я мыслю', как кажется, доступно любому здоровому взрослому человеку в большинстве ситуаций, а иногда даже и во время сна). Однако умения все равно зависят от обстоятельств, пусть даже на уровне законов природы. Умение не включает в себя 'достижение цели' как сущностную характеристику: я умею дышать, не ставя перед собой этой цели, я просто это делаю. И все же любое умение удобно описывать через понятие цели.

Может показаться, что все это набор родственных явлений, которые не имеют инварианта. Поэтому нет умения, а есть набор из разных характеристик, каждая из которых включается в совокупность на основе подобия отдельных свойств. Однако свойство диспозиции (понимаемое как потенциал реализации действия при определенных обстоятельствах) характерно для всех видов умений.

Из-за того, что связь умения и знания нетривиальна, часто возникают неоднозначные ситуации, в которых кажется довольно затруднительным отличить умение от знания. Предположим, Клавдия говорит, что нужно бегать три раза в неделю, чтобы быть в хорошей физической форме [6, р. 427]. В этом случае Клавдия обладает знанием-что или знанием-как? Одно из возможных решений — выбрать способ провести различие между знанием практическим и теоретическим. Сторонники такого решения считают, что это более удачное и более важное разделение. Нам же это не кажется серьезной проблемой.

Если теперь вернуться к описанию различий, нам кажется разумным задаться следующим вопросом: условие удовлетворения такого рода знания — истина или достижение результата? В указанной формулировке — истина. Если бы Клавдия имела в виду диспозицию, ее успех проявлялся бы во фразе 'Я умею возвращать себе хорошую форму с помощью бега'. Но в этом случае какого рода сущность преодолевает дистанцию, чтобы произвестись, — это информация, идущая от объекта к субъекту или потенциальное действие, которое может быть успешным или нет? Здесь есть субъект — Клавдия, и есть объект — концепция 'если регулярно бегать, то будет хорошая физическая форма'. Если бы в данном случае речь шла об умении, то успехом стало бы надежно реализуемое действие: Клавдия умеет приходить в хорошую физическую форму с помощью бега.

Другая причина, по которой нам не нравится указанное выше различие, — оно создает опасный разрыв между теорией и практикой. Теоретическое знание в таком случае было бы заведомо неполноценным, ибо теоретическое знание успешно тогда и только тогда, когда произведено из надежной практики (это распространяется в том числе и на очень сложные и абстрактные математические уравнения). Скажем, мы могли бы обратиться к тако-

му примеру, как учитель игры на гитаре, который знает все теоретические аспекты игры на ней, однако никогда в жизни не брал этот музыкальный инструмент в руки. Пример же с Клавдией предполагает существование разрыва между теорией и практикой, который в большинстве случаев имеет место, когда мы имеем дело с плохой теорией.

Однако есть здесь и более серьезная проблема. Предположим, лыжник-профессионал в результате аварии потерял способность стоять на ногах. Все, что у него осталось от умения кататься на лыжах, находится теперь в его голове. Интеллектуалисты предполагают, что этот пример демонстрирует, что главное свойство умения — не диспозиция, а интеллектуальное состояние [7, р. 416].

Применяем к этому примеру нашу схему. Условие достижения 'умения кататься' — достижение результата. Так как результат в данном случае недостижим, нельзя сказать, что наш лыжник-профессионал умеет кататься. Производимая здесь сущность — это потенциальное действие, а именно катание на лыжах. Катание на лыжах — это потенциально хорошо реализуемое действие, даже если в текущих условиях оно как таковое нереализуемо в принципе. Если бы интеллектуалисты были правы, потенциальная способность лыжника кататься удовлетворялась бы просто истинностью соответствующего знания, а не действием. Сущностью, которая преодолевает дистанцию, в этом случае была бы информация о лыжнике (например, что он умеет кататься), а не потенциально успешное действие.

Может показаться, что в нашем примере лыжник-профессионал умеет кататься на лыжах, но не может. А значит, главное в умении — то, что в голове агента, а не практическая способность к действию.

Причина такого рода трудностей в том, что диспозиция — это модальное понятие. Оно включает в себя пространство возможностей, которое мы обычно ограничиваем исходя из практических соображений. Мы можем сказать, что успешный охотник на слонов умеет убивать мамонта, хотя это умение и не может быть им реализовано. Модальность накладывает на нас ограничение в двух отношениях: исходя из агента (случай с лыжником) и исходя из среды (случай с мамонтом). Причина этого не в том, что умение — разновидность знания, а в том, что у умения есть свойство модальности, удовлетворение которому определяется исходя из практических соображений. В модальном отношении, если бы вдруг у лыжника вернулся полный контроль над телом, он бы с легкостью встал на лыжи и поехал. Лыжник-профессионал не обладает всем необходимым для того, чтобы уметь кататься, — однако может показаться, что ему на самом деле для этого не хватает очень малого.

3. Знание-как в знании-что. В эпистемологии добродетелей существует весьма влиятельный подход, согласно которому способность — это одно из необходимых условий знания [подробнее см.: 8–10]. Именно способность делает знание надежным.

Редуктивная эпистемология добродетелей мотивирована тем, что ее теория должна решить проблему Геттиера. Так, она объясняет, что в примерах Геттиера агентам не хватает способности для достижения убеждения надежным способом [9, р. 95–96]. Однако предлагаемое ею решение, как кажется, не решает пример Алвина Голдмана с ложным амбаром [11]. Представим себе, что Генри

едет на машине по сельской местности. Вокруг — множество амбаров. Генри смотрит на один из них и думает: 'Это красный амбар'. Генри прав, но он прав в силу удачного совпадения: все остальные амбары — лишь макеты зданий, и пока не подойти к ним вплотную, внешне макеты амбаров ничем не отличаются от настоящих. В этом случае навык Генри узнавать амбары весьма надежен. Однако он справляется с этой задачей лишь в силу счастливой случайности.

Аналогичный пример против редуктивной эпистемологии добродетелей использует Лиза Мирачи [12]. Аннет смотрит вдаль, видит овцу и думает: 'На этом поле овца'. При этом на самом деле она видит пастушью собаку, которая издали напоминает овцу. Однако на поле действительно есть овца. Более того, в этой местности всех овец сопровождают пастушьи собаки. Аннет благодаря развитому навыку получает истинное убеждение, которое, тем не менее, не является знанием.

На наш взгляд, проблема этого подхода в том, что способности — лишь один из элементов, который обеспечивает надежность убеждений, которым мы обладаем. Надежность обеспечивается многими средствами, и способности людей — только один из них. Например, я знаю правильный ответ на любую математическую задачу из некоторой области X , однако не умею ее решать и даже толком не понимаю задачи такого типа. Моя безошибочность обеспечивается продвинутым калькулятором. Знаю ли я в таком случае ответ на конкретную математическую задачу из области X (при условии, что я взял свой ответ из калькулятора)?

Одна из удивительных вещей, которыми люди овладели очень хорошо, — это делегирование умения другим людям и объектам. На этой процедуре основано все наше научное знание. Я могу делегировать, например, умение считать, играть, запоминать, ускорять, измерять (вес, скорость, плотность, расстояние) неживым объектам. И неживые объекты реализуют многие навыки лучше нас (нейросети обыгрывают нас в шахматы, точнее распознают объекты на картинках, лучше управляют автомобилями или эффективнее уничтожают цели боевых беспилотников). Но есть и другое, не менее важное наблюдение: если заменить расчеты в уме на расчеты при помощи калькулятора, вместе с ним меняется и соответствующее умение (в частности, умение считать меняется на умение пользоваться калькулятором).

Кажется, что без умений знание невозможно. Однако умение может нами включаться в некоторое условие безопасности (safety condition) вместе с многими другими элементами, которые обеспечивают надежность знания, и поэтому оно может и не нуждаться в дополнительном обозначении. В таком случае мы обращаемся к теории родственной релейабиллизму [11, 13]. Мы симпатизируем именно этому взгляду на знание. Хотя это и не значит, что умение в дискуссии о знании следовало бы игнорировать, поскольку это всего лишь незначительный элемент условия безопасности.

Редуктивные теории знания опираются на концептуальный анализ, ведь, чтобы определить какое-либо сложное явление, необходимо определить компоненты, из которых оно состоит. Условие безопасности, на наш взгляд, — сложное явление, а значит, оно поддается редукции. Используя концептуальный анализ, а также наше предположение о том, что умение есть необходимый элемент

условия безопасности, можно двинуться по пути описания условия безопасности в терминах компонентов, которые обеспечивают *надежность* знания. Но на этом пути возникает довольно странная ситуация: кроме необходимости умения у условия безопасности, как кажется, больше нет никаких вариантов. Существуют процедуры, которые обеспечивают надежность знания: проверка цепочки знания, исправление, институционализация. Однако все они не являются необходимыми. Можно знать, что кот сидит на ковре, без сверки своих чувственных данных с чувственными данными другими людьми, каких-либо исправлений или получения подтверждений со стороны компетентных экспертов по зрению. Впрочем, также очевидно и то, что уметь различать ковры и их взаиморасположение — это обязательное условие.

Таким образом, концептуализация условия безопасности подразумевает два разных пути. Первый состоит в том, чтобы опустить в целях более простого и элегантного описания необходимость умения для условия безопасности. Мы же выбираем второй путь, в соответствии с которым условие безопасности имеет необходимое, но не достаточное условие — умение. Поддерживаемое нами решение удобно выразить с помощью *принципа включенности умения в знание* (PIAK):

(PIAK) *S* знает, что *P*, если в его знание, что *P*, включено такое умение *H*, без которого знание *P* со стороны *S* не было бы надежным.

Однако, если признать, что умение есть необходимое, пусть и не достаточное условие для надежности знания, с какими возможными возражениями мы можем столкнуться?

4. Возражения к PIAK. Наиболее вероятны в этом случае, как нам кажется, следующие три возражения:

Возражение от границы умения. Не всякое действие человека является результатом умения. Некоторые действия спонтанны и не следуют из наших умений. Если я кину камень, и он отскочит от водной глади 10 раз, это будет означать везение. Я не умею так кидать камни в воду. Если я дерну ногой из-за того, что невропатолог проверяет рефлексы молотком, можно сказать, что мои нервные окончания умеют реагировать на внешние раздражители. Однако это не умение в том же самом смысле, что и бег или игра на фортепиано. Аналогичным образом различие визуальных объектов — это 'умение' в кавычках, как и рефлексы либо другие наши автоматические реакции или просто спонтанные действия. Это значит, что во многих случаях знание-что вполне обходится без знания-как.

Такое возражение подразумевает, что можно разделить разные типы способностей людей и затем обосновать, что часть способностей не имеет отношения к знанию-как, однако их достаточно для того, чтобы имело место знание-что. Впрочем, такое различие едва ли возможно. На каком основании способность различать визуальные объекты мы не будем считать умением, в то время как способность водить велосипед будем им считать?

Возможный кандидат — различие на когнитивные и некогнитивные ментальные состояния. Умения всегда основаны на когнитивных состояниях; иными словами, мы можем найти в их основании некоторые интеллектуальные усилия. Восприятие традиционно относится к когнитивным состояниям. Но ведь есть и некогнитивные умения, — скажем, умение кооперации. Может показаться, что умение

кооперироваться с людьми достаточно для того, чтобы получить некоторое знание. При очень общем описании ситуации — это довольно адекватное предположение. Однако знание — это укорененная в практике вещь, поэтому чтобы проверить, есть ли нужда в когнитивных умениях, необходимо проверить последовательность всего пути, по которому проходит информация, чтобы стать знанием. Без когнитивных способностей узнать количество монет, которые лежат на нашей ладони, у нас не получится, так как здесь придется задействовать работу с чувственным восприятием. Поэтому такое различие не срабатывает. Причина этого проста, и она связана с тем, что производство пропозиций — это когнитивный процесс, который всегда включает в себя когнитивные умения. Именно благодаря этим умениям у нас есть возможность получать информацию о мире надежным способом.

Возражение от разных типов умений. Под навыком мы имеем в виду две разные способности. Одна — умение мозга совершать различные операции (распознавать визуальные объекты, выстраивать отношения между ними, проверять надежность визуального опыта и т.д.). Другая — навыки как некоторые научения, не данные нам от природы. Собака может понять, что кот сидит на ковре (и залазать на него), тогда как, чтобы водить велосипед, ей необходимы специальные тренировки (и, по всей видимости, специальный велосипед). У человека все точно так же: он имеет врожденные способности по распознаванию объектов и их пространственных отношений. Однако его умения читать, водить велосипед или пинать мяч не являются врожденными в том же самом смысле. Это другой класс когнитивных умений, который мы и называем знанием-как. В знании о том, что кот сидит на ковре, используются базовые, 'врожденные навыки', тогда как в знании-как — приобретенные.

Но парадигмальные примеры знания-как в литературе не разделяются. Они включают в себя как умение ходить, так и умение играть на пианино [2]. И это не случайно. Провести удовлетворительную границу между врожденными и приобретенными навыками не получится, ведь между ними нет строгой границы. Дети учатся говорить. Генеративная грамматика утверждает, что существуют врожденные языковые структуры. Языки уникальны, и каждый из них — смесь приобретенных и врожденных способностей. Врожденные способности к речи актуализируются по-разному в зависимости от конкретных условий (от разной языковой среды, например). Обычно наши навыки — это гибриды врожденных и приобретенных операций разума. Если брать в пример какие-то чистые типы врожденных навыков, то они не дадут нам искомого различия: умение распознавать объекты вроде котов и ковров есть лишь смесь обучения и врожденных способностей.

Возражение через нередуктивное знание. Знание не может включать в себя умение, если только определенные ментальные репрезентации могут быть знанием, а именно — фактивные ментальные состояния. Надежность и истинность уже включены в такие ментальные состояния в качестве объяснения природы ментального состояния.

В знание не может быть включен навык, поскольку фактивное ментальное состояние нередуктивно. В него нельзя что-то включать, так как такая процедура подразумевает возможность редуктивного анализа.

Вот соответствующий пример. Из-за приема психотропных препаратов Ева постоянно испытывает галлюцинации. Она выходит в коридор, а там кот сидит на ковре. Она смотрит и сомневается. Что если это тоже лишь галлюцинация? Ментальное состояние есть, но оно не надежное. Она зовет надежного в вопросах визуального распознавания среды Адиль³. Он подтверждает, что это кот на ковре. Мы думаем, эпистемологи согласятся, что только после свидетельств Адиль у Евы возникает знание, что кот сидит на ковре. Здесь мы в обоих случаях имеем дело с одной и той же ментальной репрезентацией сидящего на ковре кота, к которой Адиль добавляет еще одну, которая связана с аудиальным выражением свидетельства. Данный пример демонстрирует, что в основе знания-что лежит несколько ментальных репрезентаций: визуальная от кота на ковре и аудиальная от Адиль. Обе репрезентации включены в одно знание. Стоит нам убрать хотя бы одну из них, и знание Евы тут же исчезнет.

Нередуктивная теория предполагает, что за этим примером скрывается одно ментальное состояние, вопреки любым подсчетам. Любые дополнительные ментальные состояния, необходимые для истинности или надежности, — это то, что необходимо для фактивности ментального состояния Евы. Нередуктивная теория знания основана на экстернализме в ментальных состояниях: ментальные состояния включают в себя не только нейроны, но и внешнюю реальность, которая их порождает. Нельзя объяснить ментальное состояние визуального опыта кота без самого кота. Поэтому настоящий кот необходим для ментального состояния.

Граница знания в нередуктивной теории — это ментальное состояние, которому необходимы надежность, истинность, внешняя реальность, о которой сообщает ментальное состояние и соответствующий феноменальный опыт. Ментальный экстернализм в таком случае позволяет связать умение со знанием, аналогично тому, как Тимоти Уильямсон связывает знание с условием безопасности. В его теории условие безопасности служит объяснительной моделью природы знания [14]. Таким образом, принцип PIAK не противоречит нередуктивной теории знания, а является объяснением природы знания в рамках этой теории.

5. Знание-как и философия сознания. Дискуссия о знании-как в аналитической философии образовано противостоянием двух взглядов. Интеллектуализм утверждает, что знание-как — разновидность знания-что. Согласно этому взгляду, в основе любого умения лежат пропозиции (смыслы высказываний, которые могут быть истинными или ложными). Я могу водить велосипед, поскольку мой разум производит истинные пропозиции, вроде следующих: 'если я надавлю на педаль, то скорость повысится' или 'если резко дернуть руль — мне конец'. Без таких пропозиций никакое умение невозможно. Гилберт Райл — автор различения двух видов знаний — полагал, что интеллектуализм является порождением картезианского дуализма, который предполагает, что любое физическое действие агента сопровождается изменениями на ментальном уровне. Другими словами, любое действие человека сопровождается ментальной репрезентацией [1, с. 41]. Подобный дуализм ложен, считал Райл, вместе с его представлениями о необходимости ментальных репрезентаций для любого действия агента. С точки зрения Райла, наиболее важная из мотиваций интеллектуализма не что иное, как

субстанциальный дуализм. В рамках данной теории любое физическое событие, вызываемое сознанием (например, движение руки), должно сопровождаться ментальным событием, которое в субстанциальном дуализме не является физическим. Если рука поднята, значит этому предшествовал некоторый ментальный компонент.

Однако мы не думаем, что субстанциальный дуализм необходимым образом подразумевает интеллектуализм, так как не все, что происходит в головном мозге, обязательно должно иметь ментальное измерение. Более того, мы даже позволим себе предположить, что различение на знание и умение — верный союзник дуализма. В функциональном отношении умение вполне доступно животным, роботам или даже калькуляторам. Тот факт, что умение реализует именно человек, не делает его чем-то принципиально иным по природе. У нас нет хороших оснований считать, что есть значимая метафизическая разница в шахматной игре человека и алгоритма компании Google. Конечно, алгоритм не имеет рук и зрения, чтобы играть в физические шахматы, но это не очень интересное ограничение просто потому, что, с инженерной точки зрения, оно преодолимо.

Назовем это принципом неразличимости умений агентов (PIA):

(PIA) Умение людей и нечеловеческих агентов неразличимы на метафизическом уровне.

Характеристика умений, предложенная в начале нашей статьи, также подтверждает PIA. Приведем характерные примеры подобной неразличимости умения людей и машин:

(1) У машин, как и у людей, возможно определение в успешности реализации умения. Автопилот и человек могут справиться с вождением хуже либо лучше. (2) У машин, как и у людей, умение направлено на достижение практической реализации цели умения. (3) Умение машин, как и умение людей, делает действие в достаточной степени хорошо реализуемым. Данную схему можно расширить дополнительными характеристиками умения, однако это не изменит нашего общего вывода — *умения людей и нечеловеческих агентов не отличаются, пока мы не вводим характеристики, предвосхищающие основание PIA.*

Но зато есть значимая разница между знанием людей и машин. Машины не могут знать пропозиции. Одно из оснований для этого — машины не обладают пониманием. Именно понимание, как нам кажется, играет важную роль в метафизическом различении знания и умения. Знаменитый аргумент китайской комнаты [15] в таком случае можно переформулировать (из аргумента против возможности ИИ) в аргумент против того, что знание и умение — это не разные сущности. Умение не требует ментальных свойств, тогда как для знания они необходимы, ведь без понимания нельзя владеть пропозициями. Справедливо и обратное заключение: машина может обладать умениями, но не может обладать знанием, и это хорошая причина считать, что именно здесь и кроется отличное метафизическое свойство человеческого разума.

Интеллектуализм, в отличие от антиинтеллектуализма, предполагает, что знание и умение — сущности одного порядка. Так что нет никакой значимой метафизической разницы в том, что я знаю, что кот сидит на ковре, и тем, что я умею играть в шахматы. Как следствие, интеллектуализм позволяет ут-

верждать, что между умением и знанием нет также и большой эпистемической разницы. И именно по этой причине интеллектуализм является удобной концепцией для материализма. Разум человека при таком взгляде не будет чем-то особенным в сравнении с разумом слабого ИИ, ведь ИИ уже способен на многое из того, что может разум, а оптимизм материализма в отношении сильного ИИ получит в свое распоряжение весомые основания.

6. Заключение. Предложенный нами анализ умения и знания позволяет установить схему для сущностных различий между знанием и умением в виде меры успешной реализации, условия удовлетворения, различий в путях, которые преодолевает сущность, чтобы обеспечить свое существование. Данная схема позволяет строго различать знание и умение в реальной жизни. На этой основе нами был предложен принцип включенности умения в знание, который объясняет родственность этих явлений. Мы склонны считать, что умение является необходимой, но не достаточной составляющей условия безопасности.

Исходное разделение на знание-что и знание-как было введено в философский оборот для того, чтобы подорвать позиции картезианского дуализма. Однако внимательный анализ позволяет говорить о том, что данное разделение работает скорее в интересах субстанциального дуализма и имеет важного союзника в лице аргумента китайской комнаты. Такое утверждение можно проиллюстрировать действием принципа неразличимости умений у человеческих и нечеловеческих агентов. Ведь в том случае, если умения человека и машины не имеют никаких принципиальных метафизических различий, именно пропозициональное знание становится одной из отличительных характеристик человеческого разума, а не соответствующее ментальное сопровождение умений, отстаиваемое в интеллектуализме. Тем самым, антиинтеллектуалистский взгляд гораздо более приемлем для дуалистов, чем для монистов.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых учёных — кандидатов наук (проект МК-703.2021.2 «Натуралистическая эпистемология агентности и моральной ответственности при разработке и использовании технологий дополненного интеллекта»).

Примечания

¹ Пункт (а) подчеркивает свойство градиентности знания-как и свойство пропозиции быть истинной или ложной. В основе пунктов (б) и (в) лежит метод выделения модусов существования Бруно Латура [3].

² Антиинтеллектуалисты склонны принимать такого рода различие по умолчанию. Разумеется, для интеллектуалистов это является большой проблемой [подробнее об этой дискуссии и защите интеллектуалистов см.: 4].

³ Допустим, что у нашей Евы могут быть только визуальные галлюцинации, так что любая речь, которую она слышит, вполне достоверна для ее восприятия.

Библиографический список

1. Райл Г. Понятие Сознания. Москва: Идея-Пресс, 1999. 408 с.
2. Pavese C. Knowledge How // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/>

entries/knowledge-how/ (дата доступа: 23.09.2022).

3. Latour B. An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013. 520 p.
4. Pavese C. Know-How and Gradability // The Philosophical Review. 2017. Vol. 126, № 3. P. 345–383. DOI: 10.1215/00318108-3878493.
5. Pavese C. Skill in Epistemology I: Skill and Knowledge // Philosophy Compass. 2016. Vol. 11, № 11. P. 642–649. DOI: 10.1111/phc3.12359.
6. Glick E. Two Methodologies for Evaluating Intellectualism // Philosophy and Phenomenological Research. 2011. Vol. 83, № 2. P. 398–434. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2010.00438.x.
7. Stanley J., Williamson T. Knowing How // The Journal of Philosophy. 2001. Vol. 98, № 8. P. 411–444. DOI: 10.2307/2678403.
8. Zagzebski L. T. Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. Cambridge University Press, 1996. 384 p.
9. Sosa E. A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge. Oxford: Clarendon Press, 2007. Vol. 1. 149 p.
10. Greco J. Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 205 p.
11. Goldman A. I. Discrimination and Perceptual Knowledge // The Journal of Philosophy. 1976. Vol. 73, № 20. P. 771–791. DOI: 10.2307/2025679.
12. Miracchi L. Competence to Know // Philosophical Studies. 2015. Vol. 172, № 1. P. 29–56. DOI: 10.1007/s11098-014-0325-9.
13. Goldman A. I. Epistemology and Cognition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. 437 p.
14. Williamson T. Probability and Danger // The Amherst Lecture in Philosophy. 2009. № 4. P. 1–35. URL: <http://www.amherstlecture.org/williamson2009/> (дата доступа: 23.09.2022).
15. Searle J. R. Minds, Brains, and Programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3, № 3. P. 417–424. DOI: 10.1017/S0140525X00005756.

ДЁМИН Тимофей Сергеевич, ассистент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»), г. Санкт-Петербург.

SPIN-код: 7840-6239

AuthorID (РИНЦ): 1085223

ORCID: 0000-0002-0973-2756

Адрес для переписки: detimofei@gmail.com

ФРОЛОВ Константин Геннадьевич, кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва; научный сотрудник кафедры философии СПбГЭТУ «ЛЭТИ», г. Санкт-Петербург.

SPIN-код: 9451-4789

AuthorID (РИНЦ): 962834

ORCID: 0000-0002-9071-6138

AuthorID (SCOPUS): 57195775419

ResearcherID: Q-2302-2016

Адрес для переписки: kgfrolov@etu.ru

Для цитирования

Дёмин Т. С., Фролов, К. Г. Знание-что, знание-как, сознание и искусственный интеллект // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 102–109. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-102-109.

Статья поступила в редакцию 09.12.2022 г.

© Т. С. Дёмин, К. Г. Фролов

¹Saint Petersburg Electrotechnical
University «LETI»,
Saint Petersburg, Russia²HSE University,
Moscow, Russia

KNOWLEDGE-THAT, KNOWLEDGE-HOW, CONSCIOUSNESS AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The article is devoted to the discussion about the relationship between knowledge and skill. This discussion arose within the critique of dualism. It is believed that dualism presupposes an intellectualism in which knowledge-how always derived from knowledge-that. The article proposes a method of distinguishing knowledge-how and knowledge-that through characteristic properties. This method allows us to draw a strict boundary between the two types of knowledge. This is followed by an explanation of the relationship between the two types of knowledge through the inclusion of knowledge-how as a necessary but not sufficient condition for knowledge-that. In the final part of the article, the principle of indistinguishability of knowledge-how among different agents is introduced, on the basis of which it is argued that the division into knowledge-how and knowledge-that works in the interests of dualism, and not vice versa, as supposed by Gilbert Ryle. This division makes sense in light of the Chinese room argument and the demonstration of the difference between humans and weak artificial intelligence.

Keywords: epistemology, knowledge-that, knowledge-how, skill, artificial intelligence.

Acknowledgments

The work is supported by a grant of the President of the Russian Federation (project MK-703.2021.2 «Naturalistic epistemology of agency and moral responsibility in the development and use of augmented intelligence technologies»).

References

1. Ryle G. *Ponyatiye Soznaniya [The Concept of Mind]*. Moscow, 1999. 408 p. (In Russ.).
2. Pavese C. Knowledge How // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/knowledge-how/> (accessed: 23.09.2022). (In Engl.).
3. Latour B. *An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013. 520 p. (In Engl.).
4. Pavese C. Know-How and Gradability // *The Philosophical Review*. 2017. Vol. 126, no. 3. P. 345–383. DOI: 10.1215/00318108-3878493. (In Engl.).
5. Pavese C. Skill in Epistemology I: Skill and Knowledge // *Philosophy Compass*. 2016. Vol. 11, no. 11. P. 642–649. DOI: 10.1111/phc3.12359. (In Engl.).
6. Glick E. Two Methodologies for Evaluating Intellectualism // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2011. Vol. 83, no. 2. P. 398–434. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2010.00438.x. (In Engl.).
7. Stanley J., Williamson T. Knowing How // *The Journal of Philosophy*. 2001. Vol. 98, no. 8. P. 411–444. DOI: 10.2307/2678403. (In Engl.).
8. Zagzebski L. T. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. Cambridge University Press, 1996. 384 p. (In Engl.).
9. Sosa E. *A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge*. Oxford: Clarendon Press, 2007. Vol. 1. 149 p. (In Engl.).
10. Greco J. *Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 205 p. (In Engl.).
11. Goldman A. I. Discrimination and Perceptual Knowledge // *The Journal of Philosophy*. 1976. Vol. 73, no. 20. P. 771–791. DOI: 10.2307/2025679. (In Engl.).
12. Miracchi L. Competence to Know // *Philosophical Studies*. 2015. Vol. 172, no. 1. P. 29–56. DOI: 10.1007/s11098-014-0325-9. (In Engl.).
13. Goldman A. I. *Epistemology and Cognition*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. 437 p. (In Engl.).
14. Williamson T. *Probability and Danger* // *The Amherst Lecture in Philosophy*. 2009. No. 4. P. 1–35. URL: <http://www.amherstlecture.org/williamson2009/> (accessed: 23.09.2022). (In Engl.).
15. Searle J. R. *Minds, Brains, and Programs* // *Behavioral and Brain Sciences*. 1980. Vol. 3, no. 3. P. 417–424. DOI: 10.1017/S0140525X00005756. (In Engl.).

DEMIN Timofey Sergeevich, Assistant of Philosophical Department, Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI» (ETU LETI), Saint Petersburg.
SPIN-code: 7840-6239
AuthorID (RSCI): 1085223
ORCID: 0000-0002-0973-2756
Correspondence address: detimofei@gmail.com
FROLOV Konstantin Gennadyevich, Candidate of Philosophical Sciences, Researcher at the International

Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy,
HSE University, Moscow; Researcher of Philosophy
Department, ETU LETI, Saint Petersburg.
SPIN-code: 9451-4789
AuthorID (RSCI): 962834
ORCID: 0000-0002-9071-6138
AuthorID (SCOPUS): 57195775419
ResearcherID: Q-2302-2016
Correspondence address: kgfrolov@etu.ru

For citations

Demin T. S., Frolov K. G. Knowledge-that, Knowledge-how, consciousness and artificial intelligence // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 102–109. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-102-109.

Received December 09, 2022.

© T. S. Demin, K. G. Frolov

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ СНАЧАЛА-ЗНАНИЯ И РЕЛАЙАБИЛИЗМ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ КРИСТОФА КЕЛПА

В статье рассматривается предложенный Кристофом Келпом проект эпистемологии, который сочетает в себе подходы сначала-знания Тимоти Уильямсона и релейабиллизма добродетелей Эрнеста Сосы. Приводятся аргументы в пользу позиции, согласно которой теория компетенций Келпа является вполне продуктивной и в существенной степени самостоятельной эпистемологической концепцией. Она позволяет нам строить специальные эпистемологии и анализировать компетентность нечеловеческих акторов.

Ключевые слова: эпистемология сначала-знания, эпистемология добродетелей, релейабиллизм, Кристоф Келп, теория компетенций.

1. Будущее эпистемологии. Являясь одной из наиболее активно развивающихся за последние полвека областей философии, эпистемология сегодня способна предложить множество исследовательских программ и теоретических подходов к решениям фундаментальных проблем и практических задач познания. Наследие эпистемологии включает в себя множество подходов, связанных с именами знаменитых философов (Платон, Аристотель, представители античного скептицизма, Декарт, Локк, Кант и другие яркие фигуры)¹. Однако современные эпистемологические теории тоже не стоят на месте, они так же способны предоставить широкие основания для различных форм эпистемологического исследования. В своих рассуждениях о прошлом, настоящем и будущем эпистемологии Стивен Хезерингтон не так давно, всего лишь десять лет назад, достаточно прозорливо обозначил наиболее важные направления ее будущего развития. В статье *Epistemology's Future Here and Now* [3] он говорит о пяти ключевых идеях: (1) идее надлежащей функции как развития релейабиллистской идеи эпистемической надежности; (2) идее эпистемологии добродетели; (3) идее связи между практиками и эпистемическими феноменами (например, знанием); (4) идее контекстуализма; (5) идее эпистемологии сначала-знания².

Среди перечисленных идей сразу же бросаются в глаза две исследовательские программы, которые на деле так или иначе взаимодействуют с остальными перечисленными идеями — эпистемология сначала-знания и эпистемология добродетелей, которые, при желании, можно противопоставить друг другу в ряде аспектов. Эпистемология сначала-знания ассоциируется с Тимоти Уильямсоном и его исследовательскими интересами, которые тяготеют к поискам решений фундаментальных теоретических вопросов, нередко посредством обращения к формализации и эпистемической логике. В противовес этому в эпистемологии добродетелей больше чувствуется дух парламентаризма как в плане авторитетов, так и спектра рассматриваемых тематик, а формализация у теоретиков интеллектуаль-

ных добродетелей встречается куда реже. Несмотря на возможность такого противопоставления, в целом сторонники обоих подходов активно обсуждают отдельные вопросы и обмениваются идеями.

И, поскольку современная эпистемология предоставляет невероятно широкий спектр актуально действующих исследовательских программ, кажется вполне закономерным решение взять лучшее от нескольких подходов, совместив их в форме своего рода гибридной эпистемологии. Несомненно, можно найти немало примеров таких подходов, но, на наш взгляд, особенно интересен пример гибридной эпистемологии Кристофа Келпа, которая, с одной стороны, предлагает самостоятельно значимую теорию компетенций, а с другой стороны, позволяет лучше понять перспективы эпистемологической гибридизации в целом.

2. Релейабиллизм добродетелей Келпа. Свой гибридный подход Келп называет сначала-знание релейабиллизмом добродетелей (*knowledge first virtue reliabilism*)³ [5, p. 65–81] или, в более ранней и широкой формулировке — сначала-знание эпистемологией добродетелей (*knowledge first virtue epistemology*) [6]. Здесь сочетаются две экстерналистские⁴ эпистемологические теории — эпистемология сначала-знания и релейабиллизм добродетелей.

Обозначим сразу же явные точки, позволяющие сблизить эти подходы. Поскольку для Уильямсона знание является наиболее общим ментальным состоянием, то вполне ясна его связь с надежностью когнитивного процесса и, следовательно, с любыми вариациями релейабиллистских подходов к эпистемологии. Прямое сходство сначала-знания и релейабиллизма добродетели состоит в представлении о связи знания (эпистемических феноменов) с действиями. Так, для сравнения Келп пишет о том, что, согласно самой обсуждаемой версии релейабиллизма добродетели, эпистемическая нормативность — это вид более общей перформативной нормативности (*performance normativity*) [5, p. xvii]. Уильямсон же проводит аналогию между знанием и интенциональным действием; он указывает, что

условия обладания знанием сильно коррелируют с условиями совершения (perform) определенного действия, а само знание играет серьезную роль в причинных объяснениях наших действий [7, р. 8, 88]. Не лишним будет также отметить и то, что визитной карточкой релейабиллизма добродетелей стала аналогия Эрнеста Сосы, где успех в достижении знания уподобляется успеху лучника, попадающего в цель [8, р. 4]. Собственно, подход Сосы и есть 'самая обсуждаемая версия релейабиллизма добродетели', на которую ориентируется Келп, ведь для него убеждение — это вид действия (performance), способного достигать различных уровней успеха [8, р. 1, 43–46].

Однако стоит заметить, что в своей статье *How To Be a Reliabilist*, предшествовавшей книге, Келп указывал, что рассматривает эпистемологию добродетели как способ разрешения классических проблем процессуального релейабиллизма. На наш взгляд, наиболее характерной является его фраза о том, что добродетели нужны для того, чтобы иметь возможность использовать надежные когнитивные процессы по существу [9, р. 347]. В других же аспектах его близость эпистемологии добродетелей выражается в том, что он не концентрируется вокруг вопросов дефиниции знания или решения случаев Геттиера, вместо этого самым важным признается вопрос хорошего мышления. Тем не менее нельзя не заметить, что при этом фундамент его подхода — это посылка эпистемологии сначала-знания и теория компетенций (интеллектуальной добродетели и обоснованного убеждения).

Для Келпа мышление — это процесс формирования убеждений, в которых мы 'застываем', поскольку прекращение формирования убеждений не избавляет нас от уже сформированных (авторский пример состоит в том, что убеждения, сформированные посредством зрения, не исчезают, когда мы закрываем глаза, — в этом случае мы лишь не формируем какое-то время новых убеждений). И даже если мышление в целом затрагивает не только вопросы об убеждениях, то вопрос о хорошем мышлении, пусть и не сводится, однако сильно зависит от стандартов обоснованного убеждения. Сами же убеждения понимаются как основание для действий, что несколько отличает позицию сначала-знания релейабиллизма добродетелей от вышеизложенной позиций теоретических прагматиков.

Для Келпа успешное действие в большей степени возможно, если оно совершается исходя из верных убеждений или хорошего мышления. Любое же осмысленное действие в таком контексте так или иначе совершается исходя из убеждений. По этой причине эпистемология и хорошее мышление имеют практическое значение. Келп приводит такого рода пример, проясняющий связь хороших (плохих) убеждений с успешными (неуспешными) действиями: допустим, что вы недавно переехали в Шотландию и по недоразумению убеждены, что столица Шотландии — Глазго; вам нужно зарегистрироваться в консульстве в столице; исходя из плохого убеждения, вы тратите время и деньги на то, чтобы добраться в Глазго, а не в Эдинбург, а ваше целевое действие (зарегистрироваться в консульстве) оказывается неуспешно [5, xiii]. Несомненно, этот пример Келпа очень сильно переключается с рассказом Сократа о путешествии в город Лариса и Дедаловых статуях, которое можно найти в *Меноне* [10]. Там рассматривается вопрос,

чем отличается знание о том, как добраться до этого города, от просто правильного предположения? Интересно здесь то, что Сократ связывает хорошее мышление с хорошими и правильными действиями, а также отстаивает своего рода эпистемический градуализм⁵, когда говорит, что как знание, так и истинное мнение ведут к правильным действиям, но 'устойчивость' и 'связанность' делают знание более предпочтительным. Сам же пример можно понять таким образом, что плохие убеждения попросту мешают совершать целевые действия, а до города Лариса по случаю можно дойти и случайно, однако знание маршрута, карта или хорошие предположения более надежны.

В целом, общий методологический каркас теории Келпа существенным образом наследует дух релейабиллизма добродетелей, а поэтому имеет место ориентированность на практику, ведь главные категории его эпистемологии — это хорошее (обоснованное) убеждение и успешное действие, где одно имеет значение в связке с другим. Собственно, добродетель — это познавательная способность, которая связывает эти категории. Но, в отличие от обычного релейабиллизма добродетели, эпистемическая добродетель для Келпа раскрывается не через способность к формированию истинного мнения, а через способность знать.

При сравнении своего проекта с другими версиями релейабиллизма Келп подчеркивает, что его идея имеет определенные преимущества: она позволяет избежать больше случаев Геттиера, дилемму безопасности, проблему нового злого демона, контраргумент ясновидения и парадокс лотереи. Соответственно, сначала-знание релейабиллизм добродетелей легитимизируется перед эпистемологами, как способ решить вышеобозначенные проблемы, но в более широком смысле Келп предлагает комплексную теорию анализа связи успешности актов и действий с качеством убеждений действующего субъекта.

Выбор знания как базового эпистемического концепта открывает для Келпа интересную опцию. Так, в редуктивном анализе знания как формы мнения, обоснование, как правило, входит в структуру знания — в число необходимых и достаточных условий, чтобы его достигнуть. В такой оптике теория обоснованного убеждения представляет собой часть теории знания. Отсюда следует представление о том, что знание всегда предпочтительней обоснованного убеждения. Более того, чтобы такой анализ не получался круговым, концепт обоснования не должен объясняться через знание, что может пониматься как контринтуитивное ограничение, поскольку в обычной жизни знание и апелляция к нему — это отличный способ демонстрации обоснованности своей позиции.

Чтобы это прояснить, рассмотрим такой пример. Проснувшись утром в наглухо зашторенной комнате, я смотрю время на телефоне и составляю *обоснованное убеждение* о том, что на улице светло, поскольку *знаю*, что сейчас двенадцать часов дня. Подобную вполне ординарную ситуацию при редуктивном анализе знания придется пересмотреть так, чтобы слово 'знаю' не участвовало в объяснение того, как обоснованно мое мнение. Допустим, ситуация может быть проинтерпретирована так: исходя из предположения здравого смысла о том, что мой телефон нормально функционирует и правильно показывает время и в двенадцать часов обычно светло, я обосновываю своё убеждение, что

на улице светло, процедурой разумного рассуждения. Звучит неплохо, но контринтуитивность такого описания состоит в том, что это теоретическая реконструкция, в рамках которой фактическая обоснованность просто переописывается необходимым образом. Соответственно, преимущество эпистемологии сначала-знания Уильямсона состоит хотя бы в том, что подобная ординарная ситуация может быть принята с более экономным описанием, без реинтерпретации и дополнения фактически произошедшего. Иначе говоря, сначала-знание дает простой язык описания для простых ситуаций, не лишая нас сложного языка для сложных случаев.

Итак, выше мы установили, что в рамках своего проекта сначала-знание релейабиллизма добродетелей Келп формулирует и нормативный стандарт обоснованного убеждения, и нормативный стандарт знания. Разберемся последовательно, что они собой представляют и как между собой связаны.

3. Теория компетенций или обоснованного убеждения. В первую очередь рассмотрим, как в сначала-знание релейабиллизма добродетелей формулируется *норма обоснованного убеждения*. Согласно Келпу, субъект обоснованно убежден в P , только и только если компетентно убежден в P . То есть обоснованное убеждение — это *компетентное убеждение* [3, р. 68]. Стоит сразу заметить, что компетенции в данном случае — это и есть эпистемические добродетели. Фактически под эгидой эпистемологии добродетелей Келп здесь проводит тройное отождествление: сначала добродетели с компетенцией, а после и с обоснованным убеждением.

Компетентное убеждение понимается следующим образом: субъект компетентно убежден в P , только и только если убеждение сформировано проявлением (exercise) способности знать пропозицию в области R относительно условий C , где P принадлежит области R ($P \in R$).

Но что значит *проявлять способность*? Субъект проявляет способность A знать пропозицию в области R относительно условий C , только и только если обладает (умеет) A и формирует убеждения согласно способу формирования убеждений, который предполагается A .

Чем же тогда является *способность A знать пропозицию*? Субъект знает пропозицию в области R относительно условий C , только если имеет основательный (grounded) способ формирования убеждений W (т.е. систематический способ вывода убеждений из имеющихся данных); используя W в условиях C , субъект формирует осведомленные убеждения, которые квалифицируются как знание (knowledgeable belief), относительно каждой пропозиции P , принадлежащего области R ($P \in R$).

Таким образом, чтобы быть обоснованно убежденным или компетентным с точки зрения сначала-знание релейабиллизма добродетели, необходимо выполнение следующего комплексного условия: *субъект компетентно убежден, если он формирует убеждение тем способом, который подразумевает надежной способностью, позволяющей в имеющихся условиях формировать убеждения относительно конкретной предметной области, а сами эти убеждения квалифицируются как знание*. Например, чтобы быть компетентно убежденным в том, как добраться до города Лариса или столицы Шотландии, исходя из вышеприведенного анализа, необходимо совершить следующие познавательные действия: (1) для начала стоит определиться с пред-

метной областью, коей в данном случае оказывается всё, что касается маршрутов для перемещения из одной географической точки в другую; (2) далее нам нужно найти надежную способность, исходя из имеющихся условий. Если мы имеем в виду самую обыденную ситуацию, то такой способностью оказывается чтение карты, если в текущих условиях карта нам доступна; (3) читая карту, мы формируем убеждения о том, как добраться в искомый город и, если наши убеждения квалифицируются как знание, то мы компетентны. На этом этапе стоит вернуться к сократовскому градуализму (и в известном смысле модифицировать идею Хезерингтона), поскольку убеждение может в *разной степени* квалифицироваться как знание (с разной степенью ясности демонстрировать знания). Исходя из этого мы можем говорить и о разной степени компетенций. Так, обычный человек, читающий карту, может обладать некоторой степенью компетенции в вопросе о том, как попасть в искомый город, тогда как кто-то другой, обладающий серьезными фоновыми познаниями в области географии и топологии, может судить более компетентно, предложить лучший и более оптимальный маршрут, поскольку он обладает большим спектром (более) надежных способностей. Интересно обратить внимание и на то, что обычный человек может, скажем так, делегировать процесс формирования убеждения алгоритму приложения, которое работает с данными географической карты. И здесь возникает вопрос, можно ли в таком случае говорить о компетенции нечеловеческого актора?

4. Понимание и компетенции нечеловеческих акторов. На данном этапе идея Келпа представляет собой экстерналистскую теорию компетенций — это значит, что компетентность субъекта зависит не только от персонального проявления или изучения способности (что является интерналистским аспектом), но и от того, насколько способность в объективном смысле позволяет на основе релевантных данных формировать убеждения, которые ведут к успешным действиям. В этой связи возникает интересное следствие, компетенции в таком смысле — это также компетенции программы принимать и отбирать релевантные данные, давать релевантное решение (например, компетенции программы по решениям квадратных уравнений распознавать квадратные уравнения и решать их). Разница, пожалуй, лишь в том, что мы считаем, что человек обладает значительно более широкими возможностями к изменению, ревизии, оценке и пересмотру алгоритмов познания и действий.

В таком виде теория компетенций Келпа сочетается даже с концепцией знания без субъекта познания Карла Поппера [12]. В пользу этого говорит следующее: во-первых, субъект в случае теории компетенции Келпа — это по большей степени просто пользователь познавательной способности (актор), следовательно, это не значит, что субъектом не может быть животное или технический актор; во-вторых, 'убежденность в P ' может тогда пониматься как принятие/непринятие P в функционалистском духе, что значит осуществление некоторой функции актора по отношению к явлению внешнего мира, которая не обязательно должна сопровождаться опытом феноменального сознания (он может быть ассоциирован с убежденностью в обычном смысле) [13, с. 53–68]. Собственно, мысль о возможности компетенции без понимания можно найти у Дэниела Деннета [14, с. 149,

273–274]. Проект же Келпа в целом не задействует концепт понимания, однако, как нам видится, понимание может быть либо способом процесса формирования убеждения, либо частью такого процесса. Согласно Линде Загзебски, понимание представляет собой состояние постижения непропозициональных структур реальности [15, р. 242]. И, на наш взгляд, нет никаких препятствий к тому, чтобы рассматривать понимание как когнитивный контакт с непропозициональными структурами действительности. Если вернуться к примеру с чтением карты, то можно отметить, что часть причин, почему профессиональный топограф лучше может построить путь до искомого города, состоит в том, что он лучше понимает особенности предметной области, то есть ему присуща такая степень когнитивного контакта с ней, когда он схватывает вещи, которые трудно выразить пропозиционально. В качестве хорошей иллюстрации процесса формирования убеждений, явно связанного с пониманием в вышеизложенном смысле, можно назвать профессиональную интуицию.

И вот теперь можно сформулировать идею Келпа как *норму компетенции (обоснованного убеждения) нечеловеческого актора*: актер компетентно осуществляет функцию, если эта функция реализуется тем способом, который подразумевается надежным алгоритмом, позволяющим в имеющихся условиях осуществлять функцию относительно конкретной предметной области, которая квалифицируется как знание в смысле попперианского третьего мира. Например, если мы говорим о машине Тьюринга, то знанием в попперианском смысле будут отчеты о её состояниях. Здесь же стоит заметить, что теория компетенций Келпа в отрыве от дальнейшего сочетания с эпистемологией сначала-знания совместима с фаллибилистским стандартом знания — то есть, на текущем уровне компетенции совместимы с ошибкой. Например, вычислительная функция машины может считаться надежной и компетентной, даже если относительно некоторых условий алгоритм не позволяет выполнять эту функцию, — допустим, она не распознает некоторые формы записи (аналогичным образом дело обстоит и с человеком).

Отдельно стоит указать на то, что условие 'убеждения, которое квалифицируется как знание', имеет хорошие перспективы в качестве инструментального критерия, применимого к различным сферам человеческой деятельности в ходе социологического или социально-философского анализа. Мы можем говорить об убеждениях, которые квалифицируются как знание в отдельных науках (тем самым ориентируясь на представления, существующие среди ученых) или профессиях (анализируя рыночные ожидания от соискателей той или иной вакансии). Иначе говоря, помимо общей эпистемологии в рамках теории Келпа возможна также и специальная эпистемология (например, теория знания в физике, экономике, психологии и т.д.), которая может прояснить *фактические* эпистемические нормы в рамках отдельных сфер познания и деятельности.

Тем не менее такая теория компетенций (теория обоснованного убеждения) накладывает определенные ограничения на теорию знания: (1) поскольку эпистемическая надежность и добродетели уже 'защиты' в нее в виде понятия компетенции, то концепция знания уже не может быть релейабилитской или аретической (в противном случае знание и обоснованное убеждение будут просто

сводимы друг к другу); (2) поскольку в нормативном стандарте обоснованного убеждения уже учтены контекстуальные критерии имеющихся условий и релевантной предметной области, во избежание логического круга они также не могут быть использованы в составлении дальнейшей концепции знания; (3) самый же важный момент заключается в том, что из-за условия квалификации убеждения как знания теория компетенций Келпа всё-таки требует опоры на некоторую концепцию знания. Однако не менее важно и то, что пункт (3) легко поддается корректировке, поскольку знание — это вид эпистемического достижения или блага, то теоретически его можно заменить чем-то другим, скажем, более фундаментальным или инструментально подходящим. Например, нетрудно представить специальную теорию компетенций, которая бы включала условие 'убеждения, квалифицирующегося как мудрость'.

5. Теория сначала-знания Келпа. Выше была рассмотрена часть проекта Келпа, связанная с релейабилитизмом добродетели, перейдем же теперь к той ее части, которая включает в себя сначала-знание. *Норма знания* в сначала-знание релейабилитизме добродетелей формулируется следующим образом: субъект знает *P*, если и только если есть убеждение о том, что *P* уместно. Или, если сформулировать это немного иначе, субъект знает тогда и только тогда, когда обладает подходящим убеждением (*apt belief*).

Подходящим убеждение является только в том случае, если оно (1) успешно, (2) компетентно и (3) удовлетворяет ситуативным условиям проявления способности знать. Второе условие компетентного убеждения уже было описано нами выше. Первое условие успешного убеждения состоит в следующем: убеждение успешно тогда и только тогда, когда квалифицируется как знание. Что же касается третьего условия, то, согласно Келпу, проявление способности возможно лишь в подходящих ситуативных условиях. Для примера возьмем уже знакомую ситуацию, где машина не распознает форму записи, — её можно понять как невыполнение ситуативных условий; если моя задача в том, чтобы записать в программу уравнение и получить ответ, я должен буду учесть ситуативное условие — то, какие формы записи распознает программа.

Исходя из этого, Келп формулирует концепцию *исследовательского успеха*: субъект успешно продвигается в исследовании, если и только если он компетентен и удовлетворяет ситуативные условия проявляемой способности. На основании различий в определении задач и процесса исследования Келп выделяет обычную и собственную версию релейабилитизма добродетелей. Так, обычный подход ассоциирован с пониманием успешного исследования как достижения истинного мнения, где субъект достигает успеха исследования *P* в момент времени *t*, если и только если в момент времени *t* субъект обладает истинным мнением о *P*. Идея Келпа обладает схожей структурой: субъект достигает успеха в исследовании *P* в момент времени *t*, если и только если в момент времени *t* субъект обладает убеждением, основанном на осведомленности о *P* (т.е. убеждением, которое квалифицируется как знание) [5, р. 94].

Чтобы прояснить преимущество своего подхода, Келп предлагает следующий мысленный эксперимент. Частного детектива нанимают, чтобы расследовать, не является ли кто-то из семьи нанимателя убийцей его жены. У дяди нанимателя есть веские

мотивы, более того, он в этом сам признается. На данном основании детектив делает вывод, что член семьи нанимателя действительно является убийцей. После этого он уезжает в отпуск и не застает того момента, когда становится известно, что у дяди нанимателя есть неопровержимое алиби. Тем не менее истинным является то, что убийца — это член семьи нанимателя (просто это — не дядя). Таким образом, имеет место классический случай Геттиера, построенный на принципе дедуктивной замкнутости, где из ложного убеждения выводится истинное, а единственным обоснованием истинного убеждения служит сама операция вывода [16]. Получается, что истинное мнение, хоть и достигнуто, но очень слабо связано с успешностью исследования (расследования нашего детектива).

Для Келпа разрыв между истинным мнением и процессом исследования важен в контексте условия освобождения от обязательств, в соответствии с которым, если мы достигли успеха в исследовании или практике с понятной и простой целью, мы освобождаемся от всех обязательств по достижению этого успеха. В приведенном примере детектив освобождается от обязательств дальнейшего расследования либо ревизии расследования по той причине, что он достиг истинного мнения. По критерию же Келпа детектив не освобождается от обязательств, так как его убеждение не квалифицируется как знание, ведь оно не основано на осведомленности детектива о ситуации. Соответственно, в противовес веритизму некоторых эпистемологов добродетели [подробнее см.: 17], Келп показывает, что знание является более предпочтительным результатом исследования, нежели сама истина.

Другой аргумент Келпа против обычного релейабилитета добродетелей и редуктивного подхода к знанию связан с представлением о прогрессе в исследовании или реализации практик с простыми целями. Допустим, что t_1 — это момент времени, когда детектив считает убийцу дядей нанимателя. После отпуска в момент времени t_2 он возвращается домой, узнает о неопровержимом алиби дяди и отказывается от убеждения (пусть даже и истинного), что убийцей является член семьи. Согласно Келпу, между t_1 и t_2 имеется прогресс в исследовании — детектив приближается к знанию, ведь, исключая ложное решение, он уменьшает количество незнания о деле. Проблема с простой ориентации на истину заключается в контринтуитивном следствии, что в данном случае, наоборот, имеет место регресс (уход от истинного убеждения). Стоит заметить, что релейабилитисты вряд ли посчитали бы случайно истинные успехи в исследовании, но, так или иначе, здесь возникает проблема, связанная с тем, что случайно истинное мнение в таком контексте, видимо, все же лучше, чем отсутствие мнения или ложное убеждение, являющиеся частью прогресса в исследовании (например, в момент времени t_2 детектив может считать, что убийца — это член семьи, поскольку нет свидетельств в пользу других людей, помимо дяди). Если же конечная цель исследования — это знание, то, как и ложное убеждение, так и отвергнутое случайно достигнутое истинное мнение, в отдельный момент времени могут быть ступенями в процессе познания, которое является восхождением к знанию.

Здесь аргумент Келпа можно дополнить. Представим себе шкалу, где 0 является началом исследования, а 1 — его успешным завершением, связанным с достижением знания либо неслучайного

истинного и компетентного убеждения. Например, в позиции 0,5 взгляд исследователя случайным образом является истинным убеждением. С обычной точки зрения, если исследователь обоснованно откажется от этого убеждения, он перейдет на позицию 0,4 или даже ниже (так как окажется на большем расстоянии от цели неслучайного истинного мнения); однако, с точки зрения сначала-знание релейабилитета добродетелей, — обоснованный отказ позволит ему перейти на позицию 0,6 или даже выше. В оптике Келпа любая позиция в диапазоне до 0,5 — это ситуация, в рамках которой способ формирования убеждений не соответствует имеющимся условиям, поскольку он не ведет к убеждениям, квалифицируемым как знание; следовательно, переход на позицию после 0,5 окажется действием, связанным с корректировкой способа формирования убеждений. Так, когда детектив после своего отпуска узнает, что важный элемент диспозиции в рамках общей картины преступления был им упущен (а именно факт наличия неопровержимого алиби дяди), он понимает, что способ, с помощью которого он не принял во внимание данный элемент, требует корректировки (например, в виде осознания того, что наличие мотива и признания не позволяют расследовать такого рода преступления в имеющихся условиях). Вполне представимо, что детектив может быть недостаточно компетентен, чтобы осуществить дальнейший прогресс в расследовании, скорректировав метод так, чтобы он лучше подходил данному делу и диспозиции. Это важный момент, поскольку он дополнительно проясняет идею эпистемических компетенций как способности совершать последующие шаги в исследовании, реагируя на необходимость корректировки способа исследования в сторону более подходящего.

Эпистемология сначала-знания — это действительно хорошая основа для теории компетенций Келпа, так как она позволяет выстроить теорию познания и достижения хорошего мышления, которая избегает, как минимум, многих случаев Геттиера. Стоит заметить, что в рассуждениях о целях исследования прослеживается критика взглядов, в явном виде представленных у Стивена Хезерингтона с его идеей минимального знания [11] или у Криспина Сартвелла, предложившего понимать знание просто как истинное мнение, которое является для нас целью исследования⁶ [19]. Следовательно, не важно, как прошло исследование, если цель достигнута. Аргумент Келпа показывает, что достижение истинного мнения не всегда будет достойным завершением исследования и достижением его цели. Более того, вполне возможно, оно никогда и не будет нами достигнуто, ведь знание, подразумевающее настройку способа формирования убеждений, а также прогресс в исследовании, является более реалистичной и отвечающей нашим ожиданиям эпистемической нормой, ориентиром академического или научного исследования. Помимо же прочего, в проекте Келпа соблюдается принцип похвалы (credit) — особенность знания и других эпистемических достижений в том, что они заслуживают похвалы⁷. С точки зрения Сосы, эпистемологию добродетелей в целом можно сформулировать как подход, в соответствии с которым знание — это успешное достижение, достойное похвалы и доверия [8, р. 86–90].

Вероятно, в какой-то степени исследование, ориентированное на истинное мнение, может получить защиту. Например, представим себе ситуацию

из фильмов ужасов, когда человек просыпается в зловещем незнакомом помещении, и его цель — покинуть это помещение. С одной стороны, здесь действие (покинуть помещение) напрямую связано с исследованием (поиском выхода); с другой стороны, если истинное мнение будет достигнуто случайно (человек просто наугад выбьет дверь, которая ведет на улицу), то подобный результат будет вполне удовлетворительным результатом исследования в рамках столь экстремальной ситуации. В подобной ситуации нельзя было бы говорить о знании, однако трудно считать такой вариант развития событий неудовлетворительным. Собственно, здесь мы снова возвращаемся к мысли Сократа о том, что в смысле простых практических нужд истинное мнение может быть столь же полезно, как и знание. Однако в тех случаях, когда мы говорим не только о науке, но хотя бы о повторяющихся практиках (допустим, человека из нашего примера похищают каждый месяц и он вынужден регулярно выбираться из зловещих зданий), то именно в них систематичность и точность знания становится очевидным преимуществом. Успешное действие в экстремальной ситуации трудно было бы назвать регулярным, а значит, и эпистемическая сторона здесь не так важна, Келпа же и эпистемологов добродетели интересуют регулярные действия. Поэтому, если речь идет не о достижении единичного успеха, для нас важна связь успешных поступков с хорошим мышлением и убеждениями, которые его составляют⁸.

6. Заключение. Когда мы говорим о 'гибридных эпистемологиях', то интуитивно представляем себе сочетание, как минимум, двух подходов, в котором 'гибрид' сохраняет их узнаваемые черты, но при этом не может быть с легкостью разложен на отдельные составляющие. Сначала-знание релейабиллизма добродетелей Келпа представляет собой, на наш взгляд, иной случай: здесь скорее мы имеем дело с двумя вполне различимыми частями конструкции — релейабиллистской теорией компетенций и методологией сначала-знания. Стоит заметить, что конструктивная метафора в этом случае не должна пониматься как указание на тот факт, что эту конструкцию легко разрушить, просто разложив на части и материалы, из которых она собрана. Иначе говоря, приведенный выше анализ не стоит интерпретировать как критику. Наоборот, на наш взгляд, именно в таком виде конструкция Келпа является устойчивой, хотя и бросается в глаза, что ее основа — это теория компетенций, в то время как сначала-знание выступает важным дополнением. Поэтому, как нам кажется, теории компетенций Келпа следует рассматривать в качестве самостоятельного подхода, имеющего инструментальные и прагматические преимущества даже вне опоры на сначала-знание Уильямсона.

И хотя сам Келп считает, что объясняет понятие обоснованного убеждения (компетенций) через понятие знания, что формально верно, не стоит забывать — в его анализе значительную роль играет способ формирования убеждений и подходящая способность. Важно, конечно, что компетентное убеждение квалифицируется как знание, но, если взглянуть на этот критерий структурно, речь здесь ведется лишь о том, что убеждение должно быть квалифицировано в соответствии с определенным высоким эпистемическим стандартом. Эпистемология Келпа предлагает нам имплицитный анализ знания как наиболее высокого эпистемического стандарта, определяющего качество убеждения, ориентиру-

ванного на практические и исследовательские цели. В результате общая структура теории компетенций сохраняется даже, если мы выбираем какой-либо альтернативный стандарт⁹. Например, если мы заменим знание на истину, то просто получим вариант обычного релейабиллизма добродетели или даже своего рода редуктивное понимание знания (не являющиеся круговым по отношению к теории компетенций).

Отличительной чертой рассматриваемого нами подхода является то, что он изначально не основывается на интуиции сначала-мнения. Об эпистемологии добродетели часто говорят как о важном методологическом сдвиге, который обозначил переход от вопросов о природе знания к вопросам о познавательных способностях субъекта. Для эпистемологии добродетели не так принципиален выбор между сначала-мнением и сначала-знанием. Она сохраняет свое значение независимо от вопроса о том, какая из этих двух концепций является базовой для эпистемологии. Интеллектуальная добродетель (чем бы она ни была) важна в обоих случаях.

Таким образом, идея сочетания различных эпистемологических подходов может стать хорошей основой для многих весьма удачных проектов, — и чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на преимущества сначала-знания релейабиллизма добродетели, среди которых особого внимания заслуживает самобытная теория компетенций Келпа, равно как и его аргументация в пользу понимания знания как главной цели любого нашего исследования.

Примечания

¹ Неименной подход предлагается, например, в рамках 'новой истории' Джулиана Дютана, где он предлагает рассматривать историю эпистемологии до появления проблемы Геттиера как историю классического инфалибиллизма и пробабиллизма [1]. Подробнее данная идея рассматривалась нами в рамках отдельной статьи, посвященной вопросу традиционности концепции знания как истинного и обоснованного мнения [2].

² Отдельно отметим, что, хотя Хезерингтон и относил релейабиллизм Голдмана к настоящему эпистемологии, фактически он одновременно относит его и к будущему, поскольку идея надлежащей функции описывается как развитие идеи эпистемической надежности, а сам впоследствии релейабиллизм стал частью эпистемологии добродетелей [4, р. 22–23].

³ Как указывает сам Келп, существуют содержательно схожие позиции, но они формируются в несколько иной терминологии [5, р. 103–119].

⁴ В данном случае имеется в виду экстернализм в широком смысле, как обозначение эпистемологических теорий, которые отстаивают позицию о том, что некоторые внешние по отношению к познающему субъекту факторы играют решающую роль в конституировании эпистемических феноменов (например, таких как знание, обоснование или свидетельство).

⁵ Эпистемический градуализм — это представление, согласно которому существуют различные степени знания. В частности, Хезерингтон исходит из того, что просто истинное убеждение — это вид минимального знания, тогда как в целом существуют его градации в зависимости от степени обоснования [11, р. 143–152]. Поскольку знание — не единственный эпистемический феномен, который можно понимать в градациях и степенях, то в широком смысле эпистемический градуализм является подходом, предполагающим градацию одного и того же познавательного явления.

⁶ Подобную позицию принято возводить к *Тэтету* Платона [18].

⁷ В данном контексте можно также выявить и определенные параллели с мыслями Томаса Куна о научных революциях: нормальная наука достигает истин, позволяет сложиться истинным убеждениям, тогда как смещения в парадигмах возникают в связи с теориями, которые изменяют способ формирования убеждений, претендуя на исследовательский прогресс в смысле приращения знания. Применимы данные параллели и к исследовательским программам Лакатоса. Ядро теории здесь будет представлено положениями, которые мы принимаем как истинные убеждения, кольцо же вспомогательных теорий потребует некоторой находчивости в области способов формирования убеждений и обретения знания.

⁸ Впрочем, даже в случаях экстремальных и сиюминутных действий можно было бы привести довод о том, что в достижении подобных случайных истин мы все же не обходимся без помощи фонового знания.

⁹ Нет никакой сложности, с тем чтобы представить возможные варианты такого стандарта, им вполне могло бы стать убеждение, квалифицируемое либо как истинное, либо как достоверное, либо как практически применимое.

Библиографический список

1. Dutant J. The Legend of the Justified True Belief Analysis // *Philosophical Perspectives*. 2015. Vol. 29, № 1. P. 95–145. DOI: 10.1111/phpe.12061.
2. Кардаш А. М. Является ли традиционной концепция знания как истинного и обоснованного мнения? // *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. 2022. Т. 7, № 2. С. 84–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-84-94.
3. Hetherington S. Epistemology's Future Here and Now // *Epistemology: The Key Thinkers* / Ed. S. Hetherington. London: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 230–241.
4. Hetherington S. Epistemology's Past Here and Now // *Epistemology: The Key Thinkers* / Ed. S. Hetherington. London: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 1–29.
5. Kelp C. Good Thinking: A Knowledge First Virtue Epistemology. New York: Routledge, 2019. 146 p.
6. Kelp C. Knowledge-First Virtue Epistemology // *Knowledge First: Approaches in Epistemology and Mind* / Eds. J. A. Carter, E. C. Gordon, B. Jarvis. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 223–246.
7. Williamson T. Knowledge and Its Limits. Oxford: Oxford University Press, 2000. 352 p.
8. Sosa E. Knowing Full Well. Princeton: Princeton University Press, 2011. 176 p.
9. Kelp C. How To Be a Reliabilist // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2017. Vol. 98, № 2. P. 346–374. DOI: 10.1111/phpr.12438.
10. Платон. Менон / пер. с древнегреч. А. Ошерова // *Собрание сочинений*. В 4 т. Москва: Мысль, 1990. Т. 1. С. 575–612.
11. Hetherington S. Good Knowledge, Bad Knowledge: On Two Dogmas of Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2001. 209 p.
12. Поппер К. Объективное знание: Эволюционный подход. Москва: УРСС; ЛЕНАНД, 2022. 384 с.
13. Патнэм Х. Философия Сознания. Москва: Дом Интеллектуальной Книги, 1999. 240 с.
14. Деннет Д. Насосы интуиции и другие инструменты мышления. Москва: АСТ; CORPUS, 2019. 576 с.
15. Zagzebski L. Recovering Understanding // *Knowledge, Truth, and Duty: Essays on Epistemic Justification, Responsibility, and Virtue* / Ed. M. Steup. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 235–251.
16. Turri J. In Gettier's Wake // *Epistemology: The Key Thinkers* / Ed. S. Hetherington. London: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 214–230.
17. Pritchard D. Veritism and the Goal of Inquiry // *Philosophia*. 2021. Vol. 49. № 4. P. 1347–1359. DOI: 10.1007/s11406-021-00325-7.
18. Платон. Теэтет / пер. с древнегреч. Т. В. Васильевой // *Собрание сочинений*. В 4 т. Москва: Мысль, 1993. Т. 2. С. 192–274.
19. Sartwell C. Knowledge Is Merely True Belief // *American Philosophical Quarterly*. 1991. Vol. 28, № 2. P. 157–165.

КАРДАШ Алексей Михайлович, аспирант Института философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.
SPIN-код: 8810-5990
AuthorID (РИНЦ): 1145532
ORCID: 0000-0002-9683-0601
ResearcherID: AGN-9675-2022
Адрес для переписки: krdwalexexi@gmail.com

Для цитирования

Кардаш А. М. Эпистемология сначала-знания и релятивизм добродетелей Кристофа Келпа // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2023. Т. 8, № 1. С. 110–117. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-110-117.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023 г.

© А. М. Кардаш

A KNOWLEDGE FIRST VIRTUE RELIABILISM OF CHRISTOPH KELP

This article examines Christoph Kelp's project of epistemology, which combines the approaches of Timothy Williamson's knowledge-first approach and Ernest Sosa's virtue reliabilism. Arguments are given in favour of the position that Kelp's theory of competence is a quite productive and substantially self-contained epistemological concept. It allows to construct special epistemologies and to analyse the competence of non-human actors.

Keywords: knowledge-first epistemology, virtue epistemology, reliabilism, Christoph Kelp, competence theory.

References

1. Dutant J. The Legend of the Justified True Belief Analysis // Philosophical Perspectives. 2015. Vol. 29, no. 1. P. 95–145. DOI: 10.1111/phpe.12061. (In Engl.).
2. Kardash A. M. Yavlyayetsya li traditsionnoy kontseptsii znaniya kak istinnogo i obosnovannogo mneniya? [Is Justified True Belief Traditional Analysis of Knowledge?] // Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2022. Vol. 7, no. 2. P. 84–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-84-94. (In Russ.).
3. Hetherington S. Epistemology's Future Here and Now // Epistemology: The Key Thinkers / Ed. S. Hetherington. London: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 230–241. (In Engl.).
4. Hetherington S. Epistemology's Past Here and Now // Epistemology: The Key Thinkers / Ed. S. Hetherington. London: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 1–29. (In Engl.).
5. Kelp C. Good Thinking: A Knowledge First Virtue Epistemology. New York: Routledge, 2019. 146 p. (In Engl.).
6. Kelp C. Knowledge-First Virtue Epistemology // Knowledge First: Approaches in Epistemology and Mind / Eds. J. A. Carter, E. C. Gordon, B. Jarvis. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 223–246. (In Engl.).
7. Williamson T. Knowledge and Its Limits. Oxford: Oxford University Press, 2000. 352 p. (In Engl.).
8. Sosa E. Knowing Full Well. Princeton: Princeton University Press, 2011. 176 p. (In Engl.).
9. Kelp C. How To Be a Reliabilist // Philosophy and Phenomenological Research. 2017. Vol. 98, no. 2. P. 346–374. DOI: 10.1111/phpr.12438. (In Engl.).
10. Plato. Menon [Meno] / trans. from Anc. Greek by A. Osharov // Sobraniye sochineniy. V 4 t. [Collected Works. In 4 vols.]. Moscow, 1990. Vol. 1. P. 575–612. (In Russ.).
11. Hetherington S. Good Knowledge, Bad Knowledge: On Two Dogmas of Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2001. 209 p. (In Engl.).
12. Popper K. Ob'yektivnoye znanie: Evolyutsionnyy podkhod [Objective Knowledge: An Evolutionary Approach]. Moscow, 2022. 384 p. (In Russ.).

13. Putnam H. Filosofiya Soznaniya [Philosophy of Mind]. Moscow, 1999. 240 p. (In Russ.).
14. Dennett D. A. Nasosy intuitsii i drugiye instrumenty myshleniya [Intuition Pumps and Other Tools for Thinking]. Moscow: AST; CORPUS, 2019. 576 p. (In Russ.).
15. Zagzebski L. Recovering Understanding // Knowledge, Truth, and Duty: Essays on Epistemic Justification, Responsibility, and Virtue / Ed. M. Steup. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 235–251. (In Engl.).
16. Turri J. In Gettier's Wake // Epistemology: The Key Thinkers / Ed. S. Hetherington. London: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 214–230. (In Engl.).
17. Pritchard D. Veritism and the Goal of Inquiry // Philosophia. 2021. Vol. 49, no. 4. P. 1347–1359. DOI: 10.1007/s11406-021-00325-7. (In Engl.).
18. Plato. Teetet [Theaetetus] / trans. from Anc. Greek by T. V. Vasilyeva // Sobraniye sochineniy. V 4 t. [Collected Works. In 4 vols.]. Moscow, 1993. Vol. 2. P. 192–274. (In Russ.).
18. Sartwell C. Knowledge Is Merely True Belief // American Philosophical Quarterly. 1991. Vol. 28, no. 2. P. 157–165. (In Engl.).

KARDASH Aleksey Mikhaylovich, Postgraduate, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.

SPIN-code: 8810-5990

AuthorID (RSCI): 1145532

ORCID: 0000-0002-9683-0601

ResearcherID: AGN-9675-2022

Correspondence address: krdwalexei@gmail.com

For citations

Kardash A. M. A knowledge first virtue reliabilism of Christoph Kelp // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 110–117. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-110-117.

Received January 10, 2023.

© A. M. Kardash

ЭНАКТИВИЗМ КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЯ НАУК О СЛОЖНОМ

Современные науки о сложном оказывают существенное воздействие на представления о взаимоотношениях человека со средой. Они интегрируют достижения системного подхода, кибернетики, синергетики, выстраивая онтологию многообразия, что требует радикального концептуального поворота в эпистемологии. Энактивизм является недооцененной эпистемологической стратегией, которая исходит из представлений о сложных самоорганизующихся системах, о видах взаимосвязи между познающим и познаваемым. Декларируя функциональное равенство субъекта и объекта, энактивизм демонстрирует сходство с некоторыми принципами новой онтологии — антиэссенциализмом, антиредукционизмом и гетерогенностью. Согласно новым онтологиям и энактивизму, человек — это не некая замкнутая сама в себе 'самость'. В рамках энактивизма человек получает наиболее 'экологичную' стратегию познания многообразия. Такая стратегия охватывает не только 'экологию' безличных самоорганизующихся систем, но и человеческого разума, включая принципы сложного мышления. Наиболее близкой к наукам о сложности является позиция аутопозитивного энактивизма, избегающая крайностей биологизма, психологизма, солипсизма, схематизма в познании многообразия.

Ключевые слова: сложность, науки о сложном, новые онтологии, телесность, философия сложности, энактивизм.

1. Введение. Становление человека происходит в непрерывном взаимодействии со средой обитания. Человек сталкивается с многообразием в самых разных его проявлениях: многообразие вещей, субъективных переживаний и социокультурных практик. При этом оказывается, что действительность открывается не абстрактному субъекту, а конкретному человеку. Нам необходимо научиться жить в условиях вызовов многообразия, выработать практики организации своего опыта в ситуациях неопределенности. Это требует эпистемологических стратегий включения в познавательный процесс не только трансцендентального, но и эмпирического субъекта.

В рамках современной теории познания следует решить целый ряд проблем, обусловленных развитием научного знания, эпистемологическим кризисом, необходимостью философского осмысления актуальных положений науки. Вектор развития современного научного знания тесно связан с достижениями наук о сложном, в основе которых лежит мысль о том, что мир является сложной системой и сложность представляет собой имманентную характеристику реальности. Поскольку сложные саморазвивающиеся системы являются открытыми, неразрывно связанными с внешней средой, необходимо преодолеть субъектно-объектный дуализм, создать теорию познания, которая включает в себя эмпирического субъекта. Концептуализация представлений о сложности стимулировала переосмысление стратегий познания многообразия, поиск актуальных практик взаимосвязи человека со средой обитания.

В настоящее время ключевые достижения кибернетики, синергетики и целого ряда других наук интегрируются в рамках так называемых 'наук о сложном' (science of complexity), склонных к критике радикальной редукции, которой, однако, недостает философского обоснования. Притязания наук о сложности на универсальность кажутся несостоятельными из-за отсутствия развернутой эпистемологической программы, с помощью которой могла бы происходить реконструкция сложности. Поэтому нам следовало бы обратиться к актуальному комплексу эпистемологических стратегий, так или иначе направленных на изучение многообразия. Необходимо разработать рефлексивную эпистемологию, которая была бы когерентна наукам о сложном. Таким образом, логика нашего исследования предполагает поиск определения сложности, фиксацию диалектической связи объективных и субъективных характеристик сложности, обращение к ключевым эпистемологическим следствиям так называемых 'новых онтологий', рассмотрение эпистемологии конструктивизма и осмысление перспективы использования различных форм энактивизма в качестве эпистемологии наук о сложном.

2. Проблемы определения сложности. Слово 'сложный' относится к нашему повседневному словарю. Понятие сложности только получает свое последовательное осмысление в рамках философии. В рамках науки сложность долгое время рассматривалась как заблуждение, нечто кажущееся, эпифеномен. Современный комплекс наук о сложности по-прежнему не предлагает нам общезначимого определения сложности, — она трактуется как си-

стемная опорная категория, характеристика, указывающая на большое число элементов, связей, взаимодействий, степеней свободы.

Что же такое сложность? В одном из исследований мы уже обозначили несколько подходов к сложности: редукционистский, умеренно-редукционистский, сложностный и радикально-холистический [1]. В рамках редукционистского подхода сложность рассматривается как агрегат: сложность не есть самостоятельная сущность, а только эпифеномен, совокупность простых элементов. Умеренно-редукционистский рассматривает сложность в качестве следствия нашего незнания или неумения подвести обнаруженную сложность под известный 'простой' закон. Сложностный подход предполагает рассмотрение сложности как самостоятельного феномена и конструирование особого сложного мышления, когерентного 'сложностному' миру. Радикально-холистическая установка по отношению к сложности конституирует её как принципиально нередуцируемую целостность.

В контексте настоящего исследования мы предлагаем все это многообразие определений сложности разделить на 'объективистские' и 'субъективистские'. В первом приближении можно сказать, что объективистские определения сложности вырастают из агрегативного понимания сложности как выражение многомерного устройства объекта, совокупности элементов, связей, параметров, внутренних и внешних отношений. Сложность видится как принцип, обеспечивающий многообразие. Субъективистские определения сложности указывают на взаимосвязь конструктивных особенностей сложных объектов с познающими особенностями субъекта и среды его обитания. В первом случае сложность рассматривается как некая конструкция, в буквальном смысле, сложное как нечто 'сложенное из...'. Во втором случае сложность видится конструктивистски, рассматривается как конструкция, продукт активного взаимодействия человека со средой.

В действительности объективные и субъективные аспекты сложности накладываются, друг на друга порождая актуальную проблему поиска общезначимого определения сложности. Наиболее близкое нам определение сложности указывает на сложность как интегрированное многообразие. В контексте нашего исследования сложность видится в контексте конструктивно-реалистического подхода: сложность имеет объективные основания, раскрывающиеся через конструктивную деятельность субъекта. Вместе с тем такой ракурс требует рефлексии взаимосвязи объективных и субъективных особенностей сложности.

3. Взаимосвязь объективных и субъективных аспектов сложности. В рамках европейской культуры в течение продолжительного времени господствовал субъектно-объектный подход к организации познания действительности, сосуществовали разного рода крайности в отношении субъекта и объекта. В историко-философской традиции мы встречаемся как с практиками устранения субъекта (например, в рамках позитивизма), так и метафизическим устранением объекта (в рамках солипсизма). Метафизическое устранение субъекта также находит свое выражение в современных 'плоских' онтологиях, в которых провозглашается своего рода 'демократия объектов'.

История философии позволяет нам обнаружить взаимосвязь объективных и субъективных прояв-

лений сложности. Объективное многообразие мира получает свое объяснение через введение представлений о множестве первоэлементов, стихий или атомов. Субъективный аспект сложности мы находим в подходе софистов и философии Сократа. Несмотря на то, что он предлагал нам сосредоточить внимание на инвариантных структурах нашего мышления, Сократ указывал и на необходимость строить диалог соразмерно с субъектом. В дальнейшем рефлексия объективных и субъективных характеристик сложности находит свое выражение в христианском богословии, философии Нового времени. Блез Паскаль отмечал, что в процессе познания мы отпечатываем наше сложное существо на всех созерцаемых простых вещах. Френсис Бекон подчеркивал двойственное положение познающего разума, обращенного к многообразию [2, с. 25]. Георг Гегель говорил о том, что вся наша познавательная деятельность является опытом обнаружения сложности [3, с. 270].

В работах философов и ученых активно воспроизводилась метафора ума как своего рода зеркала, в котором мы 'находим' объективную репрезентацию действительности. Мир 'обязан' соответствовать логико-методологическим стандартам рациональности, в которой предполагается дихотомия субъекта и объекта, внутреннего и внешнего. Данный подход редуцировал человека до трансцендентального субъекта, который как бы возвышается над внешним многообразием-сложностью действительности. Получается, что человек живет в мире, но самого человека в мире нет. Точнее говоря, человек — это нечто 'внеэмпирическое', наблюдающее сознание, обреченное на то, чтобы познавать объективный мир, но при этом всегда оставаться 'за кадром', выступать как что-то 'внешнее' для объективной действительности. Когнитивные функции рассматривались как простая данность, вне какого-либо онтогенетического и филогенетического развития.

Сложность открывается нами как многообразие вещей и явлений, которые находятся за пределами нашего сознания. Концептуализация идеи эволюции, представлений о сложных саморазвивающихся системах, в науке и философии заставили посмотреть на человеческое познание иначе: жизнь есть познание, человек принадлежит миру в его конституируемой сложности и многообразии, а когнитивная эволюция и модели самоорганизации сложных систем имеют общие основания. Для современной науки сложность представляет собой онтогносеологическую характеристику системы, включающей объекта, субъекта и среду его обитания (как природную, так и социокультурную).

Эволюционная эпистемология подчеркивает, что человека первоначально не интересовало открытие 'объективной реальности', поскольку жизнь предполагает не отражение действительности, а необходимость адаптации и выживания, требует от нас интегрировать в собственном опыте многообразие в самых разных его проявлениях. Сложность существует везде, где есть множество взаимосвязанных элементов, момент неопределенности, взаимодействия или обратная связь. В этом контексте сложность указывает на момент сопряжения человека со средой. Взаимосвязь объективных и субъективных аспектов сложности позволяет нам утверждать, что сложность представляет собой не следствие воздействия на сенсорную систему человека действительности, не ментальную репрезентацию, а результат

‘энактированного’ познания. Тот факт, что мир кажется субъекту объективно внешним, можно интерпретировать как проявление свойства системы выделять себя из среды для поддержания своей автономности. Сложность в этом случае представляет собой динамическую ‘вплетенность’, активную ‘вписанность’ субъекта и объекта в многообразную систему связей и отношений как гетерогенную иммерсивную среду. Похожие идеи находят свое отражение в ‘новых онтологиях’, в которых нам предлагаются процессуальная онтология становления, переосмысление несоизмеримости субъекта и объекта познания в пользу объекта.

4. Науки о сложном и новые онтологии. Науки о сложном предлагают нам децентрированную онтологию, в которой, на первый взгляд, мир и человек представляют собой равнозначные части единого системного образования, открывающие нам свои особенности в процессе взаимодействия. В этом контексте уместным было бы обратиться к некоторым принципам новых онтологий, состоящих из сети разнородных концепций, иногда также называемых ‘плоскими’ онтологиями (flat ontology).

Принципы новых онтологий довольно разнообразны; здесь мы найдем и антиэссенциализм, и антиредукционизм, и идеи гетерогенности, и радикальную критику классических философских дихотомий (материальное/идеальное, бытие/мышление, субъект/объект и т.п.). Некоторые новые онтологии ориентированы на процессуальность (отношения/изменчивость/текучесть), в то время как другие — на объекты, имея целью отказ от иерархий и провозглашая одинаковый онтологический статус каждого из объектов (метафора плоскости). Не претендуя на детальную реконструкцию, мы рассмотрим наиболее общие принципы новых онтологий (в частности, ООО Грэма Хармана, АСТ Бруно Латура и др.).

Объектно-ориентированная онтология Хармана (ООО) выступает против редукции, корреляционизма и теории репрезентации. Как отмечает Оксана Головашина, «мир Хармана статичен, потому что его внимание акцентируется не на взаимодействии, предопределяющих ‘текучесть мира’, а на объектах» [4, с. 9]. Объектно-ориентированная онтология признает два вида объектов (реальные и чувственные) и два вида качеств (реальные и чувственные) [5, с. 80]. Она показывает нам мир, в котором человек существует на правах объекта (по причине своей телесности) в пространстве связей, порождаемых множественными объектами. Согласно принципам объектно-ориентированной онтологии, человек не может помыслить самого себя без окружающих его вещей. Помимо прочего, если человек есть объект, то возможно предположить и обратное: объекты в некотором роде являются ‘людьми’. Эта мысль находит свое развитие в рамках понятия ‘гиперобъект’ Тимоти Мортон. В философии Мортон гиперобъекты обладают множеством характеристик, обнаруживая в себе свойства иммерсивности [6, с. 181]. Бытие человека как объекта оказывается здесь завязано на бытии гиперобъектов — ‘вязких’ (‘прилипают’ к другим объектам), ‘нелокальных’ (отдельные проявления не могут исчерпать их сущности), фазовых, многомерных структур. Единство человека и природы принимает форму тотальной иммерсивной среды¹. Как замечает Мортон, «человеческий фенотип в настоящее время, похоже, охватывает значительную часть поверхности Земли и проникает вглубь ее коры — до определенного

уровня, и именно поэтому мы называем современный геологический период антропоценом. Так что, если теперь подумать о среде, произойдет нечто интересное. Если вы будете искать среду, которая была бы выше форм жизни и выходила бы за их пределы, вы ее не найдете» [7, с. 208]. Похожие позиции занимает одна из представительниц нового материализма Джейн Беннетт, когда утверждает единство, равнозначность витальности человека и природы, которая рождается из ‘множественного ассамбляжа’ сложных и простых тел, физических и психологических эффектов [8, с. 151]. Познание видится как ‘со-настройка’ с гиперобъектами, посредством которых человек оказывается буквально вписан в мир.

Акторно-сетевая теория Латура также отстаивает ценность множественности и гетерогенности, выстраивая мир в виде совокупности актантов, находящихся в постоянных (гипер-)реляциях друг с другом. Актант — это любой предмет или существо (в том числе и человек), совершающее действие или испытывающее воздействие. Актанты являются частью сетевого взаимодействия, которое разворачивается здесь и сейчас. Акторно-сетевая теория может быть охарактеризована как реляционная онтология, где существование актантов (вещей, объектов, людей), с одной стороны, представляет собой многомерную совокупность ракурсов и перспектив, а с другой стороны, оказывается замкнуто в рамках локальных сетевых взаимодействий.

Таким образом, новые онтологии предлагают нам принять гетерогенную картину действительности, критику редукционизма и субъектно-объектной дихотомии. Они исключают из мира инстанцию субъекта, ведь человек — это просто объект наряду с множеством других объектов. В новых онтологиях полностью нивелируется необходимость в системно-иерархическом мышлении, в то время как в современных науках о сложности, напротив, оно является конститутивным основанием. Первичной реальностью в плоских онтологиях являются разного рода ‘сборки’ — множества, сети и ассамбляжи. Получается, что человек может помыслить самого себя только в контексте окружающих его объектов, гиперобъектов и акторов. Отдельные дисциплинарные онтологии наук о сложности также отчасти предполагают такого рода идеи, однако, они не доводят их до крайностей, ограничиваясь принципом диалогизма, который вырастает из идеи синергии и не отдает предпочтение ни субъекту, ни объекту. Науки о сложности предлагают видеть мир как сложную саморазвивающуюся систему, а познание — как на сложное сетевое взаимодействие. Человек здесь тоже оказывается сопричастен объектам, которые он познает, что находит свое выражение в принципах авто-эко-организации, человекомерности, коэволюции. Принцип повторного введения познающего исключает ‘зеркальное’ познание и предполагает, что оно есть некоторая конструкция, структурное сопряжение человека и окружающей среды.

Науки о сложном пытаются выстроить онтологию, в которой присутствует иерархия (холархия) и, хотя дихотомия субъекта и объекта здесь отрицается, мир все же не превращается в совокупность гетерогенных, пускай даже и равнозначных объектов и их отношений (‘гибридов’ в терминологии Латура или ‘гиперобъектов’ Мортон). Онтологию наук о сложности нельзя называть постгуманистической, поскольку она предполагает явную сопричастность

человека, его соприсутствие в качестве посредника во взаимодействии сложных системных объектов, которое раскрывается посредством конструктивных особенностей сложного мышления. Нам представляется, что этика наук о сложности завязана на сложной природе человека и не стремится уравнивать человека с окружающей действительностью, не лишает его самоценности, уподобляя его 'компо-сту' (как это было сделано в работе Донны Харауэй [9]); напротив, человек активно участвует в процессе симпозиуса.

5. Конструктивизм и эволюционная эпистемология. Особенности современной эпистемологии прямо либо косвенно связаны с критикой репрезентационизма и эссенциализма. По данным современной биологии, нейронаук, когнитивной психологии существует фундаментальная связь между биологической организацией и когнитивными процессами. Функционирование когнитивных систем человека имеет схожие характеристики с природными системами. Живой организм не просто отражает или пассивно претерпевает воздействие среды, он активно ее конструирует.

Современные версии конструктивизма обладают довольно обширными историко-философскими корнями, их следы можно обнаружить в классических трудах Дэвида Юма, Иммануила Канта, Йоганна Фихте, Георга Гегеля и Анри Бергсона. В более позднее время конструктивизм находит свое обоснование в работах Жана Пиаже, Умберто Матураны, Франциско Варелы, фиксирующих структурную конгруэнтность между человеком и средой его обитания. Нервная система человека, по мнению Матураны и Варелы, «по существу следует той же логике, что и нервная система скромной гидры» [10, с. 188]. Ханс Йонас же отмечает, что «противоречия, которые человек обнаруживает в себе, имеют рудиментарные следы даже в самых примитивных формах жизни» [11, с. 129]. Конструктивизм находит свое выражение как в умеренных, так и радикальных формах, в которых происходит сближение когнитивных наук и философии, попытка преодолеть ставшую традиционной субъект-объектную дихотомию в познавательном процессе. Процесс познания принимает в конструктивизме формы аутопоэтической сложной системы, которая активно продуцирует сама себя.

Человеческая деятельность, осуществляясь в границах сложных систем, требует соответствующего познавательного инструментария, соразмерного самоорганизующимся системам внешней среды, выработки 'сложного мышления', учитывающего не только конгруэнтность субъекта и объекта познания, но и эволюционно-исторические аспекты познания. Мысль о том, что человек является частью природы и должен рассматриваться наряду с ее составляющими, легла в основание эволюционной эпистемологии (Конрада Лоренца, Дональда Кэмпбелла, Герхарда Фольмера и др.). Исходная позиция эволюционной эпистемологии состоит в том, что жизнь есть познание, в котором наблюдается соразмерность, взаимообусловленность объективных и субъективных структур познания [12, с. 209]. В этом отношении человек в процессе познания не открывает предзаданную объективную реальность, а выстраивает динамические отношения со средой. Организм активно взаимодействует с окружающей действительностью на основе генетически обусловленной программы [13, с. 62]. В рамках эволюционной эпистемологии подмечает-

ся изоморфизм познавательных способностей человека и среды. По мысли Руперта Ридля, «соответствие между иерархиями мышления и иерархией природы слишком значительно, чтобы быть случайным» [14, с. 182].

Конструктивизм (особенно в своей радикальной форме) и эволюционная эпистемология подчеркивают диализм во взаимоотношениях сложных саморазвивающихся систем, человека и среды. Феноменальный мир рассматривается как конструктивное образование, а познание — как своего рода 'транзакция' и 'конструкция'. Основываясь на идеях множественности, разнообразия и диализма, взгляды конструктивизма и эволюционной эпистемологии оказываются когерентны представлениям наук о сложности.

6. Истоки энактивизма. Энактивизм претендует на статус эпистемологической стратегии, углубляющей связь между субъектом и объектом, переосмысляющей границу между внутренним и внешним в познавательной деятельности. Если новые онтологии устраняют субъекта, то энактивизм, напротив, отдает приоритет связи между человеком и окружающей действительностью.

Возникновение энактивизма обычно связывают с развитием кибернетики и появлением понятия 'воплощенное познание' (embodied cognition), которое впервые было предложено в работе Франциско Варелы, Эвана Томпсона и Элеоноры Рош *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience* [15]. В этой работе переосмыляется дихотомия души и тела, конституируется модель активного познания, основанного на непрерывном диалоге организма и среды. Идейными предшественниками энактивизма часто называют Дэвида Юма, Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти². Мысль последнего о том, что тело — это 'ось мира', находит в энактивизме свое развитие и научное обоснование.

По мнению Энтони Чемеро, энактивизм исходит из того, что всякий организм представляет собой самоорганизующуюся, автономную, аутопоэтическую систему [17, р. 152]. Переосмысление взаимосвязи организма и среды можно найти в работах немецкого биолога Якоба фон Икскюля, в которых подчеркивается, что организмы — это активные субъекты, каждый из которых обитает в своем феноменальном мире (Umwelt)³.

Таким образом, в основе энактивизма лежат представления о динамическом взаимодействии организма и среды его обитания. Тезис о непрерывности жизни и разума является ключевой особенностью энактивистского подхода. Принципы энактивизма можно выразить в нескольких ключевых тезисах. Во-первых, познание несет на себе отпечаток телесности человека, его когнитивной размерности. Во-вторых, познание не предполагает движение абстрактного субъекта вглубь гипотетического объекта, познание ситуационно, контекстуально связано как с внутренним материальным нейронным субстратом (нервной системой), так и с внешней действительностью (в том числе и социокультурной). В-третьих, когнитивные структуры являются эмерджентными. В-четвертых, когнитивные системы являются динамическими и самоорганизующимися. Телесность, ситуационность, погруженность, воплощенность, интерактивность, инкорпорированность становятся маркерами энактивизма. Это своего рода 'биокибернетическое' понимание мира, основанное на представлении

о самоорганизации человеческого разума в процессе познания действительности.

7. Энактивизм и представления о сложности.

Принято выделять три ключевые ветви энактивизма: сенсомоторный, аутопозисный и радикальный. Сенсомоторный энактивизм (Альва Ноз, Кевин О'Реган) указывает на существование особого 'сенсомоторного знания', которое оказывается тесно связанным с нашим телом и его активностью [19, р. 2]. Переживание многообразия мира описывается как некоторая совокупность телесных (сенсомоторных) совпадений и последующее формирование представлений о том, как они соответствуют действительности. Восприятие рассматривается как действие, которое не локализовано рамками человеческого тела. Активность человека, использование орудий труда выносят человека за границы его телесности. Как замечает Ноз, «осознание мира вокруг нас — это то, что мы делаем: мы энактивируем его — с помощью самого мира — в нашей динамической жизненной активности» [20, р. 64]. Мысль о том, что свойства вещей не есть ментальные сущности, а реляционные свойства сближают сенсомоторный энактивизм с реляционной онтологией Латура. Данный подход позволяет найти субстанциональное обоснование взаимосвязи субъективной и объективной сложности, избегая редукционизма, психологизма и биологизма. Сложность в этом ключе можно описать как пространство сопряжения человека и среды.

Аутопозисный энактивизм (Эван Томпсон, Франциско Варела) углубляет исходные установки энактивистского подхода, уделяя особое внимание проблемам рекурсивной связи организма и среды, познаваемого и познающего. В работе *Древо познания* Матурана и Варела подчеркивают, что нервная система не отражает многообразие действительности, а конструирует, 'создает мир' соответственно собственной структуре [10, с. 202]. Познание рассматривается как естественное продолжение жизни, 'воплощенное действие', которое предполагает единство когнитивного агента и среды. С одной стороны, сенсомоторная активность является источником феноменального опыта, а с другой стороны, сама оказывается детерминированной разнообразными контекстами (от биологических до социокультурных). Сложность здесь возникает вместе с действием, и такая позиция коррелятивна рассуждениям акторно-сетевой теории, в которой сущностные свойства всех объектов (актантов) обнаруживаются только в процессе их взаимодействия друг с другом (медиации) в рамках сетевого взаимодействия. Расширение возможностей для действия становится маркером усложнения. Биологическое и социокультурное усложнение в этом случае можно трактовать как своего рода 'естественный дрейф', в котором происходит аутопозис человека, вначале по отношению к природе, а затем — к культуре.

Радикальный энактивизм (Дэниел Хутто, Эрик Миин) не предлагает позитивной эпистемологической программы, указывая на несуществующие противоречия предшествующих программ, критикуя их за недостаточную радикальность по отношению к понятию 'ментальная репрезентация'. Все ментальные репрезентации человека представляют собой исключительно продукты языка и культуры и не могут претендовать на статус выражения феноменального опыта [21, с. 65]. Такие категории, как 'истина', 'точность', 'референция', ничему в объек-

тивной действительности не соответствуют. Нет никакого предзаданного содержания объективной действительности, содержание не извлекается, а конструируется. Сложность в этом контексте следует рассматривать исключительно как эпистемологический феномен, отражающий особенности познавательной деятельности и среды, в которой она обнаруживается.

Энактивизм (как и науки о сложном) не представляет собой однородного направления. В первом приближении энактивизм, декларируя функциональное равенство субъекта и объекта, обнаруживает сходство с рядом идей новых онтологий. Для энактивизма тоже характерен интерес к динамизму и реляционности, ситуативным, партиципаторным, нелокальным пространствам, в которых на равных (в роли 'актеров', следуя терминологии Латура) участвуют разум, психика, тело и окружающая действительность. Образ коэволюционного ландшафта, когнитивной ниши, порождающей многообразие взаимопересекающихся жизненных миров, сближает взгляды энактивизма с понятием 'хтулупена', которое развивается в новом материализме Харауэй.

Рассуждая об онтологических следствиях энактивизма, Елена Князева отмечает, что «мы разбросаны по миру, мы динамически распределены, мы в вещах и событиях, в которые мы вовлечены и которые, в свою очередь, вовлекают нас» [20, с. 188]. В схожем ключе высказывается и Дэниел Хутто: «содержимое нашего ума вокруг нас — в искусстве и артефактах, которые мы производим, и в учреждениях, которые мы создаем» [22, р. 75–76]. Такого рода суждения сближают радикальный энактивизм с представлениями Мортон о мирах, в которых гиперобъекты принимают формы глобальной иммерсивной среды. Следуя логике подобных рассуждений, можно сказать, что человек оказывается как бы 'упакован' в сложность, которая выступает как своего рода пространство сопряжения человека и среды. Схожие мысли высказывает и Клаус Майнцер: «интеллект возникает через преодоление сложности в соответствующей окружающей среде, выступающей как система» [23, с. 100].

Полагаем, что корреляция идей энактивизма и новых онтологий имеет значительный эвристический потенциал. Философия сложности также вполне могла бы использовать наработки новых онтологий для создания целостного представления о сложности в ее объективном и субъективном измерении.

Науки о сложности и энактивизм можно рассматривать как взаимодополняющие направления, опирающиеся на представления об эволюции, системном единстве, циклической детерминации, целостности и эмерджентности. Обращает на себя внимание согласованность ряда положений энактивизма и принципов сложного мышления. Более того, нам представляется, что данные принципы прямо вырастают из допущения энактивированного, 'воплощенного' разума. Энактивизм, с одной стороны, выступает в роли субстанционального основания сложного мышления, фиксирующего 'биологию' познания, указывающего на зыбкую границу между объективной сложностью действительности и субъектом ее познающим; с другой стороны, сложное мышление есть вариант проявления энактивистского подхода, в котором подчеркивается диалогизм, обратная связь, рекурсивность между познающим и познаваемым.

8. Заключение. Новые онтологии и энактивизм в равной степени настаивают на том, что человек — это не замкнутая сама в себе 'самость'. Та же самая мысль находит свое отражение и в рамках наук о сложном. Однако новые онтологии доводят идею отрицания различий до крайности: мир в них представляется нейтральным, бесформенным и схематичным. Мы полагаем, что энактивизм избавлен от такого рода крайности и в большей степени соответствует идеалам коэволюционного единства. По мысли Елены Князевой [24, с. 91], энактивизм представляет собой возврат эпистемологии к истокам, олицетворяя возвращение к 'живому' познавательному процессу, за пределами разного рода классических рационалистических надстроек, дихотомий субъекта и объекта, разума и тела.

Энактивизм можно оценивать как результат синтеза разнородных взглядов на связь человека и среды, самостоятельную исследовательскую программу, естественное развитие традиционного когнитивизма и даже современный аналог натурфилософии. Ведь, как указывает Шон Галлахера, «энактивизм включает в себя не только переосмысление природы разума и мозга, но и переосмысление самой концепции природы» [25, с. 126]. Он предлагает нам своего рода 'экологию' познания, модель натуралистической феноменологии, которой в меньшей степени свойственен выхолащенный схематизм новых онтологий, редуцирующий действительность до совокупности гетерогенных объектов.

В рамках энактивизма сохраняется продуктивная стратегия эволюционного мышления, опирающегося на представления о сложных самоорганизующихся системах, в которых признается ценность человеческого разума.

В целом, в рамках энактивизма человек получает наиболее 'экологичную' стратегию познания сложности. Подобная стратегия охватывает не только внешнюю, безличную экологию самоорганизующихся систем, но и включает экологию человеческого разума, принципы сложного мышления, предполагая активное взаимодействие с миром, коммуникацию между людьми. Подобная экология формирует представления о многообразии как коэволюционном единстве (холархии), что дает более широкое понимание базовых принципов функционирования и сосуществования тела и разума, когнитивного агента (субъекта) и среды (объекта), человека и природы.

Примечания

¹ В описаниях среды, порождаемой гиперобъектами, присутствует некоторое сходство с позициями энактивистской эпистемологии (например, в понятии 'экомимезис' Мортон).

² В духе энактивизма высказывались и некоторые отечественные философы. В частности, размышляя о человеке, единстве макро- и микрокосма, Павел Флоренский пишет, что «в Среде нет ничего такого, что в сокращенном виде, в зачатке хотя бы не имелось бы у Человека; и в Человеке нет ничего такого, что в увеличенных, — скажем временно, — размерах, но разрозненно не нашлось бы у Среды» [16, с. 441–442].

³ Концепция Umwelt бросает вызов человеческой исключительности и обладает ярко выраженной концептуальной пластичностью, способствуя возникновению разного рода философских интерпретаций, в том числе и взаимоисключающих [18, р. 17]. Так, например, идеи Икскуля находят свое отражение в новых онтологиях (метафора 'зоны' Мортон, образ 'хтулудена' Харауей и т.д.).

Библиографический список

- Ополе П. В. Проблемы концептуализации сложности в науке и философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 15–23. DOI: 10.17223/1998863X/48/2.
- Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3 т. Москва: Мысль, 1970. Т. 1. 452 с.
- Бэкон Ф. Новый органон // Сочинения в двух томах. Москва: Мысль, 1978. Т. 2. С. 5–214.
- Головашина О. В. Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34, вып. 1. С. 4–16. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2018.101.
- Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: Новая 'теория всего' / пер. с англ. М. Фетисова. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
- Мортон Т. Статья экологичным / пер. с англ. Д. Кралечкина. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2019. 240 с.
- Мортон Т. Гиперобъекты: философия и экология после конца мира / пер. с англ. В. И. Абраменко. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 284 с.
- Беннет Д. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / пер. с англ. А. Саркисянца. Пермь: Гиле пресс, 2018. 220 с.
- Харауэй Д. Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в хтулудене / пер. с англ. Д. Я. Хамис, П. А. Хановой, А. А. Писарева. Пермь: Hyle Press, 2020. 340 с.
- Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. Москва: УРСС; ЛЕНАНД, 2019. 320 с.
- Jonas H. The Phenomenon of Life: Toward a Philosophical Biology. Chicago: The University of Chicago Press, 1966. 303 p.
- Фоллмер Г. По разные стороны мезокосма / пер. с нем. Е. Н. Князевой // Эволюционная эпистемология. Антология. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 225–250.
- Лоренц К. Кантовская концепция а priori в свете современной биологии / пер. с англ. А. Б. Толстова // Эволюционная эпистемология. Антология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 43–74.
- Ридль Р. Эволюция и эволюционное познание / пер. с англ. Н. М. Смирновой // Эволюционная эпистемология. Антология. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 179–188.
- Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, MA: The MIT Press, 1991. 322 p.
- Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. Москва: Мысль, 2000. Т. 3. 631 с.
- Chemero A. Radical Embodied Cognitive Science. Cambridge, MA: MIT Press, 2009. 272 p.
- Feiten T. E., Holland K., Chemero A. Reassessing von Uexküll's Umwelt in Embodied Cognition with Canguilhem, Merleau-Ponty, and Deleuze // Journal of French and Francophone Philosophy. 2020. Vol. 28, № 1. P. 1–26. DOI: 10.5195/jffp.2020.929.
- Noe A. Action in Perception. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 277 p.
- Block N. Action in Perception by Alva Noë // Journal of Philosophy. 2005. Vol. 102, № 5. P. 259–272. DOI: 10.5840/jphil2005102524.
- Князева Е. Н. Энактивизм: Новая форма конструктивизма в эпистемологии. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 352 с.
- Hutto D. D. From Radical Enactivism to Folk Philosophy // The Philosophers' Magazine. 2020. № 88. P. 75–82. DOI: 10.5840/tpm20208815.
- Майнцер К. Исследуя сложность: от искусственной жизни и искусственного интеллекта к киберфизическим си-

стемам / пер. с нем. Е. Н. Князевой // Философия науки и техники. 2015. Т. 20, № 2. С. 85–105.

24. Князева Е. Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 91–104.

25. Gallagher S. Enactivist Interventions: Rethinking the Mind. Oxford: Oxford University Press, 2017. 249 p.

ОПОЛЕВ Павел Валерьевич, кандидат философских наук, доцент (Россия), доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета», г. Омск.

SPIN-код: 8527-6626

AuthorID (РИНЦ): 635703

ORCID: 0000-0001-8313-0975

AuthorID (SCOPUS): 57210105995

ResearcherID: L-3705-2018

Адрес для переписки: pvo-sinergetica@rambler.ru

Для цитирования

Ополев П. В. Энактивизм как эпистемология наук о сложном // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 118–126. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-118-126.

Статья поступила в редакцию 14.09.2022 г.

© П. В. Ополев

ENACTIVISM AS AN EPISTEMOLOGY FOR SCIENCE OF COMPLEXITY

Contemporary science of complexity have a significant impact on ideas about the relationship between humans and the environment. They integrate the achievements of systems approach, cybernetics, synergetics, constructing an ontology of diversity, which requires a radical conceptual turn in epistemology. Enactivism is an under-appreciated epistemological strategy that proceeds from notions of complex self-organising systems, the kinds of relationship between the knower and the knowable. Declaring the functional equality of subject and object, enactivism shows similarities with some of the new ontology principles — anti-sensationalism, anti-reductionism and heterogeneity. According to the new ontologies and enactivism, the human being is not a self-contained 'selfness'. Under enactivism, man is given the most 'ecological' strategy for knowing diversity. This strategy covers not only the 'ecology' of impersonal self-organising systems, but also the human mind, including the principles of complex thinking. The closest to science of complexity is the position of autopoiesis enactivism, which avoids the extremes of biologism, psychologism, solipsism, and schematism in the cognition of diversity.

Keywords: complexity, science of complexity, new ontologies, corporeality, philosophy of complexity, enactivism.

References

1. Opolev P. V. Problemy kontseptualizatsii slozhnosti v nauke i filosofii [Problems of Conceptualization of Complexity in Science and Philosophy] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2019. No. 48. P. 15–23. DOI: 10.17223/1998863X/48/2. (In Russ.).
2. Hegel G. W. F. Nauka logiki. V 3 t [Science of Logic. In 3 vol.]. Moscow, 1970. Vol. 1. 452 p. (In Russ.).
3. Bacon F. Novyy organon [Novum Organum] // Sochineniya v dvukh tomakh [Essays in 2 volumes]. Moscow, 1978. Vol. 2. P. 5–214. (In Russ.).
4. Golovashina O. V. Ob'yektivnaya ontologiya? Metafizika G. Kharmana [Objective ontology? G. Harman's Metaphysics] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*. 2018. Vol. 34, Issue 1. C. 4–16. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2018.101. (In Russ.).
5. Harman G. Ob'yektno-orientirovannaya ontologiya: Novaya 'teoriya vsego' [Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything] / trans. by Engl. M. Fetisov. Moscow, 2021. 272 p. (In Russ.).
6. Morton T. Stat' ekologichnym [Being Ecological] / trans. by Engl. D. Kralechkin. Moscow, 2019. 240 p. (In Russ.).
7. Morton T. Giperob'yekty: Filosofiya i ekologiya posle kontsa mira [Hyperobjects. Philosophy and Ecology after the End of the World] / trans. by Engl. V. I. Abramenko. Perm, 2019. 284 p. (In Russ.).
8. Bennett J. A. Pul'siruyushchaya materiya: Politicheskaya ekologiya veshchey [Vibrant Matter. A Political Ecology of Things] / trans. by Engl. A. Sarkisyants. Perm, 2018. 220 p. (In Russ.).
9. Haraway D. Ostavayas' so smutoy: Zavodit' sorodichey v khtulutsene [Staying with the Trouble. Making Kin in the Chthulucene] / transl. by Engl. D. Ya. Khamis, P. A. Khanova, A. A. Pisarev. Perm, 2020. 340 p. (In Russ.).
10. Maturana H., Varela F. Drevo poznaniya: Biologicheskiye korni chelovecheskogo ponimaniya [The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding] / trans. by Engl. Yu. A. Danilov. Moscow, 2019. 320 p. (In Russ.).
11. Jonas H. The Phenomenon of Life: Toward a Philosophical Biology. Chicago: The University of Chicago Press, 1966. 303 p. (In Engl.).
12. Vollmer G. Po raznyye storony mezokosma [Diesseits und Jenseits des Mesokosmos] / transl. by Germ. E. N. Knyazeva // Evolyutsionnaya epistemologiya. Antologiya [Evolutionary Epistemology. Anthology]. Moscow, 2012. P. 225–250. (In Russ.).
13. Lorenz K. Kantovskaya kontseptsiya a priori v svete sovremennoy biologii [The Kantian Concept of a priori in the Light of Contemporary Biology] / trans. by Engl. A. B. Tolstov // Evolyutsionnaya epistemologiya. Antologiya [Evolutionary Epistemology. Anthology]. Moscow, 2012. P. 43–74. (In Russ.).
14. Riedl R. Evolyutsiya i evolyutsionnoye poznanie [Evolution and Evolutionary Knowledge. On the Correspondence between Cognition Order and Nature] / transl. by Eng. N. M. Smirnova // Evolyutsionnaya epistemologiya. Antologiya [Evolutionary Epistemology. Anthology]. Moscow, 2012. P. 179–188. (In Russ.).
15. Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, MA: The MIT Press, 1991. 322 p. (In Engl.).
16. Florensky P. A. Sochineniya v 4 t. [Essays. In 4 vols.]. Moscow, 2000. Vol. 3. 631 p. (In Russ.).
17. Chemero A. Radical Embodied Cognitive Science. Cambridge, MA: MIT Press, 2009. 272 p. (In Engl.).
18. Feiten T. E., Holland K., Chemero A. Reassessing von Uexküll's Umwelt in Embodied Cognition with Canguilhem, Merleau-Ponty, and Deleuze // Journal of French and Francophone Philosophy. 2020. Vol. 28, no. 1. P. 1–26. DOI: 10.5195/jffp.2020.929. (In Engl.).
19. Noë A. Action in Perception. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 277 p. (In Engl.).

20. Block N. Action in Perception by Alva Noë // Journal of Philosophy. 2005. Vol. 102, no. 5. P. 259–272. DOI: 10.5840/jphil2005102524. (In Engl.).
21. Knyazeva E. N. Enaktivizm: Novaya forma konstruktivizma v epistemologii [Enactivism: A New Form of Constructivism in Epistemology]. Moscow, 2014. 352 p. (In Russ.).
22. Hutto D. D. From Radical Enactivism to Folk Philosophy // The Philosophers' Magazine. 2020. No. 88. P. 75–82. DOI: 10.5840/tpm20208815. (In Engl.).
23. Mainzer K. Issleduya slozhnost': ot iskusstvennoy zhizni i iskusstvennogo intellekta k kiberfizicheskim sistemam [Exploring Complexity: From Artificial Life and Artificial Intelligence to Cyberphysical Systems] / trans. by Germ. E. N. Knyazeva // Filosofiya nauki i tehniki. *Philosophy of Science and Technology*. 2015. Vol. 20, no. 2. P. 85–105. (In Russ.).
24. Knyazeva E. N. Enaktivizm: kontseptual'nyy povorot v epistemologii [Enactivism: A Conceptual Turn in Epistemology] // Voprosy filosofii. *Voprosy Filosofii*. 2013. No. 10. P. 91–104. (In Russ.).
25. Gallagher S. Enactivist Interventions: Rethinking the Mind. Oxford: Oxford University Press, 2017. 249 p. (In Engl.).

OPOLEV Pavel Valeryevich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk.

SPIN-code: 8527-6626

AuthorID (RSCI): 635703

ORCID: 0000-0001-8313-0975

AuthorID (SCOPUS): 57210105995

ResearcherID: L-3705-2018

Correspondence address: pvo-sinergetica@rambler.ru

For citations

Opolev P. V. Enactivism as an epistemology for science of complexity // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 118–126. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-118-126.

Received September 14, 2022.

© P. V. Opolev

Этим выпуском журнала мы открываем отдельную рубрику «ПРОВОКАЦИИ». Здесь мы будем регулярно публиковать переводы и оригинальные тексты, авторы которых высказывают неожиданные и необычные идеи в самых разных областях философии (метафизика, моральная философия, философия религии и т.д.). Эти идеи играют роль своеобразных интеллектуальных провокаций, они идут вразрез с нашими интуициями и вполне способны радикальным образом изменить взгляды и контуры возможных решений тех или иных философских проблем.

Надеюсь, в будущем рубрика «ПРОВОКАЦИИ» найдет своего преданного читателя, позволяя знакомиться с новыми интересными идеями и исследованиями ярких современных философов.

Главный редактор,
доктор философских наук
А. В. НЕХАЕВ

УДК 17.034
DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-127-135

К. МакГИНН

Колледж Иисуса,
Оксфордский университет,
Оксфорд, Великобритания

Перевод с английского
А. В. НЕХАЕВ

Омский государственный
технический университет,
г. Омск, Россия

ЭГОИСТИЧНЫЕ ГЕНЫ И МОРАЛЬНЫЕ ПАРАЗИТЫ

В эссе поднимаются вопросы происхождения альтруистического поведения. Правильное понимание подобных форм поведения должно принимать во внимание данные наших лучших биологических теорий, которые свидетельствуют о том, что в мире животных (включая вид *Homo Sapiens Sapiens*) нет места для подлинного альтруизма. То, что мы часто ошибочно называем 'альтруизмом', является результатом деятельности эгоистичных генов.

Ключевые слова: эгоизм, альтруизм, эгоистичный ген, манипулятивное поведение, основания морали.

Как возможен альтруизм в мире эгоистичных генов? Гены производят только такие организмы, которые нацелены на собственное выживание, а это значит, что существование организмов, приносящих пользу другим организмам, невозможно. Если бы альтруистический организм возник случайно, в результате спонтанной мутации, он оказался бы в невыгодном репродуктивном положении по сравнению с эгоистичным организмом — вероятность

его размножения была бы ниже, чем у конкурента. И кажется, что в биологическом мире нет места для альтруизма. Подобную картину, конечно, следовало бы немного смягчить, ведь существуют взаимный¹ и родственный² альтруизм; однако данные исключения не снимают основной проблемы, поскольку альтруизм, который мы наблюдаем у человеческих существ, не ограничивается этими весьма узкими видами альтруизма. Не кажется правдоподобным

и то, что подлинный человеческий альтруизм возникает как побочный продукт некоторой в высшей степени выигрышной адаптации — например, рационального мышления, — поскольку трудно понять, почему эволюционный отбор не действует в отношении столь невыгодной формы поведения, или почему рациональное мышление с необходимостью порождает альтруизм в качестве своего побочного продукта. В любом случае, в эссе я буду настаивать на том, что все эти способы объяснения источников человеческого альтруизма для нас закрыты, и нам нужна какая-то другая модель того, что мы наблюдаем в реальности (по известным причинам я также исключаю групповой отбор³). Я буду принимать в качестве неоспоримого тот факт, что подлинный альтруизм действительно распространен в человеческом виде: то есть люди иногда действуют вопреки своим интересам или интересам своих генов ради помощи другим. Я хочу понять, как и почему данная черта эволюционировала, не отказываясь при этом от принципов теории эгоистичных генов. И если наши гены неизменно эгоистичны, почему же мы сами не являемся эгоистами (когда находимся вне зоны действия взаимного и родственного альтруизма)? Почему мы иногда действуем в интересах максимизации репродуктивных перспектив чужих нам генов? Иными словами, почему мы моральны?

Начну я свое исследование с хорошо известной работы Ричарда Докинза *Гонка вооружений и манипулирование* [14, р. 55–80]. В этой работе он отмечает, что действия отдельных животных иногда приносят пользу генам других животных из-за того, что ими манипулируют. Например, кукушка манипулирует камышовкой ради того, чтобы она вырастила ее птенцов в ущерб собственному генетическому потомству. Яйца кукушки имитируют яйца камышовки, а птенцы кукушки отлично имитируют птенцов камышовки. Таким образом, мозговые цепи камышовки используются кукушкой и служат ее интересам. Она действует подобно удильщику, который, демонстрируя приманку своей добыче, заставляет ее переместиться в пределы непосредственной досягаемости для ловли. Докинз сравнивает подобные стратегии с рекламой, пропагандой, гипнозом и наркотиками у людей: средствами ментального манипулирования, которые пользуются восприимчивостью своего объекта манипуляции. Вместо применения грубой физической силы, как при обычном хищничестве, животное атакует разум-мозг другого животного, заставляя его действовать в интересах атакующего. И дело даже не в том, что у атакуемого животного есть ген для вызываемого в нем поведения, формирующий соответствующую генетическую основу для действий, которые на деле служат интересам другого животного; скорее, атакуемое животное заставляет действовать против его собственных генетических интересов манипулирующие им гены другого животного.

Наивный наблюдатель мог бы подумать, что камышовки действуют альтруистично по отношению к кукушкам, щедро жертвуя свои драгоценные ресурсы ради воспитания чужих подкидышей, а затем искренне недоумевать, по какой причине бескорыстный ген камышовки не подвергается отбору. Точно так же наивный наблюдатель мог бы восхищаться жертвой удильщика, которая так альтруистично плавает возле пасти хищника, обеспечивая его легкой добычей. Но ни в том, ни в другом случае этого не происходит: кажущееся альтруистичным

животное просто вводят в заблуждение, им просто манипулируют. У него нет альтруистических генов, хотя его поведение внешне напоминает животное с такими генами. Подобные ситуации в принципе ничем не отличаются от обычного хищничества: добыча не имеет альтруистических наклонностей по отношению к своему хищнику, как бы предлагая себя ему в жертву; скорее, ее чисто физически вынуждают стать чьей-то едой. По мнению Докинза, грубая физическая сила и ментальная манипуляция имеют одну и ту же генетическую основу — гены, влияющие на поведение других индивидов так, чтобы оно служило собственным интересам носителя этих генов, либо путем прямого контакта, либо с помощью манипуляции на расстоянии. Некоторые хищные гены вызывают открытое захватническое поведение, в то время как другие — формируют более тонкую стратегию ментальной манипуляции. Ни то, ни другое не следует интерпретировать как проявление альтруизма со стороны захватываемых или манипулируемых индивидов.

В принципе, мы можем представить себе экстремальные примеры такого манипулирования. Предположим, марсиане прилетают на Землю, желая использовать нас в своих интересах, независимо от наших собственных. Они просто вживляют микрочип в мозг каждого человека и посылают сигналы, которые заставляют части мозга работать таким образом, чтобы обеспечить поведение, выгодное марсианам. В одночасье мы превращаемся в марсианских марионеток, жертвуя собственными интересами на каждом шагу. Наивный наблюдатель мог бы подумать, что мы стали чрезвычайно альтруистичны по отношению к марсианам, и возможно, в нас заложен ген подобного альтруизма, который только что обнаружил свое присутствие. Однако думать так ошибочно: скорее, нами манипулируют, подвергают ментальному принуждению. То же самое могли бы сделать и наркотик, и массовый гипноз, и эффективная пропаганда.

В связи с этим возникает резонный вопрос. Почему такие манипуляции не получили более широкого распространения в животном мире? Очевидно, что это очень эффективная стратегия: использовать энергетические ресурсы других животных в проекте сохранения собственных генов, экономя таким образом время и усилия, — пользуясь данной стратегией умный манипулятор мог бы оставить огромное потомство. Причина, как объясняет Докинз, из-за которой манипуляция не стала еще более распространенной и беззастенчивой, состоит в том, что между эксплуататорами и эксплуатируемыми идет постоянная гонка вооружений. У камышовки вырабатываются все более изощренные способы перцептивного различения собственных яиц и птенцов с яйцами и птенцами кукушки, в то время как кукушка все лучше и лучше имитирует яйца и птенцов камышовки. То же самое можно сказать и о приманке удильщика. В какой-то момент наступает своего рода равновесие, при котором животное, являющееся объектом манипуляции, соглашается на эксплуатацию, потому что дальнейшее сопротивление окажется слишком дорогостоящим по сравнению с возможными издержками. Камышовке достаточно просто вырастить лишнего кукушонка, ведь дальнейшее улучшение ее способности обнаруживать подкидышей стало бы слишком расточительной тратой ее ресурсов. Другое дело, если бы кукушка полностью вытесняла птенцов камышовки, однако в данном случае издержки достаточно

низки, чтобы позволить некоторую степень эксплуатации.

Подобные представления о манипуляции Докинз использует в своей теории расширенного фенотипа. В сущности, фенотип кукушки включает в себя тело камышовки, поскольку гены кукушки управляют телом камышовки посредством манипуляций. Это ничем не отличается от улитки и ее раковины, или бобра и его плотины, а также прочих примеров, где окружающая среда эксплуатируется в интересах конкретного набора генов. Гены имеют свою 'дальнобойность': гены одного животного могут вызывать поведение другого животного, которое служит их эгоистичным целям. Нет необходимости постулировать какие-либо альтруистические гены: гены всегда вызывают поведение, которое полностью эгоистично в отношении их собственных интересов, — за исключением того, что такое поведение иногда может быть поведением другого животного. Это другое животное также не имеет никаких альтруистических генов — внешне оно может действовать в чужих интересах, но в действительности им манипулируют гены, находящиеся в теле животного, которое извлекает из подобного рода поведения свои эгоистические выгоды. Видимость альтруизма, тем самым, растворяется в эгоистичных генах, манипуляциях и расширенном фенотипе. Следовательно, нет никакой проблемы согласования 'бескорыстного' поведения камышовки с теорией эгоистичных генов; ведь не трудно понять, каким образом кажущийся альтруизм камышовки совместим с жесткими эгоистическими принципами, властвующими на уровне генов. Конечно, камышовка не знает, что она стала объектом манипуляции, и, в действительности, вероятно, даже переживает прилив родительской гордости за то, что она (неволью) довела потомство кукушки до взрослой жизни; и тем не менее, ею все же манипулируют. Она не чувствует обиды за манипуляцию, настолько успешна эта манипуляция.

Здесь мы имеем дело с видом-паразитом — кукушкой, ловко использующей ресурсы вида-хозяина — камышовки. Паразит добивается своего путем обмана хозяина. Мы можем представить себе и другие способы такого паразитизма: например, паразит может вводить химические вещества в мозг хозяина, как это происходит с некоторыми видами муравьев, о которых упоминает Докинз, или заниматься промыванием мозгов, или использовать гипноз. Любая такая стратегия будет давать эволюционные преимущества до тех пор, пока она заставляет вид-хозяина помогать виду-паразиту. И мы можем ожидать сильного давления отбора в пользу подобных манипуляций.

Паразитизм в целом является удивительно эффективной эволюционной стратегией, именно поэтому существует так много надоедливых паразитов. Однако вовсе не обязательно непосредственно вселяться в тело хозяина — можно быть паразитом на расстоянии. Наивный наблюдатель может быть изумлен альтруистическим поведением животных, которые столь любезно позволяют паразитам занимать свои тела, делясь своими драгоценными ресурсами; но все мы знаем, что на самом деле подобная ситуация является результатом 'гонки вооружений' между паразитом и хозяином. У хозяина нет, конечно же, никакого гена 'альтруистического' отношения к паразитам, населяющим его тело. То же самое верно и для паразитов-манипуляторов, которые действуют на расстоянии.

Принимая это во внимание, мою теорию можно сформулировать, пусть и несколько грубо, следующим образом: альтруистическое поведение человека является результатом паразитического манипулирования. В данном случае речь идет как о внутривидовом, так и о межвидовом поведении. Мы являемся моральными паразитами по отношению друг к другу, а представители других видов могут быть моральными паразитами по отношению к нашему виду. У нас нет гена альтруизма, поскольку такой ген не прошел бы жесткий отбор, но иногда мы действуем альтруистично. Почему? Ответ прост. Нами манипулируют гены других людей. Большим достоинством моей теории является то, что мы избегаем необходимости постулировать существование бескорыстного гена — его не существует, но есть альтруистические поступки, мотивы, мысли и так далее. Причина моего альтруизма в том, что в вас развилась способность к манипуляции, причина же вашего альтруизма в том, что такая способность развилась во мне. По очевидным причинам манипулятивным генам благоприятствовал естественный отбор; но альтруизму 'хозяина' он никогда не благоприятствовал, — более того, он действовал против него. Альтруизм существует лишь благодаря равновесию, достигнутому в 'гонке вооружений'. Здесь мы видим тот же самый механизм, что и в примере с камышовкой и кукушкой. Поэтому обобщенный вид альтруизма, который мы находим у людей, имеет совершенно иное объяснение, нежели родственный и взаимный альтруизм. Гены для родственного и взаимного альтруизма существуют, так как данные виды альтруизма приносят пользу генам агента-носителя; но универсальный вид альтруизма ('альтруизма в интересах чужаков') не приносит пользу генам агента-носителя — он приносит пользу генам другого агента. И возникает он только через механизм манипулятивного паразитизма. Таким образом, мы решаем проблему существования альтруизма в мире эгоистичных генов. Точнее, мы решаем проблему согласования лишь кажущегося альтруистического поведения с миром, где царят эгоистичные гены.

Мы можем сформулировать эту теорию в терминах расширенного фенотипа. Гены животного способны воздействовать на окружающую среду, формируя ее, подобно бобрам с их плотинами, кукушкам с их хозяевами камышовками; аналогичным образом гены одного человека способны оказывать влияние на поведение другого. В результате действия генов сформированная среда становится частью фенотипа животного, гены которого распространяются таким способом. И точно так же тело одного человека становится частью фенотипа другого человека, потому что поведение данного тела служит интересам генов, находящихся в другом теле. Как будто другое тело действует как своего рода защитная оболочка для животного, которое в действительности им управляет. С помощью ментальных манипуляций я могу управлять вашим телом, заставляя вас действовать в качестве защитной оболочки для моего тела, вынуждая вас вести себя альтруистично по отношению ко мне. Тем самым (кажущийся) альтруизм других людей по отношению ко мне — это просто мои гены, расширяющие свой фенотип в направлении поведения других людей. Вместо того, чтобы физически использовать другое тело в качестве щита (это было бы не очень практичной затеей), я манипулирую этим телом, чтобы оно действовало так, как мне нужно.

Раковины и плотины, очевидно, по своей природе не альтруистичны в оказываемой ими заботе о животном, которое они защищают; они всего лишь часть расширенного фенотипа кучки коварных и эгоистичных генов. Моя теория постулирует, что люди не альтруистичны так сказать 'из-за доброты своих генов'; ими манипулируют эгоистичные гены другого животного, которое сумело расширить свой фенотип за пределы собственного тела. Поэтому любой фенотип, ограниченный или расширенный, служит интересам эгоистичных генов, — независимо от того факта, что иногда поведение животного может быть альтруистическим в том смысле, что оно не служит интересам самого этого животного. Ведь поведение одного животного может быть частью (расширенного) фенотипа другого животного. Ваше альтруистическое поведение по отношению ко мне — это на самом деле мой расширенный фенотип, подчиненный диктату моих генов. Гены успешны в зависимости от того, производят ли они фенотипы, которые позволяют им воспроизводиться, и способствуют ли они расширению своего фенотипа, путем включения в него поведения других, приносящего им пользу, — которое служит для них просто еще одним способом воспроизводства. Создание паттернов альтруистического поведения в других людях с помощью манипулятивных методов — это искусная стратегия успешного воспроизводства генов, расширяющая фенотип одного человека в пределы самой воли другого.

Как можно проверить эту необычную (шокирующую?) теорию? Во-первых, необходимо отметить, что мы как вид исключительно восприимчивы к манипуляциям. Мы легковверны, доверчивы, суеверны, склонны к магическому мышлению, поддаемся гипнозу, становимся жертвами рекламы, служим легкой добычей для джинглов и слоганов, уязвимы для культов и весьма падки на наркотики. Иногда кажется, что мы просто одержимы желанием, чтобы нами манипулировали. Мы жаждем передать ментальный контроль кому-то другому. Нам невыносима собственная автономия (и сопряженные с ней бесконечные решения!). Трудно сказать, почему так получается. Возможно, это отчасти связано с нашей чрезвычайной обучаемостью, — ведь для того, чтобы узнавать нечто новое, мы должны быть предельно открыты всему, что попадает на наш путь. Возможно, проистекает из какой-то глубокой экзистенциальной тревоги. Но чем бы это ни было, это что-то невероятно мощное и эндемичное. В этом мы похожи на необычайно доверчивых камышовок. Наши 'кнопки' отлично нажимаются. Сегодня, с появлением науки и всего остального, мы, вероятно, более критично настроены, чем раньше, однако, вне сомнений, на протяжении большей части нашего эволюционного прошлого мы были неисправимыми слабаками и простофилями. Во-вторых, мы также являемся и в высшей степени склонными к манипуляциям существами, всегда пытающимися сосредоточить в своих руках влияние на других людей. Просто это инстинктивная человеческая склонность — пытаться получить контроль над умами окружающих людей. Нет смысла заниматься этим в том случае, если люди не восприимчивы к манипуляциям, однако, если они к ним восприимчивы, то использование такой их слабости выгодно для выживания. Наша социальная жизнь зависит от 'управления умами', поэтому мы искусны в науке и технике манипуляции; и вполне вероятно, что этот талант заложен в наших генах. Политика и ре-

лигия в том виде, какими мы их знаем, несомненно, во многом обязаны человеческим талантам манипулирования и нашей слабости к тому, что нами манипулируют.

Третий момент заключается в том, что для успеха манипуляции необходимо, чтобы она не выглядела как манипуляция. Камышовка-мать не чувствует, что она стала объектом манипуляции со стороны кукушки; она просто не замечает этого. Она ощущает себя доброй и заботливой матерью, а не рабыней или марионеткой. Если человеческий альтруизм сам по себе является результатом манипуляции, он не должен *ощущаться* как манипуляция. Это вызовет только чувство обиды и отвращение. Искусный манипулятор, напротив, должен создать у своей жертвы ощущение, что ее действия совершаются свободно, дарят радость, гордость и наполнены чувством собственного достоинства. Ген, который искуснее всего манипулирует разумом-мозгом других индивидов, заставляет жертву *получать удовольствие* от того, что на самом деле является манипуляцией. Поскольку гордость — эмоция, которая весьма приятна людям, оптимальной стратегией станет внушение чувства моральной гордости жертве манипуляции; истинная же природа происходящего должна быть скрыта (как это обычно и бывает в примерах с успешной манипуляцией). Наиболее искусный ген манипулирования вынудит свою жертву наслаждаться поработением. В случаях альтруистического поведения мы будем ценить данную эмоцию необычайно высоко, вопреки тому, что на самом деле она является результатом циничного паразитизма. В этом мы похожи на камышовку-мать, которая испытывает исключительную гордость и радость, выкармливая кукушонка — этого необычного на вид члена своего выводка, который безжалостно манипулирует ею, заставляя пренебречь своей собственной семьей и ее запасом драгоценных генов.

Еще одним доказательством может служить точка баланса, наблюдаемая в человеческом альтруизме. Мы альтруистичны лишь до определенной степени. Камышовка не будет продолжать выкармливать кукушат в том случае, если их требования станут слишком обременительными и назойливыми, так как тогда ее гены не будут воспроизводиться в достаточном количестве; в определенный момент ее 'альтруизм' просто-напросто угаснет. Аналогичным образом, если вы потребуете от меня огромной жертвы ради незначительной выгоды для вас, — жертвы, которая существенно повлияет на мою способность к воспроизводству, — я не смогу выжить и оставлю потомство, а это значит, что и моя склонность к радикальному самопожертвованию постепенно исчезнет. Как правило, люди альтруистичны только до определенной степени, в противном случае затраты на альтруизм становятся слишком высокими. На самом деле, большую часть времени мы довольно эгоистичны. Каждую минуту в этом мире рождается очередной простофиля, но никто из нас не является полным идиотом. Соответственно, моя теория предрекает факты умеренного альтруизма, жестко ограниченного эволюционными требованиями. И если мы обратимся к статистике, разве найдем там иные факты? Действительно, нами можно манипулировать, вынуждая действовать в чужих интересах, однако после определенного предела мы начинаем сопротивляться манипуляции, защищая собственную эгоистичную природу. Наши эгоистичные гены готовы терпеть лишь огра-

ниченное количество бескорыстных поступков. В принципе они предпочли бы *блокировать* любое бескорыстное поведение, но их организм-хозяин устроен таким образом, что некоторая степень манипуляции неизбежна, — поскольку полное устранение всех манипуляций обошлось бы нам слишком дорого (например, подорвало бы способность учиться и приспосабливаться). Некоторые моралисты сетуют на ограниченность человеческого альтруизма, но (согласно моей теории) такие пределы являются результатом похвального желания сопротивляться моральному паразитизму. Мы способны вытерпеть лишь ограниченное число манипуляций, прежде чем наши эгоистичные гены взбунтуются.

Но существуют ли доказательства манипулятивных намерений? Делаем ли мы такие вещи, которые можно с полным основанием назвать манипуляциями? Я говорю не о действиях, сознательно задуманных как манипуляции, а скорее о функционально манипулятивных действиях. Сомневаюсь, что кукушка пробирается в гнездо камышовки с сознательными манипулятивными намерениями; скорее, она продукт эволюции и ее поведение просто запрограммировано на то, чтобы функционально манипулировать камышовкой. Так что разумным было бы спросить: какое именно поведение людей может иметь такую манипулятивную функцию? Хорошей точкой отсчета здесь может быть человеческий младенец. Он требует внимания (слишком много внимания) и ведет себя так, чтобы его получить: плачет и ревет, хныкает и вопит. В результате — родители прибегают и удовлетворяют его потребности. Альтруизм родителей можно объяснить родственным отбором, но в нем должен быть и компонент простого желания, чтобы эти визгливые звуки прекратились. В мозгу родителей существуют цепи, которые активируются при виде младенца и этих звуках, рефлекторно вызывая альтруистическое поведение. Предположим теперь, что вы хотите заставить кого-то вести себя альтруистично по отношению к вам, но вы уже не младенец. Что бы вы сделали? Скорее всего, *вели бы себя как* младенец, подражали бы его действиям. Скажем, вы попали в аварию, вам больно, и вы нуждаетесь в помощи. Как вам добиться необходимого внимания? Хорошей стратегией было бы действие, нацеленное на паттерны мозга других людей, которые связаны с активацией заботы о младенцах. И вы начинаете орать и рыдать, выть и стонать. Прохожие, наделенные лишь эгоистичными генами, обнаруживают, что паттерны их мозга, которые связаны с заботой о младенце, активированы и спешат вам на помощь, даже не подозревая, что ими манипулируют, равно как и вы не подозреваете, что манипулируете (ведь вы не притворяетесь, что стонете). Их эгоистичные гены кричат им: «Не делайте этого! Мы — те, о ком вы должны заботиться!»; но носитель генов подвержен манипуляциям, и поэтому действует против своих собственных генетических интересов. Это сродни уловке кукушонка с его разинутым клювом. То есть это — своего рода мимикрия. Почему мы стонем, когда нам больно? Стоны не очень помогают справиться с болью, однако они дают понять другим людям, что нам необходима помощь — и стоны, согласно моей теории, срабатывают благодаря манипулятивной мимикрии. Как будто паттерны нашего мозга, связанные с заботой о младенцах, избыточно обобщаются, делая нас восприимчивыми не только к плачущим младенцам, но и к стимулам, которые они производят. Наш мозг склонен

все упрощать — из-за этого он становится слишком всеохватным. А значит, каждый из нас подвержен манипуляциям, основанным на (бессознательном) подражании младенцам.

Или вспомните о рекламе. Как известно, реклама не является простым информированием потребителя о ваших товарах; это — создание у него всеми доступными способами склонности их приобретать. Рекламодатель использует любые уловки человеческой психологии, чтобы проникнуть к вам в психику и оказать влияние на ваше покупательское поведение. Простое повторение — один из хороших способов добиться этого. Возможно, подобное влияние не служит интересам ваших генов, но в вашем разуме так много слепых пятен, слабостей и иррациональных тенденций, что планы ваших генов, несмотря на их глубоко укоренившийся эгоизм, могут быть сорваны умными рекламными приемами. Аналогичным образом ‘моральная реклама’ может контролировать ваш разум и поведение: с помощью повторения, использования музыки, подсознательных сигналов и эмоциональной уязвимости. Вспомните разнообразные тактические приемы, которые используются, когда кто-то желает вас убедить в правоте определенной моральной точки зрения: не все они состоят из бесхитростных рациональных аргументов (см. об этом ниже), нередко вместо этого используются манипуляции, эмоциональные и другие уловки. Младенцы, например, часто фигурируют в рекламе не только товаров и услуг, но и моральных позиций. Благотворительные организации могут быть весьма убедительны в своих речах, когда желают вызвать в людях моральные эмоции, и не все используемые ими способы влияния отказываются от манипуляций.

Язык играет ключевую роль в ментальном манипулировании и в представленном здесь контексте поднимает множество по-своему интересных вопросов. Вполне естественно предположить, что язык используется нами ради достижения целей моральных манипуляций. Разумеется, его можно использовать и для моральных рассуждений (опять же см. об этом ниже), но есть и твердая уверенность в том, что он является частью арсенала моральных манипуляторов: риторика, интонация, повторы, поэтика, изменение динамики голоса, — все это может оказывать влияние на слушателей. Есть среди них сладкоголосые обольстители, красноречивые ораторы и гипнотические рассказчики. Вполне возможно, что язык развивался, по крайней мере частично, как инструмент ментального манипулирования: желая заручиться альтруистическим сотрудничеством других людей, мы создали язык как средство для достижения этой цели. Если бы кукушки умели разговаривать, они могли бы стать гипнотическими ораторами для ушей камышовок. Всякая коммуникация в мире животных, считает Докинз, является манипулятивной и одурманивающей, особенно брачные призывы. Очевидно, что и функция значительной доли человеческой речи состоит в том, чтобы оказать влияние, побудить слушателя сделать то, что вы хотите, — любыми средствами, которые позволяют использовать языковые центры нашего мозга. По этой причине у нас есть такие речевые акты, как жалоба, стенание, выклянчивание, упрашивание, увещание, мольба, требование, намек, незаметное внушение, запугивание и прикрикивание. Мы хотим, чтобы слушатель был на нашей стороне, был к нам расположен и настроен на альтруизм. Большая часть

обычного человеческого общения связана с моральным влиянием, оказываемым всеми правдами и неправдами. Язык выводит моральный паразитизм на новый уровень изощренности. Говорящий пичкает своего слушателя словесными 'наркотиками', надеясь, что тот послужит его манипулятивным целям (не всегда осознанным). Иными словами, гены через язык занимаются психофармакологией: они хотят одурманить слушателя, чтобы он действовал в их корыстных интересах. И слушатель вполне может поддаться на такие 'наркотики'. Язык — это психоделик, вещество, вызывающее измененные состояния сознания.

Разумеется, когда я говорю о функциональных свойствах языка относительно способов его влияния на людей и техник манипулирования, я выражаюсь чисто метафорически (или нет?). Я допускаю, что они играют определенную роль в формировании альтруистического поведения. Кто-то может, однако, возразить, что подобная картина языка слишком цинична. Разве мы не делимся, и в первую очередь из чисто альтруистических побуждений, информацией с другими людьми? Разве не в этом и состоит суть дела? Здесь мы сталкиваемся с любопытным теоретическим вопросом, который я бы назвал 'загадкой лингвистического альтруизма'. Каким образом лингвистический альтруизм может развиваться и сохраняться на протяжении ряда поколений? Ведь, как и любой другой вид альтруизма, он предполагает траты очень ценных ресурсов, которые можно было бы использовать в более эгоистичных интересах, — например, для выращивания огромных половых желёз (любимый пример Докинза). Почему бы мне просто не держать свои знания при себе вместо того, чтобы их транслировать? И почему я в принципе отвечаю на вопросы других людей? Взаимный альтруизм и родственный отбор могут объяснить некоторую часть моего столь самонадеянного поведения, но, разумеется, не все. Вероятно, мы могли бы объяснить лингвистический альтруизм благодаря нашей универсальной теории альтруизма, рассматривая его как продукт манипуляций, — утверждая, что другие люди фактически являются паразитами по отношению к моему запасу знаний. Мои мотивы чисты, когда я в ходе разговора делюсь своими знаниями, даже если мои слушатели манипулируют мной, вынуждая меня тратить силы на то, чтобы просветить их в каком-либо вопросе.

Но есть и другие возможные объяснения, которые кажутся мне более правдоподобными. Одно из них заключается в том, что моя цель — не столько просветить других, сколько повлиять на них: я хочу, чтобы они разделяли мой взгляд на мир, чтобы их действия лучше соответствовали моим желаниям. Ведь что случилось бы, если, говоря людям правду, я наносил бы себе серьёзный ущерб? Надо полагать, что в этом случае мои гены запрограммировали бы меня впредь делать только такие утверждения, которые бы позволили мне, так или иначе, оставаться в выигрыше. В противном случае они были бы уничтожены в последующих поколениях. Мои гены являются гарантией того, что я приобрету склонность формировать свои речевые акты так, чтобы это отвечало их собственным интересам. Как вариант, можно было бы, даже в более циничной манере, рассматривать мои правдивые утверждения как необходимую прелюдию к более зловещим лингвистическим намерениям: какое-то время я говорю вам чистую правду, завоевывая тем

самым ваше доверие, чтобы затем мне было легче вам солгать в тех случаях, когда это принесет выгоду моим корыстным интересам. Мой обмен информацией с вами не столь альтруистичен, как может показаться, он всего лишь средство для достижения моих эгоистичных целей. В любом случае, идея о том, что человеческая речь состоит из альтруистических актов по обмену информацией, имеет очевидные проблемы, — по тем же основаниям, что и любое высказывание в защиту неограниченного альтруизма. Ресурсы, потраченные на что-то одно, — это ресурсы, не потраченные на что-то другое; поэтому всякий неослабевающий и активный альтруизм всегда будет жертвой отбора, вербального или невербального. Язык — это всего лишь один из видов человеческого поведения, к которому применим этот безжалостный биологический закон. Нам нужна концепция языка (в его прагматическом измерении), которая делает его биологически возможным. Необходимо знать, как языковая деятельность может существовать в мире эгоистичных генов. И это возможно, но только при правильном понимании того, как возникает лингвистический альтруизм. Старый добрый ответ 'в интересах вида' явно не подходит, так как ни одно животное никогда и ничего не делает в интересах вида. Пути эволюции должны быть более извилистыми и не такими 'белыми и пушистыми'.

Не могу удержаться и от того, чтобы также не высказать некоторые свои мысли о Боге, — мысли, которые едва ли можно выразить более циничным образом. Как идея Бога проникает в человеческое сознание? С позиций моей теории можно дать такой ответ: идея Бога возникает как тактическая уловка, придуманная эгоистичными генами для достижения своих манипулятивных целей. Если вы хотите побудить других людей к альтруистическим действиям, вам было бы полезно внушить им мысль, что их действия будут вознаграждены или подвергнуты наказанию неким всемогущим божеством. А это значит, что *действительно* умный ген станет не только манипулировать другими индивидами описанным мной способом, но и будет побуждать их испытывать приятные ощущения от подобного рода манипуляций; этот сверхумный ген даст им также и такое представление о Боге, который неотступно печется об их моральном статусе, вознаграждая за альтруистические поступки. И оно должно наделить определенным *авторитетом* побуждения, которые будет испытывать индивидом, ставший жертвой манипуляций. Иными словами, этот сверхумный ген-манипулятор станет продуцировать состояния мозга, выражающие идею Бога, поскольку необходимое ему альтруистическое поведение будет, так сказать, подкрепляться на высшем уровне. Представьте, что произошло бы, если бы, вдруг, генам кукушки удалось создать в мозге камышовки не только паттерн заботы о потомстве, сопровождаемый чувством родительской гордости, но и идею Бога камышовок, который как-то особенно благоволит тем, кто участвует в процессе кормления больших неуклюжих птенцов в их гнездах. Это было бы окончательным решением всех проблем кукушки. Я не утверждаю, что именно так в ходе эволюционной истории идея Бога возникла в человеческом мозге; я лишь утверждаю, что это логически возможный способ возникновения данной идеи, — и способ, который имеет определенный теоретический смысл. Несомненно, гипотеза о том, что религия возникла благодаря махинаци-

ям эгоистичных генов, стремящихся к паразитическим манипуляциям, обладает определенной извращенной привлекательностью. И даже если идея Бога (или богов) возникла каким-то другим способом, скажем, в целях объяснения загадочных для древних людей природных явлений, гены все равно могли бы использовать данную идею в своих манипулятивных целях, соединив таким образом Бога (или богов) с понятием морали. Обращение к Богу отлично работает как инструмент для моральной манипуляции.

Взгляд на роль и место альтруизма в естественном биологическом мире, который я защищал (или, по крайней мере, обсуждал выше), может показаться читателю слишком циничным и даже нигилистическим. Не я ли вам говорил, что мораль основана на чудовищном обмане доверия, на одурманивании, на полном и абсолютном заблуждении? Следует ли нам тогда изо всех сил пытаться противостоять манипуляциям этих коварных эгоистичных генов и полностью отказаться от альтруизма? Возможно, вы с облегчением услышите, что я так не думаю. Я считаю, что подобные манипуляции со стороны генов *на самом деле морально правильны*. Предположим, что камышовка-мать начинает понимать, какова истинная ситуация, — что ее обманом заставляют заботиться о потомстве другой птицы. Должна ли она тогда вытолкнуть его из своего гнезда, оставив умирать от голода? Нет! Потому что этому кукушонку необходима помощь, а его биологической матери нет поблизости. Самым правильным было бы его выкормить. Такой случай ничем не отличается от заботы о сироте, которого тайком подбросили к вам в дом. В общем, быть альтруистом — это хорошо. Все, что я утверждал выше в этом эссе, — лишь только то, что мы должны уметь примирить факты альтруистического поведения с теорией эгоистичных генов, и что моя теория паразитарной манипуляции наилучший способ этого добиться. Но я не делал никаких утверждений о статусе морали как таковой. Учитывая тот факт, что манипуляции (по крайней мере, иногда) вынуждают нас делать действительно правильные вещи, можно было бы сказать, что здесь мы имеем дело со счастливым совпадением. Когда гены других людей аморальным образом манипулируют вами, заставляя служить их интересам, они вынуждают вас делать то, что на самом деле является морально правильным. Более того, вы понимаете, что это правильно, оценивая свои действия как правильные, вполне рационально. Это моральное суждение само по себе способно мотивировать. Таким образом, существует своего рода двойная мотивация, или конвергенция причинно-объяснимых факторов: с одной стороны, вы считаете свой альтруистический поступок правильным, и это может мотивировать вас к его совершению; с другой стороны, моральный паразит, действуя на расстоянии, манипулирует вами в интересах того же поступка. Получается, что это правильный поступок: вы считаете его правильным и тем самым имеете мотивацию к его совершению, и вами (бессознательно) манипулируют для того, чтобы заставить его совершить. В примере с кукушкой и камышовкой действует, по-видимому, только второй тип причин, поскольку птицы не выносят моральных суждений. Но в случае с людьми мы имеем дело со сложной этиологией. Есть фундамент, состоящий из генов, детерминирующих базовую межличностную динамику, а также есть и надстройка из сознательных моральных суждений. Учиты-

вая цели эссе, нам важно понять, что альтруизм не вступает в противоречие с биологией, — напротив, альтруизм способен эволюционировать и сохраняться, причем достаточно надежно. Структурно альтруизм основывается на логике паразитизма на расстоянии. И, насколько я могу судить, это вполне совместимо даже со строго кантианским подходом к моральным рассуждениям и моральной истине. Просто в детерминации морального поступка задействованы два уровня моральной психологии.

Совместимость моей теории с моральным реализмом, однако, не означает, что все, что обычно включается в наше понятие морали, заслуживает там места. Если моя теория верна, то было бы разумным ожидать, что некоторые области традиционной морали заражены идеями, вытекающими из ее конечной основы. Избыточный акцент на представлениях о кротости, смирении, послушании, самопожертвовании, авторитете и всем таком прочем должен вызывать у нас крайнее подозрение, потому что все это пахнет манипуляцией и подчинением. Манипулятивная модель отношений делает каждого из нас простым средством для достижения целей других людей ('подстилкой для ног'), и этому мы обязаны сопротивляться как морально неприемлемому. Ведь мы не хотим, чтобы наша официальная мораль включала в себя 'мусор', всплывающий на поверхность из нашей биологической основы. Если кукушка рассматривает камышовку только как средство для достижения своих целей, требуя от нее безропотной покорности и самоуничтожительного смирения, пусть даже и подавая все это как невероятные добродетели, значит, у нее сильно смещены моральные ориентиры. Лучше думать о камышовке как об автономном агенте, которому она успешно манипулирует благодаря своим генам. Кукушка должна чувствовать некоторое раскаяние в отношении суррогатной матери ее детей. Кукушка обязана уважать животное, которым она манипулирует. Разумеется, если мы говорим о людях, то там манипуляции происходят с обеих сторон, — я манипулирую вами, а вы манипулируете мной. Тем не менее было бы неправильным возводить сам факт манипуляции в своего рода моральную добродетель, причем неважно какой именно из сторон. Нет никакой добродетели в том, чтобы быть объектом манипуляций, равно как нет никакой добродетели и в том, чтобы кем-то манипулировать. Так что теория о том, как альтруизм биологически возможен, не может быть преобразована в теорию о том, что именно должна содержать наша мораль.

Примечания переводчика

¹ Взаимный альтруизм (reciprocal altruism) — вид альтруистического поведения, который возникает между неродственными индивидами *a* и *b*, когда поступок *a* в отношении *b* в будущем возмещается некоторыми действиями со стороны *b* в отношении *a* [1, р. 35, 39; также см.: 2, р. 79–86; 3, р. 419–420; 4, р. 374–375; 5, р. 143]. Простейшей иллюстрацией подобного альтруизма в мире природы служит взаимопомощь представителей разных видов (мутуализм или симбиоз), — например, когда рыбы-чистильщики чистят ротовые полости более крупным хищным рыбам, которые, в свою очередь, воздерживаются от их поедания.

² Родственный альтруизм (kin altruism) — вид альтруистического поведения, ограничивающий круг бенефициаров альтруистических поступков со стороны индивида *a* совокупностью генетически родственными ему индивидами [6, р. 355; также см.: 2, р. 58–71; 3, р. 416; 4, р. 374–375; 5, р. 142–143].

Для правильного понимания альтруистического поведения (и родственного отбора) необходимо учитывать степень родства между индивидом *a* (как благодетелем) и индивидом *b* (как бенефициаром). Чем выше степень родства, тем выше вероятность того, что альтруистический поступок *a* в отношении *b* будет способствовать выживанию генов, поощряющих в будущем дальнейший альтруизм. Довольно часто обусловленное родственным отбором поведение индивидов не оценивается как источник подлинного самопожертвования, ведь, когда индивид *a* помогает родственному с ним индивиду *b*, он просто помогает той части себя, которая воплощена в генах его родственника [ср. с этим: 7–11].

³ В основе гипотезы группового отбора лежит идея о том, что естественный отбор действует не на отдельных индивидов, а на целые группы организмов. Предпочтение одной группы по сравнению с другими в ходе отбора влечет за собой закрепление и дальнейшее эволюционное развитие признаков, выгодных для представителей этой группы. В 1960-е и 1970-е годы гипотеза группового отбора подверглась резкой критике со стороны таких исследователей, как Джон Мейнард Смит [9], Джордж Уильямс [12] и Ричард Докинз [13]. Они полагали, что групповой отбор был изначально слабым эволюционным механизмом, а примеры альтруизма, где индивид имеет склонность совершать действие, которое выгодно не только ему самому, но в то же время приносит пользу и другим индивидам ('борьба с незваным гостем' и т.п.), лучше объясняются моделями родственного отбора. Побуждающий индивида вести себя альтруистично по отношению к своим (генетическим) родственникам ген часто благоприятствует естественному отбору, поскольку именно у родственников этого индивида выше шансы (чем простая случайность) тоже быть носителями данного гена. Модели родственного отбора довольно хорошо согласуются с эмпирическими данными, ведь в мире природы альтруистическое поведение индивида, как правило, направлено на его (генетических) родственников.

Библиографический список

1. Trivers R. L. The Evolution of Reciprocal Altruism // *The Quarterly Review of Biology*. 1971. Vol. 46, № 1. P. 35–57. DOI: 10.1086/406755.
2. Sober E., Wilson D. S. *Unto Others: The Evolution and Psychology of Unselfish Behavior*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. 394 p.
3. West S. A., Griffin A. S., Gardner A. Social Semantics: Altruism, Cooperation, Mutualism, Strong Reciprocity and Group Selection // *Journal of Evolutionary Biology*. 2007. Vol. 20, № 2. P. 415–432. DOI: 10.1111/j.1420-9101.2006.01258.x.
4. Osiński J. Kin Altruism, Reciprocal Altruism and Social Discounting // *Personality and Individual Differences*. 2009. Vol. 47, № 4. P. 374–378. DOI: 10.1016/j.paid.2009.04.011.
5. Segerstrale U. *Sociobiology, History of* // *The Encyclopedia of Evolutionary Biology*. Vol. 4. / Ed. R. M. Kliman. New York: Academic Press, Elsevier, 2016. P. 140–148.
6. Hamilton W. D. The Evolution of Altruistic Behavior // *The American Naturalist*. 1963. Vol. 97, № 896. P. 354–356. DOI: 10.1086/497114.
7. Hamilton W. D. The Genetical Evolution of Social Behaviour. I // *Journal of Theoretical Biology*. 1964. Vol. 7, № 1. P. 1–16. DOI: 10.1016/0022-5193(64)90038-4.
8. Hamilton W. D. The Genetical Evolution of Social Behaviour. II // *Journal of Theoretical Biology*. 1964. Vol. 7, № 1. P. 17–52. DOI: 10.1016/0022-5193(64)90039-6.
9. Smith J. M. Group Selection and Kin Selection // *Nature*. 1964. Vol. 201, № 4924. P. 1145–1147. DOI: 10.1038/2011145a0.
10. Foster K. R., Wenseleers T., Ratnieks F. L. W. Kin Selection is the Key to Altruism // *Trends in Ecology & Evolution*. 2006. Vol. 21, № 2. P. 57–60. DOI: 10.1016/j.tree.2005.11.020.
11. Birch J., Okasha S. Kin Selection and Its Critics // *BioScience*. 2015. Vol. 65, № 1. P. 22–32. DOI: 10.1093/biosci/biu196.
12. Williams G. C. *Adaptation and Natural Selection: A Critique of Some Current Evolutionary Thought*. Princeton: Princeton University Press, 1966. 307 p.
13. Dawkins R. *The Selfish Gene*. New York: Oxford University Press, 1976. 224 p.
14. Dawkins R. *The Extended Phenotype: The Long Reach of the Gene*. Oxford: Oxford University Press, 1982. 307 p.

Сведения о переводчике

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры «Философия» Тюменского государственного университета, г. Тюмень; научный сотрудник Лаборатории логики-философских исследований Томского научного центра СО РАН, г. Томск.

SPIN-код: 5844-9381

AuthorID (РИНЦ): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Адрес для переписки: avnehaev@omgtu.ru

Источник перевода:

McGinn C. *Selfish Genes and Moral Parasites* // *Philosophical Provocations: 55 Short Essays*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2017. P. 229–239.

Ссылка на полный текст эссе:

https://www.google.ru/books/edition/Philosophical_Provocations/OAQxDwAAQBAJ?hl=ru&gbpv=1&dq

Для цитирования

МакГинн К. Эгоистичные гены и моральные паразиты = McGinn C. *Selfish Genes and Moral Parasites* / пер. с англ. А. В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 127–135. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-127-135.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023 г.

© К. МакГинн

SELFISH GENES AND MORAL PARASITES

The essay raises questions about the origins of altruistic behaviour. A proper understanding of such behaviours must take into account the evidence of our best biological theories, which indicate that in the animal world (including Homo Sapiens Sapiens) there is no place for genuine altruism. What we often mistakenly call 'altruism' is the result of selfish genes.

Keywords: selfishness, altruism, selfish gene, manipulative behavior, foundations of morality.

References

1. Trivers R. L. The Evolution of Reciprocal Altruism // The Quarterly Review of Biology. 1971. Vol. 46, no. 1. P. 35–57. DOI: 10.1086/406755. (In Engl.).
2. Sober E., Wilson D. S. Unto Others: The Evolution and Psychology of Unselfish Behavior. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. 394 p. (In Engl.).
3. West S. A., Griffin A. S., Gardner A. Social Semantics: Altruism, Cooperation, Mutualism, Strong Reciprocity and Group Selection // Journal of Evolutionary Biology. 2007. Vol. 20, no. 2. P. 415–432. DOI: 10.1111/j.1420-9101.2006.01258.x. (In Engl.).
4. Osiński J. Kin Altruism, Reciprocal Altruism and Social Discounting // Personality and Individual Differences. 2009. Vol. 47, no. 4. P. 374–378. DOI: 10.1016/j.paid.2009.04.011. (In Engl.).
5. Segerstrale U. Sociobiology, History of // The Encyclopedia of Evolutionary Biology Vol. 4. / Ed. R. M. Kliman. New York: Academic Press, Elsevier, 2016. P. 140–148. (In Engl.).
6. Hamilton W. D. The Evolution of Altruistic Behavior // The American Naturalist. 1963. Vol. 97, no. 896. P. 354–356. DOI: 10.1086/497114. (In Engl.).
7. Hamilton W. D. The Genetical Evolution of Social Behaviour. I // Journal of Theoretical Biology. 1964. Vol. 7, no. 1. P. 1–16. DOI: 10.1016/0022-5193(64)90038-4. (In Engl.).
8. Hamilton W. D. The Genetical Evolution of Social Behaviour. II // Journal of Theoretical Biology. 1964. Vol. 7, no. 1. P. 17–52. DOI: 10.1016/0022-5193(64)90039-6. (In Engl.).
9. Smith J. M. Group Selection and Kin Selection // Nature. 1964. Vol. 201, no. 4924. P. 1145–1147. DOI: 10.1038/2011145a0. (In Engl.).
10. Foster K. R., Wenseleers T., Ratnieks F. L. W. Kin Selection is the Key to Altruism // Trends in Ecology & Evolution. 2006. Vol. 21, no. 2. P. 57–60. DOI: 10.1016/j.tree.2005.11.020. (In Engl.).
11. Birch J., Okasha S. Kin Selection and Its Critics // BioScience. 2015. Vol. 65, no. 1. P. 22–32. DOI: 10.1093/biosci/biu196. (In Engl.).

12. Williams G. C. Adaptation and Natural Selection: A Critique of Some Current Evolutionary Thought. Princeton: Princeton University Press, 1966. 307 p. (In Engl.).

13. Dawkins R. The Selfish Gene. New York: Oxford University Press, 1976. 224 p. (In Engl.).

14. Dawkins R. The Extended Phenotype: The Long Reach of the Gene. Oxford: Oxford University Press, 1982. 307 p. (In Engl.).

About the translator

NEKHAEV Andrei Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Philosophy Department, Tyumen State University, Tyumen; Research Associate of the Laboratory of Logical and Philosophical Studies, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, RAS, Tomsk.

SPIN-code: 5844-9381

AuthorID (RSCI): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Correspondence address: avnehaev@omgtu.ru

For citations

McGinn C. Selfish Genes and Moral Parasites / trans. from Engl. A. V. Nekhaev // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 127–135. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-127-135.

Received January 09, 2023.

© C. McGinn

УДК 330.341.2

DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-136-146

А. Р. ТЕРЕНТЬЕВА

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

АПРОБАЦИЯ МЕХАНИЗМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАДЕЖНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассмотрено действие каскадной модели механизма экономической надежности на базе процессно-технологического подхода. Для анализа текущего состояния промышленного предприятия установлен обобщенный показатель уровня экономической надежности в динамике за шесть лет с помощью применения функции желательности. Абсолютные показатели по основным процессам промышленного предприятия переведены в безразмерные, и найдены частные показатели желательности. Сопоставление уровня экономической надежности с оценками шкалы желательности Харрингтона отвечает требованиям нахождения обобщенной функции экономической надежности с множеством критериальных показателей. Также проведен анализ потенциального уровня экономической надежности и сопоставлен с фактическим уровнем экономической надежности. Анализ уровня организации обеспечения экономической надежности по организационно-управленческому и производственно-технологическому модулям выявил узкие места промышленного предприятия.

Целью работы является апробация механизма экономической надежности на примере промышленного предприятия. Результатом разработанной методики является формирование механизма экономической надежности на базе процессно-технологического подхода и внедрение данного механизма в хозяйственную деятельность промышленного предприятия.

Полученные результаты могут быть применены на промышленных предприятиях любого масштаба производства и организационно-правовой формы в условиях современной технологической динамики для повышения уровня экономической надежности.

Автор статьи пришел к следующим выводам: внедренный механизм экономической надежности в деятельность промышленного предприятия позволяет выявить узкие места, а также разработать мероприятия по их устранению, тем самым повышая уровень экономической надежности; действие данного механизма должно быть непрерывным, поскольку интенсификация технологической динамики является агрессивным фактором влияния на эффективность, стабильность и устойчивость функционирования промышленного предприятия.

Методическую основу исследования составили общенаучные методы классификации, обобщения, сравнения, анализа.

Ключевые слова: технологическое развитие, экономическая надежность, экономический механизм, промышленное предприятие, цифровая экономика, процессно-технологический подход.

Введение. Понятие экономической надежности появилось сравнительно недавно, однако с переходом на шестой технологический уклад роль данной экономической категории возрастает [1]. Ускоряю-

щаяся технологическая динамика на базе цифровизации [2] видоизменяет современную конкуренцию [3], ускоряет экономические циклы [4] и увеличивает степень неопределенности и риска управленче-

Показатели уровня индикаторов эффективности механизма экономической надежности на «выходе» по основным процессам промышленного предприятия 2016–2021 гг.

Наименование процесса	Наименование индикатора	Наименование показателя уровня индикатора	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Среднее ариф. значение
Маркетинг	Рыночная компонента	Коэффициент рентабельности продаж	0,02	0,03	0,01	0,03	0,03	0,03	0,02
Производство	Технологичность	Коэффициент рентабельности продукции	0,02	0,03	0,01	0,03	0,03	0,03	0,02
Финансы	Обеспеченность финансовыми ресурсами	Коэффициент автономии	0,06	0,05	0,05	0,04	0,06	0,12	0,06
	Кредитоспособность	Коэффициент текущей ликвидности	1,08	1,13	1,15	1,10	1,19	1,29	1,16
	Платежеспособность	Коэффициент отношения дебиторской и кредиторской задолженностей	0,82	0,80	0,73	0,48	0,73	0,89	0,74
Организация	Управление	Коэффициент роста эффективности управления	1,35	1,36	0,84	0,82	0,78	0,92	1,01

Таблица 2

Градации показателей уровня экономической надежности на «выходе» по шкале Харрингтона

Желательность по шкале Харрингтона/уровень ЭН	Наименование показателя						
	Оценка по шкале желательности	Коэф-т рентабельности продаж	Коэф-т рентабельности продукции	Коэф-т автономии	Коэф-т текущей ликвидности	Коэф-т отношения Дт и Кт задолженностей	Коэф-т роста эффективности управления
Отлично/очень надежно	0,8 и более	0,3 и более	0,3 и более	0,6 и более	2,5 и более	2,0 и более	2,0 и более
Хорошо/надежно	0,63 и более	0,2 и более	0,2 и более	0,5 и более	2,0 и более	1,5 и более	1,5 и более
Удовлетворительно/удовлетворительно надежно	0,37 и более	0,1 и более	0,1 и более	0,4 и более	1,5 и более	1,0 и более	1,0 и более
Плохо/ненадежно	0,2 и более	0,05 и более	0,05 и более	0,3 и более	1,0 и более	0,7 и более	0,7 и более
Очень плохо/оч. ненадежно	менее 0,2	менее 0,05	менее 0,05	менее 0,3	менее 1,0	менее 0,7	менее 0,7

ских решений [5], негативные последствия которых нивелируются с помощью механизма экономической надежности.

Постановка задачи. В условиях современной интенсификации научно-технического прогресса необходимо внедрение механизма экономической надежности на базе процессно-технологического подхода, который позволит повысить уровень экономической надежности промышленного предприятия, тем самым обеспечивая стабильное и эффективное функционирование, а также устойчивое технологическое развитие предприятия [6].

Теория экономической надежности. В настоящее время разработано четыре основных теоретических подхода к дефиниции экономической надежности: функциональный (В. Н. Егоров, А. В. Закорюкина, Д. И. Коровин, А. Я. Малышева, Д. А. Маринцев, И. А. Новиков и др. [7]), ресурсный (В. Н. Кабанов, М. Портер, Р. А. Тимофеев, В. И. Эдельман и др. [8, 9]), системный (С. А. Винокурова, А. Л. Колокин,

Е. Ю. Меркулова, М. В. Петров, Ю. А. Шумилова и др. [10]), а также процессный (А. Бьерн, Д. В. Гостяев, В. Г. Елиферов, В. В. Репин, А. Д. Канчавели, М. Хаммер, Дж. Чампи, А. В. Шеер и др. [11–13]) подходы. Поскольку вышеперечисленные подходы не рассматривают фактор современной технологической динамики, существует необходимость разработки современного на базе процессного подхода к формированию механизма экономической надежности [14]. Возможностями процессно-технологического подхода являются формализация и оптимизация бизнес-процессов предприятия, рассмотрение и учет внешних и внутренних факторов, оценка потенциального уровня экономической надежности на «входе» и фактического «на выходе», модулирование механизма экономической надежности, построение обратной оперативной связи для корректировки процессов и системного повышения уровня экономической надежности промышленного предприятия.

Частные и обобщенные показатели желательности промышленного предприятия 2016–2021 гг., характеризующие уровень экономической надежности

Наименование процесса	Наименование индикатора	Наименование показателя уровня индикатора	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Среднее ариф. значение
Маркетинг	Рыночная компонента	Коэффициент рентабельности продаж	0,16	0,19	0,14	0,19	0,19	0,19	0,18
Производство	Технологичность	Коэффициент рентабельности продукции	0,16	0,19	0,14	0,19	0,19	0,19	0,18
Финансы	Обеспеченность финансовыми ресурсами	Коэффициент автономии	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	Кредитоспособность	Коэффициент текущей ликвидности	0,16	0,18	0,19	0,16	0,21	0,26	0,19
	Платежеспособность	Коэффициент отношения дебиторской и кредиторской задолженностей	0,27	0,26	0,23	0,12	0,23	0,31	0,24
Организация	Управление	Коэффициент роста эффективности управления	0,56	0,56	0,28	0,27	0,25	0,33	0,38
Обобщенный показатель экономической надежности			0,04	0,03	0,03	0,02	0,03	0,08	0,04

Таблица 4

Индикаторы обеспечения механизма экономической надежности на «входе» промышленного предприятия

Наименование ресурса на «входе»	Наименование индикатора	Наименование показателя уровня индикатора	Значение
Персонал	Заккрытие вакансий	Коэффициент закрытия вакансий	0,80
	Текущность кадров	Коэффициент текучести	0,04
	Управление персоналом	Степень отлаженности бизнес-процесса управления персоналом	3,26
Информация	Единое информационное пространство	Степень внедрения единого информационного пространства	4,65
	Автоматизация информационных процессов	Степень автоматизации информационных процессов	3,71
	Обратная связь от внешних и внутренних потребителей	Уровень получения обратной связи внешних и внутренних потребителей	3,78
Финансы	Обеспеченность финансовыми ресурсами на «входе»	Коэффициент автономии	0,12
		Коэффициент покрытия процентов	2,24
		Коэффициент обеспеченности собственными средствами	0,12
	Бюджетирование	Степень внедрения бюджетирования	3,68
Поставщики	Выполнение договорных обязательств	Коэффициент выполнения договорных обязательств	0,05
	Аудит поставщиков	Степень внедрения аудита поставщиков	2,38
Инфраструктура	Эффективность использования оборудования	Коэффициент механовооруженности	3,9
		Коэффициент механооснащенности	0,00
		Коэффициент технологической структуры ОПФ	—
		Коэффициент годности	0,01
	Эффективность использования помещений/зданий	Коэффициент фондовооруженности	—
		Коэффициент фондоемкости	—

Инструментами процессно-технологического подхода являются индикаторная оценка уровня экономической надежности «на входе» и «на выходе», оценка уровня организации обеспечения экономической надежности на основе организационно-управленческого и производственно-технологического модулей, а также каскадная модель механизма экономической надежности промышленного предприятия.

Результаты экспериментов. Рассматриваемое промышленное предприятие функционирует более 14 лет и является крупным промышленным пред-

Градация показателей уровня индикаторов обеспечения экономической надежности на «входе» по шкале Харрингтона

Желательность по шкале Харрингтона	Наименование показателя									
	Оценка по шкале желательности	Коэф-т закрытия вакансий	Коэф-т текущей	Коэф-т автономии	Коэф-т покрытия процентов	Коэф-т обеспеченности собственными средствами	Коэф-т выполнения договорных обязательств	Коэф-т механово-оуженности	Коэф-т механооснащенности	Коэф-т годности
Отлично	0,8 и более	0,85 и более	0,04 и менее	0,6 и более	3 и более	0,1 и более	0,05 и менее	210 и более	0,05 и более	0,7 и более
Хорошо	0,63 и более	0,75 и более	0,06 и менее	0,5 и более	2,5 и более	0,07 и более	0,1 и менее	150 и более	0,04 и более	0,5 и более
Удовлетворительно	0,37 и более	0,65 и более	0,09 и менее	0,4 и более	2 и более	0,04 и более	0,15 и менее	120 и более	0,03 и более	0,4 и более
Плохо	0,2 и более	0,55 и более	0,12 и менее	0,3 и более	1,5 и более	0,01 и более	0,2 и менее	90 и более	0,02 и более	0,3 и более
Очень плохо	менее 0,2	менее 0,55	0,12 и более	менее 0,3	менее 1,5	менее 0,01	0,2 и более	менее 90	менее 0,02	менее 0,3

приятием по производству пластиковых окон, дверей, а также алюминиевых конструкций высокого качества, соответствующих международным стандартам, в городе Омске.

Необходимо провести оценку экономической надежности данного промышленного предприятия по основным бизнес-процессам, а также обобщенного показателя экономической надежности (табл. 1 – 3).

Итак, коэффициенты рентабельности продаж и продукции, коэффициент автономии соответствуют критически низким значениям. Коэффициенты текущей ликвидности и отношения дебиторской и кредиторской задолженностей соответствуют минимальным значениям, исключением для характеристики последнего коэффициента является 2019 год, когда его значение упало до 0,48, что соответствует критически низкому значению данного показателя. Среднеарифметическое значение коэффициента роста эффективности управления соответствует удовлетворительному уровню. Рассмотрим соотношение уровня экономической надежности «на выходе» и желательность по шкале Харрингтона в разрезе показателей (табл. 2). Для определения обобщенного показателя экономической надежности необходимо данные показатели перевести в безразмерные величины и затем в частные показатели желательности для нахождения обобщенного показателя (табл. 3).

Необходимо отметить, что обобщенный показатель экономической надежности соответствует уровню «очень плохо» по шкале желательности Харрингтона на протяжении 6 лет, что означает необходимость внедрения механизма экономической надежности во избежание банкротства промышленного предприятия, поскольку значение уровня экономической надежности критически низкое.

С помощью индикаторов обеспечения механизма экономической надежности на «входе» проведем оценку потенциальной экономической надежности и выявим «узкие» места. Поскольку не все показатели уровня индикаторов могут быть рассчитаны в абсолютных и относительных величинах, необходимо использовать метод экспертных оценок.

Сводная табл. 4 индикаторов обеспечения механизма экономической надежности на «входе» представлена ниже.

Поскольку на балансе данного промышленного предприятия отсутствуют пассивные основные производственные фонды в виде зданий, сооружений и прочего, то некоторые показатели будут опущены из расчета.

Рассмотрим соотношение уровня экономической надежности «на входе» и желательность по шкале Харрингтона в разрезе показателей (табл. 5).

Составив уравнения зависимостей для показателей, имеющих общепринятые нормативы, необходимо рассчитать безразмерные показатели уровней индикаторов обеспечения экономической надежности на «входе». Показатели уровня индикаторов, рассчитанные методом экспертных оценок, легко переводятся в частные показатели желательности по шкале Харрингтона, разделив их на эталонное значение баллов. Далее необходимо найти частные и обобщенные показатели обеспечения экономической надежности на «входе» по шкале желательности Харрингтона (табл. 6).

Потенциальный уровень экономической надежности «на входе» выше на 0,02 пункта, чем средний

Таблица 6

**Частные и обобщенные показатели индикаторов обеспечения экономической надежности
на «входе» промышленного предприятия**

Наименование ресурса на «входе»	Наименование индикатора	Наименование показателя уровня индикатора	Значение
Персонал	Заккрытие вакансий	Коэффициент закрытия вакансий	0,72
	Текущность кадров	Коэффициент текучести	0,80
	Управление персоналом	Степень отлаженности бизнес-процесса управления персоналом	0,65
Информация	Единое информационное пространство	Степень внедрения единого информационного пространства	0,93
	Автоматизация информационных процессов	Степень автоматизации информационных процессов	0,74
	Обратная связь от внешних и внутренних потребителей	Уровень получения обратной связи внешних и внутренних потребителей	0,76
Финансы	Обеспеченность финансовыми ресурсами на «входе»	Коэффициент автономии	0,00
		Коэффициент покрытия процентов	0,50
		Коэффициент обеспеченности собственными средствами	0,87
	Бюджетирование	Степень внедрения бюджетирования	0,74
Поставщики	Выполнение договорных обязательств	Коэффициент выполнения договорных обязательств	0,80
	Аудит поставщиков	Степень внедрения аудита поставщиков	0,48
Инфраструктура	Эффективность использования оборудования	Коэффициент механовооруженности	0,00
		Коэффициент механооснащенности	0,00
		Коэффициент годности	0,00
Обобщенный показатель экономической надежности			0,08

Таблица 7

Балльная оценка критериев уровня организации обеспечения экономической надёжности на промышленном предприятии

Элементы блока устойчивого технологического развития	Эксперт № п/п					Средне-ариф. значение
	1	2	3	4	5	
Внутренняя политика устойчивого технологического развития	0,30	0,20	0,00	0,40	0,00	0,18
Корпоративная культура, ориентированная на технологическое развитие	0,80	0,50	0,90	0,50	0,70	0,68
Эффективная система мотивации	1,00	1,00	0,60	1,00	1,00	0,92
Организационная структура, позволяющая внедрять новые технологии	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
Бизнес-процессы	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
Стадия жизненного цикла товара	0,50	1,00	1,00	0,60	1,00	0,82
Маркетинговые исследования	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
Производственно-технологическая стратегия	0,60	0,50	0,80	0,50	0,40	0,56
Патент	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Коммерциализации инноваций	1,00	1,00	0,70	1,00	0,50	0,84
ИТОГО баллов						7,00

уровень обобщенного показателя экономической надежности за 6 лет. Однако в 2021 году обобщенный показатель экономической надежности возрос до значения потенциального. По данным таблицы можно сделать вывод, что инфраструктура как ресурс «на входе» наиболее отрицательно влияет

на обобщенный показатель экономической надежности. Также необходимо оценить уровень организации обеспечения экономической надежности на данном промышленном предприятии (табл. 7).

Выявлено, что у данного промышленного предприятия пассивный уровень организации обеспе-

Программа производственно-технологического развития промышленного предприятия на 2023–2025 гг.

№ п/п	Оборудование, подлежащее замене	Ликвидационная стоимость, руб.	Оборудование для перевооружения	Стоимость капитальных вложений, руб.
1	Центр для резки ПВХ профиля	1 500 000	Центр обработки и распила с шуруповертом ЧПУ KAVAN FA 1070	17 800 00
2	Ленточная пила для резки металла	50 000		
3	Обрабатывающий фрезерно-сверлильный центр	1 300 000		
4	Автоматический свинчивающий агрегат	800 000		
5	Станок для фрезерования торцов импоста	150 000		
6	Станция установки фурнитуры	200 000		

Таблица 9

Прогнозный отчет о финансовых результатах (прибылях и убытках) промышленного предприятия до 2025 г. в динамике

Наименование показателя	2021	2023	2024	2025
Выручка	88948	177896	246844	355792
Себестоимость	83 811	160724	215286	303750
Валовая прибыль	5 137	17172	31558	52042
Коммерческие расходы	2 463	6910	10358	15805
Прибыль от продаж	2 674	10262	21200	36237
Проценты к уплате	0	5315	5392	4931
Прочие доходы	0	4000	0	0
Прочие расходы	450	3120	1450	1450
Прибыль до налогообложения	2 224	5827	14358	29856
Налог на прибыль	445	1165	2872	5971
Чистая прибыль	1 779	4661	11486	23885

чения экономической надежности, не направлен на устойчивое технологическое развитие, что соответствует неудовлетворительно низкому уровню экономической надежности. Также можно сделать вывод, что наиболее низкий балл у следующих элементов блока устойчивого технологического развития: внутренняя политика устойчивого технологического развития, производственно-технологическая стратегия и наличие патентов у данного промышленного предприятия.

Можно сказать, что у промышленного предприятия на данный момент нет основных предпосылок для формирования внутренней среды, способствующей внедрению новых технологий, поскольку несформированная политика устойчивого технологического развития и производственно-технологическая стратегия способствуют непониманию руководства и всего коллектива о дальнейших перспективах деятельности.

На промышленном предприятии в соответствии с проведенным анализом была разработана и внедрена внутренняя политика устойчивого технологического развития, которая определяет совокупность принципов и правил действий по технологическому развитию Общества.

Внутренняя политика содержит анализ текущей ситуации, основные тенденции и перспективы, целевые ориентиры, принципы реализации политики

в области устойчивого технологического развития, а также управление рисками.

На основе данной политики предложена стратегия производственно-технологического развития, составлен перечень мероприятий и план по реализации данной программы. Целевое значение обобщенного показателя экономической надежности на «выходе» установлено 0,40, соответствующее удовлетворительному уровню экономической надежности промышленного предприятия.

На основе внутренней политики и стратегии разработана программа производственно-технологического развития (табл. 8).

Данная автоматизированная линия позволит повысить производительность в четыре раза, а также минимизировать отходы путем программной оптимизации распила материала, что позволит снизить себестоимость продукта в среднем на 10 %.

Поскольку сварочный автомат и зачистной автомат применяются только для производства ПВХ изделий и не используются при производстве изделий из стеклокомпозита и алюминия, было принято решение станки поддерживать в текущем состоянии при сохранении той же производительности, а товарооборот увеличить благодаря исключительной лицензии в регионе СФО на изделия из стеклокомпозита. При этом численность штата сокращаться не будет: высвободившиеся рабочие,

Прогнозный бухгалтерский баланс промышленного предприятия до 2025 г. в динамике

Наименование показателя	2021	2023	2024	2025
АКТИВ				
I. ВНЕОБОРОТНЫЕ АКТИВЫ				
Основные средства	78	16170	14390	12610
Итого по разделу I	78	16170	14390	12610
II. ОБОРОТНЫЕ АКТИВЫ				
Запасы	24 375	49486	61275	73835
НДС по приобретенным ценностям	72	0	0	0
Дебиторская задолженность	73 567	63 567	53567	43567
Финансовые вложения	18 930	0	0	0
Денежные средства и денежные эквиваленты	100	100	100	100
Прочие оборотные активы	2 572	0	0	0
Итого по разделу II	119 616	113 153	114 942	117 502
БАЛАНС	119 694	129 323	129 332	130 112
ПАССИВ				
III. КАПИТАЛ И РЕЗЕРВЫ				
Уставный капитал	10	10	10	10
Добавочный капитал	0	10000	10000	10000
Нераспределенная прибыль	14426	19087	26712	38311
Итого по разделу III	14436	29097	36722	48321
IV. ДОЛГОСРОЧНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА				
Заемные средства	12193	22087	17464	12420
Итого по разделу IV	12193	22087	17464	12420
V. КРАТКОСРОЧНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА				
Заемные средства	9940	14914	22021	26346
Кредиторская задолженность	83125	63125	53125	43125
Итого по разделу V	93065	78039	75146	69471
БАЛАНС	119694	129223	129332	130212

занятые на оборудовании резки, фрезерования и свинчивания, будут переведены в монтажную бригаду.

Поскольку при использовании монтажных пен ускоренной технологии, монтаж будет производиться в течение рабочей смены, что сократит также и количество выездов на один и тот же объект, высвободит рабочую силу для монтажа других объектов.

Отчет о финансовых результатах и бухгалтерский баланс в динамике до 2025 г. приведены в табл. 9–10.

В 2023 году планируется восстановление выручки до уровня 2020 года (200 286 тысяч рублей), а в 2024–2025 годах выход на регион СФО (Новосибирск, Томск, Барнаул, Кемерово, Красноярск). При этом возрастают коммерческие расходы, поскольку лицензионным договором предусмотрено вознаграждение лицензиару ООО «Стеклопластик» в размере 5 % от выручки изделий из стеклокомпозита.

Данное оборудование приобретается через льготный лизинг с регрессивным графиком погашения при поддержке корпорации МСП (годовая выручка менее 800 млн руб.; численность работников менее 100 человек). Ставка для импортного оборудования от 3 млн рублей 8 % годовых с первоначальным взносом 15 % на 36 месяцев.

Прочими доходами за 2023 год является продажа высвободившегося оборудования по ликвидационной стоимости.

По балансу видно, что валюта баланса увеличивается, что говорит о расширении объема хозяйственной деятельности промышленного предприятия. Однако необходимо проанализировать более детально, достигаются ли целевые показатели деятельности, в том числе соответствует ли данное положение промышленного предприятия удовлетворительному уровню экономической надежности (табл. 11).

Несмотря на некоторые колебания прогнозных показателей от целевых, обобщенный показатель

Прогнозные значения показателей уровня индикаторов эффективности механизма экономической надежности на «выходе» по основным процессам промышленного предприятия на 2025 г.

Наименование процесса	Наименование индикатора	Наименование показателя уровня индикатора	Прогнозное значение показателя	Прогнозное значение безразмерного показателя	Прогнозное значение частного показателя ЭН
Маркетинг	Рыночная компонента	Коэффициент рентабельности продаж	0,10	0,02	0,36
Производство	Технологичность	Коэффициент рентабельности продукции	0,10	0,00	0,37
Финансы	Обеспеченность финансовыми ресурсами	Коэффициент автономии	0,37	-0,20	0,29
	Кредитоспособность	Коэффициент текущей ликвидности	1,69	0,30	0,48
	Платежеспособность	Коэффициент отношения дебиторской и кредиторской задолженностей	1,01	0,03	0,38
Организация	Управление	Коэффициент роста эффективности управления	1,46	0,69	0,61
Обобщенный показатель экономической надежности					0,40

экономической надежности достигнет уровня удовлетворительно по шкале Харрингтона в 2025 году, и будет, соответственно, равен 0,40.

Заключение и выводы. В данной статье проведена апробация механизма экономической надежности, разработанного на базе процессно-технологического подхода.

В результате анализа и сопоставления потенциального и фактического уровня экономической надежности, а также определения уровня организации обеспечения экономической надежности промышленного предприятия предложена производственно-технологическая стратегия с конкретными мероприятиями, которые позволяют промышленному предприятию выйти на более высокий уровень экономической надежности в ближайшие три года.

Библиографический список

1. Яковлева Е. В., Терентьева А. Р. Формирование подхода к исследованию экономической надежности интеллектуальной инфраструктуры технологического развития промышленных предприятий // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 3. С. 122–128. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-122-128.
2. Грицунова С. В., Седых Ю. А., Высоцкая Т. А. Цифровизация и её влияние на бизнес-процессы предпринимательских структур // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 10-1. С. 34–38.
3. Муталимов В. А. Совершенствование механизма конкуренции в условиях глобализации // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: общественные науки. 2018. Т. 33, № 2. С. 27–31. DOI: 10.21779/2500-1930-2018-33-2-27-31.
4. Фролов И. Э. Усложнение глобальной экономики, кризис и инновационная пауза // Кондратьевские волны. 2018. № 6. С. 127–154.
5. Кепп Н. В. Подрывные и поддерживающие инновации: сущность, особенности, тенденции развития // Организатор производства. 2018. Т. 26, № 2. С. 41–52. DOI: 10.25065/1810-4894-2018-26-2-41-52.
6. Терентьева А. Р. Управление промышленным предприятием на базе механизма экономической надежности как основа стратегии устойчивого развития в условиях современной технологической динамики // Управление инновационными и инвестиционными процессами и изменениями в условиях цифровой экономики. 2021. С. 333–340.
7. Егоров В. Н., Коровин Д. И. Функциональный подход к изучению экономических проблем надежности производства // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5, № 3-4 (17-18). С. 9–28.
8. Porter M. E. The five competitive forces that shape strategy // Harvard Business Review. 2008. Vol. 86 (1). P. 78–93.
9. Исмаилова Р. Ш., Тимофеев Р. А. Повышение конкурентоспособности предприятий // Теоретические и прикладные вопросы экономики, управления и образования. 2022. С. 175–178.
10. Меркулова Е. Ю., Смирнов Д. А. Инновации как средство повышения конкурентоспособности предприятия // Теория и практика управления социально-экономическими системами: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 218–223.
11. Bjorn A. Business process improvement toolbox. Milwaukee, Wisconsin: ASQ Quality Press, 2007. 312 p.
12. Hammer M., Champy J. Reengineering the Corporation: A Manifesto for Business Revolution. New York: NY Harper Business, 2007. 272 p.
13. Scheer A-W. Industrie 4.0 — Wie sehen Produktionsprozesse im Jahr 2020 aus? Saarbrücken: IMC AG, 2013. 76 s.

14. Дыкман Е. С. Процессный подход как решающий фактор при цифровой трансформации предприятия // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2019. № 1 (21). С. 37–44.

ТЕРЕНТЬЕВА Анастасия Романовна, аспирант кафедры «Менеджмент и сервис» Омского государственного технического университета, г. Омск.

SPIN-код: 9443-8875

AuthorID (РИНЦ): 1066873

Адрес для переписки: pandorra88@mail.ru

Для цитирования

Терентьева А. Р. Апробация механизма экономической надежности на примере промышленного предприятия // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 136–146. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-136-146.

Статья поступила в редакцию 14.10.2022 г.

© А. Р. Терентьева

APPROBATION OF THE MECHANISM OF ECONOMIC RELIABILITY ON THE EXAMPLE OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

The article considers the operation of the cascade model of the mechanism of economic reliability based on the process-technological approach. To analyze the current state of an industrial enterprise, a generalized indicator of the level of economic reliability in dynamics over six years has been established using the desirability function. Absolute indicators for the main processes of an industrial enterprise have been translated into dimensionless ones, and partial indicators of desirability have been found. Comparing the level of economic reliability with the estimates of the Harrington desirability scale meets the requirements of finding a generalized economic reliability function with a set of criteria indicators. An analysis of the potential level of economic reliability was also carried out and compared with the actual level of economic reliability. The analysis of the level of organization of ensuring economic reliability by organizational-managerial and production-technological modules revealed the bottlenecks of an industrial enterprise.

The purpose of the work is to test the mechanism of economic reliability on the example of an industrial enterprise. The result of the developed methodology is the formation of a mechanism of economic reliability based on the process-technological approach and the introduction of this mechanism into the economic activity of an industrial enterprise.

The results obtained can be applied at industrial enterprises of any scale of production and organizational and legal form in the conditions of modern technological dynamics to increase the level of economic reliability.

The author of the article came to the following conclusions: the implemented mechanism of economic reliability in the activity of an industrial enterprise allows identifying bottlenecks, as well as developing measures to eliminate them, thereby increasing the level of economic reliability; the action of this mechanism should be continuous, since the intensification of technological dynamics is an aggressive factor influencing the efficiency, stability and sustainability of the functioning of an industrial enterprise.

The methodological basis of the study was made up of general scientific methods of classification, generalization, comparison, analysis.

Keywords: technological development, economic reliability, economic mechanism, industrial enterprise, digital economy, process-technological approach.

References

1. Yakovleva E. V., Terentyeva A. R. Formirovaniye podkhoda k issledovaniyu ekonomicheskoy nadezhnosti intellektual'noy infrastruktury tekhnologicheskogo razvitiya promyshlennykh predpriyatiy [Formation of approach to research of economic reliability of intellectual infrastructure of technological development of industrial enterprises] // Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5, no. 3. P. 122–128. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-122-128. (In Russ.).
2. Gritsunova S. V., Sedykh Yu. A., Vysotskaya T. A. Tsifrovizatsiya i eya vliyaniye na biznes-protsessy predpriyatel'skikh struktur [Digitalization and its impact on business processes of business structures] // Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2019. No. 10-1. P. 34–38. (In Russ.).

3. Mutalimov V. A. Sovershenstvovaniye mekhanizma konkurentsii v usloviyakh globalizatsii [Improving the mechanism of competition under of globalisation] // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennyye nauki. *Herald of Dagestan State University Series 3. Social Sciences*. 2018. Vol. 33, no. 2. P. 27–31. (In Russ.).
4. Frolov I. E. Uslozhneniye global'noy ekonomiki, krizis i innovatsionnaya pauza [The increasing complexity of the global economy, the crisis and the innovation pause] // Kondrat'yevskiy volny. *Kondratieff Waves*. 2018. No. 6. P. 127–154. (In Russ.).
5. Kepp N. V. Podryvnyye i podderzhivayushchiye innovatsii: sushchnost', osobennosti, tendentsii razvitiya [Disruptive and sustaining innovations: essentials, details, development trend] // Organizator proizvodstva. *Organizer of Production*. 2018. Vol. 26, no. 2. P. 41–52. DOI: 10.25065/1810-4894-2018-26-2-41-52. (In Russ.).
6. Terentyeva A. R. Upravleniye promyshlennym predpriyatiem na baze mekhanizma ekonomicheskoy nadezhnosti kak

osnova strategii ustoychivogo razvitiya v usloviyakh sovremennoy tekhnologicheskoy dinamiki [Management of an industrial enterprise on the basis of an economic reliability mechanism as a basis for a sustainable development strategy in context of modern technological dynamics] // *Upravleniye innovatsionnymi i investitsionnymi protsessami i izmeneniyami v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki. Managing Innovation, Investment and Change in the Digital Economy*. 2021. P. 333–340. (In Russ.).

7. Egorov V. N., Korovin D. I. Funktsional'nyy podkhod k izucheniyu ekonomicheskikh problem nadezhnosti proizvodstva [A functional approach to a study of economic problems of production reliability] // *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. Personality. Culture. Society*. 2003. Vol. 5, no. 3-4 (17-18). P. 9–28. (In Russ.).

8. Porter M. E. The five competitive forces that shape strategy // *Harvard Business Review*. 2008. Vol. 86 (1). P. 78–93. (In Engl.).

9. Ismagilova R. Sh., Timofeyev R. A. Povysheniye konkurentosposobnosti predpriyatiy [Improving the competitiveness of enterprises] // *Teoreticheskiye i prikladnyye voprosy ekonomiki, upravleniya i obrazovaniya. Theoretical and Applied Issues of Economics, Management and Education*. 2022. P. 175–178. (In Russ.).

10. Merkulova E. Yu., Smirnov D. A. Innovatsii kak sredstvo povysheniya konkurentosposobnosti predpriyatiya [Innovation as a means of increasing enterprise competitiveness] // *Teoriya i praktika upravleniya sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami. Theory and Practice of Managing Socio-Economic Systems*. 2019. P. 218–223. (In Russ.).

11. Bjorn A. Business process improvement toolbox. Milwaukee, Wisconsin: ASQ Quality Press, 2007. 312 p. (In Engl.).

12. Hammer M., Champy J. Reengineering the Corporation: A Manifesto for Business Revolution. New York: NY Harper Business, 2007. 272 p. (In Engl.).

13. Scheer A-W. Industrie 4.0 — Wie sehen Produktionsprozesse im Jahr 2020 aus? Saarbrücken: IMC AG, 2013. 76 s. (In Germ.).

14. Dykman E. S. Protsessnyy podkhod kak reshayushchiy faktor pri tsifrovoy transformatsii predpriyatiya [The process approach as a decisive factor in digital enterprise transformation] // *Aktual'nyye problemy ekonomiki i menedzhmenta [Current Economic and Management Problems]*. 2019. No. 1 (21). P. 37–44. (In Russ.).

TERENTYEVA Anastasiya Romanovna, Postgraduate Student of Economics and Labor Management Department, Omsk State Technical University, Omsk. SPIN-code: 9443-8875

AuthorID (RSCI): 1066873

Correspondence address: pandorra88@mail.ru

For citations

Terentyeva A. R. Approbation of the mechanism of economic reliability on the example of an industrial enterprise // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 136–146. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-136-146.

Received October 14, 2022.

© **A. R. Terentyeva**

